

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования

«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Илюшин Борис Анатольевич

**ВОЕННОЕ ДЕЛО СЛУЖИЛЫХ ТАТАР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
СЕРЕДИНЫ XV–XVII ВВ.**

Специальность **07.00.06** – Археология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
Леонид Александрович Бобров

Новосибирск – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. История изучения материалов по военному делу служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.	14
1.1. Изучение материалов по военному делу служилых татар во второй половине XIX – 70-е гг. XX вв.	14
1.2. Изучение материалов по военному делу служилых татар в 80-х гг. XX в. – начале XXI в.	17
Глава II. Источниковая база по военному делу служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.	29
2.1. Вещественные источники.	29
2.2. Письменные источники.	35
2.3. Изобразительные источники.	48
2.4. Особенности источниковой базы по военному делу служилых татар.....	51
Глава III. Комплекс вооружения служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.	55
3.1. Источники поступления вооружения служилым татарам.....	55
3.2. Оружие дистанционного боя.....	60
3.3. Оружие ближнего боя.....	91
3.4. Защитное вооружение.....	118
3.5. Эволюция комплекса вооружения служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.	146
Глава IV. Военная организация, тактика и военная стратегия служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.	152
4.1. Военная организация служилых татар и их место вооружённых силах Российского государства середины XV–XVII вв.....	152
4.2. Основные тактические приёмы служилых татар Российского государства XV–XVII вв.....	168

4.3. Служилые татары в тактическом искусстве военачальников Российского государства XV–XVII вв.	180
4.4. Служилые татары в военной стратегии Российского государства середины XV–XVII вв.	185
Заключение	205
Список сокращений	214
Список использованных источников и литературы	215
Приложения	239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Войны и военное искусство сыграли важную роль в процессе становления и развития человеческой цивилизации в эпоху Древности, Средневековья и Нового времени. На протяжении многих столетий армия являлась одним из ключевых общественных институтов государства, опорой правящей элиты и главным инструментом в осуществлении политики прямого военного воздействия. В истории Московского государства XV–XVII вв. роль армии проявилась особенно ярко. Становление молодой державы происходило в обстановке почти перманентных вооруженных конфликтов с восточными, южными и западными соседями. Не удивительно, что в данных условиях, важнейшее место в социальной структуре Московии заняли, так называемые «служилые люди» – лица, несшие военную или административную службу в пользу государства. Одной из категорий служилых людей Московского государства XV–XVII вв., сыгравшей важную роль в эволюции российского военного искусства периода позднего Средневековья и раннего Нового времени, являлись служилые татары (тат. *йомышлы татарлар*).

В представленной диссертации под служилыми татарами понимается особая этносословная группа служилых людей Российского государства XV–XVII вв., имеющая преимущественно татарско-ногайское этническое происхождение, чья служба была наследственной и базировалась в первую очередь на феодальных земельных пожалованиях со стороны государства.¹

На протяжении рассматриваемого периода отряды служилых татар играли важную роль в войнах, которые вела Московия. С их непосредственным участием связаны победы московских армией над новгородцами в XV в., крымскими татарами и ногаями в XVI – середине XVII вв., сибирским ханом Кучумом в 1598 г. и др. Активное участие служилые татары приняли в войнах с Литвой и Большой

---

¹ В работе не рассматриваются (за исключением специально оговоренных случаев) данные о военном деле тюркского населения Российского государства, не включенного в состав служилых сословий.

ордой, Ливонской войне 1558–1583 гг., военных конфликтах с Речью Посполитой, покорении Сибири, а также обороне новых зауральских владений Москвы от нападений кочевников Центральной Азии.

Первые научные работы, посвященные российским служилым татарам, появились еще в XIX в. Однако длительное время главным объектом внимания исследователей оставались вопросы, связанные с социально-экономическим и правовым положением, а также событийной историей служилых татар. При этом военное дело европейских групп служилых татар долгое время не привлекало к себе должного внимания археологов, военных историков и оружейников. Тема эволюции военного искусства служилых татар Российского государства и вовсе ни разу не становилось объектом специального научного исследования, основанного на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников. Вплоть до настоящего времени не систематизированы вещественные (в том числе археологические) материалы по вооружению служилых татар, не проанализированы профильные изобразительные и письменные источники. Данная ситуация крайне негативно сказывается на изучении военной истории инородческих контингентов российской армии середины XV–XVII вв., а также военного дела Российского государства позднего Средневековья и раннего Нового времени в целом. Таким образом, обращение к теме изучения военного дела служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. представляется весьма актуальной научной задачей.

Степень разработанности темы. Анализ литературы по теме исследования, произведённый в главе I, показал слабую разработанность вопросов, связанных с военным делом европейских групп служилых татар. Вплоть до недавнего времени данная тема не становилась объектом самостоятельного научного исследования, основанного на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников. Лишь в ряде работ общеисторического характера были затронуты отдельные аспекты военного дела служилых татар европейской части России, связанные с их военной организацией, численностью и видами военной службы. Военное искусство служилых татар

Западной Сибири исследовано значительно лучше. Так, в частности, сибирскими археологами были собраны и систематизированы материалы вещественных источников по вооружению воинов региона. В целом собранная нами и нашими предшественниками источниковая база достаточно представительна и разнообразна. Имеющиеся материалы позволяют детально рассмотреть военное дело служилых татар XV–XVII в. на основании комплексного анализа различных групп источников.

Цели и задачи исследования. Цель работы – на основе комплексного анализа различных видов источников выделить особенности военного дела служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. и проследить его эволюцию на протяжении указанного исторического периода. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть работы по военному делу служилых татар, чтобы оценить степень его изученности.
2. Рассмотреть основные виды источников по теме (вещественные, письменные, изобразительные), чтобы оценить достаточность имеющейся источниковой базы для реконструкции оружейного комплекса служилых татар, а также их тактики и военной организации.
3. Установить основные источники поступления предметов вооружения служилым татарам Российского государства.
4. Систематизировать и провести типологический анализ предметов вооружения, реконструировать оружейный комплекс служилых татар и проследить его эволюцию на протяжении рассматриваемого исторического периода.
5. Выделить особенности военной организации служилых татар и их место в вооружённых силах Российского государства
6. Выявить особенности тактики ведения боя служилых татар, а также их место в тактическом искусстве военачальников Российского государства середины XV–XVII вв.

7. Определить место служилых татар в военной стратегии Российского государства середины XV–XVII вв.

Объектом исследования является военное дело служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. и его эволюция на протяжении данного исторического периода.

В качестве **предмета** исследования выступают такие отрасли военного дела, как защитное и наступательное вооружение, тактика, военная организация служилых татар.

Территориальные рамки работы. В работе исследуются материалы по военному делу служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. (с учетом расширения его границ). Территориально служилые татары разделяются прежде всего на сибирских и европейских. В европейской части Московии имелось несколько устойчивых территориальных служилых корпораций татар, фактическими или условными центрами которых были Касимов, Алатырь, Арзамас, Темников, Кадом, Романов. Также существовали служилые татары цненские, новгородских пятин, уфимские, московских городов, боровские и др. В Сибири центрами таких корпораций были гг. Томск, Тюмень, Тара. Таким образом, максимальные территориальные границы работы включают европейскую часть России от Новгорода на северо-западе до лесостепного пограничья на юге и юго-востоке (Темников, Алатырь и др.), и лесостепную часть Западной Сибири до Среднего Приобья на востоке.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница определяется по первому появлению на великокняжеской службе значительных татарских контингентов (отряд царевичей Касима и Якуба, образование так называемого Касимовского ханства – 1445 г.), положивших начало служилым татарам как значительному по численности слою служилых людей.

Верхняя хронологическая граница (конец XVII в.) определяется началом масштабных военных реформ Петра Великого, кардинальным образом изменивших облик вооруженных сил Российского государства.

Методология и методика исследования. Методология диссертации базируется на главных принципах исторического познания: принципах объективности, историзма, последовательности научного знания, системном подходе.

Научная объективность заключается в анализе всех доступных источников.

Принцип историзма проявляется в данном случае в том, что военное дело служилых татар рассматривается в контексте общей эволюции военного дела народов западной Евразии.

Последовательность научного знания заключается в логичности построения исследования, исключении противоречий, в стремлении к минимизации исходных посылок.²

Системный подход в данном исследовании проявляется в том, что изучаемые предметы вооружения, тактика, военная организация рассматриваются как части (элементы) целостного образования (военного дела служилых татар). Взаимодействуя друг с другом, эти элементы определяют новые (интегративные) свойства всей системы, которыми обладает система как целое, но которые отсутствуют у её отдельных элементов.³ При этом каждый такой элемент обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. Системный подход в сфере изучения военного дела кочевых народов Евразии был реализован в работах Ю.С. Худякова⁴, М.В. Горелика⁵, Л.А. Боброва⁶ и др.

Кроме того, в рамках системного подхода нами были использованы отдельные положения диффузионизма и эволюционизма.

---

² Рузавин, Г.И. Методология научного исследования: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – С. 7.

³ Там же, С. 272.

⁴ Худяков, Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1980. – 176 с.

⁵ Горелик, М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. / М.В. Горелик // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – С. 244–269.

⁶ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 774 с.

Поскольку изменения культуры и её отдельных элементов связаны с такими явлениями, как заимствование, перенос и смешение, в диссертации нами были использованы некоторые положения диффузионизма, объясняющего культурное многообразие разнообразными контактами между группами людей и распространением отдельных элементов культуры из мест их возникновения на большие расстояния. При исследовании обозначенной темы это проявляется в том, что наиболее совершенные виды вооружения и тактические приёмы, первоначально получившие развитие на определенной территории, быстро распространялись в соседние регионы, дополняя или замещая местные аналоги (так, оружейный комплекс народов Восточной Европы и Западной Сибири в исследуемое время состоял в значительной степени из предметов вооружения, имеющих османское, иранское и среднеазиатское происхождение).

Некоторые положения эволюционизма (наследственность и изменчивость) также использовались при рассмотрении как отдельных видов вооружения, так и оружейного комплекса и его эволюции в целом.

Изучение военного дела служилых татар осуществлено путём систематизации имеющихся данных, привлечения аналогий по другим родственным этническим группам степной зоны и служилым людям Российского государства.

Методика обработки источников определялась задачами исследования и типом источника. При анализе и интерпретации материалов применялись сравнительно-исторический метод и метод исторической реконструкции. Сравнительно-исторический метод позволил определить аналогии отдельным типам вооружения служилых татар у соседних народов и выявить вероятный облик элементов оружейного комплекса служилых татар, экземпляры которых до нас не дошли, но которые были схожи на обширных пространствах Западной Евразии того периода. Для воссоздания оружейного комплекса и тактики использован метод исторической реконструкции.

Источниковая база исследования. Исследование построено на анализе нескольких групп источников.

1. Вещественные материалы представлены предметами вооружения из археологических памятников и старых оружейных собраний. В число собранных и проанализированных предметов вооружения входят: 11 луков и их фрагменты, 270 наконечников стрел, 10 экз. длинноклинкового оружия (6 сабель, 4 палаша), 7 копейных наконечников, 31 топор, 27 ножей, 11 кольчатых панцирей и их фрагментов, около 180 пластин от пластинчато-нашивных доспехов («куяков»), 7 боевых наголовий и др. Всего более 550 экземпляров предметов вооружения и их фрагментов. Около 75% экз. происходит из числа археологических находок, остальные – из старых музейных собраний и частных коллекций.

2. Данные письменных источников, содержащие сведения по военному делу служилых татар, взятые из переводов и публикаций русских и европейских нарративных памятников и делопроизводственной документации, а также из фондов РГАДА. Насчитывают 89 наименований. Часть данных материалов вводится в научный оборот впервые.

3. Изобразительные материалы из произведений европейских и русских мастеров XVI–XVII вв. представлены графическими и живописными картинами, книжными миниатюрами и гравюрами. Всего нами зафиксированы изображения свыше 100 татарских воинов.

Научная новизна диссертации. Новизна настоящего исследования состоит в том, что оно является первой аналитической работой, в которой на основании комплексного анализа различных групп источников рассмотрено военное дело служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв., а также его эволюция на протяжении данного исторического периода. В работе впервые установлены основные источники поступления предметов вооружения служилым татарам европейской части России, реконструирован комплекс вооружения, особенности тактики, внутренней военной организации *йомышлы татарлар*, определено место служилых татар в военной стратегии русских полководцев. Подробно рассмотрена численность служилых татар Московского государства и её изменения на протяжении XVI–XVII вв. Выявлено место военного дела служилых

татар в истории военного искусства России, тюркских народов Восточной Европы и юга Западной Сибири.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования военного дела служилых татар могут быть востребованы специалистами при написании обобщающих трудов по военной истории Российского государства XV–XVII вв., и по военному искусству кочевых народов того же исторического периода. Графические реконструкции (художественные рисунки) можно использовать для оформления музейных экспозиций и печатных изданий, посвящённых военному делу татары и военной истории Московского государства середины XV–XVII вв.

Степень достоверности и апробация. Степень достоверности результатов проведённых исследований подтверждается использованием представительной и разнообразной источниковой базы, включающей свыше 550 экз. предметов вооружения, свыше 100 изображений татарских воинов, 89 письменных источников, а также применением современных методов анализа имеющихся материалов. Основные положения и идеи диссертации докладывались и обсуждались на VII Международной научной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии» (Звенигород, 2013 г.), на II, III и V Всероссийских молодёжных научных конференциях в Новосибирском Академгородке (2012, 2013, 2015 гг.). Различные аспекты диссертации изложены в 12 публикациях общим объёмом свыше 6,9 п.л.⁷

---

⁷ Илюшин, Б.А. Служилые татары в составе русского войска XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Актуальные вопросы истории. Материалы межвузовской научной конференции (25 апреля 2012 года). – Нижний Новгород: НКИ, 2012. – С. 106–109; Илюшин, Б.А. Положение российских служилых татар в 1635–1664 гг. по данным актов Разрядного приказа / Б.А. Илюшин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов II Всероссийской молодёжной конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. – С. 51–56; Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии / Б.А. Илюшин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов III Всероссийской молодёжной конференции (21–24 августа 2013). – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. – С. 46–54; Илюшин, Б.А. «Вмиг все бросились на наших...». Тактика служилых татар во второй половине XV – начале XVII веков / Б.А. Илюшин // Родина. – 2014. – №12. – С. 43–45; Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Бюллетень Общества востоковедов – Вып. 21: Материалы VII международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». — М.: ИВ РАН, 2014. – С. 145–160; Илюшин, Б.А. К вопросу об использовании огнестрельного оружия российскими служилыми татарами XVI–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Исторический ежегодник. 2014. – Новосибирск: Параллель, 2014. – Вып. 8. – С. 160–168; Илюшин, Б.А. Оружейный комплекс российских служилых татар XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – №3. – С. 25–36; Илюшин, Б.А. Военное дело служилых татар в XV в. / Б.А. Илюшин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых

Положения, выносимые на защиту

1. Система формирования оружейного комплекса служилых татар Российского государства носила симбиотический характер. На начальном этапе значительная часть предметов вооружения была представлена продукцией степных мастеров. Позднее все большее значение начинают играть оружие и доспехи, изготовленные российскими ремесленниками, импорт с территории Западной Азии (для служилых татар европейской части России), Джунгарии и Средней Азии (для служилых татар Западной Сибири).

2. Основная масса служилых татар европейской части Российского государства была представлена легковооруженными конными лучниками. Главным оружием дистанционного боя являлись сложносоставные луки «турецкого» и «монгольского» типа, а преобладающим оружием ближнего боя – сабли. Среди служилых татар европейской части Российского государства защитным вооружением были обеспечены лишь наиболее состоятельные воины. Из корпусных панцирей численно преобладали кольчатые доспехи и ватные «тягеляи». В Западной Сибири, наряду с кольчатыми панцирями, применялись центральноазиатские «куяки», цельнокованные среднеазиатские наголовья, а также клепаные ойратские шлемы. В целом служилые татары Сибири значительно шире использовали защитное вооружение, чем их соратники из европейской части страны. Роль огнестрельного оружия в военном деле служилых татар, постепенно возрастала, однако вплоть до конца рассматриваемого периода оно так и не получило по-настоящему широкого распространения.

3. Военная организация служилых татар имела симбиотический характер и сочетала традиционную кочевническую десятичную и русскую «полковую»

учёных: Сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. – С. 12–19; Илюшин, Б.А. Военное дело татарских воинов Русского государства XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – №3 (35). – С. 5–12; Илюшин, Б.А. Вооружение и тактика служилых татар Московского государства (XV–XVII вв.) / Б.А. Илюшин // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. №6 (2013–2015). – 2015. – С. 15–26; Илюшин, Б.А. Историография военного дела российских служилых татар XV–XVII веков / Б.А. Илюшин // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Ч. I. – С. 188–207 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://milhist.info/2015/12/30/ilyushin>, свободный; Илюшин, Б.А. Реконструкция военной организации служилых татар Московского царства XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. – С. 390–420 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/08/23/ilyushin_1/, свободный.

систему. Общая численность служилых татар в конце XVI–XVII вв. составляла около 3–4 тыс. чел. Пропорциональная численность служилых татар в составе московской армии обычно не превышала 2–12%. Однако в некоторых случаях количество татар в войске могло достигать до 20–80%. На протяжении XVII в. процент служилых татар в составе царских армий постепенно снижался.

4. В основе тактического искусства служилых татар лежал интенсивный лучной конный бой. Татарскими стрелками применялись традиционные тактические приёмы степных народов: «хоровод», «тулгама», ложное отступление и др. При этом тактические задачи *йомышлы татарлар* в составе московской армии несколько изменялись на протяжении рассматриваемого исторического периода.

5. Роль конницы служилых татар в военной стратегии Российского государства существенным образом эволюционировала на протяжении рассматриваемого исторического периода. В первые десятилетия своего существования *йомышлы татарлар* составляли компактный и достаточно автономный отряд, способный выполнять важные стратегические задачи (в частности, находились в «засадной рати»). В XVI в. главной задачей татарских подразделений стало ведение малой маневренной («кавалерийской») войны. В целом татарские лучники усилили и дополнили русскую конницу, позволили ей более успешно решать актуальные боевые задачи в ходе военных конфликтов середины XV – XVII вв. В Западной Сибири татарская конница сохраняла значение ударной и в XVII в.

Общая характеристика структуры диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, каждая из которых разделена на параграфы, заключения, списка источников и литературы, а также приложения. Последнее включает: карты; 92 иллюстрации, демонстрирующие основные положения и результаты работы. Также в состав приложения включены художественные научно-исторические реконструкции внешнего вида и комплекса вооружения служилых татар, расчеты численности отрядов служилых татар, принимавших участие в военных кампаниях Российского государства.

Глава I
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ
СЛУЖИЛЫХ ТАТАР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
СЕРЕДИНЫ XV–XVII ВВ.

**1.1. Изучение материалов по военному делу служилых татар во второй
половине XIX – 70-е гг. XX вв.**

Первые работы, в которых прямо или косвенно затрагивались вопросы военного дела служилых татар Российского государства, были опубликованы во второй половине XIX в. Среди самых первых исследователей истории служилых татар необходимо отметить В.В. Вельяминова-Зернова⁸, И.Я. Гурлянда⁹, а также Н.П. Шишкина.¹⁰

Так, в частности, В.В. Вельяминов-Зернов, – автор фундаментального «Исследования о касимовских царях и царевичах», зафиксировал присутствие служилых татар в полках московской армии, а также перечислил примеры участия татар в войнах Московии, проиллюстрировав их обширными цитатами из источников русского и европейского происхождения.¹¹ Наряду с достоверными сведениями он приводит сообщения из «Historischer Bericht von dem Marianisch-Teutschen Ritter-Orden» о том, что татары ели людей, а также информацию Иоахима Камерария об участии в сражении татарских старух. Автор, однако, подчёркивал, что сведения о жестокости и «варварствах» русских и татар сильно преувеличены немцами, хотя русские с татарами и подвергли Ливонию опустошениям.¹² В.В. Вельяминов-Зернов также достаточно подробно рассмотрел сведения русских источников об участии служилых татар в военных действиях 1559–1572 гг., в

---

⁸ Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. – Ч. I. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. – XIII, 558 с.; Ч. II. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. – XVI, 498 с.; Ч. III. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. – V, 502 с.; Ч. IV – Вып. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. – 178 с.

⁹ Гурлянд, И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары / И.Я. Гурлянд // Труды II Областного Тверского археологического съезда, 1903. – Тверь: Тип. Губ. правления, 1906. – С. 5–16

¹⁰ Шишкин, Н.П. История города Касимова с древнейших времён / Н.П. Шишкин. – Рязань: Типо-Литография Н.Д. Малашкина, 1891. – 204 с.

¹¹ Причём, часто цитаты на европейских языках поданы без перевода, в расчёте исключительно на высокообразованного читателя.

¹² Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях... – Ч. I. – СПб., 1863. – С. 430–445.

Смутное время и в 1614–1626 гг.¹³ В третьем томе приводится документ о разорениях от татар в 1612 г., когда служилые татары грабили русских людей, которых должны были защищать.¹⁴

С.М. Середонин, изучавший сообщения иностранцев о России, отмечал, что европейцы большей частью имели самое фантастическое представление о численности русской армии, в том числе татарских войск. По его мнению, причиной этого была царская «пропаганда», старавшаяся запугать иноземцев, а также, возможно, большое число лошадей в войске (в первую очередь у татар) – по несколько коней на человека.¹⁵ Кроме того, С.М. Середонин справедливо писал об ошибочности мнения Джильса Флетчера о том, что царь только нанимал татар на время войны. Далее С.М. Середонин рассматривает сведения европейцев о крымских татарах, очевидно, полностью перенося сообщения о них и на российских служилых татар.¹⁶ Исследователь отмечает, что «разведывательная часть» лежала на татарах, и по свидетельству одного из дневников «Баториевой войны», царь даже запретил татарам запираяться в крепостях (ссылка на *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia ab anno 1507 usque ad annum 1795*, ill, XI, 224).¹⁷

Подробно рассмотрел личность касимовского царя Симеона Бекбулатовича (в том числе его командование татарами в Ливонской войне) в своей книге Н.В. Лилеев.¹⁸

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на возникновение некоторого научного интереса к служилым татарам и татарским «царям» на русской службе, исследователи второй половины XIX в. лишь косвенно затронули собственно военное дело служилых татар. Так, в частности, были отмечены факты использования татар русскими в войнах с соседями, приведены примеры

---

¹³ Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях... Ч. III. – С. 22–33.

¹⁴ Там же, С. 8–10.

¹⁵ Середонин, С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth» как исторический источник / С.М. Середонин. – СПб.: Типография Н.И. Скороходова, 1891. – С. 334–347.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, С. 361.

¹⁸ Лилеев, Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567–1616 г. (Исторический очерк) / Н.В. Лилеев. – Тверь: Тип. Губернского правления, 1891. – 125 с.

мифологизации образа татар в глазах европейцев, указано место татар в тактическом искусстве русских полководцев времён Ливонской войны.

Изучение военной истории служилых татар Российского государства было продолжено советскими учеными.

Подробно рассмотрел социально-экономическое положение сибирских служилых татар С.В. Бахрушин, затронув также вопросы их численности, виды военных и гражданских «служб» и т.д.¹⁹ Некоторые аспекты военного дела сибирских татар были изучены Б.С. Синяевым.²⁰

Советский исследователь армии Московского царства А.В. Чернов краткую характеристику служилых татар в составе русской армии периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. При рассмотрении вооруженных сил Московии второй половины XVI в. о татарах он пишет, что «после присоединения Казанского и Астраханского ханств ряды служилого казачества пополнились татарской, чувашской и мордовской конницей. В русской войске нерусские казаки сохраняли свою национальную (десятичную) систему деления и подчинялись мурзам и князьям. Они не входили в русские полки, а присоединялись отдельными отрядами к полкам, преимущественно к передовому, где конница была больше всего нужна».²¹ Ниже он рассматривает вопрос об общей численности армии и приводит данные из исследования С.М. Середонина, В.В. Вельяминова-Зернова, а также сведения о московском войске из русских документов. «Из 60-тысячного войска в полоцком походе участвовало: дворян и детей боярских – 29%, боярских людей – 29%, стрельцов – 20%, казаков – 12%, татар и мордвы – 8% и сборных людей из городов – 2%».²²

Значительный интерес представляет статья Н.П. Павлова, вышедшая в 1957 г. и ставшая библиографической редкостью. Военное дело служилых татар затрагивается в ней косвенно. Автор искал причины, по которым татары оказались

---

¹⁹ Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. / С.В. Бахрушин // Исторические записки. – Т. I. – 1937. – С. 55–80.

²⁰ Синяев, Б.С. Окончательный разгром Кучума на р. Оби в 1598 г. / Б.С. Синяев // Вопросы географии Сибири. – 1951. – №2 – С. 141–156.

²¹ Чернов, А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. / А.В. Чернов. – М.: Воениздат, 1954. – С. 86.

²² Там же, С.95.

на службе у московских князей. Исследование вопроса привело к нескольким выводам. Служилые татары, по версии Н.П. Павлова, были нужны великим князьям из-за малочисленности и ненадёжности собственных войск (значительная часть которых состояла из подданных удельных князей) в качестве вспомогательной недорогой военной силы. Татары были не по нраву широким слоям населения, а политические противники Москвы ставили в вину Василию Тёмному их привод на Русь. Начальники татарских отрядов – Чингисиды – номинально имели очень высокий статус, но на деле не обладали самостоятельностью и зависели от князя московского. Несмотря на относительно частое участие татарских отрядов в военных действиях между Москвой и её противниками (в основном с русскими князьями и Новгородом), их военное значение было невелико.²³

1.2. Изучение материалов по военному делу служилых татар в 80-х гг. XX – начале XXI в.

Детальное изучение комплекса вооружения и военного дела кочевых народов Великой степи, ставшее возможным благодаря масштабным археологическим исследованиям и развитию оружейведения, позволило по-новому взглянуть на военно-культурное наследие номадов Евразии. Работы М.В. Горелика, Ю.С. Худякова и др. показали, что военное дело номадов – это самобытный феномен, специфика которого обусловлена во многом самим типом кочевого скотоводческого хозяйства. На протяжении рассматриваемого периода появились работы, затрагивающие военное дело сибирских татар (в том числе служилых). Изменились и подходы, применяемые к изучению военного искусства номадов. Для научного анализа стали привлекаться не только письменные, но также вещественные и изобразительные источники.

---

²³ Павлов, Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси / Н.П. Павлов // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. – Т. IX. – Вып. 1. – Красноярск, 1957. – С. 165–177.

Находки наконечников стрел из Искера были проанализированы в работе Б.А. Коникова и Ю.С. Худякова, вышедшей в 1981 г.²⁴

Обзор археологических находок предметов вооружения из Барабы, с памятников барабинских татар, был приведен в коллективной монографии В.И. Молодина, В.И. Соболева, А.И. Соловьёва.²⁵

Также отметим, что значительный вклад в изучение археологии и этнографии Среднего Приобья, в том числе, томских татар позднего Средневековья, внесли исследования Л.М. Плетнёвой. В ряде работ показан процесс формирования общих элементов материальной и духовной культуры у разных этнических групп юго-востока Западной Сибири в течение развитого и позднего Средневековья.²⁶

Комплекс вооружения и тактику воинов Сибирского ханства (позже составивших группы сибирских служилых татар), а также их взаимодействие в этой сфере с русскими рассмотрел в ряде работ Ю.С. Худяков.²⁷ Автор пришёл к выводу, что основная часть сибирского войска состояла из легковооружённых конных лучников. Имелась и средневооружённая конница из знати, использовавшая защитное вооружение (в частности, кольчатые панцири). В более поздней статье Ю.С. Худяков исследует вопрос участия служилых татар в военных действиях на стороне русских против Кучумовичей, их роль в охране границ и сооружении новых острогов.²⁸

В статье А.П. Зыкова и И.Л. Маньковой приводится описание рейтарского шлема, возможно, принадлежавшего сибирскому служилому татарину.²⁹

---

²⁴ Коников, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера / Б.А. Коников, Ю.С. Худяков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука (Сиб. отделение), 1981. – С. 184–188.

²⁵ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья / В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьёв. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1990. – С. 38–83.

²⁶ Например: Плетнева, Л.М. Тоянов Городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 году / Л.М. Плетнёва // Из истории Сибири. – Томск: ТГУ, 1976. – Вып. 19. – С. 65–72; Плетнёва, Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам) / Л.М. Плетнёва. – Томск: Изд. Том. ун-та, 1990. – 134 с.

²⁷ Худяков, Ю.С. Хан Кучум и его воины / Ю.С. Худяков // Родина. – 2000. – № 5. – С. 72–75; Худяков, Ю.С. Лук и стрелы сибирских татар / Ю.С. Худяков // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. – Казань, 2001. – Вып. 2. – С. 252–273; Худяков, Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 6. – Вып. 3: Археология и этнография. – 2007. – С. 238–254.

²⁸ Худяков, Ю.С. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII вв. / Ю.С. Худяков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – №4. – С. 63–66.

²⁹ Зыков, А.П., Манькова, И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье / А.П. Зыков, И.Л. Манькова // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Волот, 2000. – С. 315–332.

Важную роль в изучении военного дела казанских татар, также пополнявших ряды служилых людей Московского царства, сыграли работы И.Л. Измайлова. Им, в частности, были исследованы особенности комплекса вооружения, тактики и военного искусства казанских войск периода позднего Средневековья. И.Л. Измайлов указывает на малочисленность источников и частую невозможность атрибутировать предметы татарского вооружения в музейных собраниях, так как конструктивно они весьма схожи с русскими. Для характеристики комплекса вооружения воинов ханства исследователем был использован музейный (коллекции Музея археологии КГУ, фонды Государственного Объединённого Музея Республики Татарстан, ГИМа, Эрмитажа) и археологический материал (раскопки в Казанском Кремле и Камаевском городище). В распоряжении казанских воинов – конницы и пехоты – имелся широкий ассортимент современных видов защитного и наступательного вооружения. Для защиты корпуса использовались куяки (пластинчато-нашивной тип доспеха), бехтерцы, юшманы, колонтари, тягеляи. Большинство воинов вместо шлемов применяли плотные шапки, а состоятельные воины могли использовать шлемы нескольких видов: миссюрки, «иерихонские шапки» и др. Из наступательного вооружения были распространены лук и стрелы, копья, боевые топоры и чеканы (преимущественно оружие пехоты), сабли (оружие знатного воина).

И.Л. Измайлов считает, что ядром армии ханства была относительно малочисленная тяжёлая конница из эмиров, мурз, батыров, уланов. Воины-ополченцы имели более дешёвый и неполный набор вооружения, и их задачей была поддержка батыров. Кроме того, в XVI в. в Казани иногда использовалось и огнестрельное оружие.³⁰

И.Л. Измайлову также принадлежит обзор военного дела государств – наследников Золотой Орды (Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханств и Ногайской Орды), в котором рассматриваются общие тенденции его

---

³⁰ Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы) / И.Л. Измайлов // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. – Казань: Заман, 1995. – С. 135–139; Измайлов, И.Л. В блеске мисюрки и бехтерцов / И.Л. Измайлов // Родина, 1997. – № 3–4. – С. 105–108.

эволюции, особенности вооружения и тактики тех народов, представители которых вошли в состав служилых татар. Отмечается негативное значение для военного дела татар Великих географических открытий, приведших к изменениям в международной торговле, что вызвало обеднение наследников Золотой Орды и снижение уровня вооружённости.³¹

Нижегородский историк С.Б. Сенюткин исследовал историю татар Нижегородского края, в том числе служилых татар Алатыря, Арзамаса, Темникова и других мест. В ней всё внимание сконцентрировано на вопросах событийной, а также социальной и хозяйственной истории татар. Однако по понятной причине затрагиваются вопросы татарской службы: защита степного пограничья и образование поселений служилых татар, противодействие крымским и ногайским набегам, участие в войнах России второй половины XVI–XVII вв., а также упадок сословия служилых татар. Автор приходит к выводу, что служилые татары Нижегородского края до 1630-х гг. представляли собой боеспособную часть русского войска и эффективно справлялись с возложенными на них задачами.³²

Вооружению воинов Сибирского ханства посвящена совместная статья Ю.В. Герасимова и А.В. Шлюшинского. В научный оборот введен уникальный материал, в том числе находка целого набора панцирных пластин от кюяка XVI–XVII вв.³³ В более поздней статье Ю.В. Герасимовым подробно рассмотрены комплекс этих пластин и реконструирован сам панцирь.³⁴

Военное дело тюркского населения Сибирского ханства стало объектом исследования в кандидатской диссертации А.В. Шлюшинского. Работа выполнена на основе археологических данных, письменных источников, имеющихся исследований по теме. Рассмотрены археологические материалы по

---

³¹ Измайлов, И.Л. Военное дело и военная культура / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 686–734.

³² Сенюткин, С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края) / С.Б. Сенюткин. – Нижний Новгород: Медина, 2001. – 416 с.

³³ Герасимов, Ю.В., Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело Сибирского ханства / Ю.В. Герасимов, А.В. Шлюшинский // Омский научный вестник. – 2006. – № 3 (38). – С. 22–25.

³⁴ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье / Ю.В. Герасимов // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С. 69–74.

наступательному и защитному вооружению (последнее представлено пластинчато-нашивным панцирем из Окунево-VII; кольчатые панциры из музейных собраний не рассмотрены).³⁵

Вопрос вооружения и экипировки служилых татар затрагивается в диссертации З.А. Тычинских.³⁶

Участие *йомышлы татарлар* в походах русских войск при Иване III, а также некоторые аспекты их тактики рассмотрены в фундаментальном исследовании Ю.Г. Алексева.³⁷

Вопрос об участии служилых татар в Шелонской битве 1471 года подробно разобрал М.А. Несин. В статье кратко рассмотрена история вопроса, выделяются работы Ю.Г. Алексева³⁸ и Ю.В. Кривошеева.³⁹ Автор приходит к выводу о значительном вкладе татар Данияра в победу московской рати.⁴⁰

В последние годы историей служилых татар и Чингисидов активно занимается А.В. Беляков. В фундаментальном исследовании по Чингисидам в России XV–XVII вв. А.В. Беляков отмечает, что сочинения иностранцев о России содержат лишь краткие сведения об участии татарских «царей» и «царевичей» в дворцовых церемониях, «а также дают оценку боевых качеств татарского войска на службе у московского царя».⁴¹ А.В. Беляков перечисляет войны XVI–XVII вв., в которых принимали участие дворы служилых Чингисидов и служилые татары. Делает он это в основном по русским источникам, реже привлекая сведения иностранцев. А.В. Беляков характеризует служилых татар как вспомогательные

---

³⁵ Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв.: дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.06 / Шлюшинский Александр Владимирович. – Омск, 2007. – С. 333 с.

³⁶ Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Тычинских Зайтуна Аптрашитовна. – Казань, 2007. – 268 с.

³⁷ Алексева, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. / Ю.Г. Алексева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 464 с.

³⁸ Алексева, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III...

³⁹ Кривошеев, Ю.В. Татары и Шелонская битва 1471 года / Ю.В. Кривошеев // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. – Т. 2. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – С. 201–207.

⁴⁰ Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати / М.А. Несин // История военного дела: исследования и источники. 2014. – Т. IV. – С. 464–482. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>, свободный (дата обращения: 27.03.2014).

⁴¹ Беляков, А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование / А.В. Беляков. – Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – С. 46.

легковооружённые войска, в задачи которых входили разведка, диверсии, подрыв экономической базы и нарушение коммуникаций противника.

Отмечая значительный вклад А.В. Белякова в изучение данного вопроса, позволим себе все же не согласиться с некоторыми его категоричными утверждениями. Так, автор полагает (на основании одного сообщения Гейденштейна), что татары «не выказывали особой стойкости и при малейшей опасности ретировались».⁴² Далее он пишет, что среди татар не отмечается особой преданности царю и что известно (по сообщению С. Пиотровского) о высокопоставленных татарах-дезертирах.⁴³ И далее: «Московские воеводы осознавали их перечисленные недостатки, но для того чтобы постоянно тревожить противника и тем самым ослаблять его, они подходили прекрасно» (со ссылкой на Луку Дзялынского).⁴⁴ С подобными утверждениями можно согласиться лишь отчасти. Служилые татары использовали традиционную тактику кочевников (ложные отступления, заманивание в засады, интенсивный лучный бой), были легко вооружены и непривычны к «огненному бою». В подобных условиях лобовое нападение на тяжелую европейскую конницу было неоправданным риском и не имело смысла (тем более что и московские воины в подобных атаках не выказывали в поле заметной стойкости, а предпочитали другие способы борьбы с противником).

Касательно вооружения Чингисидов А.В. Беляков пишет, что «скорее всего, отдельные предметы восточного происхождения, в первую очередь оружие, из собрания Касимовского краеведческого музея и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника и целого ряда других (в первую очередь речь идёт о музеях, расположенных в городах, в разное время служивших местом жительства для представителей «золотого рода» в России), в своё время принадлежали если не самим касимовским Чингисидам, то уж точно членам их дворов. Со временем их дополнительная атрибуция, возможно, позволит нам

---

⁴² Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 204.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

уточнить некоторые наши представления о быте знатных мусульман в России».⁴⁵ Чуть ниже он добавляет: «что касается оружия, принадлежавшего в то или иное время отдельным представителям «золотого рода» в России, то оно на настоящий момент нам неизвестно».⁴⁶ В недавней статье А.В. Беляков отметил некоторые интересные детали военной организации служилых татар: особенности статуса казаков и мурз, наличие у кадомских татар должности есаула, даточных людей у служилых татар.⁴⁷

В последние годы вышел ряд работ по вооружению татарских воинов Западной Сибири XVI–XVII вв., выполненных Л.А. Бобровым, в том числе в соавторстве с Ю.С. Худяковым и Е.А. Багриным. Так, в частности, были проанализированы хранящиеся в музейных собраниях Западной Сибири шлемы сибирских татар XVII в.⁴⁸, выполнена научно-историческая реконструкция внешнего вида «рейтарского» шлема из Далматовского монастыря⁴⁹, проанализированы источники поступления защитного вооружения к сибирским татарам XVI–XVII вв., рассмотрены хранящиеся в музейных собраниях и частных коллекциях кольчатые панцири.⁵⁰ Историография вопроса, а также обобщённые сведения по военному делу сибирских служилых татар были рассмотрены вместе с особенностями их костюма в статье Л.А. Боброва и Е.А. Багрина.⁵¹

---

⁴⁵ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 135–136.

⁴⁶ Там же, С. 137.

⁴⁷ Беляков, А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. / А.В. Беляков // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Ч. I. – С. 134–149. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1, свободный.

⁴⁸ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника) / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков // Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 3. – Казань: Ихлас, 2011. – С. 45; Бобров, Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника / Л.А. Бобров // Вестник ННГУ. Серия: История, филология – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – 2011. – С. 264–267

⁴⁹ Бобров, Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря / Л.А. Бобров // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. – Вып. XX. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 52–59.

⁵⁰ Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI–XVII вв. / Л.А. Бобров // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения (Материалы круглого стола, проведённого в рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г.). – Казань: Фолиант, 2011. – С. 106–120; Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири конца XVI – XVII вв. / Л.А. Бобров // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. – Т. 12. – Вып. 7. – 2013. – С. 213–222.

⁵¹ Бобров, Л.А., Багрин, Е.А. О некоторых особенностях эволюции костюма и комплекса вооружения татарской служилой элиты Западной Сибири конца XVI–XVII века. / Л.А. Бобров, Е.А. Багрин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 13. – Вып. 7: Археология и этнография. – 2014. – С. 124–130. (По сообщению Л.А. Боброва, в силу ограниченности объёма, значительная часть имеющегося материала по костюму служилых татар в статью не вошла).

Отметим и недавно вышедшую книгу А.Б. Широкограда научно-популярного характера, посвящённую участию служилых татар в войнах России в рассматриваемый нами период.⁵²

Из последних работ по служилым татарам, непосредственно касающихся их военного дела (точнее военной организации) отметим статью А.В. Малова. Исследователь пишет, что внутренняя организация служилых татар известна крайне плохо, в отличие от организации русских дворян. Исследуя данные расходных книг Казённого приказа за 1613–1619 гг., автор пришёл к некоторым важным выводам о внутренней организации татарских контингентов. Помимо татарских, станичных и табунных голов, есаулов и сотников, данный источник отмечает существование пятидесятников и десятников. Причём в отличие от татарских голов, среди которых числились чаще русские, эти «чины» носили, судя по именам, этнические татары. Автор также поясняет, что пятидесятник в сотне был один, так как сотник командовал и своей полусотней.⁵³

Участие служилых татар в кампаниях Ливонской войны, некоторые сведения по их численности и положению в русском войске по данным европейских нарративов и русского актового материала рассмотрел Я.В. Пилипчук.⁵⁴ Военный аспект ранней истории сибирских служилых татар стал объектом исследования в статье Я.Г. Солодкина.⁵⁵ Участие астраханских служилых ногайцев в войне с поляками в 1609–1618 гг. исследовано И.В. Торопицыным.⁵⁶

Необходимо также отметить существование нескольких художественных реконструкций внешнего вида служилых татар. Половина их, однако, выполнена в качестве иллюстраций к научно-популярным изданиям и ни одна не

---

⁵² Широкоград, А.Б. Татары и русские в едином строю / А.Б. Широкоград. – М.: Вече, 2012. – 368 с.

⁵³ Малов А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казённого приказа (двора) конца Смуты. 1613–1619 гг. / А.В. Малов // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Ин-ут истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 224–233.

⁵⁴ Пилипчук, Я.В. Татары в Ливонской войне / Я.В. Пилипчук // История военного дела: исследования и источники. – Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Часть 2. – СПб., 2016. – С. 496–515 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.milhist.info/spec.5>, свободный.

⁵⁵ Солодкин Я.Г. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVII вв.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. – № 8 – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 233–239.

⁵⁶ Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в русско-польской войне 1609–1618 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. – № 8 – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 248–254.

сопровождается соответствующими ссылками на источники. Это, скорее, общий взгляд на оружейный комплекс восточноевропейских татар того времени.

Первая из рассматриваемых реконструкций принадлежит М.В. Горелику.⁵⁷ На переднем плане изображён знатный касимовский татарин на коне и с копьём. Его защитное вооружение состоит из «ерихонской шапки» (тип куполообразного шлема с элементами защиты для ушей и затылка, скользящим наносником и козырьком), колонтаря (?), двустворчатых наручей, кольчато-пластинчатых набедренников. Наступательное вооружение помимо копья представлено саблей и саадаком (лук и стрелы). На заднем плане изображён простой касимовский воин в пёстром полосатом халате, шапке, с саадаком и пищалью за спиной. Отмечая высокую научную ценность данной работы, все же отметим, что рассмотренные нами письменные источники свидетельствуют, что огнестрельное оружие лишь изредка могло применяться служилыми татарами европейской части России XVII в., и было в целом нехарактерно для их оружейного комплекса (рис. 81).

Другая художественная реконструкция касимовских татар (середины XV в.) приведена в научно-популярной статье П. Васина «Касимовские татары».⁵⁸ По комментарию автора, один из изображённых – касимовский хан, имеющий традиционное золотоордынское вооружение, которое активно воспринимало иранские и турецкие оружейные традиции. Защитное вооружение хана состоит из тюрбанного шлема с глухой кольчужной бармицей, двойного доспеха из простой кольчуги и надетого поверх неё кольчато-пластинчатого панциря – колонтаря, а также стальных двустворчатых наручей-«базубандов». Из наступательного вооружения имеются слабоизогнутая сабля и лук. Рядовой воин вооружён в соответствии с тогдашней тактикой манёвренного дистанционного боя – луком и стрелами, на нём стёганный бумазейный халат до колен (тягелай) и цельнокованный шлем-пишак (рис. 83).

---

⁵⁷ Энциклопедия для детей. Т.5. История России и ее ближайших соседей. Ч. 1. От древних славян до Петра Великого / под ред. М.Д. Аксёновой – М.: Аванта, 1995. – С. 219.

⁵⁸ Васин П. Касимовские татары / П.Васин // Империя истории. – 2006. – № 4. – С. 99.

Третья реконструкция – две чёрно-белые иллюстрации А.В. Красникова к статье М.А. Несина о Шелонской битве.⁵⁹ На первой из них изображён конный татарин, вооружённый слабоизогнутой широкой саблей турецкого типа, луком и стрелами. Для защиты корпуса используется пластинчато-нашивной доспех позднезолотоордынского времени. На голове – цельнокованный шлем с глухой кольчужной бармицей. На другой иллюстрации – татарский конник одет в кюяк (рис. 84).

Сборник статей по армии Ивана Грозного содержит ещё одну научно-художественную реконструкцию служилого татарина, выполненную О.В. Фёдоровым к статье А.В. Белякова⁶⁰ (сама иллюстрация была выполнена в 2013 г.). Автор реконструкции привлёк доступные историко-этнографические материалы и изобразил стоящего возле лошади татарина в колпаке, двух халатах, со слабоизогнутой саблей и саадаком с простым, без украшений, налучем. Татарин приторачивает к седлу аркан (рис. 85).

Определенный вклад в изучение военного дела служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. внесён и автором настоящей диссертации. Так, в частности, были подготовлены и опубликованы научные статьи, посвященные военному делу и военной истории служилых татар, изучена роль служилых татар в русском войске XV–XVII вв. (и отдельно – их положение в Российском государстве в мирное и военное время по данным актов Разрядного приказа 1635–1664 гг.).⁶¹ Историографии вопроса была посвящена отдельная статья⁶², позже значительно доработанная и расширенная.⁶³ В следующем блоке публикаций были реконструированы в общих чертах оружейный комплекс и тактика служилых татар европейской части Российского государства, рассмотрено их место в тактическом искусстве и стратегии русских полководцев. Использовался, прежде всего,

---

⁵⁹ Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск... С. 464–482.

⁶⁰ Беляков, А.В. «Невидимки» русской армии XVI века. / А.В. Беляков // Русская армия в эпоху царя Ивана Грозного: Материалы к научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – СПб.: Шико-Севастополь, 2015. – С. 159–178.

⁶¹ Илюшин, Б.А. Служилые татары в составе русского войска XV–XVII вв. ... С. 106–109; Илюшин, Б.А. Положение российских служилых татар в 1635–1664 гг. по данным актов Разрядного приказа... С.51–56.

⁶² Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии... С.46–54.

⁶³ Илюшин, Б.А. Историография военного дела российских служилых татар XV–XVII веков... С. 188–207.

нарративный и актовый материал, а также изобразительные источники.⁶⁴ Опубликованы обзорные статьи по военному делу служилых татар европейской части России, где рассмотрены вооружение, тактика, организация, особенности службы, а также представлен ряд графических реконструкций (рис. 87–92).⁶⁵ Эти сведения были дополнены новыми материалами и проанализированы вместе с данными по военному делу сибирских служилых татар в другой работе. В ней были отмечены различия между европейскими и сибирскими группами служилых татар в области вооружения.⁶⁶ Отдельно были рассмотрены военное дело касимовских татар XV в.⁶⁷, вопрос об использовании ручного огнестрельного оружия служилыми татарами XVI–XVII вв.⁶⁸, и об их военной организации.⁶⁹

Подводя общий итог историографического обзора военного дела российских служилых татар XV–XVII вв., нужно отметить, что данная тема вплоть до последнего времени была слабо исследована. И если по военному делу служилых татар Сибири в последние два десятилетия появилось значительное число публикаций, вводящих в научный оборот археологический, музейный, изобразительный материал, то специальные исследования по служилым татарам европейской части России до недавнего времени отсутствовали. Одной из главных причин этого нам видится схожесть комплекса вооружения и тактики тюркоязычных народов Восточной Европы, что не способствовало развитию интереса именно к военному делу служилых татар – этносословной группы, малочисленной в сравнении с казанскими, крымскими татарами или ногайцами.

Однако отдельные аспекты военного дела служилых татар затрагивались в исследовательской литературе начиная со второй половины XIX в. На основании

---

⁶⁴ Илюшин, Б.А. «Вмиг все бросились на наших...». Тактика служилых татар во второй половине XV – начале XVII веков... С. 43–45; Илюшин, Б.А. Оружейный комплекс российских служилых татар XV–XVII вв. ... С. 25–36.

⁶⁵ Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. ... С. 145–160; Илюшин, Б.А. Вооружение и тактика служилых татар Московского государства (XV–XVII вв.) ... С. 15–26.

⁶⁶ Илюшин, Б.А. Военное дело татарских воинов Русского государства XV–XVII вв. ... С. 5–12.

⁶⁷ Илюшин, Б.А. Военное дело служилых татар в XV в. ... С. 12–19.

⁶⁸ Илюшин, Б.А. К вопросу об использовании огнестрельного оружия российскими служилыми татарами XVI–XVII вв. ... С. 160–168.

⁶⁹ Илюшин, Б.А. Реконструкция военной организации служилых татар Московского царства XV–XVII вв. ... С. 390–420.

анализа научных работ представляется возможным выделить два этапа в изучении военного дела служилых татар Российского государства.

На первом (вторая половина XIX в. – 70-е гг. XX в.) объектом исследования выступала военно-политическая, социально-экономическая и событийная история служилых татар. Некоторые аспекты военного дела только кратко затрагивались. Основой источниковой базы в этот период являлись иностранные и российские письменные источники.

На втором этапе (80-е гг. XX – начало XXI вв.) появляются работы, объектом исследования в которых становятся отдельные аспекты военного дела служилых татар. Для анализа комплекса вооружения начинают привлекаться вещественные и изобразительные источники. Определенная работа по изучению военного дела служилых татар проделана и автором настоящей диссертации.

В целом, необходимо отметить, что в большинстве исследований, посвященных военному делу служилых татар европейской части России, были затронуты такие вопросы, как участие *йомышлы татарлар* в военных кампаниях Российского государства, образ татарских воинов в иностранных источниках, военная организация (численность, система комплектования), и лишь в самых общих чертах – тактика и вооружение; последние два аспекта требуют более пристального изучения.

Военное дело сибирских служилых татар исследовано лучше благодаря наличию некоторого числа предметов вооружения, происходящих из археологических памятников, случайных находок и старых оружейных коллекций. В настоящее время в наибольшей степени изучены доспехи и оружие дистанционного боя сибирских татар рассматриваемого периода.

Таким образом, созданы необходимые предпосылки для проведения комплексного исследования, посвященного военному делу служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.

Глава II

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ВОЕННОМУ ДЕЛУ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА СЕРЕДИНЫ XV–XVII ВВ.

2.1. Вещественные источники

Исследование военного дела служилых татар невозможно без комплексного изучения всех имеющихся источников, которые, однако, освещают рассматриваемый вопрос весьма неравномерно. Основным источником по вооружению сибирских групп служилых татар являются вещественные (в первую очередь археологические) материалы, а также изобразительные источники. Что же касается изучения военного искусства европейских групп служилых татар, то для его реконструкции большую роль (наряду с вещественными и изобразительными материалами) играют многочисленные российские и иностранные письменные источники.

Основой разделов диссертационного исследования, посвященных комплексу вооружения служилых татар Российского государства, являются находки наступательного и защитного вооружения, происходящие из археологических памятников, поселенческих комплексов, а также из числа случайных находок с территории Южной и Центральной России, а также Западной Сибири.

В рамках настоящей работы собраны и проанализированы предметы вооружения, происходящие с территории городов европейской части России, являвшихся центрами сборов и дислокации служилых татар. Приведены сведения по наконечникам стрел, найденным при раскопках в некоторых районах службы татар – в Боровске, Коломне, Казанском крае, с территории Тушинского лагеря Лжедмитрия II. Значительную часть гарнизонов этих городов, наряду с татарами, составляли стрельцы и казаки, использовавшие ручное огнестрельное оружие, поэтому найденные там наконечники стрел вероятнее всего, могут быть отнесены именно к служилым татарам. Так, в Коломне в начале XVII в. служило 67 татар и

новокрещенов, а в середине столетия уже 98 татар и новокрещенов.⁷⁰ В Боровске числилось свыше сотни татар и новокрещенов в первой трети XVII в., а в середине века – почти 90 татар и новокрещенов на 118–135 русских служилых.⁷¹ В Чебоксарах⁷² в первой половине XVII в. числилось свыше 60 татар на 6 русских и более чем 1000 чувашей и черемис⁷³, а в середине века – 61 татарин, 22 новокрещен.⁷⁴

Материалы письменных источников свидетельствуют, что служилые и ясачные татары Западной Сибири использовали схожее защитное и наступательное вооружение (см. ниже). В данной связи значительный интерес представляют находки наконечников стрел, луков, клинкового, древкового оружия, а также доспехов, происходящих из археологических памятников тюркского населения Западной Сибири, хронологически непосредственно предшествовавших присоединению Сибири к России.⁷⁵ Правомочность использования этих данных определяется также тем, что группы сибирских служилых татар формировались из бывшей элиты Сибирского ханства, о чём сообщают письменные источники,⁷⁶ а также из местной родовой знати (в том числе из тарских князьков, с территорий владений которых происходит большая часть археологического материала).⁷⁷ Так, в частности, известно, что представители сибирско-татарской и остяцкой знати перешли на службу Российского государства вместе со своим традиционным

---

⁷⁰ Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 1 / ред. И.Д. Беляев. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 32; «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. – М.: Институт истории СССР, 1989. – С. 15.

⁷¹ Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 19; «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 15.

⁷² Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.): дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.06. / Двуреченский Олег Викторович. – СПб., 2008. – С. 161–162. (Тип 6а).

⁷³ Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 1. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 33–34.

⁷⁴ «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 26.

⁷⁵ Отметим, что наличие достоверно татарского по происхождению археологического материала из Западной Сибири способствовало достаточно слабое распространение в XVI–XVII вв. в регионе ислама, что проявилось в сохранении неисламских черт в погребальном обряде, а конкретно – в наличии сопроводительного инвентаря, включавшего и предметы вооружения. Европейские группы татар, в том числе служилых, были затронуты исламизацией в гораздо большей степени, что делает сомнительным обнаружение предметов вооружения в их захоронениях.

⁷⁶ Например: Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними (1593–1594 гг.) // Г.Ф. Миллер. История Сибири. – Т. I. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 357.

⁷⁷ Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. ... С. 68.

оружием, которое продолжали использовать в ходе военных компаний уже в составе российских воинских отрядов.

Кроме того, письменные источники прямо указывают на факты использования сибирскими служилыми татарами Московского государства первой половины XVII в. предметов вооружения, применявшихся воинами Западной Сибири в период существования на ее территории независимого Сибирского ханства.⁷⁸ Данные факты позволяют привлекать сведения о наступательном и защитном вооружении сибирских татар конца XVI в. в качестве сравнительного материала для характеристики комплекса вооружения служилых сибирских татар Московского государства XVII в.

Раскопки на месте расположения столицы Сибирского ханства – г. Искер, дали материал по вооружению сибирских татар накануне их вхождения в состав Российского государства и поступления части сибирско-татарской знати на русскую службу. К числу находок с территории Искера относятся: сабля, два палаша, наконечники стрел нескольких типов, наконечник копья, обрывки кольчатого панциря.⁷⁹ Как отмечено выше, с начала завоевания Сибири царская администрация активно привлекала на службу представителей местного военного слоя – мурз и казаков. Переходя под «государеву высокую руку» те продолжали использовать своё прежнее вооружение, что и определяет возможность использования материалов с городища Искер в нашем исследовании.

Значительный материал дают памятники из бассейна р. Тара (Северо-Западная Бараба). Ножи и наконечники стрел известны из погребений в составе памятников Черталы-3 и Чеплярово-27.⁸⁰ На могильнике Бергамак-2 обнаружены наконечник копья и палаш.⁸¹ Обрывки кольчуги и панцирная пластина известны по

---

⁷⁸ Миллер, Г.Ф. История Сибири. / Г.Ф. Миллер. – Т. I. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 263–265.

⁷⁹ Коников, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера... С. 184–188; Худяков, Ю.С. Хан Кучум и его воины... С. 72–75.

⁸⁰ Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья: новые находки / Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С. 59–66.

⁸¹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 271–272, 279.

раскопкам на памятнике Малый Чуланкуль.⁸² Находки в могильнике Абрамово-10 в бассейне р. Омь (Центральная Бараба) дают представление о саадачном наборе сибирских татар XVI–XVII вв. (на нём обнаружены наконечники стрел, древки, остатки сложного лука и колчана).⁸³ В целом, нужно отметить, что археологические материалы из юго-восточных районов расселения сибирских татар дают хорошее представление о таких составляющих оружейного комплекса, как доспех, клинковое и древковое оружие, саадак.

Наконечники стрел и полный набор пластин от пластинчато-нашивного панциря найдены в погребениях из памятника Окунево-7.⁸⁴ Панцирные пластины были обнаружены в могиле № 267 вместе с проушным топором и наконечниками стрел. Сам панцирь был уложен в могилу в качестве погребального ложа. Сохранилось около 130 железных коррозированных пластин, и ещё пять или шесть разрушены. В ходе исследования было установлено расположение пластин в панцире. Элементы крепления представлены заклёпками и отверстиями. Пластины монтировались на мягкую основу изнутри (характер ткани установить не удалось). Таким образом, перед нами панцирь пластинчато-нашивного типа, в европейской традиции обозначаемый термином бригантина, а в монгольской – куяк. Покрой доспеха – кираса. При помещении в могилу он был вывернут наизнанку, что может отображать обряд ритуального убийства предмета.

К случайным находкам относятся два наконечника копья из Венгеровского района Новосибирской области.⁸⁵ Наконечники могут быть отнесены к двум широко распространённым в рассматриваемый период типам.

Важную роль в процессе изучения рассматриваемой темы играют шлемы, панцири, клинковое оружие, принадлежавшие представителям знати служилых татар и хранившиеся в семьях тюркского населения Восточной Европы и Западной Сибири на протяжении нескольких поколений. В настоящее время данные предметы вооружения экспонируются в музейных собраниях и частных

---

⁸² Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 16, 77.

⁸³ Там же, С. 50–54, 63, 64.

⁸⁴ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 67–74.

⁸⁵ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 73–75.

коллекциях Российской Федерации, стран Ближнего и Дальнего Зарубежья. Так, например, в фондах ТГИАМЗ хранятся шлемы и панцири среднеазиатского и ойратского производства, а также сабля, колчан и две стрелы, принадлежавшие представителям знатного рода служилых татар Кулмаметьевых. К их числу относится цельнокованный полусферический шлем с комбинированной бармицей, два клепаных сфероцилиндрических наголовья ойратского производства и др. Два типично ойратских шлема из этого арсенала являются, вероятно, подарками от ойратов, в приёме посольства которых участвовали представители служилого семейства. Использование сибирскими служилыми татарами предметов вооружения ойратского происхождения в XVII в. подтверждает обнаружение в татарском могильнике Бергамак-2 палаша с перекрестием центральноазиатского типа.

В собрании ТГИАМЗ также хранятся пять кольчатых панцирей, принадлежавших служилым татарам. Две татарские кольчуги из Западной Сибири имеются в частных коллекциях в РФ и Казахстане.⁸⁶

В Свердловском областном краеведческом музее имеются кольчатый панцирь и цельнокованный сфероконический шлем с козырьком и пластинчатым назатыльником, подаренные, по преданию, старцу Далмату татаринном Илигеем.⁸⁷ Легенду о принадлежности шлема и панциря подтверждает тип покроя второго экспоната – панцирь скроен в виде куртки, что не характерно для русских панцирей, но распространён в среднеазиатском регионе, значительно влиявшем на оружейный комплекс и оружейников западносибирских татар. В то же время рейтарский шлем из Далматова монастыря может свидетельствовать о распространении среди татарских подданных Российского государства в XVII в. предметов вооружения европейского происхождения или созданных по европейскому образцу.

---

⁸⁶ Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири... С. 106–120; Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 213–222.

⁸⁷ Бобров, Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина... С. 264–267; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов... С.43–52.

Нами также рассмотрен цилиндроконический шлем из Артиллерийского музея, который, по данным П. Васина, мог принадлежать касимовскому татарину. Данное боевое наголовье является ранним вариантом «тюрбанных» шлемов, получивших в XV–XVI вв. популярность в Османской империи, откуда они проникали и в соседние регионы.

В то же время следует отметить, что некоторые предметы вооружения, которые традиционно приписываются к комплексу вооружения служилых татар, в действительности не имеют к ним никакого отношения. В Краеведческом музее г. Касимова имеются экспонаты, обозначаемые как доспехи татарского воина XVI в. (рис. 49). Однако в данном случае, как и в ряде других, мы имеем дело не с настоящими татарскими доспехами, а с их имитацией, составленной из разновременных предметов вооружения XVIII–XIX вв. преимущественно иранского производства. В музее Касимова имеется кольчуга, поздний (XVIII–XIX вв.) вариант иранского шлема кулах-худ⁸⁸, увенчанный птичьей головой на длинной шее, со «скользящим» наносником декоративного назначения (он не опускается), а также щит, украшенный, как и шлем, рельефными солнцами с личинами. Щит также позднего иранского происхождения.

В целом, для типологического анализа комплекса вооружения служилых татар Российского государства рассматриваемого исторического периода могут быть привлечены сведения по 11 лукам, 6 саблям, 4 палашам, 7 наконечникам копий, 270 наконечникам стрел, 2 колчанам, 11 кольчатым панцирям и их фрагментам, 1 пластинчато-нашивному доспеху, 7 боевым наголовьям и др. (всего свыше 550 экз.). Преобладают археологические материалы, однако музейные несут большее значение при рассмотрении защитного вооружения, поскольку боевые наголовья и основная часть копусных панцирей происходят из музейных собраний (соответственно, для них характерна высокая степень сохранности).

---

⁸⁸ Бобров, Л.А. «Индо-персидский» шлем хана Джангира и проблема эволюции наголовий «кула-худ» XVI–XIX веков / Л.А. Бобров // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. – Ч. I. – С. 218–233.

Согласно сообщениям современников, комплекс вооружения служилых татар был весьма близок вооружению тюркских кочевых народов Восточной Европы, а также польско-литовских татар («липков»). Кроме того, значительная часть оружия и доспехов служилых татар Российского государства была изготовлена российскими мастерами. По данной причине в качестве сравнительного материала в диссертации привлекаются сведения о вооружении крымских, большеордынских, казанских, польско-литовских татар и ногайцев, а также воинов русской поместной конницы сотенной службы, содержащиеся в исследовательской литературе и источниках (вещественных, изобразительных и письменных).

2.2. Письменные источники

Письменные источники по теме исследования представлены нарративами (исторические произведения, воспоминания, дневники) и документальными материалами (грамоты, десяти, отписки, описи, отдельные книги, памяти, разрядные книги, сметные списки и книги, челобитные, дела по челобитным и др.). Основная часть этих материалов в качестве источника по военному делу служилых татар используется впервые в настоящей диссертации.

Одной из важных разновидностей письменных источников являются сообщения иностранных авторов, посещавших Российское государство и сопредельные территории в XV–XVII вв.

Итальянский дипломат и путешественник Амброджо Контарини в 1474–1477 гг., будучи послом к правителю Ак-Коюнлу Узун-Гасану, совершил длительное путешествие и побывал также в татарских и русских землях. Свои впечатления он изложил в сочинении, кратко именуемом «Путешествие в Персию» (написано в 1487 г.).⁸⁹ Этот источник даёт некоторое представление о военном деле ордынцев второй половины XV в., из среды которых вышли касимовские татары. Так, в частности, сообщается, что татары в основной массе плохо вооружены, не имеют

---

⁸⁹ Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. – Л.: Наука, 1971. – С. 210–235.

доспехов и наступательного вооружения, что является отражением процесса снижения роли защитного вооружения и тяжёлой конницы в военном деле тюркских народов Восточной Европы.

Татары были хорошо знакомы русским, поэтому и сведения о военном деле служилых татар в них скудны. В летописях⁹⁰ прямо или косвенно сообщается об участии татар в войнах, их положении в полках, а также об их тактике. Из русских нарративных источников использован также Казанский летописец.⁹¹

«Записки о Московии» С. Герберштейна (одно из самых известных европейских произведений о Московском царстве) содержат подробные сведения о вооружении, тактике, экипировке татар, которых автор считал несколькими разными народами, обладающими схожей культурой.⁹² «Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII» Паоло Джовио содержит сведения о татарах и ногайх первой половины XVI в., их военном деле, закупке крымскими ханами вооружения у персов: «Равным образом и врага отражают они, полагаясь на одни только стрелы. Впрочем, всякий раз как они решают, что им следует сделать набег на Европу, их государи покупают в наше время у Персов железные шлемы, брони и сабли».⁹³

---

⁹⁰ Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 6. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – 360 с.

Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 29. – М.: Наука, 1965. – 390 с.

Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. – Т. 16. – М.: ЯРК, 2000. – 252 с.

Новгородская четвёртая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 4. – Ч. 1. – М.: ЯРК, 2000. – 728 с.

Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. – Т. 5. – Вып. 1. – М.: ЯРК, 2003. – 256 с.

Румянцевский летописец // Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. Ч. I. Группа Есиповской летописи / ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. – Т. 36. – М.: Наука, 1987. – С. 38.

Краткая сибирская летопись (Кунгурская, Ремезовская) – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1880. – 40 [53] с.

⁹¹ История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. – Т. 19. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 546 с.

⁹² Герберштейн, С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко, вст. ст. А.Л. Хорошкевич, под ред. В.Л. Янина. – М.: изд. МГУ, 1988. – 430 с.

⁹³ Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева. – М.: Русский мир, 1997. – С. 259.

В публицистическом сочинении Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» приводятся некоторые сведения о военном деле татар. В том числе об их вооружении, тактике и военной одежде.⁹⁴

Известный английский дипломат и путешественник Энтони Дженкинсон, бывавший в России перед Ливонской войной, оставил некоторые сведения о татарах на русской службе. В частности, он сообщает, что во время аудиенции у царя во время обеда при нём присутствовали молодой казанский царь (наравне с вельможами и знатными иностранцами), а в соседних залах разместились 2000 татар-воинов, которые прибыли «с изъявлением покорности царю и назначены были служить ему в его войне с лифляндцами». Он сообщает также, что в Астрахань татары завозят из Персии в том числе кольчуги, луки, мечи. «Татары привозят сюда разные сорта товаров из хлопчатой бумаги и шелковые материи; приезжающие из Персии, а именно из Шемахи, привозят... кольчуги, луки, мечи».⁹⁵

Наибольшее значение для нас имеют тексты, составленные участниками и свидетелями боевых действий, в том числе послами. Ко временам Ливонской войны, в которой служилые татары принимали участие, относятся сразу несколько важных текстов.

Ценным источником является «Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г...» Луки Дзялынского, старосты Ковальского и Бродницкого, участника Ливонской войны. Автор описывает события 1580 г. на театре военных действий, в том числе стычки и сражения. Эти сведения содержат важную информацию по тактике и вооружению служилых татар, о месте татар в стратегии русского командования, их основных задачах на войне.⁹⁶

В «Дневнике...» Дзялынского имеется пространное описание стычки с татарами, произошедшей 17 августа 1580 г. в лесах между Велижем и Великими

---

⁹⁴ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / под ред. А.Л. Хорошкевич, пер. В.И. Матузовой. – М.: изд. МГУ, 1994. – 140 с.

⁹⁵ Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.: Соцэкгиз, 1937. – С. 172.

⁹⁶ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. – М.: Университетская типография, 1897. – С. 18–68.

Луками. Имеются и русские свидетельства о том, что в конце июля и, видимо, начале августа⁹⁷ в Великих Луках стоял воевода В.Д. Хилков, в ратях которого присутствовали татары. Причём ему приказано посылать «голов с тотары по заставам... по Усвяцкой и по Озерищское и по Невельской и по Заволотцкой дороге»⁹⁸, т.е. и в те места, по которым шёл Дзялынский. По другому источнику известно, что с мая 1580 г. В.Д. Хилков командовал войском, в котором числились татары Царёва двора, городецкие, Будалеева двора, романовские, кадомские, ценские, московских городов.⁹⁹ Это позволяет примерно установить локальную корпорацию, к которой относились татары, попавшие на страницы дневника Дзялынского.

Некоторые важные сведения о служилых татарах содержатся в записках Якоба Ульфельдта («Путешествие в Россию») – главы датского посольства 1578 г. к царю Ивану. Проезжая через Прибалтику и Россию, Я. Ульфельдт всюду наблюдал признаки масштабной войны и неоднократно отмечал участие в ней татар – подданных русского царя. Ульфельдт писал, что татары из вооружения имеют лишь луки и что за участие в войне они получают (кроме всего прочего) многочисленный полон.¹⁰⁰

В письмах Яна Зборовского, командовавшего в 1580 г. частью войск Батория, можно найти сведения об использовании татар в качестве диверсантов, а также о системе управления ими.¹⁰¹

«Ливонская летопись» Франца Ниенштедта, – бывшего рижского бургомистра и королевского бургграфа, содержит интересные сведения об

---

⁹⁷ Грамота Хилкову в Великие Луки была написана на Москве только 28 июля.

⁹⁸ Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о продвижении его войск к Холму и присылке к нему из Торопца отряда казанских татар (№4, 28 июля 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 210.

⁹⁹ Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей (май 1580) // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции / ред. Д. Антонов. – Т. VI. – М., 1914. – С. 2.

¹⁰⁰ Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 616 с.

¹⁰¹ Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. – М.: Университетская типография, 1897. – С. 2–17.

использовании служилыми татарами во время боя аркана, о начале Ливонской войны и участии в ней царя Шигалея и татар.¹⁰²

Попавший в плен к русским и перешедший на службу к царю ливонский дворянин Иоганн Таубе известен как автор письма своему брату Генриху (написанное 24 ноября 1563 г.), в котором он сообщает, что царь Иван выступил в поход против Ливонии с 500-тыс. войском, состоящим из русских и татар (численность сильно преувеличена). Этот текст показывает, что европейцы хорошо знали о национальном составе царской армии и татары были её значительной частью, хотя европейские авторы и не имели представления о реальной численности московских войска.¹⁰³

Антонио Поссевино, – папский легат в Восточной Европе и первый иезуит, побывавший в Москве (с посольством в 1582 г.), оставил сведения об участии служилых татар в войне и охране ими посольств, о способах войны русских с татарами (с помощью артиллерии). Наибольший интерес представляют описания того, что автор видел сам во время поездки в Московию. Кроме того, он передаёт сведения об участии татар в битве с немцами и литовцами в качестве авангарда (в 1502 г.), хотя в целом сведения о войне 1502 г. у Поссевино не отличаются точностью.¹⁰⁴

«Ливонская хроника» уроженца Ревеля Бальтазара Рюссова, первое издание которой относится ещё к 1578 г., содержит многочисленные упоминания об участии служилых татар в Ливонской войне и разорении ими (совместно с русскими) ливонских земель, а также о служилом «царе» Шигалее.¹⁰⁵

Другой автор – Даниил Принц из Бухова был советником Императорского Апелляционного Суда в Чехии, пользовался большим доверием императоров Максимилиана II и Рудольфа II, и два раза был послом в Москву в 1576 и 1578 гг.

---

¹⁰² Ниенштедт, Франц. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Т. III–IV. – Рига: Типография А.И. Липинского, 1880–1883. – С. 355–400.

¹⁰³ Два письма Иоганна Таубе. 1562–1563 / Э. Винтер // Исторический архив. – 1962. – №3. – С. 151.

¹⁰⁴ Поссевино, А. "Московское посольство" Антонио Поссевино // Вестник МГУ. Серия IX. История. – № 5. – 1970. – С. 89–100.

¹⁰⁵ Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Т. II. – Рига: Типография А.И. Липинского, 1879. – С. 159–406.

В его произведении «Начало и возвышение Московии» имеются некоторые сведения о содержании служилых татар.¹⁰⁶

Достаточно часто упоминания о служилых татарах Российского государства встречаются на страницах «Дневника последнего похода Стефана Батория», который вёлся одним из секретарей королевской канцелярии ксендзом Станиславом Пиотровским (за 1581 г.). Здесь есть сведения о диверсионной деятельности татар, их численности (недостовверные), командовании, об участии в защите Пскова, фактах дезертирства с театра военных действий.¹⁰⁷

Сообщает о служилых татарах в Ливонской войне в одном из своих произведений и А. Курбский.¹⁰⁸

Мартин Груневег, позже ставший духовником М. Мнишек, в молодости бывал в Москве по торговым делам. Его «Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг.» содержат сообщение о различии в вооружении служилых татар и русских: «Утром 17 Июня я видел Великую княгиню, когда она ехала к церкви за Гостиным двором. Её сопровождали, как и великого князя, 300 всадников, среди них сотня Татар с луками, Московиты же с пищалями».¹⁰⁹

В «Записках о московской войне» крупного польского хрониста последней трети XVI в. Р. Гейденштейна содержатся некоторые сведения об участии татар в Ливонской войне.¹¹⁰

Англичанин Джильс Флетчер, побывавший в Московии в 1588 г., в своём произведении «О государстве русском» достаточно подробно рассматривает

---

¹⁰⁶ Принц, Даниил. Даниил Принц из Быховца. Начало и возвышение Московии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / пер. И.А. Тихомирова. – М.: Университетская типография, 1876. – Кн. 3. – 512 с.

¹⁰⁷ Пиотровский, Станислав. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / ред. О.Н. Милевский. – Псков: Типография Губернского Правления, 1882. – XVI, 261, 11 с.

¹⁰⁸ Курбский, А.М. История кн. великого Московского о делех, яже слышхом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими / ред. Н.Г. Устрялов // Сказания князя Курбского. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. – С. 62.

¹⁰⁹ Груневег, М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2013.

¹¹⁰ Гейденштейн, Рейнгольдт. Записки о московской войне. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1889. – 421 с.

военное дело (вооружение и тактику) крымских татар и русских, а также отмечает переход на русскую службу сибирского полководца Маметкула.¹¹¹

Живший в Московии в 1573–1591 г. (с перерывами) английский купец Джером Горсей оставил после себя мемуары – «Записки о России. XVI – начало XVII вв.», а также несколько писем. В них он рассказывает о Ливонской войне и последующих годах в России, вплоть до событий Смуты.¹¹²

Ротмистр на службе у Лжедмитрия I, автор записок о Смутном времени Станислав Борша приводит некоторые данные об участии татар в военных действиях (бое столкновениях и разведке) против сил самозванца.¹¹³

Произведение французского наёмника Жака Маржерета «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» содержит достаточно подробные сведения о тактике и вооружении татар начала XVII в., что может быть использовано для сравнения с известными данными по служилым татарам и отчасти экстраполировано на них. Кроме того, он приводит сведения об этническом составе российского войска и формах платы за службу.¹¹⁴

Немало сведений о служилых татарах периода Смутного времени имеется в «Дневнике» Юзефа Будзило. Он сообщает об участии татар в боях, расположении их в войске Шуйского, убийстве татарским князем Лжедмитрия II, ведении атаки татарами в пешем строю. Численность татар в войске, как и самого войска, традиционно завышена.¹¹⁵

Конрад Буссов (1552–1617), бывавший в России в Смутное время, отмечает наличие татар (наряду с немцами, поляками, шведами и другими иностранцами) в царском войске, их переход на сторону Лжедмитрия, участие татар (вместе с

---

¹¹¹ Флетчер, Джильс. О государстве русском / пер. М.А. Оболенского. – М.: Издательский дом «Захаров», 2002. – 176 с.

¹¹² Горсей, Джером. Рассказ или воспоминания сэра Джерома Горсея // Д. Горсей. Записки о России XVI – начало XVII вв. / комментарии А.А. Севастьяновой – М.: изд. МГУ, 1990. – 228 с.

¹¹³ Борша, Станислав. Поход московского царя Дмитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года. Русская историческая библиотека. – Т. 1. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. – С. 365–426.

¹¹⁴ Маржерет, Жак. Состояние Российской империи // Ред и пер. Ан. Береловича, В.Н. Назарова, П.Ю. Уварова – М.: Институт истории РАН, 2007. – 552 с.

¹¹⁵ Будзило (Будило), Иосиф. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Дмитрия (*Historia Dmitra falszywego*) // Русская историческая библиотека. – Т. 1. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. – С. 81–364.

казаками, немцами, поляками, стрельцами) во встречи поезда М. Мнишек. Он передаёт также рассказ об убийстве Лжедмитрия II Петром Урусовым с использованием ружья.¹¹⁶

Георг Паерле сообщал, что татары не использовали огнестрельное оружие, и были в российской войске очень многочисленны.¹¹⁷

Упоминаются служилые (касимовские) татары в так называемом «Дневнике Марины Мнишек»¹¹⁸, на что указывал А.В. Беляков.¹¹⁹ Сравнение легковооружённых татар с польскими рыцарями выглядит в свете других источников достоверно. А.В. Беляков отметил низкую оценку боевых качеств татар, данную автором «дневника». Однако, как нам кажется, это не совсем объективно. Европейские источники того времени часто отличаются пренебрежительной оценкой неевропейских народов, и в данном случае можно ожидать от поляка нелестной характеристики вооружённых только луками и саблями татар, избегавших прямого столкновения и рукопашной.

Пётр Петрей де Ерлезунда (1570–1622), шведский дипломат, путешественник и историк, в своём произведении о России¹²⁰ приводит описание внешности татар (прежде всего ногайских), некоторые особенности военной службы казанских татар и ногайцев. Он делает важное замечание о касимовских татарах: «у жителей этой земли вера, язык, нравы, приемы, постройка, подати и служба такие же, как и у других татар»¹²¹. Это позволяет экстраполировать данные по касимовским татарам на другие локальные группы служилых татар.

Кроме того, некоторые сведения, имеющие отношение к нашей теме, содержатся в произведениях Матвея Меховского¹²², Адама Олеария (сообщение о

---

¹¹⁶ Буссов, Конрад. Московская хроника. 1584–1613 / ред. И.И. Смирнов. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 400 с.

¹¹⁷ Паерле, Георг. Описание путешествия Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургского, с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом Младшим, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков, с 19 марта 1606 по 15 декабря 1608 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце / ред. Н.Г. Устрялов. – Т. 2. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1859. – С. 148–233.

¹¹⁸ Дневник Марины Мнишек / пер. В.Н. Козлякова. – М.: изд. «Дмитрий Буланин», 1995. – 200 с.

¹¹⁹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 226.

¹²⁰ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии. – М.: Фонд Сергея Дубова – Рита-Принт, 1997.

¹²¹ Там же, С. 178.

¹²² Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. – М. – Л.: изд. АН СССР, 1936. – 301 с.

снабжении федератов-ногайцев огнестрельным оружием)¹²³, Де ла Невилля¹²⁴, Якоба Рейтенфельса¹²⁵, Августина Майерберга¹²⁶ и др.

Важной разновидностью письменных источников по теме диссертации является актовый, или документальный материал Российского государства. К актам в широком смысле относятся все тексты, выполняющие функции документов. Поскольку совокупность разновидностей документов изменяется во времени, выработать единое определение этого термина затруднительно.¹²⁷ Поэтому обозначение в настоящей работе рассматриваемых ниже источников как актов достаточно условно.

Документальные источники отличаются большей, в сравнении с нарративами, достоверностью. Вопросы военного дела служилых татар в большинстве из них затрагиваются лишь очень кратко или косвенно, однако сведений они дают в совокупности немало, поэтому также важны для исследования. Первостепенное значение среди них имеют разрядные книги и десяти, а также отписки. Ниже приведена краткая характеристика типов использованного актового материала и списки наименований источников в сносках.

Грамота на Руси X—XVII веков представляла собой деловой документ (главным образом, так называли акты) и письма (официальные и частные). Существовали грамоты ввозные, жалованные, царские. Составлялись они по различным вопросам – как хозяйственным, так и военным, и содержат разную информацию о служилых татарах: о пожалованиях, наградах, о верстании на

---

¹²³ Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию / пер. А.М. Ловягина. – М.: Русич, 2003. – 480 с.

¹²⁴ Невилль, де Ла. Записки о Московии / ред. А.С. Лавров. – М.: Аллегро-пресс, 1996.

¹²⁵ Рейтенфельс, Яков. Сказания о Московии // Утверждение династии / Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинз, Яков Рейтенфельс. – М.: Фонд Сергея Дуброва, 1997. – С. 231–406.

¹²⁶ Майерберг, Августин. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшаго римскаго императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. – М.: Университетская Типография, 1874. – 260 с.

¹²⁷ Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – С. 249.

службу, наблюдении за противником (татарами или литовскими людьми), защите служилых людей от произвола начальства.¹²⁸

Десятня – разновидность делопроизводственной документации Российского государства XVI–XVII вв., именные военно-учётные списки служилых людей «по отечеству». В них приводится информация о материальном достатке служилого человека, вооружении, т.е. они показывают степень боеготовности. По служилым татарам составлялась та же документация, что и по другим категориям служилых людей. Так, в описях архивов приказов встречаются упоминания о десятнях новичных,¹²⁹ разборных¹³⁰ и денежных раздач.¹³¹ По служилым татарам (а также мордве, чувашам, черемисам, немцам, грекам и другим иноземцам) составлялись отдельные десятни¹³², так как это были отдельные категории служилых людей. Однако наша работа с десятнями в РГАДА показала, что служилых татар могли вписывать и в один документ с другими категориями служилых, включая русских дворян.

Поиски дали нам только две десятни, обе за 1622 г. (сведения из них приведены в разделе по саадаку).¹³³

---

¹²⁸ Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову в Великие Луки о сборе и присылке к нему ратных людей и служилых татар и его действиях в случае направления неприятеля ко Пскову или Смоленску, и об обороне Великих Лук (№2, 15 июля 1580 г.) / Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 207.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о продвижении к Торопцу и посылке под Велиж татарских застав для «промышки» неприятелю на дорогах (№13, 15 августа 1580 г.) / Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы... С. 218–219.

Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову в Холм о продвижении неприятеля к Великим Лукам и о проведывании вестей (№6, 6 августа 1580 г.) / Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы... С. 212–213.

Государева грамота на Тулу воеводам о наблюдении за татарами и о принятии мер против их набегов (1625 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 198–199.

¹²⁹ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подготовка текста и вступительная статья К.В. Петрова. – СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 2001. – С. 104, 105.

¹³⁰ Описи архива Разрядного приказа XVII в... С. 101.

¹³¹ Описи архива Разрядного приказа XVII в... С. 382, 389.

¹³² Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Книга 8. – М., 1891. – С. 53.

¹³³ Ф. 210. Разрядный приказ (Канцелярия Сената, Канцелярия Сенатского правления, Приказ крепостных дел, Расправная палата). Оп. 4. Десятни. К. 112; Ф. 210. Разрядный приказ (Канцелярия Сената, Канцелярия Сенатского правления, Приказ крепостных дел, Расправная палата). Оп. 4. Десятни. К. 177.

В XV в., вероятно, подобных документов с информацией по вооружению служилых не было. Десятни стали составляться только в XVI в., но и они дошли в весьма ограниченном количестве. Десятен по служилым татарам от XVI в. мы не обнаружили. В личной переписке специалисты по истории татар XV–XVI вв. и армии Российского государства И.В. Зайцев и А.В. Малов сообщили, что им также не попадались документы подобного рода.

Отписка – донесение подведомственного местного учреждения в вышестоящее центральное учреждение на имя царя (XVI–XVII вв.).¹³⁴ Отписки содержат сведения о службе татар, участии их в военных мероприятиях разного масштаба, что важно при рассмотрении вопроса о месте татар в военной стратегии Российского государства, а также некоторые редкие сведения по тактике и вооружению татар и их противников, особенностях прохождения службы татарами и их принятия на неё (например, запросы переводчиков Корана позволяют установить форму присяги для татар). В работе использованы сведения семи отписок XVII в.¹³⁵

Память – документ, представляющий собой распоряжение, предписание старшего по положению лица (а позже и учреждения) на конкретные действия своим подчиненным. Существовали памяти с XVI в. Распоряжения касались различных аспектов жизни служилых людей, и содержат сведения о поместьях,

---

¹³⁴ Краткий словарь видов и разновидностей документов. – М.: Главархив, 1974. – 80 с.

¹³⁵ Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами об отсылке им на Москву литовских языков, шляхтича Ал.Лабыта с товарищами, с приложением их расспросных речей (1632 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 433–434.

Отписка воевод князя Дмитрий Мамстрюковича Черкасского с товарищи, с приложением расспросных речей, взятых за рубежом языков Дубровенского повету Степана Тимофеева и Алексея Сидорова, о намерении Гетмана Хоткевича с Глебовичем идти под Смоленск мимо острожков обманом, и о посылке для наблюдения за ними на рубеж голов с татарами (1614 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 113–115.

Отписка из Тулы князя Алексея Трубецкого о присылке для присяги лютеран пастора, а для татар Корана и переводчика (1645 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорской Академиею Наук. Том II. Разрядный приказ. Московский стол (1635–1659) / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. – С. 156.

Отписка Курского воеводы о татарском набеге // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 189–191.

Отписка Одоевских воевод, как им привести к шерти татар (1645 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорской Академиею Наук. Том II. Разрядный приказ. Московский стол (1635–1659) / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. – С. 161.

месте и времени военных сборов, об участии служилых татар в военных мероприятиях, назначении командиров их подразделений.¹³⁶

Разрядные книги – записи официальных распоряжений в Российском государстве. В них отмечались причины, порядок употребления служилых людей, их численность, ежегодные назначения на военную, гражданскую и придворную службы. Разрядные книги велись с 1471 по 1682 гг. Это важный источник по численности служилых татар и их месту в тактическом искусстве русских полководцев. В настоящем исследовании использованы данные семи разрядных книг (за 1475–1598, 1475–1605, 1550–1636, 1613–1614, 7123 (1614/1615), 7124 (1615/1616), 7125 (1616/1617) гг.), а также «разряды» князя Симеона Бекбулатовича.¹³⁷

К разрядным книгам примыкают сметные списки и книги. Они представляли собой ежегодные воеводские отчеты в Разрядный приказ о состоянии крепостей, количестве служилых людей, наличии казны и запасов. В нашей работе использованы данные Записной книги Полоцкого похода 1562/1663 гг.¹³⁸, Первой и Второй полковых росписей ржевских воевод 1580 г.¹³⁹, Росписи войска,

---

¹³⁶ Наказная память князю Кулунчаку и князю Еникею Еникеевым, детям Тенишева о сборе темниковских служилых татар, казаков и мордвы (1600–1604?) // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / сост. А.В. Антонов. – Т. III. – М.: Древлехранилище, 2002. – С. 160.

Наказная память боярина и воеводы Фёдора Ивановича Шереметьева письменному главе Мисюрю Ивановичу Соловцову и стрелецкому главе Девятому Фёдоровичу Змееву о приводе и крестном целовании на имя царя Василия Шуйского населения Кувшинской, Чемуршинской, Шарданской и Сугуцкой волостей Чебоксарского уезда (1 января 1609 г.) // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А.В. Антонов. – Т. III. – М.: Древлехранилище, 2002. – С. 325.

Память в приказ Казанского дворца из Розряда о посылке грамот к воеводам в города: Алатырь, Курмыш, Темников, Касимов и Кадом об извещении дворян и детей боярских тех городов – быть готовыми на службу (1625 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 196–197.

Память из Приказа Казанского Дворца о присылке восприемника для мурзы Сунчалаея (22 июля 1663 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том III. Разрядный приказ. Московский стол (1660–1664) / ред. Д.Я. Самоквасов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. – С. 534.

¹³⁷ Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей (май 1580) // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции / ред. Д. Антонов. – Т. VI. – М., 1914. – 610 с.

¹³⁸ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – С. 37–54.

¹³⁹ Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. / ред. В.И. Буганов. – М.: Наука, 1962. – С. 267–269; Вторая полковая роспись ржевских воевод / ред. В.И. Буганов // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. – М.: Наука, 1962. – С. 269–270.

собранного в 1604 г. против самозванца¹⁴⁰, сметных списков 1630/1631 и 1651 гг.¹⁴¹, Сметный список военных сил Московского государства 1661–1663 гг.¹⁴²

Челобитные – коллективные или индивидуальные прошения, прообраз современных заявлений. Челобитные содержат самые разные сведения из жизни заявителей, в том числе об их военной службе, местах и условиях её прохождения, заслугах на ней.¹⁴³

Сведения по некоторым аспектам военного дела служилых татар содержатся в документах дипломатического делопроизводства, а именно в документе о посольстве Ивана III к Менгли-Гирею¹⁴⁴, и письме того же хана к великому князю.¹⁴⁵

Единственный документ Великого княжества Литовского использован нами как источник по вооружению литовских служилых татар XVI в., приводимый в качестве аналогии вооружению служилых татар Российского государства.¹⁴⁶

Информацию о видах службы татар в Ливонскую войну несут «Записи» и «распросные речи» в Разрядном шатре князя В.Д. Хилкова (в частности, сведения о захвате татарами «языков»)¹⁴⁷.

---

¹⁴⁰ Роспись войск против самозванца в 1604 г. // Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. / А.Л. Станиславский. – М.: РГГУ, 2004. – С. 366–420.

¹⁴¹ Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – М.: Университетская типография, 1849.

«Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 18 – 51.

¹⁴² Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. – СПб., 1911.

¹⁴³ Челобитная служилаго татарина Посольскаго приказа Теребердея Трегулова (1613–1617 гг.) // Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / сост. и ред. А. М. Гневушев. – М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1914. – С. 377–378.

Челобитная томских пригородных татар царю о выдаче им жалования за участие в походе против кыргызов (1643 г.) // Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII века / В.Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. – Абакан: Хакасия, 1995. – С. 117.

¹⁴⁴ Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Никитою Васильевичем Беклемишевым // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Часть I (Том 41). Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1884. – С. 1-9.

¹⁴⁵ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Часть I (Том 41). Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: Посольство от царя Менгли-Гирея, 1884. – С. 175–176.

¹⁴⁶ Три копии дел, относящихся к имению Засулье, выданные князю Аликечу Бекгимовичу / Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXI. Акты о литовских татарах. – Вильна: Русский Почин, 1906. – С. 121–125.

¹⁴⁷ Записи в Разрядном шатре кн. В.Д. Хилкова о взятых языках (№31, после 14 сентября 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной

Кроме вышеозначенных групп документов, нами использованы сведения из судебного дел¹⁴⁸, одной выписки из составленного в Сибирском приказе доклада.¹⁴⁹ Они содержат информацию о социально-экономическом положении татар, об организации и системе управления ими.

Как мы видим, важнейшим источником сведений по военному делу европейских групп служилых татар России является нарративный материал преимущественно европейского происхождения (русский нарративный материал менее информативен). В дневниках, записках и письмах содержатся сообщения о вооружении, тактике татар, их месте в русском войске, системе командования, видах службы и др. Однако нарративы в значительной степени субъективны и в отдельных случаях несут явные следы авторского вымысла или непонимания/незнания каких-то вопросов. Большой объективностью отличаются источники документального характера. Содержащиеся в них сведения достаточно высокой степени достоверности затрагивают многие вопросы военного дела служилых татар, которые обычно ускользают от стороннего наблюдателя – автора нарратива.

2.3. Изобразительные источники

Изобразительные источники по нашей теме на основании происхождения художников могут быть разделены на русские и европейские, а по способу выполнения делятся на графические («чёрно-белые») и живописные (цветные). Последние более информативны, поскольку отображают цвет внешнего покрытия предметов вооружения и одежды.

Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 233–234;

Распросные речи пленных в Разрядном шатре кн. В.Д. Хилкова (№32, после 14 сентября 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 234–235.

¹⁴⁸ Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлекая Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинюкова Ногаева (Нагаева) (1613/1614) // Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII вв. Книга II. Опись фонда 141. Приказные дела старых лет. Посольский приказ / ред. Н.П. Воскобойникова. – СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 57.

¹⁴⁹ Из выписки в доклад, составленной в Сибирском приказе, о приходе к Таре ойратов и о победе русских служилых людей над ними // Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов / М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. – М.: Наука, 1974. – С. 67–68.

Российский служилый татарин изображён на гравюре швейцарского гравёра и художника Йоста Аммана (1539–1591), выполненной в 1577 г. Позднее данное изображение использовалось в качестве иллюстрации в переиздании книги С. Герберштейна, среди типажей Московии (рис. 4–5). Само изображение было изначально подписано как "Tartar arme", а в переиздании Герберштейна – "Tartar gentili more armatus". Булава, саадак, а также богатая одежда говорят о том, что это не простолюдин, а служилый человек. Если учесть, что гравюра написана десятилетия спустя после завоевания Казани, можно подумать, что на ней – уже служилый татарин, а не воин Казанского ханства.

Миниатюры Ремезовской летописи содержат рисунки нескольких десятков татарских воинов Западной Сибири конца XVII в. При создании изображений их авторы могли опираться только на внешний вид современных им ясачных и служилых татар, а не воинов Кучума или Кучумовичей (рис. 6–9). Кроме того, на одной из миниатюр изображены собственно служилые татары под начальством татарского головы (рис. 6.-2). Поэтому данные изображения несут информацию о вооружении именно служилых и ясачных татар. Как источник по военному делу служилых сибирских татар эти миниатюры использовал Л.А. Бобров.¹⁵⁰ Несмотря на схематичность и то, что миниатюры выполнены в конце XVII или начале XVIII в. они достаточно точно отражают некоторые особенности вооружения сибирских татар данного периода. Например, покрой снятой с убитого татарина кольчуги и конструкция сабель схожи с бытовавшими в Западной Сибири XVI–XVII вв. образцами (рис. 6.-1).¹⁵¹

Среди изображений татар неясной этнотерриториальной принадлежности прежде всего отметим наиболее раннее: гравюру начала XVI в. за авторством, предположительно, Альбрехта Дюрера. На ней татарин изображён на коне, в высоком колпаке, с колчаном, а также с щитом или мешком за спиной (рис. 10).

На другом рисунке А. Дюрера, датированном 1515 г., показан конный лучник московской армии (рис. 11). По предположению Л.А. Боброва это может быть

---

¹⁵⁰ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 214.

¹⁵¹ Краткая сибирская летопись (Кунгурская) – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1880. – 40 [53] с.

служилый татарин. Всадник на скаку ведёт стрельбу назад. Лук имеет М-образную форму, характерную для сложносоставных «восточных» луков. Наступательное вооружение дополняется саблей, висящей в ножнах на левом боку. Она имеет достаточно узкий, плавно изогнутый клинок. В качестве защитного вооружения всадник использует тягеляй с длинными рукавами. Важно, что этот доспех из «мягкого» материала тщательно прорисован и изображён передней частью к наблюдателю, в отличие от других подобных изображений. Оригинально и изображение попоны на лошади.

Следующий рисунок не имеет чёткой датировки и приписывается школе Фредерико Зуккано. Это портрет татарина в высоком белом колпаке и с луком за спиной. Позже, в 1568 г. по этому эскизу была написана картина "Тамерлан" (рис. 12).

По предположению Л.А. Боброва, татары первой половины XVI в. изображены в виде восточных всадников на картине Альбрехта Альтдорфера (1480–1538) "Битва Александра" (1529 г.), известной также под названием «Битва при Иссе», хранящейся в Старой пинакотеке (картинной галерее) в Мюнхене. Картина посвящена битве Александра Македонского с Дарием, но выполнена целиком в современных художнику образах. Помимо тяжёлой рыцарской конницы, на картине присутствуют конные лучники в белых колпаках, в одеяниях, напоминающих тягеляи, и с саблями. Рыцари нарисованы реалистично и точно; можно предположить, что и "восточных всадников" художник рисовал с современных ему татар (рис. 15–16).

Литовских служилых татар начала XVI в. можно увидеть на картине "Битва под Оршей" (хранится в Национальном музее в Варшаве), изображающей сражение между литовско-польскими и русскими войсками в 1514 г. Авторство до сих пор не установлено, как и точный год написания картины. Детальная прорисовка множества воинов на картине делает её важнейшим источником по вопросам военного дела и костюма Восточной Европы первой половины XVI в. Вверху по центру запечатлён момент атаки литовских татар на русские ряды. На татарах тягеляи и высокие белые колпаки, чем они отличаются от остального литовско-

польского войска и схожи с московитами. Из оружия видны луки и сабли (рис. 17–18).

Конного татарина изобразил на двух гравюрах фламандский гравёр Абрахам де Брюин (1540–1587), первая из которых издана в 1575 г. в альбоме среди 76 всадников того времени. Из вооружения татарин имеет саадак, кистень и саблю (рис. 13–14).

Данные письменных и вещественных источников свидетельствуют о схожем облике материальной культуры тюркских народов юга Восточной Европы рассматриваемого времени, что позволяет экстраполировать данные по ним и на служилых татар Российского государства, тем более что это сословие формировалось и регулярно пополнялось выходцами из ханств и орд. Художники стран Центральной Европы могли в своих произведениях отталкиваться скорее от известного им образа литовских и российских служилых татар, чем от далёких крымцев или ногаев. Несмотря на малочисленность, изобразительные источники дают представление о внешнем виде татар, их вооружении и подтверждают сведения письменных источников.

2.4. Особенности источниковой базы по военному делу служилых татар

Оценивая источниковую базу по теме исследования, необходимо отметить, что в её основе лежат три группы источников: вещественные, письменные, изобразительные.

Ядром источниковой базы являются вещественные источники, представленные археологическими находками и предметами вооружения из музейных собраний и частных оружейных коллекций России и Казахстана. Характерной чертой музейных материалов является их высокий уровень сохранности.

Другим важным источником по военному делу служилых татар являются письменные материалы. Рассмотрены сведения 89 единиц письменных источников. По содержанию они делятся на нарративные и документальные (актовые). Первые представлены летописями, историческими произведениями,

письмами, дневниками. Вторые включают десяти, разрядные книги, сметные списки, отписки, челобитные и др. По происхождению большая часть нарративов выполнена европейскими авторами, актовый материал практически целиком подготовлен российскими чиновниками и служилыми людьми. Письменные источники имеют важное значение прежде всего для изучения военного дела служилых татар европейской части страны.

Вспомогательную роль играют изобразительные источники немецкого, итальянского, голландского, швейцарского, русского происхождения, на которых запечатлены более ста татарских воинов. Изображения представлены как графикой (чёрно-белые рисунки), так и в живописи (цветные картины). Они дополняют сведения вещественных и письменных источников о военном деле как европейских, так и сибирских групп служилых татар.

Дополнительные сведения для реконструкции военного дела служилых татар можно получить также при учёте двух следующих фактов.

За время существования в Российском государстве института служилых татар его состав пополнялся выходцами из Большой Орды, Крымского, Казанского и Астраханского ханства, Ногайской Орды, а с конца XVI в. – и Сибирского ханства, которые, по крайней мере в первое время, продолжали пользоваться своим прежним вооружением и привычной тактикой ведения боя. Следовательно, необходимо учитывать данные, имеющиеся по военному делу татар крымских, казанских, астраханских, сибирских, ногайских, а также учесть наследование ранними служилыми татарами оружейных традиций Золотой Орды и постзолотоордынских государственных образований тюркского населения Восточной Европы.

В рассматриваемый период народы Восточной Европы использовали предметы вооружения, составляющие один глобальный оружейный комплекс, сформировавшийся под сильным влиянием османских, иранских и среднеазиатских оружейных традиций.¹⁵² О невозможности атрибутировать

---

¹⁵² По этой теме см.: Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы)... С. 135–139; Измайлов, И.Л. В блеске мисюрок и бехтерцов... С. 105–108; Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды /

предметы вооружения XVI–XVII вв. (русское или татарское; в первую очередь это касается музейных экспонатов) писал И.Л. Измайлов.¹⁵³ О схожести вооружения русских и татар сообщают иностранные источники XVI–XVII вв. (о чём будет сказано ниже). Как отмечал Л.А. Бобров, «археологические, иконографические и письменные источники эпохи Позднего Средневековья позволяют утверждать, что уже в конце XV в. фиксируется... тенденция, приведшая, в итоге, к формированию нового «мусульманского» (переднеазиатского) оружейного комплекса, возобладавшего в течение XV–XVIII вв. на территории Северной Африки, Малой, Передней и Средней Азии, Восточной Европы, Южной Сибири, Индии и Западной Монголии».¹⁵⁴ М.В. Горелик касательно доспехов также писал, что составляющие кольчато-пластинчатых доспехов Средней Азии, Ирана, Османской империи, Руси, а соответственно и степняков, в XV–XVI вв. различались лишь малозаметными деталями декора.¹⁵⁵

В целом, собранные вещественные, письменные и изобразительные материалы могут послужить основой для рассмотрения военного дела российских служилых татар середины XV–XVII вв. и основных направлений его эволюции.

Анализ материалов по военному делу служилых татар Российского государства XV–XVII вв. позволяет выделить в источниковой базе по теме нашего исследования 3 группы источников: вещественные, письменные, изобразительные.

Первая группа включает свыше 550 предметов из археологических памятников, музейных собраний и частных коллекций. Вторая группа представлена нарративными и документальными материалами европейского и

В.В. Трепавлов. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 578–582; Ищенко, С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) / С.А. Ищенко // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – С. 136–145; Дмитриев, С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) / С.В. Дмитриев // Тюркологический сборник, 2002. Россия и тюркский мир. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 210–228; Пенской, В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. / В.В. Пенской // Восток (Oriens). – 2010. – №2. – С. 56–66.

¹⁵³ Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы)... С. 135.

¹⁵⁴ Бобров, Л.А. «Ответный удар» (Этапы «вестернизации» доспеха Передней, Средней и Центральной Азии в эпоху Позднего Средневековья и Нового времени) / Л.А. Бобров // *Parabellum*. Военно-исторический журнал. – Москва, 2004. – №2 (22). – С. 85.

¹⁵⁵ Горелик, М.В. Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе / М.В. Горелик // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведённого в рамках Международного Золотоордынского Форума. – Казань: Фолиант, 2011. – С. 56.

русского происхождения, и насчитывает 89 наименований. Изобразительные источники имеют вспомогательное значение, и представлены гравюрами, миниатюрами и картинами европейского и русского происхождения, на которых зафиксированы свыше сотни татарских воинов.

Глава III

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА СЕРЕДИНЫ XV–XVII ВВ.

3.1. Источники поступления вооружения служилым татарам

Рассмотренные материалы позволяют определить несколько путей поступления предметов вооружения служилым татарам Московского государства рассматриваемого исторического периода.

Татары, отъезжающие в Московию из ханств или степных улусов, поступали на службу к русским правителям со своим оружием. Разрушительные вторжения Тимура конца XIV в. и ожесточённые междоусобные столкновения XV в. привели к гибели многих ремесленных центров Восточной Европы, традиционно снабжавших оружием кочевников региона.¹⁵⁶ Великие географические открытия привели к коренным изменениям в международной торговле, потере традиционными караванными путями своей важности и, как следствие, к резкому сокращению доходов, получаемых с этих путей тюркскими народами Восточной Европы.¹⁵⁷ По этим причинам значительная часть предметов вооружения, использовавшихся тюркскими номадами Западного Дешт-и-Кипчак, была представлена импортными изделиями азиатских, северокавказских и европейских мастеров. Как показали специальные исследования, тюркские кочевники Восточной Европы обычно приобретали длинноклинковое оружие и металлические доспехи у народов Северного Кавказа, Ирана и той же Московии (а крымцы еще и в Османской Турции).¹⁵⁸ Павел Йовий (Паоло Джовио) в своем сообщении о вооружении «южных» (крымских) татар, например, особо подчеркивал, что при подготовке к набегу на европейские страны их правители приобретали у персов железные шлемы, брони и сабли.¹⁵⁹ Английский дипломат и

---

¹⁵⁶ Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. / Л.А. Бобров // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре. 1480–2015. – Ч. II. – С. 210–388 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>, свободный. – С. 232–233.

¹⁵⁷ Измайлов, И.Л. Военное дело и военная культура... С. 686.

¹⁵⁸ Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев... С. 233.

¹⁵⁹ Йовий, Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского... С. 289.

путешественник Энтони Дженкинсон, бывавший в России перед Ливонской войной, писал, что в Астрахань татары завозят из Персии кольчуги, луки, мечи.¹⁶⁰

Однако импортное вооружение стоило весьма дорого. В результате в войсках кочевников остро ощущалась нехватка длинноклинкового оружия и особенно металлического защитного вооружения. Главной особенностью оружейного комплекса степных народов Восточной Европы было почти полное отсутствие у основной массы воинов доспехов из металла и активное использование доспехов иностранного производства знатью. Произошло это из-за утраты западными кочевниками навыков массового производства вооружения в степных условиях, а также разрушения городских центров Золотой Орды.¹⁶¹

Лучше обстояло дело с обеспечением номадов саадаками. Луки, стрелы, налучи, колчаны изготовлялись степными мастерами или импортировались к татарам и ногайцам из Крыма или Ирана через Астрахань.¹⁶²

Таким образом, первое поколение служилых татар Российского государства могло использовать оружие, привезенное ими из своих родных кочевий. Однако со временем доспехи и оружие приходили в негодность, а стрелы нужно было пополнять во время походов регулярно.

Как свидетельствуют собранные материалы, значительная часть состоятельных служилых татар, переселившихся в Московию, продолжала приобретать оружие азиатского производства, ввозившегося из мусульманских стран. Известно, что в XVI в. на Руси ценились качественные, изящно выполненные иранские сабли. Завозились как дорогие орнаментированные, так и сравнительно дешёвые (в 4–5 рублей) сабли, а также заготовки («полосы булатны» по 3 рубля), видимо, имевшие спрос среди служилых людей.¹⁶³ Из Османской империи и Ирана ввозились и другие виды защитного и наступательного вооружения (включая

---

¹⁶⁰ Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве... С. 172.

¹⁶¹ Горелик, М.В. Монгольская латная конница и её судьба... С. 56–57.

¹⁶² Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве... – С. 172.

¹⁶³ Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке / М.В. Фехнер. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – С. 92.

парадные щиты, панцири, шлемы и др.). Луки и стрелы закупались также в Крыму.¹⁶⁴

Важным источником обеспечения служилых татар оружием и доспехами стали мастерские Российского государства. Во второй половине XV–XVI вв. наблюдается «ориентализация» русского комплекса вооружения. Московские мастера начинают изготавливать оружие и доспехи по восточным (в первую очередь османским и иранским образцам). Процесс «ориентализации» затронул также военную организацию и тактику московской армии. Данный факт, вероятно, облегчил процесс интеграции военного дела служилых татар в русское военное искусство указанного исторического периода. Процесс перехода служилых татар на оружие российского производства был обусловлен и высоким качеством изделий московских ремесленников, изделия которых экспортировались даже в страны Ближнего и Среднего Востока.¹⁶⁵ Более того, оружие русского производства (например, сабли) закупались татарскими ханами¹⁶⁶, и могли попадать к выезжающим на русскую службу татарам ещё до поселения на Руси. Известное распространение получило и комбинированное оружие, когда полуфабрикаты иностранного производства дорабатывались российскими мастерами. Так, например, из восточных стран завозились сабельные полосы, которые дорабатывались русскими ремесленниками.¹⁶⁷ В одном документе упоминаются 3 лука русского производства среди имущества татарского мурзы.¹⁶⁸ А.В. Беляков отмечает: «В основном служилых Чингисидов обслуживали православные ремесленники, поэтому в их быту присутствовало значительное число типичных русских предметов. Однако многие вещи восточного происхождения покупались у купцов».¹⁶⁹

---

¹⁶⁴ Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке / М.В. Фехнер. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – С. 92; Фролов, Д.В. "Да платья мужскаго и женскаго теплаго и холоднаго..." Костюм дворян мордовского края второй половины XVII в. / Д.В. Фролов // Центр и периферия. — 2017. — № 1. – С. 50.

¹⁶⁵ Там же, С. 53–54, 56.

¹⁶⁶ Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию... С. 220.

¹⁶⁷ Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке... С. 92.

¹⁶⁸ Фролов, Д.В. "Да платья мужскаго и женскаго теплаго и холоднаго..."... С. 50.

¹⁶⁹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 134.

В XVII в. среди российских служилых людей распространяются предметы вооружения европейского образца. Не остались в стороне от этого процесса и служилые татары. Так, известно, что у сибирского царевича Азима б. Кучума имелся шведский самопал.¹⁷⁰ Имеются сведения о наличии у татар польских сабель¹⁷¹, рейтарских шлемов европейского или российского производства,¹⁷² немецких карабинов (причём с русскими замками).¹⁷³

Кроме того, источники говорят об использовании ногайцами, в то время массово переходившими в русское подданство, предметов вооружения кавказского происхождения. В описи имущества, конфискованного в 1628 г. на Москве у ногайских князей Василия Араслановича Урмаметева и Петра Канмурзича Урусова, среди перечисленных предметов вооружения наряду с польскими саблями упомянут панцирь черкасский (черкесский).¹⁷⁴

Еще одним источником поступления вооружения служилым татарам Российского государства были военные трофеи. Тем более что татарам полагалась в походах добыча, «которая для них не ограничена».¹⁷⁵ Таким образом предметы вооружения могли циркулировать между народами Восточной Европы. Известно, что мещерские казаки (в основном татары) совершали набеги на ногаев и татар. Менгли-Гирей в 1493 г. предъявил Ивану III достаточно большой список награбленного мещерскими казаками, в том числе данные ханом ограбленному «царевичу» Мамишеку панцирь, шлем, тягеляй и саблю, а также саадаки и сабли восемнадцати сего спутников, и требовал это вернуть ему и его подданным.¹⁷⁶ Один из двух панцирей Ермака (рис. 7.-2) забрал татарский мурза Кайдаул, перешедший позже на русскую службу. В середине XVII в. его изъяли у его потомков и отправили калмыцкому тайше. В источниках он именуется кольчугой. Это говорит о том, что сибирские татары уже в конце XVI в. могли использовать трофейные

---

¹⁷⁰ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 132.

¹⁷¹ Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. / В.В. Трепавлов – М.: Квадрига, 2013. – С. 169.

¹⁷² Бобров, Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря... С. 52–59.

¹⁷³ Фролов, Д.В. "Да платья мужского и женского теплого и холодного..." С. 50.

¹⁷⁴ Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев... С. 169–170.

¹⁷⁵ Даниил Принц из Быховца. Начало и возвышение Московии... С. 31.

¹⁷⁶ Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу... С. 175–176.

доспехи русского (?) происхождения. Причём в данном случае «пансырь» использовался не только как оберег, но и по прямому назначению (по рассказам татар, он якобы во время боя оказывал «значительную помощь» против врага).¹⁷⁷ Ниже будет рассмотрен рейтарский шлем, по преданию принадлежавший сибирскому татарину. Возможно, он также являлся трофеем.

Отдельно стоит сказать о стрелах. В силу специфики использования, стрелы разных форм гораздо легче распространяются и перемешиваются, вне зависимости от локальных традиций. Запас растроченных в бою стрел часто пополняли из колчанов убитых врагов. Особенно это касается условий маневренного боя и стремительных передвижений конных отрядов.

В Сибири в XVII в. ещё сохранялось местное производство вооружения. Это также обуславливало специфику оружейного комплекса сибирских служилых татар. Л.А. Бобров подробно рассмотрел вопросы происхождения защитного вооружения сибирских татар конца XVI – XVII вв. До включения сибирских татар в состав Московского царства и начала массовой миграции ойратов часть вооружения поступала в Сибирь преимущественно из Средней Азии. Позднее стал преобладать импорт из Восточной Европы, меньше – из Центральной Азии и Южной Сибири. Помимо импорта, важным источником поступления вооружения к татарским воинам было собственное сибирское производство, существовавшее ещё со времён Сибирского ханства. Как показывает Л.А. Бобров, в XVII в. у сибирских татар часто имелось защитное вооружение.¹⁷⁸ Вместе с этим в литературе отмечается снижение вооружённости ясачных татар Западной Сибири (и даже деградация его военного дела), фиксируемое по погребальным памятникам, что было связано с появлением служилых людей, включая юртовских татар, на которых и была возложена обязанность защиты местного населения.¹⁷⁹ Отчасти это также может быть связано с недоверием со стороны русских властей, вероятно, способствовавших разоружению инородцев.

---

¹⁷⁷ Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. I... С. 263–265.

¹⁷⁸ Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири... С. 106–120.

¹⁷⁹ Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 66.

Возможно, в отдельных случаях служилые татары могли получать казенное вооружение. Однако таких данных мы не имеем, кроме упоминания о вооружении ясачных татар пищалями на время службы (см. ниже). Л.А. Бобров также предполагает, что юртовские служилые татары, по аналогии со служилыми остяками, могли получать вооружение на время военных действий из казны, арсеналов князьков или арендовать их.¹⁸⁰ Этому способствовало и то условие, что при сохранении местного оружейного производства царская администрация могла сравнительно легко получать доспехи и оружие от местного населения (выкупать или брать в виде дани), а уже затем перераспределять на нужды служилых людей.

Таким образом, мы показали, что служилые татары могли пополнять свой арсенал несколькими путями. Те, кто только выехал на царёву службу, могли привозить своё вооружение, причём оно могло передаваться их потомкам, остававшимся на русской службе. Однако оно в конце концов приходило в негодность, а стрелы нужно было периодически пополнять во время походов. Служилые татары могли покупать вооружение, импортировавшееся из стран Востока, или же у ремесленников Российского государства, работавших также по восточным образцам. Ещё один источник пополнения – военные трофеи. Специфична была ситуация в Сибири, так как там сохранялось местное производство вооружения, а также был достаточно велик импорт из Средней, Центральной Азии и Южной Сибири. Возможно, в некоторых случаях служилые татары могли получать казенное вооружение из государственных арсеналов Российского государства. В XVII в. на вооружении служилых татар появляются отдельные предметы вооружения европейского образца.

3.2. Оружие дистанционного боя

Данные вещественных (в том числе археологических), письменных и изобразительных источников, а также общие сведения об оружейном комплексе народов Восточной Европы и юга Западной Сибири XV–XVII вв. свидетельствуют,

---

¹⁸⁰ Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 112.

что основным оружием как служилых татар, так и поместной конницы был саадак. Под саадаком здесь и далее подразумевается «лучный набор», в состав которого входят налуч, колчан, саадачный пояс, лук и стрелы.

В музейных собраниях и частных коллекциях Российской Федерации, стран Ближнего и Дальнего Зарубежья хранятся более 30 луков воинов Московского государства XVI–XVII вв. Некоторые из этих луков могут быть соотнесены с комплексом вооружения служилых татар. Сложносоставные луки различных типов обнаружены в археологических памятниках сибирских татар XVI–XVII вв. (рис. 22).

Все луки рассматриваемой серии относятся к группе сложносоставных. По количеству и местоположению накладок выделяются несколько типов.

Тип 1. С двумя фронтальными плечевыми накладками.

Включает 5 экземпляров из музейных и частных собраний Российской Федерации, Польской Республики и Турецкой Республики.

Общая длина луков: 0,8–1,2 м (с натянутой тетивой) и 1,1–1,3 м (со снятой тетивой). Кибить луков изготовлена из нескольких деревянных элементов. С тыльной стороны плечи луков усилены длинными роговыми накладками. Кибить оплетена сухожилиями и в трех случаях покрыта лаком. Рукоять двух луков обтянута кожей.

В качестве примера луков подобного типа можно рассмотреть лук, хранящийся в фондах Оружейной палаты Московского Кремля. Согласно одной из версий он принадлежал высокопоставленному служилому татарину XVII в. (рис. 21). На основании особенностей конструкции лук может быть отнесен к категории сложносоставных. Он имеет характерную М-образную форму с ярко выраженными асимметричными плечами. Составная деревянная кибить лука с внешней стороны обклеена сухожилиями и тонкой кожей. С внутренней стороны усилена роговыми накладками. Короткие изогнутые концы лука снабжены вырезами для тетивы. Рукоять обмотана полосками тонкой кожи. Подобный лук мог быть изготовлен как турецкими, так и русскими или татарскими мастерами. Схожий по конструкции и

системе оформления лук изображен на рисунке в книге А.В. Висковатова (рис. 36.-5).

Луки с плечевыми накладками применялись кочевниками Центральной Азии еще со второй половины I тыс. и с монгольскими завоеваниями распространились по континенту.¹⁸¹ В период позднего Средневековья они получили широкое распространение среди народов Западной Азии и Восточной Европы.

Луки рассматриваемого образца могут быть атрибутированы как луки «турецкого типа». Такие луки имели М-образную форму и состояли из нескольких деревянных и роговых деталей. Предварительно высушенные и обожжённые деревянные пластины связывали, образуя плечи лука, и склеивали с рукоятью («майданом»). К деревянным концам плеч приклеивались роговые или деревянные пластинки. Затем весь лук обвивался лентами из сухожилий, после чего его оклеивали берестой, и покрывался слоями лака для защиты от влаги. Дорогие экземпляры украшались росписями. Тетиву делали из бараньих жил или кишок.¹⁸² Дальность прицельной стрельбы из «турецкого» лука составляла 150 м, обычная дальность полёта стрелы – 400–550 м, скорострельность – 12 стрел в минуту.¹⁸³

Луки «турецкого типа» неоднократно встречаются на изображениях татарских воинов Восточной Европы, среди которых имеются и служилые татары Московского государства XVI–XVII вв. (рис. 4–5; 16; 24). Лук турецкой работы («з золотам») упоминается среди имущества богатого темниковского мурзы в документе 1670 г.¹⁸⁴

Тип 2. Со срединной фронтальной «веслообразной» накладкой.

Включает 3 экземпляра из музейных собраний и частных коллекций Российской Федерации. Сюда также могут быть отнесены детали (накладки) луков из археологических памятников Барабы (Абрамово-10 и Кыштовка-2).

---

¹⁸¹ Худяков, Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1991. – С. 103.

¹⁸² Аствацатурян, Э.Г. Турецкое оружие / Э.Г. Аствацатурян. – СПб.: Атланта, 2002. – С. 192–193.

¹⁸³ Там же, С. 195.

¹⁸⁴ Фролов, Д.В. "Да платья мужскаго и женскаго теплага и холоднаго..."... С. 50.

Рукоять луков подобного типа снабжена с тыльной стороны длинными массивными накладками характерной формы. На концах накладок расширяется, образуя «веслообразные» лопасти. Кибить луков обмотана сухожилиями и обклеена берестой или змеиной кожей. Тетива луков также сплетена из сухожилий. Длинные концы двух луков снабжены глубокими вырезами под тетиву и окрашены в красный цвет (рис. 23.-1).

Луки с центральной «веслообразной» накладкой появились в Центральной Азии в конце I тыс. и широко распространились по Евразии во время монгольского нашествия.¹⁸⁵ В научной литературе за метательным оружием подобного образца закрепилось название «луки монгольского типа». На протяжении периода позднего Средневековья и раннего Нового времени подобные луки широко применялись кочевниками Центральной Азии и Южной Сибири. Можно предполагать, что луки данного образца могли быть приобретены служилыми татарами в ходе торгового обмена или захвачены в качестве военных трофеев.

Тип 3. Со срединной и плечевыми фронтальными накладками.

Представлен двумя вариантами.

Вариант 1. Со срединной и плечевыми фронтальными накладками.

Включает 1 экземпляр из частной казахстанской коллекции. Согласно данным владельца лука, он достался ему от предков татарского происхождения («татарских мурз»), проживавших на территории Томской области. Сюда также могут быть отнесены остатки луков из археологических памятников Барабы (рис. 23.-2).¹⁸⁶

Общая длина пятичастной кибиты лука (без тетивы) – 1,44 м. С внутренней стороны кибиты усилена центральной «веслообразной» накладкой и длинными плечевыми накладками. Поверхность кибиты обтянута сухожилиями, обклеена берестой и покрыта лаком. Тетива лука не сохранилась.

---

¹⁸⁵ Худяков, Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья... С. 99, 102–103.

¹⁸⁶ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 44.

Такой лук можно считать усовершенствованной конструкцией лука первого и второго типа (плечевые накладки усиливали рефлекторную силу и дальноточность лука).

Луки подобного типа широко применялись кочевниками Южной Сибири и Центральной Азии периода развитого Средневековья.¹⁸⁷ Возможно, что данная разновидность лука изображена на некоторых миниатюрах Ремезовской летописи, запечатлевших татарских воинов (рис. 8). Рассматриваемый образец мог быть приобретен служилым татаринном Западной Сибири у ойратских кочевников или народов Южной Сибири.

Вариант 2. Со срединной веслообразной фронтальной накладкой, усиленной по плечам узкими костяными планками (рис. 23.-3).

Детали таких луков в виде накладок и планок встречаются на археологических памятниках Барабы (в частности, в Абрамово-10). Ширина планок – 0,5 см, длина – 16 см. Использование тонких узких планок для усиления срединной накладки, видимо, является местной традицией и восходит к I тыс. н.э.¹⁸⁸

Тип 4. Со срединной деревянной фронтальной и концевыми накладками.

Включает остатки лука с памятника Абрамово-10.

Кибить луков подобного типа была двухслойной с деревянной фронтальной накладкой и деревянными концевыми накладками. Элементы кибити могли выполняться из разных пород дерева.

Подобные луки использовались номадами Центральной Азии начиная с Хуннского времени и сохранились в арсенале сибирских татар до этнографической современности.¹⁸⁹ Плохая сохранность дерева делает данный тип луков крайне редким в археологических памятниках.

Нужно также отметить интересную деталь одного из луков (из памятника Абрамово-10): петлеобразно охватывающая верхнюю часть рукояти металлическая

---

¹⁸⁷ Худяков, Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья... С. 99–100, 103.

¹⁸⁸ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 44, 46–47.

¹⁸⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 43–44; Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие / Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. – С. 35–36.

скоба, один из концов которой уходит в сторону (перпендикулярно продольной оси) и загибается вверх. Вероятно, это приспособление служило направляющим выступом для стрелы.¹⁹⁰

Таким образом, на основании типологического анализа представляется возможным выделить четыре типа сложносоставных луков, применявшихся служилыми татарами Московского государства рассматриваемого исторического периода. Первый тип был характерен преимущественно для татар европейской части России, а второй – для служилых татар Зауралья. Типы три и четыре были распространены среди населения Западной Сибири, в том числе могли использоваться местными служилыми татарами.

Численно преобладали сложносоставные луки так называемого «турецкого» и «монгольского» типов. Первые снабжались плечевыми накладками и отличались от своих «монгольских» аналогов меньшими размерами, отсутствием центральной «веслообразной» накладки, а также особенностями декоративного оформления. Луки «турецкого типа» могли приобретаться служилыми татарами у русских, крымских, западноазиатских или собственно татарских мастеров. Часть луков «монгольского типа», по всей видимости, представляли собой импортные изделия, ввозимые на территорию Западной Сибири из Монголии, Казахстана и Южной Сибири.

Вещественные материалы могут быть дополнены сведениями, полученными при анализе письменных и изобразительных источников.

Авторы XV–XVII вв. единодушно отмечают, что главным оружием служилых татар Московского государства были лук и стрелы. Так, летописи свидетельствуют, что в войнах с новгородцами XV в. служилые татары эффективно использовали луки. Например, в битве 1456 г. «татарове начаша стреляти кони», в результате чего новгородское войско пришло в замешательство и было разбито.¹⁹¹ В начале XVI в., по сообщению С. Герберштейна, оружие татар «лук и стрелы,

---

¹⁹⁰ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 47.

¹⁹¹ Псковские летописи... С. 86–88; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 195.

сабля у них редка».¹⁹² То же самое писал и Павел Йовий (Паоло Джовио): татары при отражении врага полагаются «на одни только стрелы» (но ниже добавляет, что при подготовке к набегу на европейские страны их правители закупают у персов, помимо прочего, и сабли).¹⁹³ По сообщению Якоба Ульфельдта, встреченные им служилые татары, участвовавшие в Ливонской войне, не имели никакого другого воинского снаряжения, кроме луков.¹⁹⁴ Дж. Флетчер писал о гуляй-городе так: «Эта крепость представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел».¹⁹⁵ П. Петрей среди оружия татар в первую очередь также указывает лук: «Оружие — луки, стрелы и кривые сабли».¹⁹⁶

В «Дневнике...» Луки Дзялынского имеется пространное описание стычки с татарами, произошедшей 17 августа 1580 г. в лесах между Велижем и Великими Луками. Как отмечалось выше, это могли быть татары из войска В.Д. Хилкова — романовские, цненские, городецкие, кадомские, царёва и Будалеева дворов и московских городов. Судя по словам Дзялынского, это были «люди отборные», так что можно предположить, что ими являлись романовские или городецкие татары, или же «царёва двора».

Приведём сообщение с небольшими сокращениями. Отряд из 200 пеших гайдуков расположился среди леса, возле реки, и большая часть воинства отправилась рубить деревья для наведения моста. В это время их начальник Выбрановский с поручиком поехали дальше осмотреться и наткнулись на трёх татар. Те кинулись было на них, но при виде ружей отступили и принялись звать своих. Выбрановский с поручиком бросились к гайдукам, и так навели на лагерь крупный татарский отряд. Как сообщает автор, «наших случилось тут только 8 человек, которые лежали... а татары уже ворвались. Несколько наших выскочили с топорами, копьями, саблями, вооружившись чем кто мог на скорую руку. В это

---

¹⁹² Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168.

¹⁹³ Йовий, Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского... С. 289.

¹⁹⁴ Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию... С. 295.

¹⁹⁵ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 94.

¹⁹⁶ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207.

время один татарин кинулся впереди других с саблей на Выбрановского, но случившийся тут пехотинец пустил в него топором и угодил в висок, так что татарин свалился с коня; тогда солдат копьем проколол его насквозь, так что тот тут же и умер. Другие татары вмиг подхватили его труп на лошадь; наши стали колотить татар обухами, другие успели уже взяться за ружья. Увидев это, татары отступили, продолжая стрелять; убитого двое взяли с собою и, положив его поперек коня, ускакали так поспешно, что растеряли стрелы и шапки и оставили один лук. ... Таким образом татары ускакали, не сделав никакого вреда, даже не ранив никого из наших, а между тем потеряли одного из своих».¹⁹⁷ Кроме того, ниже отмечено, что татары имели хороших лошадей и были богато одеты, что говорило об их силе («были людьми отборными») и находящихся поблизости их крупных сил.¹⁹⁸

Как можно заметить, татары вооружены луками, но не ручным огнестрельным оружием, от которого они ретируются. В ограниченном пространстве на берегу лесной реки луки были не очень эффективны, отчего татары сразу взялись за сабли, а обстрел противника с близкого расстояния оказался безрезультатен.

Исследованные нами разборные десятни 1622 г. рисуют ту же картину. Данный материал ранее не публиковался, поэтому сведения из него приведены ниже.

Черновая разборная десятня Московского уезда 1622 г. боярина Бориса Михайловича Салтыкова.¹⁹⁹ «Татарва» (имена и другие сведения опущены): по 600 четей: на государеву службу на коне в саадаке; по 500 четей: на коне в саадаке; по 400 четей: на коне в саадаке; по 50 четей: на коне в саадаке; по 200 четей: на коне в саадаке. Дальше лист сильно попорчен и невозможно разобрать текст. Перечислены новокрещёны (они часто на мерилах, все «в саадаке»).

---

¹⁹⁷ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–29.

¹⁹⁸ Там же, С. 30.

¹⁹⁹ РГАДА: Ф. 210. Разрядный приказ (Канцелярия Сената, Канцелярия Сенатского правления, Приказ крепостных дел, Расправная палата). Оп. 4. Десятни. К. 112, лл. 1–18.

Разборная десятня по Боровску 1622 г.²⁰⁰ Разбор произведён на Калуге тем же боярином Салтыковым. Перечисляются русские дворяне, дети боярские и «татарва». 47 лист, оборот: *татары* 550 четей: на коне, в саадаке; 450 четей: конь, саадак; 300 четей: двое – мерин и саадак, у одного – конь и саадак; 200 четей: двое на мерилах и в саадаке. Всего записано служилых людей: на коне в саадаке 60, на мерине 42.

Как видим, в десятне по Московскому уезду все 5 татар разного материального достатка вооружены саадаком. Ничего, кроме него и коня, у них не отмечено²⁰¹, как и у основной массы русских. В десятне по Боровску семеро татар вооружены саадаком (трое на конях, четверо на мерилах).²⁰²

На картине «Битва под Оршей» (рис. 17–18) литовские служилые татары вооружены луками и саблями. Они стреляют по москвитам на скаку. У некоторых на левом боку видны налучи в форме половины лука; в них можно было хранить оружие с натянутой тетивой.

На картине Альтдорфера у «восточных всадников», что в центре, оружие также представлено луком и саблей (рис. 15–16).

На гравюре 1575 г. фламандского гравера Абрахама де Брюина, опубликованной в 1577 г. в "Omnium poene gentium imagines, ubi oris totiusque corporis & vestium habitus in ordinis cuiuscunque ac loci hominibus diligentissime exprimuntur. Sculpsit Abrah. Bruynus", а позже использованной для переиздания книги С. Герберштейна, среди 76 всадников его эпохи изображён конный татарин. Он без доспехов, в шапке (во втором варианте гравюры – в колпаке). В левой руке у него плеть, в правой – кистень, а также висящая на ремешке сабля. Из вооружения имеется также саадак (рис.13–14). Тут вспоминается описание русских воинов у Герберштейна, похожих на татар, которые «хотя... держат в руках узду, лук, саблю,

---

²⁰⁰ РГАДА: Ф. 210. Разрядный приказ (Канцелярия Сената, Канцелярия Сенатского правления, Приказ крепостных дел, Расправная палата). Оп. 4. Десятни. К. 177, лл. 1–56, л.47 об.

²⁰¹ РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 112, лл. 1–18.

²⁰² РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 177, лл. 1–56, л. 47 об.

стрелу и плеть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими».²⁰³

Таким образом, по свидетельству письменных и изобразительных источников основным оружием европейских татар был лук. Схожая ситуация наблюдается и относительно комплекса вооружения сибирских служилых татар²⁰⁴, воинов Сибирского, Казанского и Крымского ханств.²⁰⁵

Широкое распространение луков в позднесредневековое время в Евразии объясняется их высокой эффективностью в ходе динамичного конного боя. Для русских, татарских, ногайских конных воинов было важно иметь возможность вести массированный обстрел на скаку, важна была скорость стрельбы. Громоздкая пищаль или мушкет были, при подобном способе ведения сражения, неудобны, а карабин и пистолет стоили дорого. Большое количество усилий и времени уходило на перезарядку огнестрельного оружия. Даже во второй половине XVIII в. хорошим показателем стрельбы из гладкоствольного ружья считались 4 выстрела в минуту.²⁰⁶ В то же время тренированный лучник выпускал в среднем 12 стрел в минуту²⁰⁷. При этом, точность стрельбы из ружей и пистолетов в конном строю на дальней и средней дистанции была достаточно низкой. Кроме того, в XVII в. сложный лук ещё мог поспорить в дальноточности с пищалью. Стрела из него могла убить наповал лошадь или пробить человеку грудную клетку навывлет.²⁰⁸ Расстояние для ведения прицельной стрельбы равнялось – от 12 до 156 м²⁰⁹, дальность полёта стрелы для рядового лучника доходила до 250 м.²¹⁰ Все эти факторы обусловили длительность применения сложносоставных луков в военной практике иррегулярных частей армии Российского государства. Так, в частности,

---

²⁰³ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 114.

²⁰⁴ Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар... С. 188.

²⁰⁵ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле... С. 33.

²⁰⁶ Шокарев, Ю.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. / Ю.В. Шокарев // Из истории Русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 30.

²⁰⁷ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. / А.Ф. Медведев // Свод археологических источников. – Вып. Е1–36. – М.: Наука, 1966. – С. 31.

²⁰⁸ Там же, С. 29–31.

²⁰⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 49.

²¹⁰ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 28.

служилые татары продолжали использовать традиционный саадак вплоть до начала XVIII в.

Основным средством поражения противника на расстоянии у служилых татар были стрелы с железным наконечником. Как правило, до археологов и доходят в основном наконечники, составляющие наиболее большой по численности вид археологических артефактов, относимых к предметам вооружения. Лишь изредка сохраняются и древки.

Наконечники стрел, принадлежавшие служилым татарам европейской части России, происходят из городов, гарнизоны которых состояли в значительной степени из воинов тюркского происхождения: Коломны, Боровска, Уфы, Чебоксар. Большинство наконечников может быть датировано XVII в., так как нам неизвестно о нахождении служилых татар в Коломне и Боровске в более ранние периоды, тем более это относится к Уфе и Чебоксарам. Наконечники стрел, использовавшиеся сибирскими татарами, известны по археологическим находкам из южных районов Западной Сибири и датируются XVI–XVIII вв.

Ниже приведена классификация известных нам наконечников, основанная на принятых в оружейведении критериях. Класс выделяется по материалу изготовления наконечника, отдел – по способу его насада на древко, тип – по форме пера.²¹¹

Класс I. Железные.

Отдел I. Черешковые.

Группа I. Линзовидные.

Тип 1. Удлиненно-треугольные.

Включает 5 экземпляров. Происходят из материалов Боровска и Коломны.

Общая длина – 86–145 мм, длина пера – 56–80 мм, ширина пера – 18–30 мм.²¹²

Наконечник крупный, удлиненно-треугольной формы, с наибольшим расширением

---

²¹¹ Худяков, Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. ... С. 79; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху... С. 95.

²¹² Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 167. (Тип 15).

в нижней трети пера. Имеет вогнутые плечики, переходящие в шейку с упором. Черешок длинный, округлый в сечении (рис. 26.-6).

Наконечники с удлинённо-треугольным пером могут быть отнесены к числу универсальных рассекающего типа действия.

В поселениях, где обнаружены данные наконечники, располагались контингенты служилых татар: в Коломне во второй трети XVII в. – от 72 до 98 татар и новокрещённых; в Боровске числилось свыше сотни татар и новокрещённых в первой трети XVII в., а в середине века – почти 90 татар и новокрещённых на 118–135 русских служилых.²¹³

Наконечники данного типа имеют древнерусские аналогии. Как было установлено А.Ф. Медведевым, подобные наконечники были распространены в Восточной Европе ещё в IX в.²¹⁴ В период позднего Средневековья они активно использовались воинами тюркских народов Восточной Европы. Так, например, они были обнаружены в слоях XIV–XV вв. Торецкого поселения, располагавшегося в пределах Казанского ханства (9 экз.), и самой Казани времён существования ханства.²¹⁵ Всё это говорит о высокой вероятности распространения наконечников данного типа среди служилых татар XV–XVII вв.

Тип 2. Боеголовковые.

Включает 3 экземпляра. Происходят из памятников Кыштовка-2, Абрамово-10²¹⁶ и Окунево-7.²¹⁷

Общая длина – 97 мм, длина пера – 70 мм, ширина – 11 мм.²¹⁸ Узкие наконечники с выраженной боеголовкой, с расширением в нижней трети пера, вогнутыми плечиками и упором. Шейка имеет подквадратное сечение, черешок – округлое (рис. 27.-1).

²¹³ «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 15; Сметный список 7139 году... С. 19.

²¹⁴ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 47.

²¹⁵ Валиулина, С.И. Наконечники стрел Торецкого поселения / С.И. Валиулина // Учёные записки Казанского государственного университета. – Т. 151, Кн. 2. – Ч. 1. Гуманитарные науки. – 2009. – С. 18. К сожалению, автор не выделила количество экземпляров в соответствии с линзовидным и ромбическим сечением.

²¹⁶ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50; Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69.

²¹⁷ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69.

²¹⁸ Здесь и далее – тип I по классификации В.И. Молодина, В.И. Соболева, А.И. Соловьёва.

Плоские наконечники с боеголовковым пером могут быть отнесены к числу универсальных наконечников проникающего действия.

Боеголовковые наконечники бытовали в южных районах Западной Сибири с начала II тыс. до Нового времени. Аналоги барабинским и искерским наконечникам встречаются в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы и Западной Сибири.²¹⁹

Тип 3. Удлиненно-ромбические.

Включает 3 экземпляра. Происходят из барабинских памятников Окунево-7 и Кыштовка-2.

Общая длина – 65–120 мм, длина пера – 50–80 мм, ширина – 15–20 мм. Имеют узкое вытянутое перо с расширением в нижней трети, с прямыми или чаще слегка вогнутыми плечиками и упором. Черешок короткий, округлый или подпрямоугольный в сечении (рис. 27.-2–4).

Подобные наконечники появились в конце первой половины II тыс. и использовались в Западной Сибири до XVIII в. Похожие наконечники были в тот период распространены от Забайкалья до Восточной Европы.²²⁰

Тип 4. Узкие ромбические.

Включает 5 экземпляров с памятников Кыштовка-2, Чеплярово-27, Окунево-7, Бергамак-2 (рис. 27.-5–6).²²¹

Общая длина – 75–130 мм, длина пера – 55–75 мм, ширина – 17–30 мм. Небольшого размера перо имеет форму вытянутого узкого ромба. Имеется упор. Черешок короткий, имеет округлое сечение.

Данный тип наконечников может быть отнесён к универсальным прокалывающего типа действия.

Тип 5. Ромбические.

---

²¹⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 54.

²²⁰ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50, 55; Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69. По классификации сибирских учёных – тип VII.

²²¹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50; Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 68–69; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 62; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 100. В принятой авторами классификации наконечники относятся к VIII типу.

Вариант 1. Ромбические с прямыми плечиками.

Включает 3 экземпляра. Происходят из памятника Абрамово-10.

Общая длина – 80–150 мм, длина пера – 40–90 мм, ширина – 20–50 мм. Перо имеет форму правильного ромба. Имеется упор. Черешок широкий, с округлым сечением. От предыдущего типа отличаются большими размерами и пропорциями (рис. 27.-9).

Ромбические линзовидные наконечники могут быть отнесены к числу универсальных рассекающего типа действия.

Известны из памятников лесостепи и южной тайги Западной Сибири, были широко распространены с конца первой половины II тыс. среди кочевников.²²²

Вариант 2. Ромбические с вогнутыми плечиками.

Включает 2 экземпляра. Происходят из памятников Абрамово-10 и Кыштовка-2.

Общая длина – 100–140 мм, длина пера – 60–80 мм, ширина – 30–40 мм. Перо имеет форму правильного ромба. Плечики вогнутые, плавно переходят в шейку, заканчивающуюся упором. Черешок широкий, округлый в сечении. В среднем более крупноразмерные, чем наконечники первого варианта (рис. 27.-7–8).

Ромбические линзовидные наконечники с вогнутыми плечиками могут быть отнесены к числу универсальных рассекающего типа действия.

Подобные наконечники были широко распространены в Западной Сибири и на Алтае с конца первой половины II тыс. Во время монгольских завоеваний крупные ромбические наконечники проникли и в Восточную Европу.²²³

Тип 6. Асимметрично-ромбические.

Вариант 1. Асимметрично-ромбические широкие.

Включает 6 экземпляров. Происходят из Барабы (Абрамово-10).²²⁴

---

²²² Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50, 54. Тип V.

²²³ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69; Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50, 54. По принятой в этих работах классификации – тип IV.

²²⁴ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50. Тип VI.

Общая длина – 90–130 мм, длина пера – 60–100 мм, ширина – 25–50 мм. Крупные наконечники ромбической формы, с наибольшим расширением в верхней трети пера. Имеется упор (рис. 27.-10).

Наконечники данного типа можно отнести к универсальным рассекающего типа действия. Функционально они предназначались для поражения незащищенного доспехом противника.

Наконечники этого типа встречаются среди материалов с городища Искер.²²⁵ Асимметрично-ромбические наконечники с подобными пропорциями появились в степных районах Сибири в I тыс. и широко стали использоваться с монгольской эпохи. Бытовали до XIX в.²²⁶

Вариант 2. Асимметрично-ромбические узкие.

Включает 5 экземпляров. Происходят с памятников Кыштовка-2, Бергамак-2 и Чеплярово-27.

Общая длина – 35–100 мм, длина пера – 20–70 мм, ширина пера – 10–20 мм.²²⁷ Перо в форме вытянутого асимметричного ромба с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней трети. Имеется упор. В отличие от наконечников предыдущего типа имеют более узкое вытянутое перо. Черешок короткий (рис. 27.-13–15).

Удлиненные асимметрично-ромбические наконечники могут быть отнесены к универсальным рассекающего типа действия.

В VIII–XIII вв. подобные наконечники были распространены от Венгрии до Западной Сибири (в том числе и на Руси).²²⁸ Рассмотренные нами экземпляры использовались тарскими татарами и, видимо, хантами.

Тип 7. Лопатовидные срезни.

---

²²⁵ Конигов, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера... С. 185.

²²⁶ Там же, С. 185–186.

²²⁷ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 62; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 100. По принятой в исследованиях классификации – X тип.

²²⁸ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 50. По А.Ф. Медведеву – 52-й тип.

Включает 3 экземпляра из памятников Абрамово-10, Окунево-7, а также 5 экземпляров из памятников европейской части России.²²⁹

Общая длина – 80–150 мм, длина пера – 50–80 мм, ширина – 20–22 мм. Перо имеет форму узкой вытянутой лопатки с прямым или слегка закруглённым режущим краем. Имеется упор. Черешок сравнительно короткий, округлый в сечении (рис. 27.-11–12).

Лопатовидные срезни могут быть отнесены к универсальным наконечникам рубяще-режущего типа действия.

Подобные наконечники были широко распространены у кочевников Великой степи, а также соседних народов после монгольского нашествия, в том числе в Восточной Европе.²³⁰ А.Ф. Медведевым было учтено 415 экземпляров этих «типичных монгольских наконечников», обнаруженных в восточноевропейских памятниках XIII–XIV вв.²³¹ Можно предполагать широкое распространение наконечников этого типа и среди служилых татар.

Тип 8. Секторные.

Включает 3 экземпляра. Происходят с памятников Кыштовка-2 и Окунево-7.²³²

Общая длина – 45–115 мм, длина пера – 30–60 мм, ширина пера – 20–75 мм. Имеют форму сектора с вогнутыми или прямыми плечиками, переходящими в шейку с упором. Ударная сторона закруглена. Черешок с округлым сечением, по длине равен перу (рис. 27.-16–17).

Секторовидные срезни могут быть отнесены к наконечникам режуще-рубящего типа действия, предназначенным для поражения бездоспешных воинов и их коней.

---

²²⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 51–52; Герасимов, Ю.В. Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69. Тип XV. Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 168.

²³⁰ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 51, 55. Тип XV.

²³¹ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 53–54.

²³² Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 50; Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 68. Тип XIV.

Данные наконечники распространяются в Сибири и Восточной Европе в связи с монгольскими завоеваниями.²³³

Группа II. Плоские.

Тип 9. Срезни.

Включает 1 экземпляр. Происходит из арсенала князей Кулмаметьевых. Хранится в собрании ТГИАМЗ.

Размер черешка и общая длина не установлены. Длина пера – около 135 мм. Узкий длинный срезень с тупым остриём, пологими плечиками и вертикальным уплощённым упором (рис. 27.-21; рис. 28).

Данный наконечник может быть отнесён к универсальным, рассекающего типа действия.

Тип 10. Вильчатые.

Включает 3 экземпляра с памятников Садовка-4 и Черталы-3.

Общая длина – 50–105 мм, длина пера – 20–70 мм, ширина пера – 20–40 мм. Наконечник имеет Y-образную форму. Перо переходит в слабо выделенный плоский черешок. Упор отсутствует. Боковые и режущие стороны выпуклые (рис. 27.-18–20).²³⁴

Вильчатые наконечники предназначались для поражения бездоспешных воинов и их коней.

Наконечники данного типа имели широкое распространение в Восточной Европе и Западной Сибири (например, обнаружены на городище Искер²³⁵). По преданиям, такие наконечники использовались для охоты на птицу.²³⁶ Однако они могли причинить значительный урон и необеспеченному прочным защитным вооружением противнику. Археологические материалы фиксируют их в колчанах русских воинов (X в.) и кочевников (XIII–XIV вв).²³⁷

Группа III. Ромбические.

²³³ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 55.

²³⁴ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 53; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 65. Тип XVII.

²³⁵ Конигов, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера... С. 186.

²³⁶ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 55–56.

²³⁷ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 51. Тип 60-й.

Тип 11. Удлиненно-треугольные.

Включает 4 экземпляра. Происходят из Боровска²³⁸ и Коломны.

Общая длина – 86–145 мм, длина пера – 56–80 мм, ширина пера – 18–30 мм.²³⁹

Наконечник крупный, удлиненно-треугольной формы. Имеет вогнутые плечики, переходящие в шейку с упором. Черешок длинный, округлый в сечении. По форме пера данные наконечники схожи с рассмотренными выше наконечниками 1 типа (рис. 26.-7).

Данные наконечники могут быть отнесены к универсальным наконечникам рассекающего типа действия.

Как и наконечники 1 типа, известны также по находкам из Казани времён ханства, Торецкого городища XIV–XV вв.²⁴⁰ (Казанское ханство) (рис. 25.-2–3). Сравнительно большая частота находок наконечников данного типа на казанско-татарских памятниках может говорить и о частоте использования их служилыми татарами.

Тип 12. Боеголовковые.

Включает 7 экземпляров с территории европейской части Российского государства, в том числе из Казани.²⁴¹

Длина пера – 50–70 мм, ширина – 12–14 мм, длина черешка – 28–33 мм.²⁴²

Перо имеет форму асимметричного ромба с расширением в верхней трети, с вытянутыми прямыми или вогнутыми плечиками, переходящими в шейку с упором. Нижняя половина пера уплощена. Черешок короткий, округлый или линзовидный в сечении (рис. 26.-8).

Боеголовковые ромбические в сечении наконечники могут быть отнесены к универсальным проникающего типа действия.

Наконечники подобного типа бытовали в Восточной Европе ещё с VIII в. В XIII в. монголы занесли туда схожие наконечники с иными пропорциями, которые

---

²³⁸ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 167 (Тип 15).

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Валиулина, С.И. Наконечники стрел Торецкого поселения... С. 18.

²⁴¹ Нами учтён вариант 9б по О.В. Двуреченскому.

²⁴² Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 165. Среди учтённых О.В. Двуреченским наконечников их 3,4% – 9-й тип.

и распространились в этом и соседних регионах в последующие века. В позднем Средневековье они были широко распространены в Сибирском ханстве, Казахстане, на Алтае. По классификации А.Ф. Медведева это 65 тип: листовидные с наибольшим расширением у острия.²⁴³

Тип 13. Узкие удлинённо-треугольные.

Вариант 1. Удлинённо-треугольные уплощённые в центре.

Включает 2 экземпляра. Происходят из слоёв XV–XVII вв. Коломны.

Длина пера – 30–56 мм, ширина пера – 9–13 мм, длина черешка – 30–65 мм.²⁴⁴

Перо имеет удлинённо-треугольную форму, по центру сильно уплощено. Шейка длинная, округлая, с упором. Округлый в сечении черешок тонкий и длинный, по длине равен перу (рис. 26.-3–4).

Подобные удлинённо-треугольные наконечники с ромбическим сечением отнесены О.В. Двуреченским к бронебойным прокалывающего типа действия.

Стрелы данного типа составляют, по данным О.В. Двуреченского, около 1,6% от общего числа позднесредневековых наконечников с территории европейской части Российского государства. Кроме Коломны, встречаются также в слоях XIV–XVII вв. Москвы.

Вариант 2. Узкие удлинённо-треугольные.

Включает около 200 экземпляров.

Длина пера – 50–80 мм, ширина – 10–18, длина черешка – 25–48 мм. Перо имеет форму сильно вытянутого треугольника, внизу переходящего в шейку с округлым сечением. Плечики вогнутые. Черешок округлый, линзовидный или шестигранный в сечении (рис. 26.-5).

Наконечники данного типа составляют около половины наконечников с территории Московского государства. Один из наиболее распространённых вариантов встречается в материалах Коломны, Чебоксар²⁴⁵, где в первой половине XVII в. числилось свыше 60 татар на 6 русских и более чем 1000 чувашей и

²⁴³ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 53.

²⁴⁴ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 161. (Тип 5).

²⁴⁵ Там же, С. 161–162. (Тип 6а).

черемис²⁴⁶, а в середине века – 61 татарин, 22 новокрещен,²⁴⁷ а также Тушинском лагере (где присутствовали касимовские татары). Вероятно, именно данный тип наконечников являлся преобладающим в садачном наборе служилых татар Московского государства рассматриваемого исторического периода.

Подобные наконечники могут быть отнесены к стрелам универсального прокалывающего типа действия, предназначенным для стрельбы как по защищённому доспехом, так и по бездоспешному противнику. Их аналоги встречаются ещё среди древнерусских образцов.

Группа IV. Квадратные.

Тип 14. Шиловидные.

Включает 18 экземпляров. Происходят из городов Засечной черты и из Коломны²⁴⁸, где по документам начала XVII в. служило 67 татар и новокрещен, а в середине века – 98 человек этих категорий.²⁴⁹ Один экземпляр происходит из арсенала князей Кулмаметьевых (хранится в собрании ТГИАМЗ).

Длина пера – 35–85 мм, ширина пера – 6–12 мм, длина черешка – 15–35 мм. Перо имеет шиловидную форму, внизу плавно переходит в черешок. Черешок короткий, линзовидный или округлый в сечении. Упор отсутствует или выражен слабо (рис. 26.-1–2; рис. 27.-22; рис. 28).

Размер черешка и общая длина наконечника из арсенала князей Кулмаметьевых не установлены (он находится в древке стрелы). Длина пера – около 110 мм, ширина пера – 10 мм. От первого варианта отличается более узким пером.

Данные наконечники могут быть отнесены к числу бронебойных наконечников прокалывающего действия. В период позднего Средневековья и раннего Нового времени стрелы с наконечниками подобного типа применялись для стрельбы по защищённому доспехом противнику.

---

²⁴⁶ Разрядная книга 7123 года... С. 33–34.

²⁴⁷ «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... – С. 26.

²⁴⁸ Вариант 1а: Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 159.

²⁴⁹ Разрядная книга 7123 года... С. 32; «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 15.

Наконечники данного типа восходят к древнерусским прототипам X–XIV вв.²⁵⁰

Таким образом, на основании анализа вещественных источников выделены 4 группы и 14 типов наконечников стрел служилых татар Московского государства, дополненных 6 вариантами (рис. 29–32).

Кроме выделенных выше типов, можно предполагать, что служилыми татарами Западной Сибири конца XVI–XVII вв. применялись боеголовковые наконечники с плоским и квадратным сечением, а также плоские удлинённо-треугольные, найденные при раскопках на городище Искер.

Удлинённо-треугольные с плоским сечением (3 экз.). Длина пера – от 35–60 мм, ширина – 10–20 мм, длина черешка – 30–60 мм. Перо плоское неширокое, остриё остроугольное с прямыми плечиками. Удлинённо-треугольные наконечники могут быть отнесены к универсальным прокалывающего действия. Наконечники стрел данного типа функционально предназначались для поражения незащищенного доспехами противника. В Западной Сибири бытовали до XX в., в этот период использовались для охоты.²⁵¹

Боеголовковые с плоским сечением (11 экз.). Общая длина – 60–100 мм, длина пера – 50–70 мм, ширина пера – 10–20 мм. Имеют выделенную ромбовидную боеголовку с расширением в верхней трети, длинную округлую в сечении шейку, слабо выраженный упор (рис. 27.-24). Боеголовковые асимметрично-ромбические наконечники могут быть отнесены к универсальным проникающего типа действия и функционально предназначались для поражения как бездоспешного, так и имеющего защитное вооружение противника. Наконечники данного типа появились в степных районах Сибири в XI–XII вв., широко распространились в период монгольских завоеваний и бытовали в регионе вплоть до XIX в.²⁵²

Боеголовковые с квадратным сечением (1 экз.). Общая длина – 88 мм, длина пера – 55 мм, ширина пера – 9 мм. Имеют выделенную ромбовидную боевую

---

²⁵⁰ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 84. По А.Ф. Медведеву 93 тип.

²⁵¹ Конилов, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера... С. 186–187.

²⁵² Там же, С. 184.

головку и длинную округлую в сечении шейку с упором (рис. 27.-23). Наконечники данного типа могут быть отнесены к бронебойным. Отмечается, что, судя по очертаниям профиля пера, данный наконечник мог применяться для раздвижения колец кольчуги. В степных районах Сибири подобные наконечники появились в начале II тысячелетия н. э. и бытовали вплоть до XVII в.²⁵³

Анализ наконечников стрел свидетельствует, что служилыми татарами европейской части России могли применяться преимущественно стрелы местного производства, восходящие к стрелковому набору развитого Средневековья. Западносибирская серия стрел более разнообразна. Она сочетает в себе как традиционные для региона типы наконечников, так и привнесенные в Западную Сибирь стрелы центральноазиатского образца с широким уплощенным пером асимметрично-ромбической и секторной формы. В целом стрелы служилых татар Московского государства второй половины XV–XVII вв. продолжают линию развития «золотоордынского» стрелкового комплекса, сложившегося на основе синтеза саадачных наборов восточноевропейского, западносибирского и центральноазиатского образца. Наконечники новых типов представляют собой модификации стрел развитого Средневековья.

Ключевое место в стрелковом наборе служилых татар занимали наконечники с ромбическим в сечении пером удлиненно-треугольной формы. Подобные стрелы относились к категории «универсальных» и позволяли поражать противника, не имеющего защитного вооружения или облаченного в стеганый на вате панцирь («тягеляй»). Значительную часть наконечников составляли стрелы с плоским пером, предназначенные для стрельбы по легковооруженным вражеским воинам. «Бронебойные» стрелы были весьма немногочисленны. Вероятно, при столкновениях с латниками противника татары применяли стрельбу по незащищенным броней коням. Данное предположение подтверждается материалами письменных источников. Так, например, в сражении под Русой в 1556

---

²⁵³ Конигов, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера... С. 184.

г. татары и москвичи интенсивной стрельбой по коням остановили атаку новгородцев.²⁵⁴

К сожалению, деревянные древки стрел в большинстве случаев до нас не дошли. К числу немногочисленных исключений относятся древки стрел барабинских и саргатских татар позднего Средневековья (могильник Абрамово-10), а также 2 стрелы из арсенала князей Кулмаметьевых. Древки изготовлялись из чурок, брёвен взрослого дерева, подвергнутых специальной обработке. Длина древков колебалась в пределах 60–70 см, что близко этнографическим образцам. На участке 50–55 см от наконечника они были плотно оклеены полосками бересты. Заготовка древков из чурок известна по этнографическим материалам.²⁵⁵ Подобная технология изготовления древков стрел из старых жёстких деревьев в осенний период (когда в них было меньше влаги) была распространена и в Восточной Европе. Это позволяет предположить, что и европейские татары пользовались такими древками стрел, изготовленными русскими или татарскими ремесленниками.

Отметим также, что сибирские татары иногда снабжали свои стрелы костяными шариками-свистунками.²⁵⁶

Для средневековой Восточной Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени характерно полное преобладание плоских черешковых стрел.²⁵⁷ О.В. Двуреченский составил максимально полный свод наконечников, бытовавших в европейской части Московского государства в конце XV – начале XVII вв. Автор отмечает, что в рассматриваемый период наблюдаются территориальные и хронологические различия в наборе типов наконечников. Бронебойные составляют 34% от общего числа в северо-западных регионах, где российским воинам приходилось сталкиваться с хорошо вооруженными европейскими латниками Ливонского ордена, Польши, Швеции. Универсальные наконечники составляют

---

²⁵⁴ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 195.

²⁵⁵ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 63.

²⁵⁶ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими... С. 39.

²⁵⁷ Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел... С. 37–38.

там 50%, рассекающие – 11,4, и гарпунные – 4,6%. В центральных районах страны это соотношение иное: бронебойные – 14%, универсальные – 82%, рассекающие – 4%. В южных же регионах, где противником являлись легковооружённые татары, 94% наконечников – универсальные и 6% – бронебойные, а других типов вообще нет. Как отмечает автор, несмотря на вероятность того, что на выводах сказалась степень изученности археологического материала в тех или иных районах, заметное снижение количества бронебойных наконечников с XV по XVII в. прослеживается достаточно чётко. Этот процесс мог быть связан с различиями в вооружении основных противников российских воинов на юге и северо-западе.²⁵⁸

В Западной Сибири часто использовались костяные наконечники, разнообразные по форме, что связано с подчинённостью изделия форме сырья и личными навыками изготовителя. Причём, судя по данным палеоантропологии, костяные наконечники благодаря мощности сложных луков для незащищённого доспехами противника были не менее опасны, чем металлические.²⁵⁹ Имеются свидетельства использования стрел с костяными наконечниками против людей и в позднем средневековье.²⁶⁰

Наконечники стрел казанских воинов XV–XVI вв. мало отличались от наконечников предшествующего времени, однако практически исчезли бронебойные и широколезвийные, что также говорит о сокращении использования воинами региона доспехов. Наиболее распространены у казанцев были плоские листовидные наконечники универсального назначения.²⁶¹

Для хранения и ношения лука и стрел использовались соответственно налуч и колчан.

Налуч – футляр для хранения и транспортировки лука. В рассматриваемый период налуч изготовлялся с таким расчётом, чтобы в него входила половина лука в боевом (натянута) состоянии, что отличало луки «монгольского» типа как от

---

²⁵⁸ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.): Диссертация канд. историч. наук: 07.00.06. / О.В. Двуреченский. – СПб., 2008. – С. 171–177.

²⁵⁹ Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 129, 134.

²⁶⁰ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 62.

²⁶¹ Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства... С. 137.

более ранних, так и от луков иных типов, которые необходимо было во избежание порчи (ослабления) держать до боя в ненапрянутом состоянии. Налучи часто делали из цельного куска кожи, повторявшего форму половины лука, и украшали с внешней стороны фигурными вырезами.

Литовские татары с картины «Битва под Оршей» на левом боку носят налучи Y-образной формы коричневого цвета. На них просматриваются узоры (возможно, гравировка по коже). На гравюре Абрахама де Брюина среди «типажей» Московии изображён татарин с саадаком. Саадачный набор представлен стилизованным «восточным» луком, налучем (распространённой тогда формы, повторявшей форму половины лука, но с дополнительными декоративными вырезами и орнаментированной внешней плоской стороной), колчаном со стрелами на закрытом от зрителя правом боку (виден только его верх со стрелами, помещёнными в него вверх оперением). Такой же формы налучи видны у сибирских татар (в том числе служилых) на миниатюрах из Ремезовской летописи конца XVII – начала XVIII вв. (рис. 36.-1–4).²⁶²

Налучи подобной конструкции и системы оформления в период позднего Средневековья и раннего Нового времени применялись кочевниками Восточной Европы, Западной Сибири, а также русскими служилыми людьми.

Колчан – футляр для транспортировки и хранения стрел. В период позднего Средневековья популярны были плоские колчаны, состоявшие из изнанки, повторяющей форму колчана, одного или двух частично перекрывающихся фрагментов лицевой части и днища. Со временем появился вариант с «карманами» на лицевой части для дополнительных стрел, а также запасных наконечников и тетивы.

Материалы изобразительных источников свидетельствуют, что служилыми татарами Московского государства использовались плоские кожаные колчаны подтрапециевидной формы. Внешняя сторона колчанов могла украшаться вышивкой или тисненым узором. Подлинный колчан, принадлежавший служилым

---

²⁶² Краткая сибирская летопись (Кунгурская)... Л. 32.

татарам рода Кулмаметьевых, хранится в фондах ТГИАМЗ. Он изготовлен из твердой кожи темного цвета и имеет традиционную подтрапециевидную форму. Характерными особенностями оформления колчана являются удлиненная спинка и неглубокий карман для стрел и напильника. Лицевая сторона колчана украшена растительным орнаментом, выполненным золотой краской (рис. 33–34).

Археологические источники из Барабы и музейные материалы подтверждают распространение среди сибирских татар общевразийской моды того времени на колчаны трапециевидной формы с фигурно вырезанными боком и устьем (рис. 35). «Как правило, такие футляры изготавливали из трёх кусков хорошо выделанной кожи. Два из них вырезали сразу по форме будущего изделия. Третий же, повторявший абрис верхней части приёмника, по размерам был много меньше – около трети длины колчана. Этот короткий кусок сшивали с трёх сторон по периметру с самым длинным. Таким образом, верхняя треть последнего по всей длине оказывалась двойной, т.е. спинкой будущего футляра. После этой операции на него накладывали оставшийся кусок кожи, и всё изделие плотно сшивали с трёх сторон, оставляя не скреплённым лишь приёмник для стрел. Со стороны фигурного выреза шов дополнительно проклёпывали. Заклёпки сверху прикрывали круглыми декоративными бляшками. Изнутри дно колчана, чтобы уберечь его от повреждения остриями стрел, укрепляли деревянной прокладкой».²⁶³ Поверхность таких колчанов иногда раскрашивали в красный цвет, орнаментировали. Среди барабинских татар в XV–XVII вв. бытовал и другой тип колчана: пеналообразный, прямоугольный, овальный в продольном сечении, из тонких досточек.²⁶⁴

Таким образом, комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет сделать вывод, что основным оружием служилых татар конца XV–XVII вв. был традиционный саадак.²⁶⁵ Мощные сложносоставные луки «татарского» и «турецкого» типов успешно соперничали с

²⁶³ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 64.

²⁶⁴ Там же, С. 63–64.

²⁶⁵ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168; Ульфелдт, Якоб. Путешествие в Россию... С. 295; Дзялынкий, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–30; РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К.112., лл.1–18; РГАДА: Ф.210. Оп. 4. К.177, лл. 1–56, л. 47об; Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар... С. 188; Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими... С. 33.

фитильными и кремневыми ружьями в дальности стрельбы и значительно превосходили их в скорострельности. Служилые татары пользовались в основном железными наконечниками, среди которых преобладали черешковые наконечники «универсального типа», снабженные ромбическим уплощённым в сечении пером с вытянутыми плечиками с упором.²⁶⁶ Стрелы, снабженные такими наконечниками, могли эффективно поражать как бездоспешных вражеских воинов, так и противника, использующего мягкий ватный панцирь. В Сибири встречались также костяные наконечники.²⁶⁷ Лук хранился в Y-образном кожаном налуче, форма которого повторяла форму половины лука. Стрелы помещались в кожаный колчан подтрапециевидной формы. В целом, можно констатировать, что саадачный набор служилых татар Московского государства имел симбиотический характер. Он сочетал в себе элементы, характерные как для комплекса вооружения русской помещной конницы, так и для тюркских кочевников Восточной Европы и Западной Сибири.

На протяжении рассматриваемого исторического периода ручное огнестрельное оружие не получило широкого распространения среди служилых татар Московского государства.²⁶⁸ Тюркские номады Восточной Европы относились к «огненному бою» с недоверием и опаской. Татарские кони пугались ружейных выстрелов, а крымские татары даже в середине XVII в. отказывались брать в руки фитильные ружья, привезенные на полуостров османскими купцами.

Из описанной Л. Дзялыньским стычки с татарами видно их нежелание связываться с воинами, вооружёнными огнестрельным оружием.²⁶⁹ Непривычность татар и их лошадей к «огненному бою» видна и из другого случая, произошедшего 22 августа 1580 г. Тогда служившим королю казакам удалось взять в плен знатного татарина, предводительствовавшего кавалерийским отрядом из 300 воинов. Случилось это при случайной стычке, когда татары атаковали уступавшие им

---

²⁶⁶ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 165.

²⁶⁷ Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 129, 134.

²⁶⁸ Илюшин, Б.А. К вопросу об использовании огнестрельного оружия российскими служилыми татарами... С. 160–168.

²⁶⁹ Дзялыньский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–30.

численно силы казаков, в которой, однако, никто не погиб, а командующий татар попал в плен оттого, что его лошадь испугалась, понесла и сбросила его, когда казаки открыли огонь.²⁷⁰

В записках Мартина Груневега о его путешествии в Московию в 1584–1585 гг. имеется упоминание о встрече кортежа великой княжны. Её сопровождали 300 всадников, из которых сотня татар с луками, в то время как москвиты были с пищалями.²⁷¹

«Они [татары начала XVII в. – Б.И.] не употребляют ни пороха, ни дробы, не умеют обращаться ни с полевыми, ни с большими пушками» сообщает П. Петрей.²⁷²

Георг Паерле в своих записках о пребывании в Московии в Смутное время писал, что против мятежников Шуйский в мае 1610 г. послал огромную армию (якобы свыше 150 000 человек). «Кто не видал своими глазами этого войска, тот не поверит, что за народ собрал Шуйский: оно состояло большею частью из Татар Казанских, которые не только не умели стрелять, но и ружья никогда в руки не брали».²⁷³

Стоит обратить внимание на слова Маржерета о сходстве вооружения казаков и татар и о том, что казаки отличаются от татар лишь широким применением огнестрельного оружия.²⁷⁴

В тех случаях, когда письменные источники фиксируют факты применения «русскими» татарами огнестрельного оружия, речь, как правило, идет о ясачных татарах и подвластных Москве ногаях.

Интересные сведения о системе снабжения ногаев ружьями из русских арсеналов имеются у Адама Олеария (1633–1635 гг.). Он, в частности, отмечает, что ногаи враждуют с калмыками и терпят от них притеснения (особенно в холодное время года, когда реки замерзают). Для защиты от калмыков русские

---

²⁷⁰ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 32–33.

²⁷¹ Груневег, М. Записки о торговой поездке в Москву... С. 234.

²⁷² Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207–208.

²⁷³ Паерле, Георг. Описание путешествия Ганса Георга Паерле... С. 219.

²⁷⁴ Маржерет, Жак. Состояние Российской империи... С. 169.

выдавали татарам во временное пользование ружья и другое военное снаряжение, но его нужно было возвращать в начале лета. Причём другого оружия (огнестрельного?) татары не имели права держать.²⁷⁵ В XVII в. в Алтыульских улусах, например, имелось лишь несколько десятков человек, владевших огнестрельным оружием (видимо, благодаря связям со Средней Азией), хотя с XVI в. ногаи просили русских и османских правителей о присылке пушек и пищалей.²⁷⁶

В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера приводится рассказ об основании г. Тара в 1594 г. со ссылкой на наказ и роспись, по этому случаю составленные. К воеводе князю А.В. Елецкому с товарищами были присланы из Москвы 145 стрельцов, а из Казани и Уфы 554 воина под предводительством Мамлея Мальцева. В число последних входили 100 казанских и свияжских татар самого Мальцева, 300 башкир, четверо детей боярских (каждый с сотней татар и башкир), а также около сотни пленных поляков. В Тюмени и Тобольске к отряду также присоединялись служилые из черкасов, литовцев, русских, а также татар – 50 тюменцев, верхотурцев, андреевских, белаковцев, зырянцев, 30 табаринских татар, 100 тобольских татар, а также 450 ясачных татар, из которых 150 были взяты для работы на судах. Последние были пешими и вооружены огнестрельным оружием.²⁷⁷ В данном случае речь идёт об использовании новых подданных в качестве гарнизонного войска, для «осадного сидения», чем служилые татары обычно не занимались. Остальные татары, как отмечается, были конными и, очевидно, вооружены луками, что было гораздо эффективнее для конного боя.

Имеется ещё одно косвенное свидетельство в пользу отсутствия ручного огнестрельного оружия у основной массы служилых сибирских татар. В челобитной томских татар об их походе с другими служилыми людьми Тухачевского на кыргызов в 1641 г. говорится: "мы, холопи твои, с твоим государевым воеводою с Яковом Тухачевским тебе государю служили. Пришед в Кыргыскую землю Ичинеев улус разорили кыргыских многих людей побили и

---

²⁷⁵ Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию... С. 349.

²⁷⁶ Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев... С. 170–171.

²⁷⁷ Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. I. ... С. 288–289.

переранили, а жон их и детей в полон поимали и привели в Томской город. А как в Кыргызской земле кыргызских людей всех земли и мугал черных колмаков в собране стало много, а у твоих государевых служилых людей пороху и свинцу не стало и мы, холопи твои, пошли назад из Кыргызской земли отходом, оборонная рукою, отобрать верблюды".²⁷⁸ Этот текст можно понять так: татары говорят о русских служилых людях, у которых кончились порох и свинец, но не о себе, так как они не имели огнестрельного оружия.

В XVII в. огнестрельное оружие постепенно распространяется среди тюркского населения Зауралья. В статье Л.А. Боброва и Е.А. Багина отмечается, что к середине XVII в. ручное огнестрельное оружие уже не было столь редким у сибирских и приуральских служилых татар. Использовали пищали те татары, что по некоторым причинам выступали против русских. В 1662 г. среди 200 (или 400) татар, напавших на Ирбитскую слободу, 30 имели ружья.²⁷⁹ Приводятся в статье и два других подобных свидетельства за вторую половину XVII в.²⁸⁰ Сведения о набегах татар в 1662 г. и ручном огнестрельном оружии приводил В.В. Трепавлов; он же сообщил, что в бою с татарами Кучумовичей и калмыками тобольский рейтар был ранен в правую руку из пищали. Однако сам автор пишет, что пищаля могла принадлежать и калмыку.²⁸¹

Как видим, «воровские» татары действовали вместе с калмыками, громили поселения, и всё – в лесистой местности. Т.е. в данном случае можно предполагать и калмыцкое влияние, и особенности военных действий (не полевого сражения, а взятие неукрепленных поселений), и особенности ландшафта. Кроме того, можно предполагать, что лесостепные и таёжные условия Западной Сибири вообще способствовали распространению огнестрельного оружия среди сибирских служилых татар, которым приходилось сталкиваться с противником в густом лесу, где конные лучники теряли своё преимущество в скорости.

---

²⁷⁸ Челобитная томских пригородных татар царю о выдаче им жалования за участие в походе против кыргызов... С. 117.

²⁷⁹ Бобров, Л.А., Багин, Е.А. О некоторых особенностях эволюции костюма и комплекса вооружения татарской служилой элиты Западной Сибири... С. 126.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Трепавлов, В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В.В. Трепавлов. – М.: Восточная литература, 2012. – С. 128.

Однако подчеркнём, что в источниках речь идёт не о служилых татарах, а о татарах Кучумовичей и «мятежных» башкирах, и рассматривать эти сообщения как свидетельства активного использования служилыми татарами ручного огнестрельного оружия во второй половине XVII в. мы никак не можем.

Исследованные нами разборные десятины 1622 г. рисуют ту же картину для первой половины XVII в. В десятине по Московскому уезду все 5 татар разного материального достатка вооружены саадаком. Ничего, кроме него и коня, у них не отмечено.²⁸² Десятня по Боровску свидетельствует о том же: семеро татар вооружены саадаком.²⁸³

Редким примером использования служилым татаринном огнестрельного оружия в бою является рассказ об убийстве Лжедмитрия II татарским князем Урусовым за нанесённую ему обиду. Как известно, Пётр Урусов (он же Урак бин Джан-Арслан) застрелил самозванца во время охоты (по Петрею – из ружья) и отрубил саблей голову.²⁸⁴ У Майерберга имеются сведения о русском войске начала 1660-х гг.: «К ним [к пехоте – И.Б.] прибавляет гораздо меньшее число конницы, набранной из дворян... и немногих Татар из Казанскаго и Астраханскаго Царств, вооружённых самопалами, пистолетами и кривыми саблями...».²⁸⁵ Также можно привести данные описи имущества сибирского царевича Азима б. Кучума за 1615 г., среди которого отмечен самопал шведский.²⁸⁶ Во второй половине XVII в. ручное огнестрельное оружие отмечается среди имущества богатых татарских помещиков. Так, среди вещей темниковского мурзы Алея Долаткозина (1670 г.) упомянуты 4 пистолета с замками, карабин немецкой работы с русским замком, 2 карабина русской работы с замками.²⁸⁷

Стоит отметить, что и среди русских дворян XVI – начала XVII вв. огнестрельное оружие распространялось медленно, и только после Смуты

---

²⁸² РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 112, лл. 1–18.

²⁸³ РГАДА: ф. 210. Оп. 4. К. 177, лл. 1–56, л. 47 об.

²⁸⁴ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 357–358.

²⁸⁵ Майерберг, Августин. Путешествие в Московию... С. 181.

²⁸⁶ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 132.

²⁸⁷ Фролов, Д.В. "Да платья мужскаго и женскаго теплаго и холоднаго..." Костюм дворян мордовского края второй половины XVII в. / Д.В. Фролов // Центр и периферия. — 2017. — № 1. — С. 50.

окончательно вытеснило лук и стрелы из массового использования²⁸⁸, но и то не везде.²⁸⁹

Таким образом, анализ письменных источников свидетельствует, что основным наступательным оружием у служилых татар XV–XVII вв. был саадак – лучный набор, включавший лук, стрелы, налуч, колчан и саадачную портупею. Использовались сложносоставные луки, являющиеся дериватами «монгольского». Преобладание лука как наступательного вооружения у служилых татар определялось его оптимальностью для избегавшей ближнего боя лёгкой татарской конницы. Для поражения противника применялись стрелы с железными черешковыми наконечниками распространённых в тот период в Восточной Европе и на юге Западной Сибири типов. Лук хранился в налуче У-образной формы. Для хранения стрел использовали колчан в основном популярной в позднее Средневековье подтрапециевидной формы.

В течение всего рассматриваемого периода ручное огнестрельное оружие так и не получило среди служилых татар широкого распространения.²⁹⁰ У состоятельных служилых татар могло иметься ручное огнестрельное оружие как российского, так и европейского или азиатского производства, однако оно было малоэффективно при татарской тактике ведения боя, основанной на применении массивированной лучной стрельбы.

3.3. Оружие ближнего боя

К наступательному оружию ближнего боя относятся виды вооружения, предназначенные для поражения противника при сближении – в ближнем и рукопашном бою. Оно может быть полифункциональным (соединяющим в своей форме универсальную функцию нанесения колющих и рубящих ударов – мечи,

---

²⁸⁸ Чернов, А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв... С. 79-81; Малов, А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671 гг. / А.В. Малов. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 34–35.

²⁸⁹ Смирнов, Н.В. Тверские «служилые города» в XVII в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Смирнов Николай Валентинович. – СПб., 2002. – С. 196.

²⁹⁰ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–30, 32–33; Груневег, М. Записки о торговой поездке в Москву... С. 234; Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207–208, 357–358.

палаши, сабли) и монофункциональным (имеющее специализированную форму для нанесения только колющих (копье) или только рубящих ударов (топор).²⁹¹

По параметрам поражающей части клинковое оружие делится на длинноклинковое и короткоклинковое.

В рассматриваемый период в Восточной Европе и Западной Сибири длинноклинковое оружие служилых татар представлено саблями и палашами. Сабля – рубяще-колющее оружие с однолезвийным изогнутым клинком.²⁹² Удобна и эффективна для нанесения рубяще-режущего удара с коня.

Нами рассмотрено 6 экземпляров сабель, использовавшихся в конце XVI–XVII вв. западносибирскими татарами, в том числе служилыми.

У татар Западной Сибири конца XVI–XVII вв. бытовали сабли, снабженные клинком трех разных типов. В первом случае клинок имел остроконечное острие, во втором снабжался елманью, а в третьем – длинным «штыковидным» острием.

Встречались сабли восточноевропейского, западноазиатского, среднеазиатского и центральноазиатского образцов. Первые снабжались крестообразной, а последние – дисковидной гардой.²⁹³

Тип 1. Сабли с остроугольным клинком.

Вариант 1. Сабли со слабоизогнутым остроугольным клинком, снабженным ребром жесткости и крестообразной гардой.

Включает 1 экземпляр из собрания МАЭС ТГУ. Размеры не установлены.

Сабля из МАЭС ТГУ (рис. 39.-1) со слабоизогнутым остроугольным клинком и ребром жесткости.²⁹⁴ Длинный хвостовик (черен) сабли отогнут в сторону лезвия. В его плоскости пробиты отверстия для заклепок, фиксировавших деревянные «щечки» рукояти. Сабля снабжена крестообразной гардой, концы крестовины которой расплющены и загнуты в сторону лезвия и спинки клинка соответственно. Особенности отделки сабли свидетельствуют, что она была выкована сибирскими

---

²⁹¹ Худяков, Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. ... С. 27.

²⁹² Там же, ... С. 39.

²⁹³ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 272.

²⁹⁴ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. Вооружение и военная организация: Учебное пособие / Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – С. 46 (Рис. 10.56).

или среднеазиатскими мастерами по черкесскому образцу. Схожие по системе оформления сабли изображены на рисунках Ремезовской летописи.²⁹⁵

Тип 2. Сабли с елманью.

Вариант 1. Сабли с ярко выраженной елманью удлинненно-треугольной формы.

Включает 1 экземпляр из Искера (рис. 39.-5.).

Сабля имеет длинный, плавно изогнутый однолезвийный клинок с остроугольным острием и ярко выраженной елманью. Черен рукояти отогнут в сторону лезвия.²⁹⁶ Сабли с елманью изображены на рисунках Ремезовской летописи конца XVII – начала XVIII вв. (рис. 41.-1). В некоторых случаях ими вооружены сибирские (в том числе служилые) татары.²⁹⁷

Вариант 2. Сабли с ярко выраженной елманью и удлиненным острием.

Включает 1 экземпляр из собрания ТГИАМЗ (рис. 39.-4).

Верхняя часть клинка почти прямая. Сабельная полоса начинает резко изгибаться в центральной части и переходит в длинную массивную елмань. Отличительной особенностью данной сабли является удлиненное острие, имитирующее «штыковидное» острие северокавказских сабель. К сожалению, рукоять сабли не сохранилась. Фрагмент хвостовика отогнут в сторону лезвия.

Сабля предположительно происходит из арсенала служилых татар Кулмаметьевых.²⁹⁸ Подобные клинки не характерны для русского комплекса вооружения. Можно предполагать, что сабля из ТГИАМЗ могла быть привезена в Сибирь с территории Средней Азии.

Тип 3. Сабли со «штыковидным» острием.

С территории Западной и Южной Сибири происходят так называемые «черкесские» (северокавказские) сабли со слабоизогнутым остроугольным клинком и крестообразной гардой, крестовина которой отогнута в сторону лезвия

---

²⁹⁵ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири... С. 46 (Рис. 10.6).

²⁹⁶ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими... С. 43.

²⁹⁷ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири... С. 46.

²⁹⁸ Там же, С. 46, рис. 10.60.

и спинки соответственно. Можно предполагать, что некоторые сабли серии принадлежали служилым татарам Российского государства (рис. 37; 39.-2–3).

Вариант 1. Сабли со слабоизогнутым клинком, «штыковидным» острием и крестообразной гардой.

Включает 3 экземпляра из музейных и частных собраний Российской Федерации и Республики Казахстан.

Самой известной «сибирской» саблей со штыковидным острием является образец из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ, Инв. В.О.6). Общая длина – 113 см. Длина клинка – 99 см. Слабоизогнутый сабельный клинок завершается длинным ярко выраженным штыковидным острием. На верхней части клинка помещена надпись: «Это сабля Бахадур Кучум Хана». Рукоять сабли обтянута кожей ската и снабжена крестообразной гардой и наперстковидным навершием. В комплект с саблей входят ножны, обтянутые кожей ската и украшенные металлическими обоями и накладками. Данная сабля была подарена императору Николаю I князем Александром Лобановым-Ростовским. Клинок сабли имеет северокавказское происхождение. Рукоять и ножны выполнены крымскими или среднеазиатскими мастерами. Не исключено, что первым владельцем сабли был упомянутый на ее клинке знаменитый сибирский правитель Кучум-хан. Согласно одной из версий, в дальнейшем сабля использовалась знатными сибирскими татарами, а затем казахами, у которых и была выкуплена представителями российских властей.

Если вспомнить интенсивные контакты между сибирскими татарами и ногаями, которые не прервались и после русского завоевания, можно предполагать кавказское происхождение этого клинка и проникновение его в Сибирь через ногаев.

Материалы письменных источников называют сабли вторым (после луков) оружием служилых татар. Данные свидетельства подтверждаются и изобразительными источниками. С. Герберштейн сообщает про татар, что «сабля у них редка», но при этом отмечает, что у них нет ни копий, ни щитов, то есть сабля

является главным оружием ближнего боя.²⁹⁹ Павел Йовио отметил, что при подготовке к набегу на европейские страны правители татар закупают у персов, помимо прочего оружия, сабли (хотя основное оружие – лук).³⁰⁰ На картине «Битва под Оршей» у литовских служилых татар помимо луков видны сабли в ножнах (рис. 41.-4). На картине Альтдорфера у «восточных всадников», что в центре, оружие также представлено луком и саблей. Сабля слабо изогнута и убрана в чёрные ножны. Дженкинсон в середине XVI в. сообщал, что в Астрахань татары завозят из Персии в том числе кольчуги, луки, мечи.³⁰¹ Можно предположить, таким образом, что татары использовали оружие персидского производства и соответствующих типов (например, персидские сабли). На вооружении служилых татар также упоминаются «лядские», то есть польские сабли.³⁰²

В описании стычки с татарами в «Дневнике» Луки Дзялынського указано, что основным оружием ближнего боя у татар были сабли.³⁰³ Ж. Маржерет отмечает сходство вооружения казаков и татар. «Казаки с древности были конными и вооружались, как Татары, и [ныне] продолжают также, разве только с недавнего времени большинство их пользуется аркебузами, но они не носят никакого оборонительного оружия, если не считать таковым кривую саблю».³⁰⁴ При этом подразумевается сабля восточного, прежде всего турецкого типа – с достаточно широким клинком с обоюдоострым боевым острием-елманью. Сабля обладала значительным изгибом и по своей конструкции отличалась от восточноевропейских сабель венгерского типа (*sabre*).³⁰⁵

П. Петрей также сообщает, что оружие татар – луки, стрелы, сабли. «Когда обратятся в бегство, а неприятель погонится за ними, они бросают все, что только есть с ними, кроме сабель, которыми и рубят во все стороны, сколько хватит силы».³⁰⁶

---

²⁹⁹ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168.

³⁰⁰ Йовий, Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского... С. 289.

³⁰¹ Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве... С. 172.

³⁰² Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев... С. 169.

³⁰³ Дзялынський, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–29.

³⁰⁴ Маржерет, Жак. Состояние Российской империи... С. 169.

³⁰⁵ Там же, примечание 237.

³⁰⁶ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207.

Отмечая факты использования сабель служилыми татарами Российского государства, стоит подчеркнуть, что далеко не каждый татарин был снабжен этим видом оружия. В рассмотренных нами десятиях первой половины XVII в. они вообще не упоминаются в списке вооружения татар.³⁰⁷

О.В. Двуреченским собраны сведения о 15 полных клинках и их фрагментах, принадлежавших воинам Российского государства XV – начала XVII вв.³⁰⁸ К сожалению, в настоящее время не представляется возможным выделить из данных образцов сабли, принадлежавшие именно служилым татарам.

Возникнув на востоке континента, в раннем Средневековье сабля (вместе со стременами и жёстким седлом, без которых она была не столь эффективна) быстро распространилась на запад, прежде всего благодаря кочевым народам. К рассматриваемому периоду сабля была основным оружием ближнего боя народов Восточной Европы и соседних регионов на протяжении нескольких сотен лет, поэтому вполне предсказуемо выглядят сообщения источников о наличии сабли у служилых татар.

О.В. Двуреченский, рассматривая вопрос о саблях Московского царства, подытоживает исследования предшествующих десятилетий касательно эволюции восточноевропейских сабель. В XII–XIV вв. она шла в сторону увеличения длины, веса и кривизны клинка. В конце XV в. в Восточной Европе появляются сабли иного типа: крупные тяжёлые клинки 88–93 см, при общей длине 96–106 см, шириной у пяты около 5,5 см, с ярко выраженной елманью для увеличения тяжести удара. Перекрестье широкое. Это сабля князя Ф.М. Милославского из Оружейной палаты, а также турецкие сабли того же времени. Такие сабли изображены на картине «Битва под Оршей» и на гравюрах к книге С. Герберштейна. Скорее всего, изначально это турецкий импорт, а позже местные подражания турецким образцам. Второй тип сабли того времени, бытовавший в Восточной Европе имел более короткий и узкий клинок без елмани (80–86 см длиной, 3,4–3,7 см шириной у пяты), при общей длине 92–100 см, с одним долем или без него. Генетически он восходит

---

³⁰⁷ РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 112, лл.1–18; РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 177, лл. 1–56, л. 47об.

³⁰⁸ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 45.

к более ранним, местным, восточным или западным саблям. Имеется археологическое подтверждение того, что в середине XV – начале XVI вв. на Руси и в степях использовались сабли схожего типа. В XVII в. в Российском государстве встречаются также польско-венгерские сабли.³⁰⁹ Кроме того, по письменным источникам известно о распространении на Руси в XVI в. (вероятно, и позже) сабель иранского производства.³¹⁰

Русские сослуживцы татар также были вооружены саблями. С. Герберштейн сообщает, что саблю употребляют состоятельные воины.³¹¹ Дженкинсон отмечает, что русские пользуются саблями «турецкого образца и такой же лук со стрелами».³¹² Схожие сведения приводит и Дж. Флетчер.³¹³

В Казанском ханстве, по данным И.Л. Измайлова, сабля также была оружием знатного воина. Казанцы пользовались саблями с достаточно широкими и кривыми клинками с длиной лезвия 0,9–1 м, долом и елманью³¹⁴ (рис. 38). При этом автор пишет, что предметы вооружения русских и казанских татар невозможно атрибутировать в музейных собраниях и среди археологических артефактов по причине их большого сходства.³¹⁵

Крымские татары использовали «кривые сабли на манер турецкой».³¹⁶ Иногда подчёркивается, что сабля – оружие знатных воинов, которое они закупают в Османской империи.

В наибольшей степени саблями были обеспечены служилые татары Великого Княжества Литовского (позднее Речи Посполитой). Так, например, на знаменитой картине «Битва под Оршей» большинство литовских татар снабжены слабоизогнутыми саблями. В списке литовских татар, датированном 1534 г.

---

³⁰⁹ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 62–65.

³¹⁰ Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока... С. 92; Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве... С. 172.

³¹¹ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 114.

³¹² Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве... С. 88.

³¹³ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 91.

³¹⁴ Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства... С. 136.

³¹⁵ Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.)... С. 135–136.

³¹⁶ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 103.

(«описание хоружества татарской службы земское поветовое Ахметя Уланы»), из 60 рядовых воинов лишь один не имеет сабли.³¹⁷

Наряду с саблями служилыми татарами Западной Сибири могли применяться палаши.³¹⁸ Палаш – рубяще-колющее оружие с прямой однолезвийной рабочей частью – клинком.³¹⁹

Тип 1. Палаш с остроугольным клинком.

Вариант 1. Палаш с остроугольным клинком, граненой рукоятью и крестообразной гардой.

Включает 1 экземпляр из городища Искер (рис. 40.-2).

Палаш с прямым остроугольным клинком имеет напускное фигурное перекрестье с овальной обоймой и двумя округлыми в сечении выступами, а также граненую рукоять.

Палаш из Искера, вероятно, использовался татарским воином периода существования Сибирского ханства. Однако оружие схожей конструкции и системы оформления продолжало использоваться служилыми татарами Западной Сибири вплоть до конца XVII в. Об этом свидетельствуют изображения на миниатюрах Ремезовской летописи.³²⁰

Вариант 2. Палаш с остроугольным клинком.

Включает 1 экземпляр из городища Искер (рис. 40.-3).

Данный палаш имеет длинный узкий остроугольный клинок. Гарда отсутствует. Наиболее вероятно, что гарда была утеряна, однако, не исключено, что сибирскими татарами могли применяться и палаши без гарды.

Вариант 3. Палаш с остроугольным клинком и дисковидной гардой.

Включает 1 экземпляр из захоронения 33 могильника Бергамак-2 в низовьях Тары (татары-аялы конца XVI–XVII вв.) (рис. 40.-1). Длина палаша — 62,8 см, длина рукояти — 10 см, диаметр овальной гарды — 5,6 см (длинный) и 4 см

³¹⁷ Три копии дел, относящихся к имению Засулье, выданные князю Аликечу Бекгимовичу... С.121–125.

³¹⁸ Дж. Флетчер упомянул на вооружении татар меч, хотя он уже к концу XV в. в Восточной Европе был вытеснен саблей и палашем. Возможно, имелся в виду палаш.

³¹⁹ Худяков, Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. ... С. 33.

³²⁰ Краткая сибирская летопись (Кунгурская)... Лл. 6, 11, 32, 33.

(короткий). Клинок длинный, узкий, заточенный с одной стороны, с прямым черенком рукояти. Гарда выполнена в виде овальной железной пластины с подпрямоугольной прорезью для черена и выпуклым бортиком по периметру. На палаше замечены остатки деревянных ножен с бронзовой обкладкой. Палаш, по мнению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, имеет южносибирское или центральноазиатское происхождение (что устанавливается, прежде всего, по овальной форме гарды; западносибирские клинки того времени имеют крестообразные гарды, схожие с восточноевропейскими и западноазиатскими). Палаш мог попасть к татарам посредством торговли или как трофей.³²¹

Тип 2. Палаш с елманью.

Вариант 1. Палаш с широкой длинной елманью подтреугольной формы.

Включает 1 экземпляр из собрания ТГИАМЗ.

Редкой разновидностью палашей являлись образцы, снабженные елманью. Клинок палаша из ТГИАМЗ имеет длинную тяжелую елмань удлиненно-треугольной формы. Конец клинка срезан под углом, что придает оружию весьма характерную форму. Данный палаш предположительно входил в состав арсенала служилых татар Кулмаметьевых. Особенности конструкции позволяют предположить, что палаш был ввезен в регион с территории Восточной Сибири или Центральной Азии. Схожее оружие изображено на рисунках Ремезовской летописи.³²²

Среди предметов вооружения ногайских князей, опись которых была составлена на Москве в 1628 г., также значится палаш – «огниво серебряно, а достальная оправа снята».³²³

Собранные материалы свидетельствуют, что служилыми татарами Российского государства использовались различные виды короткоклинкового оружия, в частности кинжалы и ножи. Нож мог применяться как для бытовых, так и для военных нужд, особенно в экстремальной ситуации. Кинжал, отличающийся

---

³²¹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 271–272.

³²² Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири... С. 46. (Рис. 10.48).

³²³ Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев... С. 169.

от ножа двулезвийным (как правило, прямым) клинком, являлся полноценным оружием, которое занимало мало места, имело небольшой вес в сравнении с саблей или палашиом; кинжал мог использоваться в ближнем бою при утрате основного оружия.

Сибирские служилые татары, судя по археологическим данным, пользовались ножами типов, распространённых в тот период среди полиэтничного населения степной зоны Западной Сибири. Из барабинских памятников известно более 80 ножей (Малый Чуланкуль-1, Кыштовка-1,-2, Абрамово-10, Садовка-4, Льнозавод-4). Нами рассмотрены 26 экземпляров ножей, которые могут быть соотнесены с комплексом вооружения служилых татар Московского государства.

Все ножи рассматриваемой серии по материалу изготовления относятся к классу железных, а по сечению клинка – к группе треугольных.

Тип 1. Удлиненно-треугольные.

Вариант 1. Ножи с прямой спинкой, заострённым черешком, отделённым от неё уступами (рис. 42.-1).

Включает 12 экземпляров. Происходят из памятников Абрамово-10 (3 экз.), Кыштовка-2 (2 экз.), Чеплярово-27 (4 экз.), Черталы-3 (3 экз.). Ножи данного типа имеют наибольшие размеры из учтённых нами: 19–30 см. Лезвие в значительной степени прямолинейно и параллельно обушковой части, у острия плавно поднимается к спинке.³²⁴

Данный вариант ножей восходит к более ранним местным прототипам и мало изменился со скифской эпохи.³²⁵ Подобные ножи использовались населением южных районов Сибири и Центральной Азии начиная с Хуннского времени. Так, на Алтае они встречаются уже в памятниках булан-кобинской культуры. Пользовались ими и древние тюрки. В юго-восточных районах Западной Сибири

---

³²⁴ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 68; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 61–64.

³²⁵ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 69.

такие ножи продолжали использоваться населением сrostкинской культуры, бытовали в Монгольскую эпоху и сохранились до Нового времени.³²⁶

Вариант 2. Ножи со спинкой, имеющей «колено», расположенное в середине или верхней трети лезвия, и скосом к острию (рис. 42.-2).

Включает 3 экземпляра из памятников Кыштовка-2 и Чеплярово-27.

Длина 20–28 см. Черешок отделяется небольшим уступом, продолжающим геометрическую ось клинка. Лезвие прямоугольное или слегка вогнутое в нижней трети.³²⁷

Такие ножи, вероятно, являются импортом из Восточной Европы или создавались под непосредственным влиянием восточноевропейских ножей, в рассматриваемое время массово проникавших в Западную Сибирь. Помимо массового восточноевропейского экспорта, повлиявшего на местное производство, определить принадлежность ножа к определённой этнической группе затруднительно в силу «интернационализации» данного вида орудия, широкого распространения подобных ножей среди населения Западной Сибири XVI–XVII вв.³²⁸

Вариант 3. Ножи с плоским черешком, продолжающим прямую спинку, и закруглённым лезвием с выраженным «плечиком» (рис. 42.-3).

Включает 5 экземпляров. Происходят с памятников Абрамово-10, Окунево-7, Чеплярово-27.³²⁹

Длина – 16–25 см. Клинок имеет прямую спинку, переходящую в черешок. Лезвие закруглено и отделено от черешка резко очерченным «плечиком». Судя по сохранившимся остаткам, рукоять имела конусовидную форму (расширялась в сторону навершия).

---

³²⁶ Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – С. 77.

³²⁷ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 68; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 62.

³²⁸ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 69–70.

³²⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 68; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 63; Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 68–69. Тип IV.

Морфологические особенности ножей данного типа восходят к местным кинжалам, бытовавшим в I тыс.³³⁰ Подобные ножи в позднее Средневековье и раннее Новое время бытовали также у населения Южной Сибири и таёжных районов Западной Сибири.³³¹

Тип 2. Удлиненно-треугольные с симметричными сторонами (рис. 42.-4).

Включает 2 экземпляра. Происходят из памятника Абрамово-10.

Длина – 17–28 см. Обе стороны клинка симметричны и плавно переходят в черешок, отделённый с обеих сторон слабо обозначенными уступами. Форма клинка кинжаловидная.³³²

Данный тип ножей, видимо, восходит к кинжалам, бытовавшим в Южной и Западной Сибири в раннем Средневековье.³³³

Тип 3. Удлиненно-треугольные ножи с наклонным черешком.

Вариант 1. Ножи с прямой или чуть выпуклой спинкой и черешком, расположенным под углом к оси лезвия (рис. 42.-5).

Включает 3 экземпляра. Происходят с памятников Абрамово-10 и Чеплярово-27.³³⁴

Длина – 19–20 см. Клинок имеет прямую или чуть выпуклую спинку, плавно переходящую в черешок, отделённый от неё небольшим уступом. Черешок расположен под некоторым углом к геометрической оси лезвия. Форма схожа с таковой у ножей первого варианта первого типа.

Вариант 2. Ножи с чуть выпуклой спинкой, скругленной к острию, и наклонным черешком, отделённым с двух сторон уступами.

Рассмотрен 1 экземпляр из памятника Окунево-7.

---

³³⁰ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 69.

³³¹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 286.

³³² Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 68.

³³³ Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. ... С. 79–80, 2012.

³³⁴ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 69; Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 63.

Длина – 16–20 см. Лезвие имеет слегка скруглённую к острию выпуклую спинку. От черешка лезвие отделено с обеих сторон уступами. Черешок расположен под углом к геометрической оси лезвия.³³⁵

Удлиненно-треугольные ножи с наклонной рукоятью непосредственно восходят к более крупным, массивным, боевым ножам тюркского времени.³³⁶ Появление боевых и бытовых ножей с наклонной рукоятью, обеспечивающей более удобный захват орудия и увеличивающей режущие свойства ножа, относится к Хуннской эпохе. В период раннего и развитого Средневековья подобные ножи составляли почти половину от общего числа известных экземпляров.³³⁷

На материалах сибирско-татарских и южнохантыйских памятников представляется возможным выделить четыре типа рукоятей ножей, применявшихся служилыми татарами Российского государства.

Тип 1. Рукоять с боковыми деревянными или костяными накладками («щёчками»). Использовалась в случае наличия у ножа массивного плоского черена подпрямоугольной формы. При такой конструкции брусок раскалывался вдоль, затем обе половинки остругивались и накладывались на черен, после чего через сквозные отверстия в черешке и обеих накладках пропускали металлические стерженьки. Для крепления их затем расклёпывали. С торца рукоять могли накрывать металлической накладкой (рис. 43.-1).

Тип 2. Цельная рукоять из дерева, кости или рога. Использовались при тонком и остром черешке. В заготовке (чаще всего деревянной) просверливали отверстие в треть длины, затем в него вбивали притуплённый черешок. Иногда подобную рукоять дополнительно оборачивали слоем кожи (рис. 43.-3).³³⁸

Тип 3. Наборная рукоять из бересты и металлического или костяного наворачия. Рукоять изготовлена из вываренной бересты, которую наматывали на

---

³³⁵ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 69; Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69.

³³⁶ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 69.

³³⁷ Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. ... С. 77.

³³⁸ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 71–72.

черешок, затем фиксировали на конце стержня шайбой или навершием из металла или кости (рис. 43.-2).³³⁹

Тип 4. Наборная рукоять из кости увенчанная навершием. Рукоять высечена из кости и имеет шестигранный профиль. Основание рукояти оформлено шестигранной шайбой-накладкой, навершие – шестигранной заглушкой с прямоугольным ушком. Такая рукоять зафиксирована на ноже из могилы 218 памятника Черталы-3 и схожа с рукоятью подсадачного ножа из Оружейной палаты.³⁴⁰

Сведения о короткоклинковом оружии служилых татар, полученные при анализе археологических материалов, могут быть дополнены изобразительными источниками.

На гравюре в книге С. Герберштейна изображён татарин, на поясе которого висит длинный узкий изогнутый нож, который О.В. Двуреченский определяет как «садачный нож». Русский на гравюре имеет такой же нож на поясе (рис. 5). На гравюре базельского издания 1556 года подобный нож висит в лавке среди других предметов вооружения (рис. 19).³⁴¹ С. Герберштейн так описывает это оружие: «продолговатые кинжалы, висящие, как ножи, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукояти и схватить её в случае надобности».³⁴² Упоминание такого типа ножей в письменных и изобразительных источниках позволяет уверенно отнести его и к оружейному комплексу служилых татар европейской части Российского государства.

Единственный сохранившийся экземпляр подсадачного ножа, принадлежавший князю Андрею Ивановичу, хранится в Оружейной палате и датируется 1513 г.³⁴³ Общая длина – 57 см, длина клинка – 44 см, ширина клинка – 1,8–0,9 см. Клинок и рукоять изогнуты в одну сторону (рис. 44). Такой нож

³³⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 71–72.

³⁴⁰ Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья... С. 65.

³⁴¹ Герберштейн, С. Записки о Московии... рис. 9.

³⁴² Там же, С. 114.

³⁴³ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 66.

использовался для прокалывания кольчатых панцирей. Носился он на поясе под саадаком (откуда название).

В целом необходимо отметить, что короткоклинковое оружие занимало заметное место в комплексе вооружения служилых татар Московского государства рассматриваемого исторического периода. Большинство ножей носило полифункциональный характер и могло использоваться как в повседневной жизни, так и в рукопашной схватке. Особенно эффективны они могли быть в случае боя в тесном помещении. Специализированные боевые ножи и кинжалы, зафиксированные в изобразительных источниках, применялись наиболее состоятельными служилыми татарами и дополняли комплекс оружия ближнего боя.

Древковое оружие служилых татар Российского государства было представлено копьями, пиками, булавами (шестоперами, перначами) и кистенями.

Сибирские материалы (7 экземпляров) позволяют узнать какими типами длиннодревкового оружия могли пользоваться западносибирские служилые татары в XVI–XVII вв. Археологические находки в Прииртышье и Барабе включают наконечники копий ромбические и четырёхгранные в сечении. Из Барабы также известны наконечники с узким или широким удлинённо-ромбическим пером и длинной конусовидной втулкой с валиком или отверстием для крепления к древку.³⁴⁴

Крупные массивные наконечники использовались для нанесения противнику широкой кровоточающей раны. Наконечники с узким пером и длинной втулкой были рассчитаны на большую глубину проникания. Такие наконечники применялись народами Южной Сибири и Центральной Азии как рассматриваемого, так и более раннего периодов.³⁴⁵ Для пробивания панцирной или кольчужной брони воины Сибирского ханства, судя по находкам в Искере, использовали копья, наконечники

---

³⁴⁴ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 73.

³⁴⁵ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими... С. 41.

которых имели узкое вытянутое четырехгранное перо удлинённо-треугольной формы и конусовидную втулку.³⁴⁶

Татары Западной Сибири в XVII в. использовали длиннодревковое оружие трёх условных категорий: рогатины, пики и копья. Для рогатин характерны наконечники с ромбическим, реже – линзовидным в сечении широким удлинённо-ромбическим, удлинённо-треугольным или листовидным пером и массивной втулкой; древки массивные и относительно короткие. Пики обладают наконечниками с длинным узким ромбическим или квадратным в сечении пером, длинной и относительно тонкой или, напротив, короткой и массивной втулкой; древки относительно тонкие и длинные. Копья занимают промежуточное положение между двумя предыдущими категориями и имеют наконечники с линзовидным или ромбическим в сечении удлинённо-ромбическим или удлинённо-треугольным пером средних размеров.³⁴⁷

По материалу изготовления все наконечники относятся к классу железных, по способу насада – к отделу втульчатых.

Группа I. Линзовидные в сечении.

Тип 1. Удлинённо-ромбические с тонкой уплощенной «шейкой» и массивной конической втулкой.

Включает 1 экземпляр из могилы 41 могильника Бергамак-2 в низовьях Тары.

Общая длина наконечника – 33 см, длина пера – 15,6 см, длина втулки – 17,4 см, диаметр втулки – 5,4 см. Удлинённо-треугольное перо снабжено тонкой уплощенной «шейкой», которая резко переходит в массивную коническую втулку.³⁴⁸ (рис. 45.-1). Данный наконечник использовался тарскими татарами.

Группа II. Ромбические в сечении.

Тип 2. Удлинённо-ромбические.

---

³⁴⁶ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими... С. 41.

³⁴⁷ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири... С. 22.

³⁴⁸ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 297; Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 168–169.

Вариант 1. Асимметрично-ромбический с длинной гранёной шейкой, наибольшим расширением пера в нижней трети, длинной втулкой с бортиком.

Один экземпляр из могильника Абрамово-10.

Общая длина 29 см, длина пера – 11, ширина 2,7 см, диаметр втулки – 3,3 см. Датируется поздним Средневековьем (рис. 45.-2).³⁴⁹

Вариант 2. Удлиненно-ромбические со слабовыраженными рёбрами жёсткости и массивной короткой втулкой.

Включает 1 экземпляр. Случайная находка из Венгеровского р-на Новосибирской области.

Перо имеет вогнутые плечики. Общая длина – 28,5 см, длина пера – 16,5, ширина 4,5 см, диаметр втулки – 4,3 см (рис. 45.-3).

Наконечники подобного типа с конца I тыс. широко распространяются в Южной и Западной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европе и являются типичными боевыми наконечниками в рассматриваемое время.³⁵⁰ Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков указывают также на большое сходство данного наконечника с позднесредневековыми русскими рогатинами и их аналогиями из таёжных районов Западной Сибири, хотя и отмечают сложность конкретной датировки и точного установления происхождения ввиду широкой распространённости подобных наконечников в Евразии. Кроме того, аналогичный наконечник найден в монгольском Каракоруме.³⁵¹

Тип 3. Удлиненно-треугольные, с долами вдоль плоскостей, полукруглыми выемками выше основания пера на рёбрах.

Включает 1 экземпляр. Случайная находка из Венгеровского р-на Новосибирской области.³⁵²

Общая длина – 56 см, длина пера – 39, ширина 2,7 см, диаметр втулки – 4 см (рис. 45.-4). Судя по всему, наконечник насаждался на длинное и массивное древко и был эффективным оружием конного воина. Пики подобного типа широко

---

³⁴⁹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 73–74.

³⁵⁰ Там же, С. 73–74.

³⁵¹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 300.

³⁵² Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 73.

распространились с XVI в. в Восточной Европе, Западной и Средней Азии и в XVII в. проникли в Центральную Азию и Сибирь. Данный наконечник может иметь среднеазиатское или южносибирское происхождение и датирован концом XVII–XIX вв.³⁵³

Тип 4. Узкие ромбические, удлинённо-треугольной формы, снабжённые широкими продольными желобками, с конусовидной втулкой с выраженным бортиком.

Включает 2 экземпляра из собрания ТГИАМЗ, происходящие из арсенала служилых татарских князей Кулмаметьевых (рис. 45.-5–6).

Размеры не установлены. Широкие продольные желобки придают сечению пера характерный крестообразный вид.³⁵⁴ Пики с такими наконечниками могли эффективно использоваться в конном или пешем бою.

Тип 5. Ромбические в сечении, удлинённо-треугольной формы, с втулкой, снабжённой бортиком.

Включает один экземпляр из собрания ТГИАМЗ, происходящий из арсенала князей Кулмаметьевых (рис. 45.-7). Размер не установлен. Относится к категории пик.³⁵⁵

В золотоордынское время копьё занимало важное место в комплексе вооружения тяжёлой конницы. Однако позднее популярность длиннодревкового оружия в войсках кочевников начинает стремительно снижаться.

По единодушному мнению современников, длиннодревковое оружие имело слабое распространение среди тюркских народов Восточной Европы конца XV – первой половины XVII вв. в целом и служилых татар в частности. Копья и пики в данный период использовались в основном лишь конными панцирниками, в то время как легковооружённые кочевники использовали их лишь эпизодически.³⁵⁶

---

³⁵³ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 305–306.

³⁵⁴ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири... С. 26–27 (Рис. 1.22–23).

³⁵⁵ Там же, С. 27. Рис. 1.24.

³⁵⁶ Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. ... С. 234–235.

Можно предполагать сохранение значительного числа копейщиков среди касимовских татар ещё в битве на Шелони в 1471 г. Косвенно на это указывают как сообщение о ударе засадной татарской рати по новгородским полкам, так и использование копий и сулиц московским войском³⁵⁷, а также компактное размещение татар в рядах русского войска и их использование в качестве ударной силы.

По сообщению С. Герберштейна уже в первой трети XVI в. татары не могли «противостоять врагу в правильной битве» по причине отсутствия как доспехов, так и копий.³⁵⁸ На картине «Битва под Оршей» литовские служилые татары вооружены луками и саблями; копьё отсутствует. Очень редко копьё упоминается у крымских татар (Дж. Флетчер сообщает, что лишь некоторые из крымских татар в поход берут с собой «пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей»³⁵⁹) и ногаев.³⁶⁰ Воины Казанского ханства продолжали пользоваться копьём, хотя реже, чем в золотоордынское время. И.Л. Измайлов отмечает, что казанские конники использовали пики с узким вытянутым, часто четырёхгранным наконечником.³⁶¹ Большинство современников (Якоб Ульфельдт³⁶², Лука Дзялынский³⁶³, Дж. Флетчер³⁶⁴, П. Петрей³⁶⁵, Ж. Маржерет³⁶⁶) вообще не упоминают копьё в составе комплекса вооружения татарских воинов.

При этом, однако, копьё продолжали использовать состоятельные русские дворяне, особенно доспешные, которые и в период Ливонской войны, судя по всему, составляли передние ряды войска.³⁶⁷ Так, в Записной книге Полоцкого

---

³⁵⁷ Чубинский, А.Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копьё, сулицы и совни / А.Н. Чубинский // Война и оружие: новые исследования и материалы. Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. – Часть V. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. – С. 314.

³⁵⁸ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168.

³⁵⁹ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 103.

³⁶⁰ Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды... С. 481.

³⁶¹ Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства... С. 136.

³⁶² Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию... С. 295.

³⁶³ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–29.

³⁶⁴ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 94.

³⁶⁵ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207.

³⁶⁶ Маржерет, Жак. Состояние Российской империи... С. 169.

³⁶⁷ Комаров, О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники / О.В. Комаров // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VII. – С. 392–460 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1, свободный. – С. 400–402, 412.

похода прямо предписывается для ответственных заданий подбирать дворян, у которых среди прочего вооружения имеется длиннодревковое оружие.³⁶⁸

Редким примером использования копий сибирскими татарами является боевой эпизод периода «Сибирского взятия», когда длиннодревковое оружие было использовано против казаков атамана Ермака панцирниками хана Кучума.

Принципиальные изменения произошли в середине – второй половине XVII в., когда татарские и ногайские правители, подражая своим ойратским противникам, начинают массово снабжать своих легких воинов копьями и пиками.³⁶⁹ Служилые татары Речи Посполитой («липки») также стали все активней использовать пики. В XVIII в. именно из них были сформированы первые польские уланские полки.³⁷⁰ В Московском царстве также широко распространяется использование пик, в том числе среди служилых татар. В процессе освоения Сибири в XVII в. российские служилые люди тоже были вынуждены активно использовать длиннодревковое оружие, что было вызвано широким его распространением вместе с доспехом среди сибирских и центральноазиатских воинов.³⁷¹ На миниатюре Ремезовской летописи воины отряда служилых татар Российского государства почти поголовно снабжены длиннодревковым оружием (рис. 9).³⁷²

Боевой топор – рубящее оружие ближнего боя ударно-раскалывающего действия. Состоит из бойка – рабочей части, предназначенной для нанесения рубящего удара, и рукояти (топорища) – несущей части, предназначенной для направления удара. Боек состоит из клинка (ударная часть), проуха (отверстие в бойке для насадки его на рукоять) и обуха (тупая сторона бойка, служащая противовесом лезвию).

А.В. Шлюшинский отметил, что в отличие от Руси, где топор был «непочётным» предметом вооружения (не упоминается в летописях и былинах, не

---

³⁶⁸ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст)... С. 35–36.

³⁶⁹ Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. ... С. 280.

³⁷⁰ Там же, С. 388.

³⁷¹ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 211.

³⁷² Впрочем, можно усомниться в поголовном вооружении служилых татар Сибири пиками: авторы миниатюр всё же опирались на некоторые каноны, а изображение «леса копий» у войска для русской миниатюры было характерно на протяжении многих веков.

встречается в миниатюре), в сибирском фольклоре он считается грозным богатырским оружием. Более того, он приходит к выводу, что в Западной Сибири топоры были более распространённым оружием ближнего боя, чем сабли.³⁷³

Однако применительно к позднему Средневековью вопрос о боевом применении топоров осложняется трудностями определения функции обнаруженных в археологических памятниках материалов. Топоры известны из татарских погребений Западной Сибири конца XVI–XVII вв.³⁷⁴ Вислобушные топоры, имевшие плоский обух с выступающей «бородкой», узкий, клиновидный проух и расширяющийся к лезвию клин, характерны для русского населения в период освоения Сибири, которым они использовались в качестве хозяйственных инструментов. Эти топоры приобретались представителями коренных народов Сибири и применялись как в военных, так и в хозяйственных целях.³⁷⁵ Факты применения служилыми татарами топоров в ходе боевых действий фиксируются письменными источниками. Вероятно, часть топоров из археологических памятников сибирских татар, содержащих предметы вооружения, принадлежала представителям служилого сословия Московского государства. Можно предполагать, что служилыми татарами Зауралья могли применяться как топоры русского производства, ввезенные в регион с территории Европейской России, так и изделия, изготовленные местными сибирскими мастерами.

Топоры из археологических памятников сибирских татар XVI–XVII вв. исследователи разделяют на несколько типов, учитывая при этом такие признаки, как различия в обушной части, наличие или отсутствие «бородки», различия в её конструкции и др. Класс выделяется по материалу изготовления бойка, отдел – по способу насада на топорище, группа – по форме сечения.

Класс I. Железные.

Отдел I. Проушные.

---

³⁷³ Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 150–151, 161–162.

³⁷⁴ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 38–43.

³⁷⁵ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими... С. 43.

Группа I. Плоскообушные.

Тип 1. С узким удлиненно-треугольным клинком.

Включает 3 экземпляра. Происходят из памятников Садовка-4 и Абрамово-10.

Общая длина бойка – 8–14 см, ширина лезвия – 3–8 см.³⁷⁶ Обух закруглённый, клинок симметричный, подтреугольный или слегка расширенный книзу, проух округлый. Сечение топора подтреугольное (рис. 46.-1).

Исследователи отмечают архаичность способа изготовления бойков данного типа, когда тело бойка составлялось из нескольких пластин с низким содержанием углерода, которые после проковки среднего качества были симметрично согнуты и образовали бока и обух топора. Подобным образом местные ремесленники производили наконечники стрел и кельты.³⁷⁷ Данный тип топоров выглядит наиболее архаичным.³⁷⁸ Происходит он, видимо, от топоров с удлинённо-треугольным клинком, возникших в VI–VII вв. в болгаро-аланской среде и распространившихся среди населения Восточной Европы, степных и лесостепных районов Западной и Южной Сибири. Эволюция их шла по пути сокращения высоты обуха и изменения формы клинка от подтрапециевидной до удлинённо-треугольной.³⁷⁹ Подобные топоры использовались населением южных районов Западной Сибири и их степными и восточноевропейскими соседями в XIII–XIV вв., а в позднем Средневековье дали начало одной из популярных разновидностей казахских боевых топоров («шакан»).³⁸⁰

Тип 2. С широким трапециевидным клинком.

Включает 8 экземпляров. Происходят из памятников Абрамово-10 и Чеплярово-27.

Общая длина бойка – 11,2–14 см, ширина лезвия – 8,5–13 см.³⁸¹ Широколезвийные топоры с клиновидным проухом. Сечение бойка

³⁷⁶ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 39.

³⁷⁷ Там же, С. 42.

³⁷⁸ Там же, С. 42–43.

³⁷⁹ Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. ... С. 86.

³⁸⁰ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 324.

³⁸¹ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 39–40.

подтреугольное (клиновидное). Верхняя площадка обуха для лучшего скрепления с рукоятью имеет выступ в сторону топорщица. «Бородка» отсутствует (рис. 46.-3–5).

Сформировались подобные бойки, видимо, на базе бойков первого типа. Близкие по форме топоры характерны для палеозтнографических культур Западной Сибири, найдены в Искере,³⁸² встречаются в археологических памятниках Южной Сибири. В Сибири они бытовали до XVIII в.³⁸³

Тип 3. С широким трапециевидным клинком с «бородкой».

Представлен 2 вариантами.

Вариант 1. С треугольной «бородкой».

Включает 12 экземпляров. Происходят из памятников Барабы, включая татарские Абрамово-10 и Бергамак-2.

Общая длина – 12–14 см, ширина лезвия – 11–14 см. Клинок трапециевидной формы, подтреугольный (клиновидный) в сечении. Отличительной чертой топоров данного типа является выступающая «бородка», расположенная под клинком. «Бородка» чётко профилирована, её нижняя часть отделена от бойка и отогнута к топорщицу. Обух для лучшего скрепления с рукоятью имеет выступ в сторону топорщица. Проух треугольный (рис. 46.-8–10).³⁸⁴

Подобные топоры использовались также населением Южной Сибири позднего Средневековья и раннего Нового времени.³⁸⁵

Вариант 2. С уплощенной «бородкой».

Включает 8 экземпляров. Происходят из археологических памятников Барабы, включая Бергамак-2.³⁸⁶

Длина – 13,5–14,7 см, ширина лезвия – 8–11 см. Клинок секторовидный, в сечении подтреугольный (клиновидный). Лезвие широкое. «Бородка» уплощённая и слабо профилирована. Обух для лучшего скрепления с рукоятью имеет выступ в

---

³⁸² Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 42–43.

³⁸³ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 322.

³⁸⁴ Там же, С. 321–322.

³⁸⁵ Там же, С. 321.

³⁸⁶ Там же, С. 322.

сторону топорща. Проух треугольный. Часть топоров имеет вырез в обушной части, а также наваренную на спинку обуха железную пластину (рис. 46.-6–7).³⁸⁷

Аналоги плоскообушных топоров с уплощённой «бородкой» известны из других районов Западной, Средней и Восточной Сибири (ими пользовались русское и коренное население).³⁸⁸

Топоры третьего типа появились у населения Сибири в XVII в. и, вероятно, имеют русское происхождение или производились под влиянием русских образцов. Коренным населением Сибири они использовались не только в качестве бытового орудия, но и как оружие вплоть до исчезновения аборигенной военной организации в XVIII в.³⁸⁹

В военном искусстве служилых татар топоры различных типов могли применяться в ходе рукопашной схватки. На нескольких рисунках Ремезовской летописи изображены воины Российского государства, сражающиеся топорами во время ближнего боя.³⁹⁰ Русскими служилыми людьми Зауралья также использовались бердыши с длинным месяцевидным лезвием, однако сведений об использовании подобного оружия служилыми татарами во время их службы пока не обнаружено. Однако известен документ за 1670 г. – явочная челобитная богатого темниковского мурзы Алея Долаткозина, где даётся опись похищенного у него имущества. Среди предметов вооружения упомянуты 4 бердыша.³⁹¹ Это сообщение может говорить о том, что в качестве личного («домашнего») оружия состоятельные татарские мурзы могли иметь и этот вид древкового оружия.

Наряду с копьями и топорами служилые татары Российского государства использовали и древковое оружие ударно-дробящего действия, в первую очередь булавы и кистени.

В Псковской летописи имеется сообщение о победе русско-татарских войск над немцами в 1501 г., и в нём содержится редкое сведение об использовании

³⁸⁷ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 40.

³⁸⁸ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 43; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 322.

³⁸⁹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 323.

³⁹⁰ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. ... С. 38, 40.

³⁹¹ Фролов, Д.В. "Да платья мужскаго и женскаго теплага и холоднаго..." ... С. 50.

короткодревкового оружия: «А не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и Татарове аки свиной шестопёры».³⁹²

На гравюре Йбста Аммана 1577 года российский татарин носит за поясом шарообразную булаву с шипами и на длинном древке (рис. 4).

На рисунке из Ремезовской летописи перначом или шестопером вооружен «голова» служилых сибирских татар (рис. 6.-2).

Материалы письменных и изобразительных источников позволяют предположить, что служилые татары Российского государства могли применять в ближнем бою булавы двух типов – с шарообразным навершием с шипами или с ударными металлическими пластинами – «перьями» (т.е. шестопёры и перначи).

В период развитого Средневековья булавы и кистени достаточно широко применялись золотоордынскими воинами. Вероятно, некоторые типы золотоордынских булав происходят от русских и болгарских образцов³⁹³, а другие представляют собой дериваты ударно-дробящего оружия центрально- и среднеазиатского образца.

В начале XV в. на Руси бытовали кубические булавы ("брусы"), известные с XII по XVII в. Они, видимо, относились к русской военной традиции. Шестопёры представляют тип булавы ещё домонгольского времени, получивший наибольшее распространение на Руси и в степях к концу XIV в.³⁹⁴ В XVII в. были распространены шаровидные и грушевидные, видимо, турецкие по происхождению, булавы³⁹⁵ (рис. 47; 48.-1).

Найти письменных свидетельств об использовании служилыми татарами кистеня не удалось. Однако это гибко-суставчатое холодное оружие ударно-раздробляющего действия в польском языке носило татарское название басалык³⁹⁶, что позволяет предположить использование кистеня татарами и проникновение его в Польшу из степей. Также нужно отметить гравюры Абрахама де Брюина 1575 г.,

---

³⁹² Псковские летописи... С. 86–88.

³⁹³ Воронцов, И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Воронцов Игорь Александрович. – Волгоград, 2006. – С. 127.

³⁹⁴ Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства... С. 126–128.

³⁹⁵ Воронцов, И.А. Организация военного дела Золотой Орды... С. 127.

³⁹⁶ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 114

на которых у татарина в правой руке кистень. Он имеет короткую рукоять и шипастую «гирю» круглой формы, соединённую с рукоятью подобием кожаного ремня (рис. 13–14). Это изображение в целом соответствует конструкции бытовавших в XVI–XVII вв. в Российском государстве кистеней (рис. 48.-2), являвшихся личным оружием, а не частью «государевой казны». Большая часть известных русских кистеней состоит из трёх элементов: ударной шарообразной «гири» (с гладкой, гранёной или шипастой поверхностью), насаженной на деревянную рукоять железной втулки, и «цепи» из нескольких железных звеньев.³⁹⁷ А.В. Шлюшинский относит к числу, видимо, сибирско-татарских предметов вооружения откованную из железа гирьку от кистеня, со сквозным круглым отверстием по центру и размерами 4x4x3,5 см с памятника Алексеевка-25.³⁹⁸

Кистень непригоден для использования в сколько-нибудь плотном строю и для отражения удара, что могло влиять на его распространение среди конных воинов. Вероятно, он являлся «личным оружием» служилых татар, как и их русских сослуживцев.

Неотъемлемым атрибутом татарского воина был аркан. У Ф. Ниенштедта имеется интересное известие (датируемое 1577 годом) об использовании служилыми татарами арканов для пленения неприятеля. «В Зонцельской области с татарами встретился полковник Матфей Дембинский, имевший у себя несколько польских и немецких гофлейтов. Силы эти были слишком слабы, татары обратили их в бегство; какой-то татарский князь бросил уже на шею Дембинского аркан, но мой слуга Стефан Вейнгард спас его от смерти: он раскроил князю голову, но тут же сам был изрублен в куски».³⁹⁹

Не мог конник обходиться и без плети, которая могла использоваться в экстремальной ситуации в качестве оружия, для которого имелись свои приёмы нанесения удара по наиболее уязвимым местам противника.⁴⁰⁰

---

³⁹⁷ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. ... С. 42.

³⁹⁸ Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 165.

³⁹⁹ Ниенштедт, Франц. Ливонская летопись Франца Ниенштедта... С. 49.

⁴⁰⁰ Боровской, А.П. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника Западной Сибири / А.П. Боровской // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. – С. 179–189.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет сделать вывод, что основным оружием ближнего боя у состоятельных служилых татар Российского государства была сабля, реже – палаш. Это были широко распространённые в этот период в Восточной Европе сабли турецкого происхождения с относительно коротким широким клинком и сильно выраженной елманью и сабли, генетически восходящие к предшествующему ордынскому и доордынскому времени, а также сабли из Ирана.

Сведения о палашах относятся в основном к сибирским татарам, причём один из палашей имеет южносибирское или центральноазиатское происхождение. Известно также, что имелись они и у ногаев, пополнявших ряды служилых татар.

В качестве вспомогательного оружия и универсального орудия служилые татары имели кинжалы и ножи, что видно по изобразительным, археологическим источникам, а также известно из военной традиции других народов. Отдельно можно отметить подсаадашные ножи, видимо, русского происхождения, которые использовались для прокалывания кольчатых доспехов.

Данные письменных и изобразительных источников показывают, что служилые татары конца XV – первой половины XVII вв. редко использовали длиннодревковое оружие (копья и пики). Снижение значения тяжёлой конницы, резкое сокращение её использования в XV в. в степях Восточной Европы, особенности тактики, а также основные боевые задачи служилых татар – всё это способствовало сокращению использования копий и пик. В течение же второй половины XV – первой трети XVII в. кочевые народы западных районов степного пояса Евразии редко использовали длиннодревковое оружие. Трудно что-то сказать о конкретном использовании такого оружия служилыми татарами. В нечастом ближнем бою, которого они избегали, копьё давало некоторое преимущество в сравнении с саблей, но владение им требовало особой, дополнительной подготовки, и оно по весу и габаритам могло создавать трудности при быстром передвижении или маневренном лучном бое. В XV в., когда ещё были сильны ордынские традиции, копьё применялось, возможно, чаще.

Рост популярности длиннодревкового оружия среди служилых татар пришелся на вторую половину XVII в. и был связан с влиянием военного дела ойратов (калмыков). Калмыки были новаторами в области использования пик лёгкой конницей. Они массово вооружили длиннодревковым оружием лёгкую конницу, взаимодействовавшую с тяжёлой конницей и «мушкетёрами», что давало ей существенное преимущество в столкновении с ногаями и татарами, вооружёнными только луком и саблей.⁴⁰¹

Письменные и изобразительные источники показывают, что служилые татары могли использовать короткодревковое оружие ударно-дробящего типа – булавы (в том числе перначи и шестопёры), а также кистени. Оно занимало мало места, было удобным для нанесения удара по бегущему противнику.

В Сибири, в отличие от европейской части страны, у татар были популярны боевые топоры.

В качестве оружия в определённых ситуациях могли использоваться плети и арканы.

3.4. Защитное вооружение

Защитное вооружение встречалось у европейских служилых татар очень редко.⁴⁰²

Одно из ранних упоминаний татар на службе у московского великого князя содержится в так называемой «Летописи Авраамки». Во время войны с новгородцами в 1456 г. в Русе было побито 50 москвичей и татар, а также европейских наёмников. Многие новгородские воины, войдя в Русу, спешили и начали грабить убитых «шестноков и Татаров», снимали «платье и доспехи».⁴⁰³ Возможно, что только пришедшие на службу к великому князю татарские воины имели своё прежнее вооружение. Можно предполагать, что первые десятилетия

---

⁴⁰¹ Бобров, Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI веках / Л.А. Бобров // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. – Ч. I. – С. 245–246.

⁴⁰² Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. ... С. 148–152.

⁴⁰³ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 195.

своего существования на Руси в качестве отдельной группы служилых людей татары сохраняли прежний, восходящий к золотоордынским традициям, оружейный комплекс.

Однако в последней трети XV в. происходят изменения в военном деле кочевников Восточной Европы. Тяжело-вооружённая конница окончательно пропадает с полей сражений. Об этом сообщает А. Контарини.⁴⁰⁴

Сигизмунд Герберштейн в своём труде приводит объёмное этнографическое описание современных ему восточноевропейских татар. При этом он не выделяет крымских, казанских, служилых российских татар, отмечая их этнографическую схожесть, хотя и поясняет, что это разные народы с одним именем. Касательно защитного вооружения он пишет следующее: «Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим [обстрел противника с расстояния. – И.Б.А.], и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве».⁴⁰⁵ Таким образом, дипломат отмечает отсутствие у татар доспехов.

Его современник Павел Йовий писал о том, что крымские ханы закупают доспехи «у персов»⁴⁰⁶ (вернее, видимо, у турок). Скорее всего, использовали их лишь состоятельные татары, которые могли при выезде на Русь сохранять прежнее вооружение.

Михалон Литвин в произведении середины XVI в. описывает крымских татар опять же как легковооружённых воинов. Это объяснялось их желанием сохранить высокую мобильность для неожиданных набегов, уклонения от военных столкновений и захвата пленных.⁴⁰⁷ Как отмечается в произведении, почти никто из татар не носит шлемов, только белые колпаки.⁴⁰⁸

Якоб Ульфельдт во время Ливонской войны встретил однажды множество служилых татар; никто из них не обладал защитным вооружением.⁴⁰⁹

---

⁴⁰⁴ Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию... С. 223.

⁴⁰⁵ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168.

⁴⁰⁶ Йовий, Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского... С. 289.

⁴⁰⁷ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян... С. 66.

⁴⁰⁸ Там же, С. 76.

⁴⁰⁹ Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию... С. 295.

В описании стычки с татарами Луки Дзялынского можно отметить, что татары не имели доспехов для защиты корпуса, а один из них, упав, был проколот насквозь копьем⁴¹⁰, что было бы сомнительно в случае наличия «пансыря». И это притом, что татары, судя по сообщению автора, были состоятельные.⁴¹¹ Косвенно об отсутствии защитного вооружения у татар говорит и тот факт, что после их набега встал вопрос о посылке вслед за ними отряд лёгкой конницы и пехоты.⁴¹² Вряд ли был смысл посылать легковооружённых всадников вслед за противником в броне.

Автор дневника, приписываемого М. Мнишек, в период Смуты отмечал плохую оснащённость касимовских татар вооружением, в том числе видимо, защитным, и их нестойкость в сравнении польской тяжёлой кавалерией.⁴¹³

Две десятины 1622 г., в которых числятся служилые татары разного достатка, не фиксирует у них какого-либо защитного вооружения.⁴¹⁴

Наименее состоятельные служилые татары для защиты корпуса могли использовать «шубы», а для защиты головы – шапки, как это вынуждены были делать простые крымские воины. «Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды, т.е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз».⁴¹⁵ При этом отметим, что служилые татары представляли собой сословие воинов, в отличие от «народа-войска» в степных политиях и Крымском ханстве, поэтому можно предполагать несколько большую состоятельность и лучшую оснащённость служилых татар (притом, что не являлись они и элитной частью войска).

Отметим также, что и русские дворяне в XVI в. далеко не все имели защитное вооружение⁴¹⁶, тем более это стало характерно для них в XVII в. Барон Майерберг

---

⁴¹⁰ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–29.

⁴¹¹ Там же, С. 30.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Дневник Марины Мнишек... С. 132–133.

⁴¹⁴ РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 112, лл. 1–18; РГАДА: Ф. 210. Оп. 4. К. 177, лл. 1–56, л. 47 об.

⁴¹⁵ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 103.

⁴¹⁶ Чернов, А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. ... С. 79–80.

писал о дворянской коннице 1661–1662 гг., включавшую небольшое число татар, что «иные из них имеют брони и шлемы»⁴¹⁷, но далеко не большая часть.

Совершенно иначе выглядит ситуация в Западной Сибири. В XVII в. на руках у татар имелись сотни единиц «пансырей». Если учесть, что в Сибири служилых татар насчитывалось менее тысячи, можно оценить широту распространения защитного вооружения среди них. Известны постановления властей о закупке у местного населения «самых добрых пансырей» (в одном случае – 100 шт.).⁴¹⁸ Другим показателем распространения доспехов среди сибирских служилых татар является то, что до нас дошло относительно много экземпляров доспехов XVI–XVII вв. из Западной Сибири (Л.А. Бобров в статье 2013 г. их насчитывает 27 шт.).⁴¹⁹ Хорват Ю. Крижанич, проживавший в Тобольске в 1676 г., писал о сибирских татарах, как о «латниках и копейщиках», и в случае боя с ними рекомендовал использовать драгун и мушкетёров.⁴²⁰ Другие источники также убедительно свидетельствуют о широком распространении среди служилых сибирских татар защитного вооружения.

Вещественные, письменные и изобразительные материалы свидетельствуют о том, что служилыми татарами Российского государства могли применяться корпусные панцири с кольчатой и пластинчато-нашивной структурой бронирования, а также «доспехи» из твёрдых органических материалов.

Кольчужным кольцам и панцирным пластинам, как деталям доспеха, «присущи самостоятельные закономерности изменения во времени и пространстве, как правило, не зависящие напрямую от покроя панциря»⁴²¹, поэтому уместно будет при системном анализе доспехов использовать две классификации: для кольчужных колец и пластин, и вторую – для самих панцирей.

Для системного описания колец и пластин использована классификационная схема, приведенная в работе Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова при анализе защитного

---

⁴¹⁷ Майерберг, Августин. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга... С. 181.

⁴¹⁸ Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири... С. 111–112.

⁴¹⁹ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 217.

⁴²⁰ Там же, С. 211.

⁴²¹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 366.

вооружения кочевников Центральной Азии. Признаки разбиты на 5 уровней: класс (по материалу изготовления), отдел (по системе соединения пластин и колец между собой или с органической основой), группа (по сечению), тип (по форме и пропорциям – длина и ширина), вариант (отмечает оформление поверхности и наличие дополнительных элементов).⁴²²

В учтённых нами в классификации панцирях насчитывается приблизительно 82 000 колец от 7 кольчатых панцирей. Размеры, особенности конструкции и системы оформления округлых в сечении колец кольчуги татарина Илигея из Далматовского монастыря установить не удалось. Учтены также ок. 170 пластин от доспеха из Окунево-7 (рис. 57–58) и пластинчато-нашивных бармицы полусферического и сфероцилиндрического шлемов (рис. 67; 73). Кроме того, обломанная панцирная пластина в форме пятиугольника известна с барабинского могильника Малый Чуланкуль 1.⁴²³

Класс I. Все кольца и пластины изготовлены из железа.

Отдел I. Пластинчато-нашивные (пластинчато-клепаные). Пластины соединены (сшиты или приклёпаны) с органической основой с помощью заклёпок или заклёпок и ремешков. Свыше 140 пластин известно от аялинского пластинчато-нашивного доспеха (памятник Окунево-7), 37 пластин – из бармиц двух шлемов.

Группа I. Плоские пластины с гладкой поверхностью.

Тип 1. Прямоугольные пластины.

Включает 121 экземпляр разного размера: 10–11,5 на 7–8 см (31–32 шт.), 9–9,5 на 7–8 см (80–82 шт.), 4–4,5 на 8,5–9 шт. (6–7 шт.).

Число и расположение заклёпок варьирует от 2 до 5.

Тип 2. Квадратные пластины.

Включает 13–14 экземпляров.

Размеры варьируют от 6–6,5 на 6–6,5 см (6 шт.) до 8–8,5 на 8–8,5 см (7–8 шт.).

Тип 3. Нестандартные пластины со срезанным краем или углом и фигурными вырезами.

⁴²² Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 367.

⁴²³ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 77.

Включает 9 экземпляров. Размеры: 3,5–5,5 см на 8–8,5 см. Данные пластины располагались в верхних рядах и использовались для оформления проймы и горловины доспеха.⁴²⁴

При изготовлении пластин от аялинского куяка заметно стремление к стандартизации, хотя шаблон не использовался. Четырёхугольные пластины монтировались на мягкой основе – двуслойной конструкции из кожи и ткани, что делало панцирь более жёстким и упругим. Пластины крепились двумя способами – с помощью железных заклёпок и с помощью шнура, продетого в отверстия в пластинах.⁴²⁵

Тип 4. Прямоугольные пластины.

Вариант 1. Прямоугольные пластины с 3 отверстиями для заклёпок, расположенными в виде треугольника.

Включает 6 экземпляров из левого наушника и назатыльника сфероцилиндрического шлема из арсенала Кулмаметьевых.

Размеры: 6–7,3 на 5–6 см.

Вариант 2. Прямоугольные пластины с 5 отверстиями для заклёпок, расположенными в виде креста.

Включает 2 экземпляра из правого наушника сфероцилиндрического шлема из арсенала Кулмаметьевых.

Тип 5. Трапециевидные пластины.

Включает 2 экземпляра из верхнего ряда левого наушника сфероцилиндрического шлема из арсенала Кулмаметьевых.

Размеры первой пластины 7,2 на 6,9 см, второй – 7–7,2 на 5,7–6,9 см (с учётом среза).

Тип 6. Подпрямоугольные пластины с закруглённым низом.

Включает 2 экземпляра из нижнего ряда левого наушника сфероцилиндрического шлема из арсенала Кулмаметьевых.

---

⁴²⁴ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 71–72.

⁴²⁵ Там же, С. 73.

Рассмотренные 14 пластин крепились к матерчатой основе с помощью заклёпок в виде четырёхлистного цветка.

Гладкие пластины являются характерным элементом пластинчато-нашивного доспеха.

Группа II. Пластины с рельефной поверхностью.

Тип 7. Рельефные пластины с ребрами и бортиком по краю.

Включает 23 экземпляра целых, обрезанных пластин и их фрагментов от пластинчато-нашивной бармицы шлема из арсенала князей Кулмаметьевых (рис. 67). Сюда входят 14 прямоугольных пластин, 6 пластин с обрезанными верхним или нижним углом и 3 пластины сложной вырезной формы.

Размеры прямоугольных пластин и пластин с обрезанными углами: длина 7,5–8,3 см, ширина 6,7–7,2 см.

Внутреннее поле пластины покрыто выпуклыми ярусами и ребрами, повторяющими её форму. К органической основе пластины крепились с помощью 5 полусферических заклёпок, сгруппированных в форме креста.

Рельефные пластины являются характерным элементом пластинчато-нашивных доспехов народов Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени.⁴²⁶ Вероятно, подобные доспехи попали в Западную Сибирь как военные трофеи или в ходе торгового обмена.

Отдел II. Кольчатые.

Группа III. Круглые и уплощённые (овальные, линзовидные) в сечении.

Тип 8. Кольца диаметром 0,9–0,92 см. Наиболее массивные кольца, из которых связывалась нагрудная часть кольчатого панциря.

Вариант 1. Склёпанные на гвоздь (в кольчугах).

Вариант 2. Сваренные (в «пансырях»).

Тип 9. Кольца диаметром 0,7–0,84 см. Использовались для плетения рукавов и подола.

Вариант 1. Склёпанные на гвоздь (в кольчугах).

---

⁴²⁶ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 378–385.

Вариант 2. Сваренные (в «пансырях»).

Такие кольца присутствуют в кольчугах и кольчатых «пансырях», использовавшихся западносибирскими татарами (около 60 000 шт.).

Группа IV. Плоские в сечении.

Тип 10. Кольца диаметром 0,99 см. Наиболее массивные кольца использованы для плетения нагрудной части байданы.

Тип 11. Кольца диаметром 0,89–0,95 см. Менее массивные кольца составляли подол и бока байданы.

Тип 12. Кольца диаметром 0,88 см. Из наименее массивных колец сплетены рукава.

Из плоских в сечении колец состоят байданы, принадлежавшие западносибирским татарам (две байданы содержат приблизительно по 12350 и 9800 колец). Доспехи подобного типа часто использовались в сочетании с другим доспехом (тягеляем, зеркальным доспехом) и были характерны для оружейного комплекса народов Средней Азии и, как видим, сибирских татар.

В классификации корпусных панцирей нами учтены 8 кольчатых доспехов и 1 пластинчато-нашивной.

По особенностям покроя корпусные панцири можно разделить на несколько типов.

Тип 1. Кольчатый панцирь с короткими рукавами и коротким подолом.

Вариант 1. Кольчатый панцирь с нагрудным разрезом, двойным подполком с треугольной лопастью, рукавами до локтя или середины предплечья, коротким подолом с осевым разрезом.

Представлен кольчатым панцирем № 1 из ТГИАМЗ (рис. 51).

Панцирь состоит из округлых и уплощённых в сечении колец двух видов: клёпаных и сварных. Самые массивные кольца (диаметром 0,9 см) использованы для плетения нагрудной части панциря. Рукава изготовлены из колец диаметром 0,7 см, подол – 0,7–0,8 см. Общая длина панциря 62 см. Ширина в плечах с рукавами разной степени сохранности – 98,5 см (правый рукав – 22 см, левый – 23,5 см, ширина проймы рукавов – 18 см). Ширина в нагрудной части – 53, ширина

подола – 55 см. Обе полы 16 сантиметрового нагрудного разреза имеют широкий подполлок, правая снабжена треугольной лопастью для застёжки. Правая пола в застёгнутом положении целиком закрывала левую, образуя двойной слой брони. Застёгивается панцирь справа налево. Характерная черта – большой (21 см) арочный разрез на передней части подола. Панцирь может иметь русское, среднеазиатское или татарское происхождение.⁴²⁷

Вариант 2. Кольчатый панцирь с нагрудным разрезом, подполком и короткими рукавами, четырьмя подольными разрезами.

Представлен кольчатым панцирем № 2 из ТГИАМЗ (рис. 52).

Панцирь состоит из двух видов округлых и уплощённых в сечении колец: клёпанных и сварных. Использован принцип «одинарного» плетения (в каждое кольцо вставлены четыре соседние). Общая длина панциря – 77 см, ширина в плечах с рукавами – 75 см, ширина в нагрудной части – 49, ширина в подоле – 40 см. Нагрудный разрез имеет глубину 10 см, снабжён подполком и застёгивается справа налево. Характерная особенность – наличие разрезов с каждой стороны подола. Панцирь, по заключению Л.А. Боброва, имеет русское происхождение (менее вероятно – татарское или среднеазиатское).⁴²⁸

Вариант 3. Кольчатый панцирь («байдана») с нагрудным разрезом, широким прямоугольным подполком, тремя подольными разрезами, рукавами до локтя или середины предплечья.

Представлен кольчатым панцирем № 3 из ТГИАМЗ (рис. 53).

Данный панцирь сплетён преимущественно из плоских колец, что относит его к категории «байдан». Использован принцип «одинарного» плетения. Общая длина «байданы» – 69 см, ширина в плечах с рукавами – 86 см (длина правого рукава – 16 см, левого – 12 см, пройм – 23 см), ширина в нагрудной части – 35 см, ширина в подоле – 40 см. Ворот большой прямоугольный. Нагрудный разрез имеет глубину 9 см, снабжён двойным подполком и застёгивается справа налево. Верхний правый подполлок снабжён широкой прямоугольной лопастью шириной 15 см.

---

⁴²⁷ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 217–218.

⁴²⁸ Там же, С. 218.

Подол имеет неглубокие разрезы спереди и с боков. «Байдана» имеет многочисленные разрывы на спинной части, по бокам и на подоле. С учётом конструктивных особенностей и редкости байдан в русском оружейном комплексе вероятно его среднеазиатское или сибирское происхождение.⁴²⁹

Вариант 4. Кольчатый панцирь («байдана») с нагрудным разрезом, подполком, рукавами до локтя и двумя подольными разрезами.

Представлен кольчатым панцирем из частной казахстанской коллекции, владельцу которой он достался от предков западносибирского татарского происхождения. Панцирь сплетён из плоских колец и относится к категории «байдан». Использован принцип «одинарного» плетения. Общая длина панциря 75 см, ширина в плечах с рукавами – 80 см (длина правого – 23 см, левого – 22 см, пройм – 25 см), ширина в нагрудной части – 39 см, ширина в подоле – 54 см. Ворот большой прямоугольный. Нагрудный разрез глубиной 12 см, снабжён подполком, застёгивается справа налево. Подол имеет передний и крестцовый разрезы. На панцире наблюдаются разрывы на спинной части, по бокам и на подоле. Панцирь изготовлен сибирскими или среднеазиатскими мастерами.⁴³⁰

Вариант 5. Кольчатый панцирь со стоячим воротником, нагрудным разрезом, рукавами до локтя или середины предплечья, коротким подолом без разрезов.

Представлен 2 экземплярами из ТГИАМЗ.

Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ № 4 (рис. 54).

«Пансырь» сплетён из 2 видов округлых в сечении колец: клёпанных и сварных. Общая длина панциря – 65 см, ширина в плечах с рукавами – 95 см (длина правого – 17 см, левого – 22 см), ширина в нагрудной части – 56 см, ширина в подоле – 71 см. Прямой нагрудный разрез глубиной 20 см стягивался кожаными ремешками. Самая оригинальная деталь – стоячий кольчужный воротник, положение которого обеспечивается за счёт кожаных ремешков, продетых сквозь четыре ряда кольчужных колец. В отсутствии подольных разрезов эластичность

---

⁴²⁹ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 218.

⁴³⁰ Там же, С. 219.

кольчуги достигается за счёт ширины и небольшой длины подола. Наиболее вероятно среднеазиатское или сибирское изготовление, менее вероятное – русское.⁴³¹

Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ № 5 (рис. 55).

Панцирь состоит из округлых в сечении колец двух видов: клепаных и сварных. Общая длина доспеха – 74 см, ширина в плечах с рукавами – 95 см (длина правого – 23 см, левого – 22 см), ширина в нагрудной части – 50 см, ширина в подоле – 71 см. Прямой нагрудный разрез глубиной 20 см стягивался кожаными ремешками. Стоячий кольчужный воротник отличается от предыдущего экземпляра: левый край его значительно выше правого и прикрывает в застёгнутом положении не только шею, но и горло. Вероятное происхождение – среднеазиатское, сибирское или русское.⁴³²

Тип 2. Кольчужная «куртка».

Вариант 1. Кольчатый доспех, скроенный в виде куртки со сплошным осевым разрезом, рукавами до локтя или середины предплечья.

Представлен 2 экземплярами.

Кольчатый панцирь из частной российской коллекции, по сведениям владельца, происходит с территории Западной Сибири. Панцирь состоит из округлых в сечении колец двух видов: клепаных и сварных. Последние соединены с помощью гвоздя, что позволяет, по словам Л.А. Боброва, отнести экземпляр к категории «кольчуг». Общая длина доспеха – 94 см, ширина в плечах с рукавами – 93 см (длина правого – 27 см, левого – 26 см). Судя по особенностям покроя и оформления колец, имеет среднеазиатское или сибирское происхождение (для русских кольчуг покроя «куртка» нехарактерен).⁴³³

Кольчатый панцирь из Далматовского монастыря (рис. 68). По преданию подарен старцу Далмату ясным татаринцом Илигеем вместе со шлемом (см. ниже).

---

⁴³¹ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 219.

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же, С. 219–220.

К сожалению, нам он известен только по цветной фотографии⁴³⁴ (ныне доспех хранится в фондах Свердловского областного краеведческого музея).

Панцирь состоит из округлых в сечении колец. Судя по фото, по покрою он представляет собой куртку со сплошным осевым разрезом (хотя есть вероятность того, что это – разрыв, а не разрез). Приблизительные размеры установлены в сравнении со «шлемом Илигея» с того же фото: ширина в подоле – около 41 см, общая длина – около 79 см. Учитывая особенности покроя, не характерного для русских кольчатых панцирей, можно предполагать местное (татарское) или среднеазиатское происхождение доспеха.

Кроме того, обрывки кольчуги найдены при раскопках на месте Искера (рис. 50), в барабинском могильнике Малый Чуланкуль 1 (курган 10, погребение 1), оставленном барабинскими татарами⁴³⁵, а также на памятнике Крапивка I в Тарском р-не Омской области.⁴³⁶ В обоих случаях кольца сделаны из круглой в сечении проволоки.

Доспехи с кольчатой структурой бронирования на протяжении многих столетий являлись основной разновидностью корпусных панцирей народов Европы, Западной и Средней Азии. Их использовали древнерусские, половецкие, болгарские, золотоордынские воины, татары Казанского и Крымского ханства, ногаи и многие другие народы. Можно предполагать, что в тех случаях, когда современники говорят о «бронях» и «пансырях» служивых татар Российского государства, речь идет именно о кольчатых доспехах.

Среди западносибирских татар в XVI–XVII вв. кольчатые доспехи были основной разновидностью корпусного металлического защитного вооружения, что было обусловлено 3 факторами. Во-первых, кольчуга являлась основным видом доспеха для двух из трёх основных импортёров вооружения в регион (Московии и Средней Азии), и её производство было успешно освоено местными ремесленниками. Во-вторых, престижность кольчатой брони в глазах местного

---

⁴³⁴ Самигулов, Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. / Г.Х. Самигулов. – Челябинск: Полиграфическое объединение «Книга», 2011. – Рис. 2.

⁴³⁵ Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья... С. 16, 77.

⁴³⁶ Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 172.

населения из-за доминирования в регионе на протяжении нескольких десятилетий воинов, использовавших преимущественно кольчатые панцири (среднеазиатские воины Кучума, казаки Ермака). В-третьих, в условиях маневренного лучного боя с редкими рукопашными столкновениями лёгкие кольчатые панцири были оптимальным видом защиты.⁴³⁷ Они не обременяли всадника, не стесняли его движения в седле (подвижность была необходима для стрельбы и уклонений от атак) и были способны защитить от удара клинковым оружием.

На миниатюрах Ремезовской летописи татары изображены в халатах и шубах, что часто интерпретируется как свидетельство плохой оснащённости татар доспехами. Однако Л.А. Бобров отмечает, что в Сибири, по-видимому, панцирь, как и в Средней Азии, часто носили под верхней одеждой. На одной из миниатюр Ремезовской летописи показано⁴³⁸, как казак после боя снимает с татарина кольчугу, по покрою схожую с сохранившимися образцами кольчуг сибирских татар.⁴³⁹

Для татар и ногаев позднего средневековья использование кольчуги являлось продолжением традиций Золотой Орды. В то же время в оружейном комплексе золотоордынских воинов кольчуга была частью аборигенного, преимущественно половецкого пласта.

Тип 3. Кираса.

Вариант 1. Корсет-кираса с пластинчато-нашивной системой бронирования.

Известен 1 экземпляр из могильника Окунево-7 в нижнем течении Тары, принадлежащего татарам-аялы (подробно описан А.В. Шлюшинским и Ю.В. Герасимовым).⁴⁴⁰ Доспех представлял собой корсет-кирасу с боковым разрезом, доходившую до верхней трети бедра воина. Разрез находился с левой стороны, и панцирь застёгивался с помощью ремешков с железными пряжками (они располагались в районе пояса, ближе к пройме и над ключицей) (рис. 57–58).

---

⁴³⁷ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 220–221.

⁴³⁸ Краткая сибирская летопись... Лист 9.

⁴³⁹ Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири... С. 220.

⁴⁴⁰ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69–74; Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири... С. 170–180.

Окружность панциря – 110 см, высота по проймае – около 55 см, до горловины – 65 см, максимальная – 75 см. С учётом среднего роста погребённых в могильнике людей доспех доходил до верхней трети бедра.⁴⁴¹ По заключению Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, доспех имеет среднеазиатское, центральноазиатское или южносибирское происхождение.

Доспех с пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаной) системой бронирования известен в Европе под названием «бригандина», а на Руси под термином «куяк» (от монг. «хуяг»)⁴⁴² Факты применения пластинчато-нашивных «куяков» сибирскими татарами (в том числе служилыми) подтверждаются и письменными материалами.⁴⁴³ В ранний период (вторая треть XV в.) его могли применять и служилые татары европейской части России.

Такой тип доспеха возник в VIII в. в Китае как придворный парадный костюм, а широкое распространение получил в XIII–XV вв., видимо, сперва у кочевников Монголии, а вместе с их экспансией – во многих других регионах Евразии (проник он тогда же и в Европу). Позже он был вытеснен в Западной Азии кольчато-пластинчатым доспехом, и цельнокованным в Европе, но сохранился и стал наиболее распространённым типом доспеха на своей исторической родине – в Восточной Евразии, где использовался до XVIII в., а местами и в XIX в.⁴⁴⁴

Помимо кольчатых и пластинчато-нашивных, служилые татары могли использовать широко распространённые в тот период в западных регионах Евразии кольчато-пластинчатые доспехи. Их наличие у состоятельных служилых татар европейской части России гипотетично. Письменные источники подтверждают использование бехтерцов (одного из видов кольчато-пластинчатого доспеха) сибирскими татарами.⁴⁴⁵

«Высшей ступенью в развитии защитного вооружения западной части Евразии принято считать доспех с кольчато-пластинчатой системой бронирования.

---

⁴⁴¹ Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII... С. 69–74.

⁴⁴² Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 380.

⁴⁴³ Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири... С. 111.

⁴⁴⁴ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 378–380.

⁴⁴⁵ Румянцевский летописец... С. 38.

В нем соединились высокие защитные свойства панциря, состоящего из металлических пластин с легкостью и эластичностью кольчуги».⁴⁴⁶

Возможно, что именно на территории Золотой Орды ещё в XIV в. были созданы самые ранние образцы кольчато-пластинчатых доспехов, получивших широчайшее распространение в Евразии в последующие века.⁴⁴⁷ Однако до сих пор остаётся в силе мнение о его ближневосточном происхождении.⁴⁴⁸

Выделяются колонтарь, или калантарь (крупные пластины не соединены друг с другом), бехтер, или бехтерец (большое число мелких соприкасающихся пластин в несколько рядов), юшман (отличается большим размером пластин и, соответственно, меньшим их числом).

По сообщению Флетчера, крымские «мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении».⁴⁴⁹ Это можно считать косвенным свидетельством возможности использования знатными крымскими воинами (в том числе Чингисидами, нередко выезжавшими на русскую службу) широко распространённых в тот период в Османской империи кольчато-пластинчатых доспехов.

Имеются также сведения об использовании татарскими воинами рубежа XV/XVI вв. доспехов европейского типа – покупных или трофейных. Среди вещей Айдара (поселившегося в Московском царстве брата хана Менгли-Гирея) упоминается «немецкий краковский пансырь», который при испытании стрела не пробивала.⁴⁵⁰

Наряду с металлическими доспехами служилыми татарами могли применяться мягкие стеганные на вате панцири-«тягеляи» (или «тегиляй»).

Тегиляй (от старомонгольского *хатангу дэгэль* – «прочная, как сталь, одежда») представлял собой толстый стёганный халат, подбитый ватой или шерстью, часто с широкими короткими (до локтя) рукавами и высоким стоячим

---

⁴⁴⁶ Бобров, Л. А., Худяков, Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. – С. 120.

⁴⁴⁷ Горелик, М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... С. 247.

⁴⁴⁸ Воронцов, И.А. Организация военного дела Золотой Орды... С. 127.

⁴⁴⁹ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 103.

⁴⁵⁰ Комаров, О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. ... С. 434.

воротником. Данный тип «мягкого» доспеха бытовал в XV–XVII вв. от Руси до Ирана и Азербайджана (где, по некоторым предположениям, и возник) и откуда затем попал в оружейный комплекс золотоордынских воинов.⁴⁵¹ Поэтому данный вид доспеха можно считать в случае со служилыми татарами (и русскими) золотоордынским наследием.

На картине «Битва под Оршей» литовские служилые татары одеты в тягеляи красного, жёлтого, бирюзового и зелёного цветов, с короткими широкими рукавами и высоким стоячим воротником (рис. 18). На картине Альтдорфера также изображены «восточные лучники». Их кафтаны (тягеляи) имеют толстые рукава, прикрывающие всю руку, низкий подол, доходящий до колен, и низкий воротник. Такая же оторочка идёт вокруг плеч, поэтому можно предположить, что рукава всё же не являются частью тегиляя. На плечах же заметны некие ромбовидные пластины – возможно, металлические нашивки (рис. 16). Как отмечалось выше, крымские татары конца XV в. пользовались тягеляями.⁴⁵²

Достаточно подробно прорисован тягеляй «всадника-московита» (или татарина?) на гравюре А. Дюрера 1515 г. (рис. 11). В русском войске тягеляй толстый в качестве отдельного доспеха (без бехтерца) наиболее часто использовался в середине 1550–1570-х гг., после чего такая традиция значительно ослабевает.

Боевое наголовье – шлем, миссюрка или шапка из плотного материала, обеспечивающие защиту головы, а в зависимости от наличия/отсутствия бармицы/забрала/наушей – также шеи и лица. Является важным элементом защитного вооружения, так как даже скользящий удар клинковым или древковым оружием, нанесённый по голове, может привести к сильному кровотечению, а удар тупым предметом – к серьёзной черепно-мозговой травме.

Шлем – боевое наголовье, прикрывающее минимум лобно-затылочную часть головы, максимум – всю голову. Миссюрка – по сути металлический кольчужный

---

⁴⁵¹ Горелик, М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... С. 250.

⁴⁵² Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу... С. 175–176.

капюшон, состоящий из тульи разной глубины и кольчужной бармицы, иногда сплошной.

Служилые татары для защиты головы могли использовать шлемы нескольких типов. Признаки шлемов разбиты на пять уровней: класс (выделяется по материалу изготовления), отдел (характеризует принципы крепления составляющих шлема), группа (фиксирует сечение), тип (определяется по форме купола – тульи и наверхия), вариант (фиксирует наличие дополняющих купол шлема элементов, декоративные детали и особенности оформления пластин шлема). Характеристика шлемов даётся в соответствии с классификацией Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова.⁴⁵³

Класс I. Железные шлемы.

Отдел I. Цельнокованные шлемы.⁴⁵⁴

Группа I. Овальное сечение.

Тип 1. Цилиндроконическая цельнокованная тулья.

Вариант 1. Цилиндроконический цельнокованный шлем с надбровными вырезами и сплошной бармицей.

Высота тульи 219 мм, диаметр 200/220 мм, толщина стенок 1,5–2 мм. Шлем имел бармицу, судя по всему, кольчужную, закрывавшую шею и, видимо, лицо. Имеются надбровные вырезы полукруглой формы. В верхней части тульи шлем имеет отверстие диаметром около 5 мм, в котором смонтировано наверхие в виде короткого штыря; оно зафиксировано посредством расклепывания. В штыре имеется отверстие для подвески кольца. По нижнему краю шлема пробито 18 отверстий (диаметр около 3 мм) под монтаж бармицы, причём два из них расположены между надбровными вырезами, что подтверждает предположение о сплошной кольчужной бармице, закрывавшей частично или полностью лицо. По бокам в центре корпуса, приблизительно в 2 см от нижнего края, имеются четыре отверстия для установки подбородочного ремня (по два отверстия с каждой стороны, в одном сохранилась заклепка).⁴⁵⁵

---

⁴⁵³ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 417.

⁴⁵⁴ В классификации Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова – III отдел.

⁴⁵⁵ Жуков, К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. / К.А. Жуков // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. – Тула: Инфра, 2005.

Этот шлем представляет собой ранний образец так называемых тюрбанных шлемов, завоевавших большую популярность в Османской империи и Иране в XV–XVI вв. Они имеют иранское или турецкое происхождение, и можно предположить их использование состоятельными татарами (в том числе служилыми), а также русскими. По данным П. Васина, данный шлем входил в состав комплекса вооружения знатного служилого татарина Российского государства XV в. (рис. 59).

Тип 2. Сфероконическая цельнокованая тулья.⁴⁵⁶

Вариант 1. Сфероконический цельнокованный шлем с украшенной чеканкой латунной пластиной наверхшия.

Представлен одним экземпляром, хранящимся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике. Был обнаружен в районе Истяцких юрт (Тюменская область) (рис. 60–62).

Высота тульи – 160 мм, лобно-затылочный диаметр – 220 мм, височный – 217 мм. Характерный элемент: низкая, почти полусферическая тулья.

Шлем имел, судя по всему, кольчужную (или пластинчато-нашивную, или матерчатую) бармицу, прикрывавшую шею и затылок (хотя мастер, как видно по наметкам, собирался делать бармицу закрытого типа – полностью кольчатую или комбинированную). Не сохранилась также вставлявшаяся в отверстие сверху трубка-втулка среднеазиатского типа для плюмажа. Наголовье украшает латунная пластина со сложным растительным орнаментом, выполненным методом чеканки и гравировки. Пластина, видимо, фиксировалась с помощью несохранившейся втулки с подвершием.

Шлем был изготовлен среднеазиатскими, местными или русскими оружейниками, а, возможно, позже был дополнен пластиной наверхшия среднеазиатского типа. Судя по всему, такие «симбиотические» шлемы, сочетавшие элементы нескольких наголовий, имели распространение у сибирских татар XVII в.⁴⁵⁷

---

⁴⁵⁶ В классификации Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова – 7 тип.

⁴⁵⁷ Бобров, Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника... С. 264–267.

Тип 3. Полусферическая цельнокованая тулья.⁴⁵⁸

Вариант 1. Полусферический цельнокованный шлем с комбинированной бармицей (рис. 63–67).

Представлен шлемом из ТГИАМЗ. На протяжении нескольких веков он хранился как семейная реликвия у татарских князей Кулмаметьевых в Иртышских юртах Тобольского уезда, а в 1908 г. был передан в музей. По преданиям, в семействе он появился в начале XVII века.⁴⁵⁹

Высота тульи – 90 мм, диаметр лобно-затылочный – 210 мм, височный – 87 мм. Поверхность украшена четырьмя расположенными на налобной, затылочной и височных частях шлема медными бляшками ромбовидной формы, фиксируемыми с помощью полусферических металлических заклёпок. Налобная и затылочная находятся на одном уровне, но выше височных. Углы бляшек приострены, некоторые имеют стреловидную форму. Края бляшек оформлены зубцами (обычно четырьмя).

Интерес представляет необычная комбинированная бармица. Она состоит из кольчужного сегмента, прикрывающего лицо воина от лба до рта, пары наушей и назатыльника, выполненных из 23 металлических пластин, крепящихся к матерчатой основе. В нижнюю часть наушников также вплетены кольчужные сегменты. Кольчужные кольца верхнего ряда частично крепятся к кожаному шнуру, пропущенному сквозь отверстия вдоль нижней кромки шлема, но некоторая часть из них вставлена непосредственно в гнезда, предназначенные для подвешивания кольчатой бармицы. Наушники и назатыльник имеют сложную форму, обеспечивающую наиболее эффективную защиту шеи. Передняя часть наушников прямая, задняя же имеет вытянутые лопасти (у правого – короткую, у левого – длинную), прикрывающие отверстия, образованные вырезами назатыльника. Последний имеет форму обращённой вниз лилии с отогнутыми боковыми лепестками. Органические части бармицы подбиты рельефными

---

⁴⁵⁸ В классификации Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова – 8 тип.

⁴⁵⁹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов... С. 45; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 448–449.

металлическими пластинами с бортиком и рёбрами, крепящимися с помощью заклёпок. Изготовитель бармицы мастерски подогнал изначально одинаковые по форме пластины к сложной форме бармицы. Жёстко фиксирован с помощью расположенных в форме креста 5 заклёпок только верхний край пластины, позволяя нижний край накладывать поверх другой пластины, что создавало двойной слой брони. Пластины висят свободно, что позволяет сохранить эластичность пластинчато-нашивного сегмента.⁴⁶⁰ Подробно схема расположения пластин показана на рис. 67.

Шлем надевался поверх головного убора (так как следов подшлемника не зафиксировано).

Шлем имеет, скорее всего, среднеазиатское происхождение или выполнен западносибирскими мастерами по среднеазиатскому образцу. Однако пластинчато-нашивная бармица является поздней модификацией, подвешенной к шлему, видимо, ойратским или южносибирским мастером. К князьям Кулмаметьевым шлем также мог попасть от калмыков или жителей Южной Сибири.⁴⁶¹ Есть также предположение, что к данному шлему была подвешена бармица от другого боевого наголовья из арсенала Кулмаметьевых – ойратского сфероцилиндрического клёпаного шлема №1 (см. ниже).

Вариант 2. Полусферический цельнокованный шлем с козырьком и пластинчатым назатыльником.

Представлен одним экземпляром. Это шлем из Далматовского Успенского монастыря (ныне хранится в Свердловском областном краеведческом музее), который, по легенде, принадлежал тюменскому служилому (или ясачного) татарину Илигею, чья земля располагалась по реке Исеть, и который в 1646 г. передал пришедшему в те места старцу Далмату землю, шлем и кольчугу (рис. 68–70).

---

⁴⁶⁰ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 466–467.

⁴⁶¹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов... С. 47–49; Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 441, 446–448.

Тулья шлема низкая, полусферической формы с почти отвесными боками. Диаметр тульи у основания – 22 см, высота с навершием – 14,5 см. Навершие представляет собой выступ высотой 0,7 см, со сквозным отверстием. Нижний край тульи имеет рант (утолщение), выполненный загибом вовнутрь пластины. Спереди имеется защитный козырёк-полка для предохранения лица от удара. «Он изготовлен из изогнутой под прямым углом железной пластины толщиной 20 мм. Крепежная часть козырька имеет трапециевидную форму длиной 200 мм и высотой 20 мм, изогнутую по форме тульи. Ширина собственно козырька – 30 мм, центральный мысок – 47 мм. Мысок и края козырька имеют заметные выгибы вверх, что должно было затруднять соскальзывание оружия в момент удара».⁴⁶² В центре козырька имелось отверстие для подвижного наносника, который не сохранился. Для защиты шеи шлем имеет назатыльник из 5 выгнутых железных пластин, заклёпками крепящихся к подкладке шлема. Науши шлема не сохранились, но, судя по аналогиям, они были очень широкими и массивными и прикрывали щёки, уши и скулы.⁴⁶³ На шлеме имеются следы боевых повреждений: разруб длиной 7 см на левой передней части и вмятина на правой височной части, оставленные длинноклинковым оружием.⁴⁶⁴

Шлем представляет собой европейский дериват турецкого «шишака» с защитным козырьком и подвижным наносником европейского или российского производства (в первой половине XVII в. в России было налажено массовое производство европейских лат и «шишаков»). По одной гипотезе шлем попал в монастырь в 1660-е от одного из рейтар, полк которых был сформирован в Тобольске.⁴⁶⁵ По другой он принадлежал представителю «традиционных категорий служилых людей», например, служилому татарину (в соответствии с легендой). Известно, что предметы вооружения европейского образца имели широкое хождение среди служилых людей Сибири в XVII в.⁴⁶⁶ Косвенным подтверждением

---

⁴⁶² Зыков, А.П., Манькова, И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря... С. 315–316.

⁴⁶³ Бобров, Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря... С. 57.

⁴⁶⁴ Зыков, А.П., Манькова, И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря... С. 316.

⁴⁶⁵ Там же, С. 315–332.

⁴⁶⁶ Бобров, Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря... С. 58–59.

этого может служить тот факт, что кольчуга, подаренная, по легенде, Илигеем, имеет нехарактерный для европейских кольчуг покроем «куртка» и может иметь среднеазиатское или западносибирское происхождение, т.е., вероятно, использовалась именно татарами. В этом случае можно отметить, что западносибирские татары в середине XVII в. использовали шлемы западноевропейского типа, попадавшие к ним от русских купцов, служилых людей или иными путями.

Отдел II. Клёпаные боевые наголовья (детали шлема соединены металлическими заклёпками, образующими жёсткое неподвижное крепление).

Группа I. Овальное сечение.

Тип 4. Клёпаная сфероцилиндрическая форма тульи.⁴⁶⁷

Вариант 1. Сфероцилиндрический клёпаный шлем с восьмипластинчатым куполом, украшенным гравировкой, обручем, плоским фестончатым навершием, с втулкой и четырьмя надвершиями, обручем и двухчастным «коробчатым» козырьком (рис. 71–72).

Представлен одним экземпляром из ТГИАМЗ. Общая высота шлема составляет 42,9 см (купол – 29,4 см, втулка – 13,5 см). Диаметр шлема – 21,5 см (лобно-затылочный) и 20,7 см (височный).

Шлем склепан из восьми пластин, стянутых обручем и навершием. Четыре верхние пластины приклепаны к нижним при помощи двух пар симметрично расположенных заклёпок. Наголовье имеет характерный кувшинообразный силуэт из-за резкого сужения в центральной части. Шлем богато орнаментирован. Обруч опоясан меандрообразным узором, имеются изображения буддийских символов (включая «Три драгоценности» и литеры «ОМ»).

Нижняя кромка шлема имеет ряд отверстий для крепления пластинчато-нашивной или органической бармицы, от которой остались ремешки и куски матерчатой основы холодного зелёного цвета. Существует предположение, что эта

---

⁴⁶⁷ В классификации Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова – 3 тип II отдела.

бармица была перевешана на другой шлем из арсенала Кулмаметьевых – полусферический (тип 3, вариант 1).⁴⁶⁸

Вариант 2. Сфероцилиндрический клепаный шлем с восьмипластинчатым куполом, украшенным чеканкой обручем, навершием с втулкой и четырьмя надвершиями, одночастным «коробчатым» козырьком, трехчастной пластинчато-нашивной бармицей.

Представлен одним экземпляром из ТГИАМЗ (рис. 73). Высота купола с тульей, навершием и султанами – 23,5 см (надвершия – 1,7 см). Диаметр лобно-затылочный – 21 см, височный – 20,5 см. Конструктивно схож с предыдущим шлемом. Обруч украшен растительным орнаментом в виде побегов виноградной лозы. Спереди к обручу с помощью пяти заклёпок приклепан пятиугольный «коробчатый» козырек (10,3 см); горизонтальный щиток (1,9 см) и налобник (0,8 см) выгнуты из одной железной пластины.

Пластинчато-нашивная бармица, типичная для шлемов центральноазиатских типов этого периода, состоит из трёх частей: назатыльника и наушников. Органическая основа, изготовленная из плотной материи красного цвета и снабжённая зелёным кантом, подбита четырнадцатью железными пластинами разных форм и размеров, крепящихся с помощью фигурных металлических заклёпок (в виде четырёхлепестных цветков).

Оба шлема были переданы в музей потомками князей Кулмаметьевых, относятся к большой группе сфероцилиндрических шлемов, распространённых в рассматриваемый период среди ойратской знати, и отражают влияние и проникновение элементов ойратского оружейного комплекса к сибирским служилым татарам.⁴⁶⁹

Наряду со шлемами в число боевых наголовий служилых татар входили мисюрки (мисюрки), состоявшие из круглого слабовыпуклого железного «наплешника» и кольчатой бармицы.

---

⁴⁶⁸ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 440–441.

⁴⁶⁹ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 441–442. В классификации Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова данные шлемы числятся как 1 и 2 варианты VI типа II отдела.

Подлинный образец миссюрки, датированной периодом позднего Средневековья и раннего Нового времени, хранится в фондах ОГИКМ (рис. 74).

По материалу изготовления миссюрка из ОГИКМ может быть отнесена к классу железных, по конструкции тульи – к отделу цельнокованых, по форме тульи – к типу полусферических. На основании особенностей конструкции и системы оформления рассматриваемый образец может быть определен как миссюрка с цельнокованым слабовыпуклым «наплешником» и бармицей из плоских («байданных») колец.

Миссюрка была обнаружена на юго-западе современной Омской области (Москаленский район) в начале XX в. Размеры миссюрки не установлены.

Круглый слабовыпуклый «наплешник» снабжен по краю сквозными отверстиями для крепления кольчатой бармицы, прикрывавшей лоб, уши, щёки и затылок воина. Бармица выполнена из плоских клепаных колец, напоминающих кольца, из которых изготавливали доспех типа «байдана». Особенностью её покроя является наличие 5 длинных треугольных фестонов («языков») по нижнему краю. Подобное оформление бармицы было характерно в XVII–XVIII вв. для шлемов Ирана, Средней Азии и Северной Индии.⁴⁷⁰

Данный тип боевого наголовья имеет, по-видимому, ближневосточное происхождение (на что косвенно указывает русский термин «миссюрка» – от Миср, «Египет»). В рассматриваемый период миссюрка занимала важное место в оружейном комплексе народов Западной и Средней Азии, Восточной Европы и Казахстана. Рассмотренный экземпляр мог принадлежать, по мнению авторов, казахскому воину XVII–XVIII вв.⁴⁷¹ Однако ввиду широкого распространения миссюрки в Казахстане и Восточной Европе, наличия в комплексе вооружения сибирских татар предметов среднеазиатского производства, а также места обнаружения миссюрки, можно предполагать и то, что она использовалась кем-то из сибирских служилых людей, вероятно, татар.

---

⁴⁷⁰ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири... С. 469–471.

⁴⁷¹ Там же, С. 471.

Как видим, дошедшие до нас экземпляры шлемов могли использоваться в основном сибирскими служилыми татарами. Ситуация с боевыми наголовьями (как и с корпусными доспехами) в европейской части России выглядит иначе.

Согласно сообщению современников, татары XVI в. редко использовали шлемы. По описанию Герберштейна, в первой трети XVI в. татары якобы совершенно не применяли шлемов.⁴⁷² По Павлу Йовио, в тот же период крымские воины чаще всего не имели шлемов, и только перед широкомасштабными военными походами ханы закупали у персов доспехи и шлемы, видимо, для наиболее состоятельной и знатной части войска. Простые крымские воины не могли приобрести дорогой шлем и довольствовались плотными шапками.⁴⁷³

Из описания Дзялынского видно, что в Ливонскую войну даже состоятельные служилые татары не использовали шлемы. При бегстве они теряли шапки, и сомнительно, что они носили их поверх шлемов. Один из татар был сбит с коня ударом брошенного топора в висок (т.е. также не имел защиты для головы).⁴⁷⁴

Другие письменные источники также не содержат упоминаний о шлемах у служилых татар.

На всех имеющихся у нас европейских изобразительных источниках XVI–XVII вв. татары изображены без шлема. На картине «Битва под Оршей» (рис. 18) литовские служилые татары носят на головах высокие белые колпаки. Такие колпаки, популярные в то время у кочевников от Крыма до Тянь-Шаня, носят и «восточные» всадники с картины Альтдорфера (рис. 16).

Видимо, только наиболее состоятельные воины из татар и ногаев могли иметь шлемы. Известен перечень оружия, изъятого у ногайских мурз Урмаметева и Урусова. Среди него числятся два шишака.⁴⁷⁵

Рассмотрим вопрос об использовании служилыми татарами щитов и дополнительных защитных деталей.

---

⁴⁷² Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168.

⁴⁷³ Йовий, Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского... С. 289.

⁴⁷⁴ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 28–30.

⁴⁷⁵ Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев... С. 168.

Щит – покрытие, предназначенное для предохранения корпуса и головы воина от повреждения. Он мог использоваться в ближнем бою как для отражения ударов клинковым или древковым оружием, так и как одно из средств фехтования.⁴⁷⁶

Начиная с XIII в. во многих регионах Евразии был распространён калкан (совр. монг. *халх*), или «монгольский» круглый щит из прутьев и с металлическим умбоном, около 50 см диаметром и больше. На его основе в Иране XVI в. возник более совершенный вариант с четырьмя дополнительными умбонами, который стал популярен и в Османской империи.⁴⁷⁷

Согласно сообщениям авторов XV–XVII вв. татарские всадники крайне редко использовали щиты. Так, например, С. Герберштейн вообще отрицает возможность использования татарами щитов.⁴⁷⁸ Не упоминают щиты и другие авторы XVI в. Известно, что на Руси боевые щиты в XVI в. выходят из употребления.⁴⁷⁹ Об этом, в частности, свидетельствуют материалы десятиен, в которых щиты не упоминаются ни разу.⁴⁸⁰ Нет сведений о щитах поместной конницы и в других документах.⁴⁸¹ Их изображения отсутствуют и на знаменитой картине «Битва под Оршей», хотя польские и литовские всадники на той же картине применяют щиты весьма активно.

Тем не менее, собранные материалы свидетельствуют, что татары XV–XVII вв. хотя и редко, но могли применять щиты, преимущественно азиатского образца.

На схематичной гравюре начала XVI в., приписываемой А. Дюреру, татарин снабжен округлым щитом (?), заброшенным за спину (рис. 10).

Изредка применяли щиты в XVI–XVII вв. крымские татары. На гравюре с титульного листа «Трактата о двух Сарматиях» 1521 г. изображён бой рыцарей с татарами, среди которых есть воины с круглыми щитами и копьями (рис. 20).

---

⁴⁷⁶ Худяков, Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. ... С. 130.

⁴⁷⁷ Горелик, М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... С. 260.

⁴⁷⁸ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168.

⁴⁷⁹ Но дорогие парадные щиты используются и в XVII в.

⁴⁸⁰ Богоявленский, С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. / С.К. Богоявленский // Исторические записки. – Т. 4. – 1938. – С. 260.

⁴⁸¹ Комаров, О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. ... С. 440.

На картине Альтдорфера в правом нижнем углу среди рыцарей помещены изображения всадников в белых татарских колпаках, розовых тягелях, вооруженных красными длинными пиками с красными флажками на конце (рис. 16.-2). В руках воины держат щиты округлой и трапециевидной формы («тарчи»). Согласно предположению Л.А. Боброва, в данном случае, художник совместил два разных комплекса вооружения. От служилых татар воины на картине получили белые колпаки и тягеля, а от польских гусар начала XVI в. характерные копья с флажками и гусарские «тарчи». Применение настоящими татарами подобных копий и щитов представляется маловероятным.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в XV–XVII вв. тюркские воины Восточной Европы могли использовать круглые плетеные щиты «калканы», однако широкого распространения данная разновидность защитного вооружения среди служилых татар Российского государства не получила.

Сведения о дополнительных средствах защиты (наручи, поножи) у служилых татар в письменных материалах отсутствуют. Однако это не означает, что они совсем не использовались. Отсутствие интереса у путешественников, редкость этих деталей защитного вооружения – вот основные причины отсутствия свидетельств. Но вполне оправданным будет предположить, что наручи и поножи служилых татар не отличались от таковых у современных им «восточных» народов (в том числе крымских татар) и русских.

Основной разновидностью защиты рук у воинов поместной конницы российской армии, а также панцирников мусульманских армий были створчатые наручи с ременным или кольчато-ременным соединением. Как правило, наруч состоял из двух или трех створок. При этом внешняя (длинная) створка прикрывала руку от кисти до локтя включительно, а внутренняя (короткая) створка защищала руку от запястья до локтевого сгиба.⁴⁸²

Для защиты ног применялись кольчато-пластинчатые набедренники, снабженные полусферическим наколенником. Голень воина прикрывала

---

⁴⁸² Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина... С. 95.

дополнительная кольчатая или кольчато-пластинчатая лопасть. В некоторых случаях воин мог дополнительно носить створчатый наголенник («бутурлык»)⁴⁸³.

Недавнее исследование показало, что наручи и поножи распространяются как элемент комплекса вооружения русского дворянства по крайней мере с 1490-х гг. (вероятно, старейшее упоминание этих предметов вооружения в документах датируется 1490 годом). Однако выяснить широту их распространения проблематично. Их редко фиксировали в документации, часто они шли в комплекте с корпусным доспехом как элемент «полного доспеха» (включавшего и боевое наголовье). При этом, судя по письменным материалам, в 1570-е гг. наручи и поножи становятся действительно редкими у русского дворянства.⁴⁸⁴ Хотя отсутствие щитов и должно было компенсироваться наручами, изобразительные материалы XVI в. показывают иную картину: на картине «Битва под Оршей» московиты изображены без них (и без поножей), как и на наиболее известных европейских гравюрах. Возможно, эти элементы вооружения действительно были редкостью. Ещё реже дополнительные средства защиты рук и ног должны были использовать служилые татар, для которых основным был лучный бой.

Проанализированные источники по защитному вооружению свидетельствуют, что металлические корпусные доспехи, боевые наголовья, дополнительные средства защиты служилыми татарами европейской части России конца XV–XVII вв. использовались крайне редко. Судя по всему, предметы защитного вооружения распространённых в тот период типов (преимущественно «восточного» происхождения) встречались лишь у наиболее состоятельных и знатных татар – князей и мурз. Менее состоятельные татары для защиты корпуса могли использовать тягеляи или одежду из плотного материала. Для защиты головы могли использоваться шапки, однако изобразительные источники часто фиксируют татар в колпаках.

В отличие от европейских, служилые сибирские татары в конце XVI–XVII вв. использовали защитное вооружение достаточно часто, о чём свидетельствуют

---

⁴⁸³ Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина... С. 97.

⁴⁸⁴ Комаров, О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. ... С. 438–440, 446.

данные вещественных, письменных и изобразительных источников. Среди корпусных доспехов наиболее распространённым видом были кольчатые панцири западносибирского, восточноевропейского или среднеазиатского производства, а также пластинчато-нашивные куяки. Для защиты головы использовались шлемы местного или импортного происхождения (среднеазиатские, центральноазиатские, западноевропейского типа), а также симбиотического вида.

3.5. Эволюция комплекса вооружения служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.

Анализ вещественных, письменных и изобразительных источников свидетельствует, что комплекс вооружения российских служилых татар не был единым. В нём отчётливо выделяются европейский и сибирский «субкомплексы». Европейские служилые татары появились почти на полтора века раньше сибирских, история и эволюция их оружейного комплекса имели некоторые особенности. К XVII в. европейские служилые татары теряют своё значение в качестве боевой силы и в течение века оказываются в состоянии жёсткого кризиса, приведшего к снижению их численности, а позже – к переходу служилых татар в рейтары, солдаты и крестьянское сословие. В то же время в Сибири численность и военный потенциал служилых татар, возникших в конце XVI в., оставались стабильны.

Формирование сословия служилых татар в европейской части Российского государства совпало по времени с кризисом панцирной ордынской кавалерии и ростом значения легковооружённых подразделений конных лучников. Данный процесс был вызван как социально-экономическими, так и собственно военными причинами.⁴⁸⁵ Московские власти, заинтересованные в развитии легкой лучной конницы, не стали возрождать ордынские панцирные подразделения. По всей видимости, московских воевод устраивал тот факт, что переселившиеся на Русь кочевники продолжают службу в качестве бездоспешных конных стрелков.

---

⁴⁸⁵ Горелик, М.В. Монгольская латная конница и её судьба... С. 56–57; Измайлов, И.Л. Военное дело и военная культура... С. 686; Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев... С. 232–233.

Характерно в данной связи, что если приобретение защитного вооружения воинами русской поместной конницы всячески поощрялось центральными властями, то о специальных мерах по распространению доспехов среди служилых татар документы рассматриваемого периода ничего не сообщают. Вероятно, подобная политика московского правительства была обусловлена особым пониманием роли служилых татар в системе военного искусства Российского государства конца XV–XVII вв. (см. ниже). Кроме того, здесь мог сказаться и невысокий уровень материального обеспечения основной массы служилых татар.

Возможно, в первые десятилетия существования на русской службе татарской конницы в её оружейном комплексе ещё сохраняло значительное место защитное вооружение и длиннодревковое оружие. Этот хронологический отрезок можно считать первым (гипотетическим) этапом эволюции комплекса вооружения служилых татар.

Первые важные изменения в нём произошли в конце XV – первой половине XVI вв. Так, в частности, из широкого военного обихода в этот период окончательно выходят ударные копья и пики. Состоятельные татары, способные приобрести металлические доспехи, более не сводятся в специальные ударные подразделения (как это можно предполагать в отношении времени московско-новгородских войн), а распределяются среди легковооруженных воинов. Главным оружием служилых татар данного периода являются луки «турецкого» и «татарского» типа. В стрелковом наборе численно преобладали стрелы с наконечниками «универсальных» типов (наиболее типичны выделенные нами 1, 11–13 типы), способные поражать как легковооруженных воинов противника, так и панцирников, одетых в стеганые «тягеляи». Для рукопашного боя зажиточные служилые татары использовали сабли, изредка копья, булавы и кистени. Защитное вооружение встречалось редко. Можно предполагать, что наиболее состоятельные и знатные татары носили доспехи в основном иранского, турецкого или русского производства – кольчуги, бехтерцы, реже – пластинчато-нашивные куяки, миссюрки, шлемы «восточных» типов (рис. 88, 90). Остальные татары для защиты использовали тягеляи или вовсе обходились плотной одеждой (рис. 87, 89, 91).

Отдельные воины могли применять плетеные щиты «калканы», однако во второй половине XVI в. щиты выходят из употребления в российском войске. Ручное огнестрельное оружие не было характерно для служилых татар на протяжении данного периода, хотя в XVII в. в арсеналах некоторых представителей татарско-ногайской служилой знати фиксируются самопалы, а во второй половине века – и карабины (рис. 90).

Таким образом, оружейный комплекс европейских служилых татар конца XV–XVI вв. вписывается в шестой период истории военного дела nomadов Евразии, когда единая военная традиция распалась на «татарскую» и «монгольскую». Для западной («татарской») традиции было характерно преобладание лёгкой конницы, почти полное отсутствие доспехов из твёрдых материалов у основной массы воинов при изобилии импортных доспехов у военной элиты.⁴⁸⁶

Важные изменения в комплексе вооружения служилых татар Российского государства произошли в конце XVI – первой половине XVII вв. Они были связаны с формированием группы служилых сибирских татар.

Западносибирские служилые татары, возникнув как сословие только в конце XVI в., оружейный комплекс наследовали от времён Сибирского ханства, который, однако, несколько изменился в связи с сокращением импорта из Средней Азии и увеличением его из Московии и Центральной Азии (рис. 92). Главным отличием от европейских татар было достаточно широкое распространение защитного вооружения – прежде всего кольчуг среднеазиатского, русского и местного производства, пластинчато-нашивных панцирей местного или центральноазиатского производства. Шлемы также использовались значительно шире, чем в европейской части государства. Основным оружием и здесь был саадак. В то же время имеются свидетельства более широкого применения ручного огнестрельного оружия. Для рукопашного боя использовались сабли, боевые топоры и копья. Комплекс вооружения западносибирских татар относился к числу симбиотических, в нём сочетались элементы, характерные для западноазиатской и

---

⁴⁸⁶ Горелик, М.В. Монгольская латная конница и её судьба... С. 56–57.

центральноазиатской военно-культурных традиций.⁴⁸⁷ Отличия его от оружейного комплекса европейских татар были вызваны также особенностями военного дела основных противников служилых людей в Сибири и сохранением местного производства защитного вооружения. Отметим, что более широкое использование защитного вооружения было характерно и для русских служилых людей в Сибири, что уже подчёркивалось в литературе.⁴⁸⁸

Следующий этап эволюции комплекса вооружения служилых татар может быть локализован второй половиной XVII в. В результате ойратского влияния сначала легковооруженные сибирские татары, а затем и татары в европейской части страны начинают применять длинные копыя и пики. Кроме того, наряду с луками все активней используется ручное огнестрельное оружие. Это создавало предпосылки для возникновения татарских казаков нового типа в войсках Российской империи.

Таким образом, анализ вещественных, письменных и изобразительных материалов позволяет выделить в комплексе вооружения служилых татар два субкомплекса (европейский и сибирский) и обозначить основные этапы его эволюции.

Анализ источников показал, что служилые татары имели несколько путей пополнения арсенала. Выезжающие на русскую службу татары могли сохранять своё прежнее вооружение и передавать его потомкам, однако в дальнейшем оно должно было замещаться предметами, приобретёнными у русских или восточных купцов, или русских оружейников. Причём во всех случаях на протяжении всего рассматриваемого периода абсолютно преобладало оружие «восточных» образцов (османского, иранского или среднеазиатского производства, или русское вооружение ориентального типа). Другим источником пополнения были военные трофеи, добытые в ходе боевых действий против Великого Княжества Литовского, Польши (в дальнейшем Речи Посполитой), Ливонского ордена и др. В Сибири

---

⁴⁸⁷ Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири... С. 119.

⁴⁸⁸ Бобров, Л.А. Шлемы российских воинов в Сибири в конце XVI–XVII вв. / Л.А. Бобров // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2013. – С. 229–238.

конца XVI–XVII вв. сохранялось местное производство вооружения, дополнявшееся импортом из Средней и Центральной Азии, Южной Сибири, а также европейской части России (в последнем случае сибирским служилым татарам могли попадать предметы вооружения европейского типа).

Проанализированные источники по вооружению служилых татар XV–XVII вв. свидетельствуют, что основным наступательным оружием татарской конницы был садачный набор. Татары пользовались сложносоставным луком «татарского» типа, являющимся дериватом более раннего «монгольского» лука, и стрелами с железными черешковыми наконечниками, относящимися к распространённым в Восточной Европе и Западной Сибири типам. Среди них преобладают универсальные наконечники, пригодные для стрельбы как по доспешному, так и по бездоспешному противнику. Ручное огнестрельное оружие не имела сколько-нибудь заметного распространения среди служилых татар, так как оно было неудобно для использования лёгкой конницей, основные задачи и тактика которой предполагали высокую степень мобильности и избегание ближнего боя.

В случае вступления в ближний бой состоятельные служилые татары использовали длинноклинковое оружие, представленное саблями и палашами. На вооружении татар также зафиксированы древковое оружие ударно-дробящего типа (булава, кистень), длиннодревковое (копья, пики), короткоклинковое (ножи, кинжалы) оружие. Использование длиннодревкового оружия предполагается для ранних касимовских татар, а также достоверно устанавливается для служилых татар XVII в. (прежде всего сибирских).

Защитное вооружение не имело сколько-нибудь широкого распространения у большинства служилых татар европейской части страны. Значительно чаще оно фиксируется у служилых татар в Сибири. Анализ источников позволил нам выделить 3 типа корпусных доспехов (кольчатых и пластинчато-нашивных) и 4 типа боевых наголовий. Рассмотрение вопроса об использовании щитов и дополнительных средств защиты показало, что для служилых татар эти предметы защитного вооружения не были характерны, хотя изредка могли встречаться у отдельных воинов на протяжении всего рассматриваемого периода.

Анализ источников по комплексу вооружения служилых татар середины XV–XVII вв. позволяет выделить в нём два субкомплекса (европейский и сибирский) и 3 этапа в его эволюции. Для европейского субкомплекса достоверно устанавливается отсутствие у подавляющей части служилых татар защитного вооружения и длиннодревкового оружия с конца XV в., саадака (лук и стрелы) в качестве основного наступательного вооружения. Для сибирского субкомплекса, возникшего в конце XVI в., характерно относительно широкое распространение защитного вооружения, представленного кольчатыми и пластинчато-нашивными панцирями, шлемами среднеазиатского, европейского, центральноазиатского и симбиотического типов. Основным наступательным оружием также являлся саадак.

Первый (гипотетически выделяемый) этап в эволюции комплекса вооружения служилых татар приходится на середину – конец XV в. В течение этого времени окончательно исчезают сколько-нибудь значительные контингенты конных панцирников, вооружённых длиннодревковым оружием. В связи с этим выделяется второй, самый продолжительный этап: XVI – первая треть XVII вв. Служилые татары составляют лёгкую конницу, из вооружения использующую в основном лук. В конце XVI в. появляются служилые татары в Западной Сибири, чей оружейный комплекс (точнее, субкомплекс) унаследован от Сибирского ханства и который начинает испытывать влияние европейских и центральноазиатских традиций. Начало третьего этапа (вторая треть – конец XVII в.) связано с влиянием на народы Западной Сибири и Восточной Европы военного искусства калмыков, выразившимся в практике использования лёгкой татарской конницей длиннодревкового оружия.

В целом, вооружение служилых татар схоже с вооружением русских дворян, хотя в европейской части страны и было значительно «беднее», ограниченнее.

Глава IV

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ТАКТИКА И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА СЕРЕДИНЫ XV– XVII ВВ.

4.1. Военная организация служилых татар и их место в вооружённых силах Российского государства середины XV–XVII вв.

Первые значительные воинские контингенты из татар на Руси стали появляться в XV в., хотя некоторое число выходцев из Орды находилось на службе у московских князей ещё в XIV в. В литературе, как правило, указывается на 1440-е гг. как на отправную точку в процессе формирования сословия служилых татар (это было связано в первую очередь с возникновением так называемого Касимовского ханства). Отмечается также, что немногочисленные татарские отряды появлялись на Руси и ранее – в первой половине XV в., и даже с конца XIV в., но только с середины XV в. их число становится значительным.⁴⁸⁹ Сам термин «служилые татары» встречается по крайней мере с 1512 г.⁴⁹⁰

Причины принятия татар на службу князьями понятны: власть нуждалась в увеличении численности конницы, а также стремилась ослабить соседние государства, переманивая их воинов. Кроме того, если татары оказывались вне своих улусов по причине конфликтов с властями или политическими противниками, то становились казаками, представлявшими опасность и для Руси, поэтому было благоразумно предоставить им средства к существованию, заодно пополнив ряды своего войска. По этим же причинам было создано и так называемое Касимовское ханство – великий князь использовал одно из последствий военного поражения для пользы своего государства. Есть также мнение, что Касимовское

---

⁴⁸⁹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 98; Павлов, Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси... С. 166; Сенюткин, С.Б. История татар Нижегородского Поволжья... С. 11–13

⁴⁹⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В.И. Буганов. – М., 1966. – С. 52; Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I. – Часть I. – М., 1977. – С. 133.

ханство было создано специально для того, чтобы противопоставить ордынским татарам татар касимовских.⁴⁹¹

Татары переходили на службу к вчерашнему вассалу, будучи вытесненными из своих улусов внутренними или внешними врагами. В первую очередь это должно было касаться Чингисидов, ибо в условиях широкой полигамии их численность стремительно росла, намного опережая в этом число мест в иерархической лестнице ханств и орд, что приводило к учащению внутренних конфликтов и другим проблемам.⁴⁹² Кроме того, достаточно убедительным и обоснованным нам видится предположение Э.С. Кульпина о том, что в XIV–XV вв. в силу ряда причин на территориях Золотой Орды случился экологический кризис, из-за чего усилилась борьба за земли, номады стали кочевать в зонах рискованного скотоводства (т.е. далеко на севере) и массово иммигрировать – на Русь, в Литву, в Египет.⁴⁹³ С этим соглашался также исследователь истории нижегородских татар С.Б. Сенюткин.⁴⁹⁴

Служилые татары включали в свой состав выходцев из Крыма, Большой Орды, Казанского и, видимо, Астраханского ханств, Ногайской Орды и их потомков, а также «мещерских» татар. В Сибири ситуация была иной. Здесь служилые татары являлись в значительной степени аборигенами, военной знатью Сибирского ханства, перешедшей на службу к русскому царю. За это они получили привилегии и земли с ясачным населением. Численность их была мала по сравнению с европейскими группами, но они составляли больший процент от российских войск в Сибири, чем служилые татары в европейской части государства.

Группы служилых сибирских татар стали формироваться ещё в самом начале завоевания Сибири. Сибирской администрации прямо предписывалось переманивать на свою сторону татарских воинов. Причём с этой целью к ним

---

⁴⁹¹ Горский, А.А. Москва и Орда / А.А. Горский. – М.: Наука, 2003. – С. 151

⁴⁹² Крадин, Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Н.Н. Крадин. – М.: Логос, 2002. – С. 223–224.

⁴⁹³ Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е, испр. / Э.С. Кульпин. – М.: КомКнига, 2006. – С.78–84.

⁴⁹⁴ Сенюткин, С.Б. История татар Нижегородского Поволжья... С. 11–12.

посылались служилые татары Тобольска (и других городков): "А от Кучюма царя лучших людей отговаривать, чтоб ехали к государю служить; а ссылались бы с ними Тобольские служилые татарове".⁴⁹⁵ Сибирские мурзы и их дружины сменили сюзерена, сохранив своё привилегированное положение, оставшись на своих землях. Помимо служилых, «юртовских» татар, русская администрация могла время от времени набирать ополчение из ясачных татар, причём известно, что ополченцы могли быть вооружены казённым огнестрельным оружием.⁴⁹⁶

Воинская служба служилых татар была наследственной. Службу татары несли в основном с поместий⁴⁹⁷, жалуемых им в местах их традиционного проживания, или в новых землях, куда их переводили; часть татар получала для прокорма право сбора ясака с нерусского населения на юго-восточных окраинах государства. Кроме того, были и кормовые татары, получавшие за службу средства «на прокорм». Как и дворяне, татары служили пожизненно и должны были выходить на службу с собственным вооружением.⁴⁹⁸

Служилые татары вошли в состав вооружённых сил Московского княжества в период, когда социально-политическая ситуация потребовала изменения прежней организации войска. На смену совокупности великокняжеской дружины, дружин удельных князей и городских ополчений к концу XV в. приходит более эффективная организация, основу которой составило поместное ополчение детей боярских и дворян – поместная конница. Причём служилые татары являлись одной из старейших категорий служилых людей наряду с детьми боярскими. Появление стрелецких полков было важнейшим изменением русского войска XVI в. В последующем подобные кардинальные перемены с русской армией происходили только с 1630-х гг., когда начали предприниматься попытки по созданию полков

---

⁴⁹⁵ Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре... С. 357.

⁴⁹⁶ Г.Ф. Миллер. История Сибири. – Т. I. ... С. 288–289.

⁴⁹⁷ Причём с земли служилые татары продолжали служить вплоть до конца XVII в., несмотря на частые случаи обезземеливания, обеднения, переход на «подённый корм» и общий кризис поместной конницы (Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. / ред. С.Б. Веселовский. – 1991. – С. 44–45).

⁴⁹⁸ Например: Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. ... С. 69; Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории / Б.Р. Рахимзянов. – Казань: Татарское книжное издательство, 2009. – С. 81–82.

«иноземного строя», в условиях всё большей неэффективности всей прежней организации при столкновении с современной европейской военной системой.

Если ещё в середине XV в. низшую ступень организации великокняжеского войска составляли территориальные подразделения (городские ополчения) и дружины великого князя и удельных князей, то в период правления Ивана III ядром армии стало поместное ополчение дворян и детей боярских, объединённых в служилые корпорации по территориальному признаку. Служилые татары Касимова, Романова, Алатыря и др. могут считаться такими же корпорациями. Высшую ступень организации русского войска составляли «достаточно гибкие оперативные соединения, полки, которые могли перегруппировываться верховным командованием в зависимости от конкретной обстановки».⁴⁹⁹ Низшую ступень образовывали территориальные (городовые) подразделения, создаваемые в ходе мобилизации (включая татарские контингенты).

Традиционным было выделение полков Большого, Передового, Сторожевого,левой и Правой руки. Большой полк существовал (с приписанными к нему служилыми) и в мирное время, другие же формировались непосредственно перед походом.

Вопрос о месте служилых татар в составе полевых армий и полках связан с их местом в тактическом искусстве русских полководцев и подробнее рассмотрен ниже. Здесь отметим, что во второй половине XV – начале XVI в. служилые татары составляли, как правило, компактный и достаточно автономный отряд в составе великокняжеского войска, находившийся в основном в Передовом полку или в засадной рати, реже – в других полках.⁵⁰⁰ В последующее время служилые татары более равномерно распределяются по полкам,⁵⁰¹ что, видимо, является отражением снижения их значения как ударной силы московской армии.

---

⁴⁹⁹ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 186, 200.

⁵⁰⁰ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 187–188; Поссевино, А. "Московское посольство" Антонио Поссевино... С. 216–217; Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч. I. ... С. 217; Разрядная книга 1475–1598 гг. ... С. 37, 49, 52, 55.

⁵⁰¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст)... С. 37–54; Роспись войск против самозванца в 1604 г. ... С. 366–420.

Несмотря на снижение своего военного значения с конца XVI в., и особенно с 30-х гг. XVII в., вплоть до военных реформ Петра I служилые татары остаются обособленной частью вооружённых сил, выделяясь наряду с казаками, новокрещеными, мордвой, стрельцами и детьми боярскими разных городов. Важно отметить также, что в разрядных книгах XVI в. лица, возглавлявшие в походе татар, отмечаются отдельно, наравне с командованием самих полков. Здесь также проявляется обособленность татар от остальной части войска. С другой стороны, организация подразделений служилых татар во многом была схожей с таковой у иных служилых групп. Так, сотники, десятники, головы – имелись и у дворян. При этом звание есаула у служилых татар сближало их с православными казаками. Те татары, что направлялись на пограничную службу, как и русские, подчинялись станичным головам. Чуждым русской военной системе чинов является звание табунного головы, бытовавшее у «федератов»-ногайцев (см. ниже).

Будучи иноплеменниками и иноверцами, татары и воспринимались как иноземцы, что нашло отражение в отнесении их к ведению Посольского приказа.⁵⁰² При этом, как нередко бывало в Московском государстве, к служилым татарам имели прямое отношение ещё несколько приказов: Разрядный и Поместный (ведавшие вооружёнными силами и вопросами служилого землевладения соответственно), Приказ Казанского дворца⁵⁰³, Сибирский приказ.

Предпринятое нами рассмотрение вопроса о численности служилых татар подробно показано в приложении II (таблицы 1–4). Ниже приведены наиболее важные выводы из него.

Численность служилых татар в XV в. установить ввиду отсутствия источников не представляется возможным. Сведения по этому вопросу в XVI веке появляются только в период войн в Ливонии. Хотя и они неполны, видно, что общая численность служилых татар тогда была 4600–4700 человек. В Полоцком походе они (вместе с небольшим числом новокрещёнов и мордвы) насчитывали

---

⁵⁰² Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 370.

⁵⁰³ «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 20.

свыше 3500 чел. и составляли 5–10% от всего войска.⁵⁰⁴ В то же время бывали случаи, когда татары составляли от половины до 80% от подчинённых воеводам войск.⁵⁰⁵

Относительно подробные данные появляются только в XVII в. Сведения разрядных записей по 8 походам и 3 сметам за 1604–1663 гг. показывают, что служилые татары насчитывали от 3038 до 3340 человек без учёта групп, включавших и новокрещённых. Вместе с такими группами получается 4186 человек. В 1613–1617 гг. они участвовали в большинстве походов и военных операций и составляли обычно 7–12% войска, а иногда от 2 до 84%.⁵⁰⁶ К 1630-м гг. общая численность татар несколько снизилась (около 2546–3435 человек с новокрещёнными и без них, что составляло 3–4% от всех вооружённых сил), но спустя два десятилетия снова возросла до 3994 человек (без учёта смешанных групп, в которых около 828 человек).⁵⁰⁷ При этом общая численность служилых людей выросла, а процент среди них татар снизился до 3, хотя те и составляли около 15% от численности конницы. По смете 1651 г. служилые татары насчитывали минимум 3994 человек (без учёта смешанных групп, в которых около 828 человек, всего 4822)⁵⁰⁸ от приблизительно 133 тысяч общей численности служилых людей, или 3–3,6% состава. При этом, однако, служилые татары составляли от 4,6 до 5,6% российской конницы (с учётом около 1522 пушкарей, сторожей и др., а также 46 000 стрельцов, в основном пеших или ведущих бой в пешем строю).

К 1663 г. численность служилых татар как абсолютная, так и относительно войска ещё более снизилась (менее 3000 чел., 3%).⁵⁰⁹ Таким образом, тенденция к

---

⁵⁰⁴ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст)... С. 37–54. В источнике отмечено ок. 31 тыс. служилых людей в походе, но в нём не упомянута численность стрельцов и боевых холопов. Исходя из этого численность войска в литературе оценивается в 60 тыс. Если же следовать данным источника, то получается, что служилые татары составляли в походе ок. 10%.

⁵⁰⁵ Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.)... С. 267–269; Вторая полковая роспись ржевских воевод... С. 269–270.

⁵⁰⁶ Роспись войск против самозванца в 1604 г. ... С. 366–420; Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / ред. В.И. Буганов. – М.: Институт истории СССР, 1974. – С. 254–266; Разрядная книга 7123 года... С. 31–34, 45; Разрядная книга 7124 года... С. 6, 13–14, 72–75; Разрядная книга 7125 года // Временник императорского общества истории и древностей российских. – Кн. 3. – М., 1849. – С. 1–2, 8.

⁵⁰⁷ Сметный список 7139 году... С. 19, 25, 30, 38–44, 46–50.

⁵⁰⁸ «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 15–16, 20, 23–31.

⁵⁰⁹ Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. ... С. 43–46, 48–53.

сокращению процента татар в русском войске наблюдается с 1630-х гг., совпадая с заметным усилением общего кризиса как всего поместного войска, так и служилых татар в частности.

В целом, на протяжении периода, освещённого в источниках (1560-е – 1660-е), служилые татары составляли заметную по численности часть вооружённых сил европейской части Московии (3–12%), хотя постепенно она снижалась как абсолютно, так и относительно общей численности служилых людей.

В гарнизонах сибирских городов и острогов, где ощущалась острая нехватка служилых людей на протяжении всего XVII в., татары составляли значительную часть контингента. По мере увеличения численности войск в Сибири этот процент сокращался, но даже в конце XVII в. был выше 10–15% в крупнейших городах – Тобольске и Тюмени. В Тобольске в 1630 г. они составляли 34,5%, в 1663 г. – 15,1%, в 1699 г. – 15,2%. В Тюмени соответственно: 22,6, 11,9 и 11,4%.⁵¹⁰ В военных походах служилые татары составляли зачастую треть или половину контингента.⁵¹¹ Общая численность служилых татар оставалась стабильной и превышала 400 человек.

Произвести достоверную реконструкцию организации, иерархии и системы командования служилых татар затрудняют фрагментарность профильных сведений в письменных источниках, неясности в вопросах организации русского войска в целом, отсутствие чётких границ между военной, политической и социальной иерархией служилых татар в Московии. В источниках фигурируют татарские цари, царевичи, князья, мурзы, огланы, казаки, сотники, есаулы, татарские головы и приставы, т.е. мы видим соединение сословной и военно-административной иерархии, причём часть элементов восходит к татарско-ногайским ханствам и ордам, а часть входит в военно-административную систему Московского царства.

Этносословная группа служилых татар была разделена на несколько локальных служилых корпораций (касимовские, романовские и др. служилые татары), которые возглавлялись Чингисидами и ногайской знатью, в течение

---

⁵¹⁰ Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири... С. 104.

⁵¹¹ Там же.

нескольких веков переходившими на русскую службу, переселявшимися в пределы Московского царства. Среди них формировалась определённая иерархия⁵¹², рассмотрение которой не входит в задачи нашего исследования. Можно сказать, что татары сохраняли традиционные формы организации и сословное деление, однако на эту систему накладывалась система контроля и управления со стороны Московского государства.

В XVII в. обычным стала служба по «половинам» и по третям – посменная служба татар одной территориальной корпорации, хотя часто на службу призывали всех татар определённой группы.⁵¹³ У романовских татар (ногаев) в XVII в. отмечено существование половин Сююш-мурзы и Джан-мурзы.⁵¹⁴

Сведений о внутренней организации татарских отрядов крайне мало. А.В. Чернов считал, что татары имели десятичную организацию: «В русском войске нерусские казаки сохраняли свою национальную (десятичную) систему деления и подчинялись мурзам и князьям. Они не входили в русские полки, а присоединялись отдельными отрядами к полкам, преимущественно к передовому, где конница была больше всего нужна».⁵¹⁵ При этом ссылки на источники отсутствуют. Действительно, татары никогда не смешивались с другими категориями служилых людей, и даже новокрещёны обозначаются в источниках отдельно. Однако они всё же входили в состав тактических соединений – полков Правой,левой руки, Передовой и т.д.⁵¹⁶ К тому же стоит уточнить, что в данном случае под десятичной системой вряд ли можно подразумевать наследие Монгольской империи, и следует говорить о десятичной системе в широком смысле – деление по десяткам, полусотням и др., т.е. по принципу численному, а не родовому. Отметим, что русские казаки имели жёсткую десятичную структуру, чего, в то же время, не наблюдается у современных им казахов.

---

⁵¹² Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 413.

⁵¹³ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 200; Память в приказ Казанского дворца из Розряда о посылке грамот к воеводам в города: Алатырь, Курмыш, Темников, Касимов и Кадом... С. 196–197.

⁵¹⁴ «Сметный список» военных сил России 1651 г. ... С. 15, 20.

⁵¹⁵ Чернов, А.В. Вооруженные силы Русского государства... С. 86.

⁵¹⁶ Например: Разрядная книга 1475–1598 гг. ... С. 30.

Редким свидетельством, указывающим на наличие у служилых татар сотенных отрядов, являются данные «Разрядной книги» 1613–1614 гг. В ней, в частности, имеется такая запись: "и стольнику и воеводам князю Юрью и князю Миките росписати дворян и детей боярских и татар, и мордву, и бортников, и казаков по сотням и учинити у них голов и списки головам дати".⁵¹⁷ Это говорит о том, что тактические единицы из служилых татар или включавшие таковых формировались непосредственно на месте службы и/или перед походом, и имели наименование «сотня». Сотня, по крайней мере, формально каждый раз заново «учинялась» на месте смотра служилых людей, хотя в реальности состав сотен мог быть более-менее устоявшимся. В других источниках встречаются сотники: "да новокрещенов и татар и сотников", "да служилых татар и сотников и тарханов".⁵¹⁸ Сотня – это войсковая единица, объединявшая служилых людей одного уезда и имевшая характер временного соединения.

А.В. Малов, исследуя иной источник (расходные книги Казённого приказа за 1613–1619 гг.), смог более точно определить внутреннюю структуру татарских отрядов, так как там фигурировали помимо сотников и есаулов также пятидесятники и десятники, причём все из татар, в отличие от татарских голов. Сотник при этом командовал также своей полусотней, так что в сотне имелся лишь один пятидесятник.⁵¹⁹

Командование подразделениями служилых татар в военное время – как крупными соединениями, так и небольшими отрядами – осуществлялось преимущественно русскими татарскими головами или татарскими «царями», при которых находились русские приставы. В.В. Вельяминов-Зернов писал, что Шигалей имел, скорее всего, лишь номинальную власть, и его городецкие татары совершили много походов в Ливонскую войну под командованием «посторонних лиц».⁵²⁰ Даже в XV в. относительно самостоятельные царевичи никогда не

---

⁵¹⁷ Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 268.

⁵¹⁸ Разрядная книга 7123 года... С. 34.

⁵¹⁹ Малов А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар... С. 224–233.

⁵²⁰ Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах Ч. I. ... С. 445, 449.

возглавляли даже самых маленьких отрядов русских войск.⁵²¹ Б.Р. Рахимзянов так обрисовал положение служилых татар: «безусловно, русское правительство относилось с некоторым недоверием и к высшему татарскому сословию, и к служилым татарам. Во время походов у них «в приставах» обязательно находился голова из русских служилых».⁵²²

В походах высшую татарскую знать сопровождали приставы, в остальном же мурзы, князья и царевичи сохраняли власть над своими людьми и, вероятно, командовали ими и на войне. Как считает Б.Р. Рахимзянов, «служилые татары сохраняли свою национальную систему деления и подчинялись мурзам и бекам (князьям)».⁵²³ По источникам определить степень самостоятельности татарских предводителей в мирное и военное время затруднительно. Вероятно, в разных случаях она была разной – где-то пристав мог быть лишь формальным контролёром, если контролируемый бек или мурза внушал доверие, а где-то сам бек или мурза был формальным лицом, который создавал лишь видимость сохранения традиционной иерархии. Более того, известно, что, по крайней мере, во второй половине XVII в. русские служилые люди могли назначаться мурзами служилых татар.⁵²⁴

После окончательного разрыва с Крымским ханством усиливается контроль над служилыми татарами, среди которых было немало и крымцев. А.Л. Хорошкевич именно к этому времени приурочивает появление при всех татарских предводителях русских людей⁵²⁵ (хотя такие люди упоминаются и ранее) и предполагает, что именно около 1533 г. появляется сам термин «пристав», обозначающий контролёра при татарском командире.⁵²⁶ Д.М. Исхаков отодвигает дату появления приставов ещё дальше – на 1555 г.⁵²⁷ А.В. Беляков на этот счёт отметил, что приставы появились в действительности гораздо раньше, так как

---

⁵²¹ Павлов, Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси... С. 176.

⁵²² Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 80.

⁵²³ Там же, С. 80.

⁵²⁴ Память из Приказа Казанского Дворца о присылке воспреемника для мурзы Сунчалаея... С. 534.

⁵²⁵ Хорошкевич, А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 306.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Исхаков, Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). / Д.М. Исхаков. – Казань: Мастер Лайн, 1998. – С. 197.

касательно похода против Новгорода в 1477 г. в разрядной книге прямо говорится: «пришел под город царевич Даньяр, а с ним воевода великого князя Василей Образец с борисовичи... И князь великий велел царевичу Даньяру встать в Кириллове монастыре..., а приставом царевичевым князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звенцу велел стати на Ковалева...».⁵²⁸ Уже в XV в. бывали случаи участия в войнах служилых татар, которыми командовали только русские.⁵²⁹

Первоначально среди приставленных лиц встречались преимущественно представители родовитой знати, в том числе князья – Оболенские, Мещерские, Прозоровские⁵³⁰, Холмские⁵³¹, Воротынские⁵³². Однако уже с 1530-х гг. среди собственно приставов числились люди значительно менее знатные.⁵³³

Приставы являлись лицами, контролировавшими действия татарских командиров. А.В. Беляков также предполагает, что одной из важнейших обязанностей русских приставов было обеспечение татар продуктами, для чего им выдавались деньги.⁵³⁴

Помимо приставов, с XVI в.⁵³⁵ появляются также татарские головы, которые непосредственно командовали татарскими контингентами. А.В. Беляков фиксирует их появление с 1508 г.⁵³⁶ Он также отмечает, что социальное положение голов было чаще всего не очень высоким и что головы татарские пропадают из разрядных книг к последней четверти XVI в. (он объясняет это их невысоким положением и невозможностью претендовать на местнический счёт).⁵³⁷ Однако нам татарские головы нередко попадались и в разрядных книгах XVII в., причём их имена также отмечены⁵³⁸: в 7123 г. курмышские татары с головой Михаилом Пестриковым⁵³⁹,

---

⁵²⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. ... С. 19.

⁵²⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I. – Ч. I. ... С. 48–49.

⁵³⁰ Разрядная книга 1475–1598... С. 19; Хорошкевич, А.Л. Русь и Крым... С. 306.

⁵³¹ Разрядная книга 1475–1598... С. 36; Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 131.

⁵³² Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 388.

⁵³³ Хорошкевич, А.Л. Русь и Крым... С. 306.

⁵³⁴ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 263–264.

⁵³⁵ Головы татарские встречаются по крайней мере с начала XVI в.: Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах Ч. I... С. 214; Исаков, Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени... С. 197; Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 133.

⁵³⁶ Беляков, А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве... С.135.

⁵³⁷ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 203.

⁵³⁸ Разрядная книга 7124 года... С. 56–57.

⁵³⁹ Разрядная книга 7123 года... С. 34.

кадомские с головой Дементьяном Тонеевым, арзамасские «з головою с Варламом Тонеевым», темниковские татары с головой Карпом Навасекиным⁵⁴⁰, татары московских городов – с Фёдором Арцыбашевым.⁵⁴¹ Встречаются имена татарских голов и в сметном списке 1631 г.⁵⁴² По первой росписи Ржевских воевод видно, что и в 1581 г. на должность татарского головы мог быть назначен князь.⁵⁴³

Головы назначались для командования всеми группами татар, несмотря на наличие у тех своих князей и мурз.⁵⁴⁴

Не всегда татарскими головами назначались русские.⁵⁴⁵ Ими могли стать и татары, пользовавшиеся доверием.⁵⁴⁶ «При подобных назначениях властные структуры учитывали авторитетность, родовитость, наличие опыта и знание военного дела, а также преданность служилых мурз и князей новой власти».⁵⁴⁷

Дворянскими сотнями также командовали головы. В этом отношении служилые татары по военной организации оказываются схожи с русскими дворянами, за исключением того, что ими управляли на среднем и высшем уровнях в основном представители иного этноса. Головы командовали татарами в походе, непосредственно в военных операциях, имея вероятность погибнуть или попасть в плен.⁵⁴⁸

А.В. Беляков отмечает, что в первой половине XVII в. претерпевает некоторые изменения конфессиональный состав корпораций мещерских служилых татар. Если раньше принявшие православие татары выходили из них, то теперь в

⁵⁴⁰ Разрядная книга 7123 года... С. 45.

⁵⁴¹ Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 254.

⁵⁴² Сметный список 7139 году... С. 38, 48, 49.

⁵⁴³ Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.)... С. 268.

⁵⁴⁴ Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову в Великие Луки о сборе и присылке к нему ратных людей и служилых татар и его действиях в случае направления неприятеля ко Пскову... С. 207.

⁵⁴⁵ В связи с преобладанием среди татарских голов этнических русских встаёт сложный вопрос об их вооружении. Судя по всему, оно было схоже с вооружением других русских дворян и детей боярских, и зависело от уровня материального состояния головы. Однако данный вопрос требует более подробного рассмотрения.

⁵⁴⁶ Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах Ч. I... С. 214; Исхаков, Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени... С. 197; Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 133. У В.В. Вельяминова-Зернова он назван иначе – «Карачюков сын Мигринов», или, по мнению автора, сын Карачук-мергена. Современные исследователи считают, что в тексте ошибка и должно читаться, как сын Карачук-Ширина; Разрядная книга 1550–1636 гг. – Т. I / ред. В.И. Буганов. – М.: Наука, 1975. – С. 40; Разрядная книга 1550–1636 гг. – Т. I... С. 202; Мустафина, Д. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. // Гасырлар авазы (Эхо веков) / Д. Мустафина. – 2004. – № 1 (35). – С. 32.

⁵⁴⁷ Мустафина, Д. Служилые мурзы Яушевы... С. 32.

⁵⁴⁸ Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук... С. 9; Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 245.

каждую половину включается по одному новокрещёному. Автор считает, что они выполняли некие функции типа «комиссара» при татарском голове.⁵⁴⁹

В Сибири ситуация была схожей. Причины недоверия сибирским татарам понятны: до второй половины XVII в. существовала угроза восстановления Сибирского ханства. Сибирские татары продолжали жить на своих землях, кормиться с них, что отличало их от многих испомещённых татар европейской части государства, в частности, от романовских, касимовских, арзамасских, алаторских – недавних выходцев из степей. У касимовских татар имелись их «природные» беки и мурзы, зависящие от царя, и получившие из его рук землю для службы с ней. В Сибири же, как показывают восстания барабинцев и чатов мурзы Тарлава, татары были менее преданы «белому царю».

Однако, как нам кажется (соглашаясь с мнением С.В. Бахрушина⁵⁵⁰), в виду недостатка людских ресурсов из европейских областей государства воеводы в Сибири с самого начала вынуждены были прибегать к использованию против Кучума значительных контингентов из новых подданных, «как правило, совместно с казаками».⁵⁵¹ Тут отметим, что в Сибири на должность татарских голов назначались татары. Об этом писал С.В. Бахрушин.⁵⁵² Сподвижник Ермака Черкас Александров был начальником отряда из 100 тобольских татар с татарскими головами Баязетом и Байбахтой.⁵⁵³

О татарских головах татарского происхождения достаточно подробно пишет в своей диссертации З.А. Тычинских.⁵⁵⁴ Там же подробно рассмотрены функции, обязанности голов.

По сведениям З.А. Тычинских, система управления сибирскими служилыми татарами практически не отличалась от таковой для других иррегулярных войск (казаков). Всеми казаками и татарами Сибири до 1748 г. ведал Сибирский приказ. Непосредственное управление на местах осуществляли головы и атаманы. Причём

---

⁵⁴⁹ Беляков, А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве... С. 143.

⁵⁵⁰ Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. ... С. 66.

⁵⁵¹ Трепавлов, В.В. Сибирский юрт после Ермака... – С. 23.

⁵⁵² Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. ... С. 68.

⁵⁵³ Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. I. ... С. 288.

⁵⁵⁴ Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар... С. 100.

сам термин «голова» автор находит близким к традиционному для тюрков обозначению сельского, родового или иного старшины, т.е. башлыку.⁵⁵⁵

Обязанности головы состояли в следующем: набор служилых людей (поиск замены выбывшим, поиск нетчиков и др.), суд и разбор небольших дел и нетяжких преступлений, урегулирование конфликтов между служилыми и другими категориями населения, наряжение на службу, ведение послужных списков. Этим они были схожи со стрелецкими головами. В мирное время они «ведали» своими служилыми, а в – военное командовали. При вступлении в должность голова получал наказное письмо, устраивал подобие военного смотра, осматривал арсенал.⁵⁵⁶

Однако решение вопроса о том, в какой степени татарские головы реально командовали татарами в условиях боевых действий осложняется языковым фактором. Известно, что не все татарские головы владели татарским языком, как и не все татары – русским. По крайней мере в Сибири первой половины XVII в. для перевода приказов татарским головам давали толмачей.⁵⁵⁷

Разумеется, командовать татарами во время боя через толмача было затруднительно и неэффективно. Каких-либо иных сведений по этому вопросу мы не имеем, поэтому можно лишь предполагать, что татары всё же знали команды на русском языке, или наоборот – голова знал основные команды на татарском, или же отдавал приказы в бою через лиц из татар, владевших русским языком.

Средний и низший командный состав служилых татар представлен в источниках сотниками, пятидесятниками, десятниками, а также станичными и табунными головами.

Очень редки в источниках упоминания о сотниках у татар. Можно предположить, что на эту должность назначались в первую очередь знатные татары – мурзы или огланы. Сотники имелись у казаков, стрельцов, дворянские головы

---

⁵⁵⁵ Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар... С. 97.

⁵⁵⁶ Там же, С. 98–99 (ссылка на: Миллер, Г.Ф. История Сибири. – Т. 2 / Г.Ф. Миллер. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 583).

⁵⁵⁷ Наказ сыну боярскому Илье Бекшееву, назначенному головою тюменских юртовских и захребетных Татар (27 апреля 1630 г.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. – Т. VIII. / ред. А.И. Тимофеев, Ф.И. Успенский. – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1884. – С. 655.

командовали также сотнями. Как уже было отмечено, у служилых татар имелись звания пятидесятников и десятников. На эти низшие должности всегда назначались татары.⁵⁵⁸

У служилых ногайцев (юртовских, едисанских татар) и ногаев-федератов в XVII в. существовало звание табунного головы, которое существовало у тюркского населения степных районов Российской империи и позже, наряду с сотниками, пятидесятниками и десятниками.⁵⁵⁹

У татар и русских, служивших в степном пограничье, командующие именовались станичными головами. На эту должность могли назначаться и татары.⁵⁶⁰

Кроме того, у служилых татар-казаков и юртовских татар (ногаев) имелось звание есаула. В наказной памяти 1600 или 1604 г. князьям Кулунчаку и Еникею Еникеевым детям Тенишева указывается о сборе на службу темниковских служилых татар-казаков и мордвы. При этом отмечается, что князья сами должны в Темникове собрать 700 человек и переписать всех «налицо», у кого сколько коней и «служебного наряду». Кроме того, князьям полагается ездить по сёлам с есаулами для переписи.⁵⁶¹ Как мы ранее предполагали, есаулы имели татарское происхождение, и звание это могли получать знатные (мурзы) или способные татары. А.В. Беляков в недавней статье отметил существование есаулов в Касимове и Кадоме (предположив их наличие и в других местах). При этом он указывает их невысокий оклад (150–300 четей) и приходит к выводу, что они не могли быть «старшими» над казаками, а лишь выполняли какие-то особые поручения при голове или князе, так что эта должность вряд ли могла быть привлекательной для мурз.⁵⁶² Скорее всего, есаулы выполняли функции более поздних адъютантов императорской армии.

---

⁵⁵⁸ Малов А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар... С. 224–233.

⁵⁵⁹ "Мнение" тайного советника Василия Татищева / ред. Д. Мустафина // Эхо веков. – № 1/2. – 1996. – С. 36–41.

⁵⁶⁰ Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлекая Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинюкова Ногаева... С. 57.

⁵⁶¹ Наказная память князю Кулунчаку и князю Еникею Еникеевым... С. 160; Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в русско-польской войне 1609–1618 гг. ... С. 248–254.

⁵⁶² Беляков, А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве... С. 143.

На основании вышесказанного, мы можем реконструировать внутреннюю организацию отрядов служилых татар следующим образом. Служилые татары были разделены на территориальные корпорации, которые могли иметь внутреннее деление, как правило, не отражённое в источниках – на половины или «полки». Они сохраняли свою прежнюю социальную и военную иерархия – деление на князей, мурз, огланов, казаков. Высшее командование осуществлялось царевичами и князьями, при которых чаще всего находились приставы из русских, или татарские головы. Последние могли командовать мурзами и казаками самостоятельно, без участия татарской знати. В случае мобилизации члены территориальных корпораций выступали на место сборов, где командование формировало тактические подразделения из служилых людей, разбивая их на сотни, полусотни и десятки, и назначая им командиров.

Формы управления служилыми татарами в бою практически неизвестны, но можно предполагать её схожесть с таковыми у русских и татарских воинов того времени. Вероятно, сигнальные функции выполняли знамёна (как это было в кочевнических объединениях и татарских государствах). Знамёна того или иного цвета, формы, движения ими могли во время боя сигнализировать командирам отрядов о тех или иных приказах вышестоящего командования. М.А. Несин отметил, что касимовские татары в битве на Шелони имели необычные для новгородцев большие стяги и жёлтые знамёна.⁵⁶³ Возможно, они и выполняли сигнальные функции в бою. Кроме того, некоторые татары и русские воины возили с собой небольшие барабаны для сообщения между собой на расстоянии, в том числе для передачи команд. Это заметил Яков Рейтенфельс в 1671–1673 гг.: русские, подобно татарам, возят с собой привязанными к седлу бубны, деревянные и металлические, обтянутые кожей, очень небольшого размера. Кроме того, «рассеявшись по лесу, они бьют по деревьям стрелами и тем подают друг другу весть о себе».⁵⁶⁴

---

⁵⁶³ Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати... С. 464–482.

⁵⁶⁴ Рейтенфельс, Яков. Сказания о Московии... С. 334.

До него Гейденштейн писал, что в русском «войске каждый имеет маленький барабан, привешенный к седлу, который употребляется всякий раз, когда войску нужно остановиться; при первом ударе и звоне, перенятом ближайшими и переданном остальным, в короткий промежуток времени войско перестает двигаться вперед».⁵⁶⁵ То же сообщают о русских дворянах Дженкинсон⁵⁶⁶ и П. Петрей.⁵⁶⁷ Возможно, что такие бубны имеют восточное происхождение. Имеются сведения о завозе в XVI в. в Московию из Средней Азии, Османской империи и Ирана тулумбасов. Тулумбас – небольшой ударный инструмент из железной, медной или деревянной чашки с натянутой на неё кожей, в которую били короткой плетью с металлическим шариком на конце (рис. 80).⁵⁶⁸

4.2. Основные тактические приёмы служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв.

Под тактикой мы подразумеваем «составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными аспектами в изучении тактики являются порядок боевого строя и приёмы ведения сражения, особенности подготовки сражения и развёртывания войск (перехода от походного строя к боевому), специфика тактической разведки, отступления и преследования, военные хитрости и др.».⁵⁶⁹

Как показали специальные исследования, изучение тактического искусства кочевников возможно на основе комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников.

Рассмотрим сообщения авторов XV–XVII вв. о тактических приемах служилых татар Российского государства.⁵⁷⁰

В «Летописи Авраамки» приводится рассказ о походе Василия II против Новгорода в 1456 г. Он послал против Русы изгонную рать: царевича Момотяка «с

---

⁵⁶⁵ Гейденштейн, Рейнгольдт. Записки о московской войне... С. 28–29.

⁵⁶⁶ Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве... С. 79.

⁵⁶⁷ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 414.

⁵⁶⁸ Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока... С. 93.

⁵⁶⁹ Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев... С. 214.

⁵⁷⁰ Илюшин, Б.А. «Вмиг все бросились на наших...»... С. 43–45.

Татарскою силою», «Семена Карамышова, да Басенька и ины воеводы, с Татары в пять тыщ рати». Новгородцы выступили против москвичей и татар, остановившихся в Русе. Был бой, в котором московская сторона потеряла убитыми 50 человек. Новгородцы вошли в город, многие спешили и начали грабить убитых «шестноков и Татаров». Тут подошли новые низовые силы, и «Татарове начаша стреляти кони» у новгородцев, а потом ударили (неясно – возможно, и татары, и русские) сзади и со сторон, и «смудиша» новгородскую силу.⁵⁷¹

В летописи, как правило, скупой на подробности в описании боевых действий, видимо, специально отмечены действия татар: они стреляли по лошадям, стремясь лишить противника ударного потенциала, мобильности, смутить его. Это очень напоминает тактику монголов, описанную ещё в середине XIII в. Марко Поло.⁵⁷² Далее татары и русские (?), произведя обход с фланга и тыла, ударили по потерявшему инициативу противнику.

В 1471 г. в походе московского князя на Новгород участвовали татарские воины. Сведения об их участии в битве на р. Шелонь в разных источниках отличаются. Одни источники не сообщают об участии татар в бою, но отмечают, что те потеряли 40 человек «в загонех».⁵⁷³ Другие, напротив, говорят в пользу участия татар: именно их рать ударила неожиданно по новгородцам и решила исход сражения.⁵⁷⁴ Новгородская IV летопись сообщает о засадной татарской рати, нанесшей удар по новгородцам и обратившей их в бегство: «И начаша ся бити, и погнаша новгородци москвичь за Шолону рѣку, и ударишася на новгородцевъ западнаа рать татарове, и паде новгородцевъ много, а иныи побѣгоша, а иных поимаша, а иных в полонъ поведоша, и много зла учиниша».⁵⁷⁵ В любом случае тут можно отметить такую деталь: тактика московских войск, смутивших превосходивших численно новгородцев интенсивной стрельбой по коням, а также ложное отступление и удар засадной рати, схожи с татарской, описанной выше, и

---

⁵⁷¹ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 195.

⁵⁷² Поло, Марко. Книга Марко Поло / ред. С.Н. Кумкес. – М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. – С. 91.

⁵⁷³ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 122; Софийская летопись... С. 193.

⁵⁷⁴ Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати... С. 464–482.

⁵⁷⁵ Новгородская четвёртая летопись... С. 446–447.

являются недавним (неожиданным для новгородцев) заимствованием от степняков. Это отмечает и Ю.Г. Алексеев.⁵⁷⁶

Вопрос о сохранении сколько-нибудь значительного числа панцирных копейщиков у служилых татар в XV в. рассматривается нами в качестве гипотезы, основанной на нескольких отмеченных в источниках моментах (помимо нанесения мощного неожиданного удара по новгородцам на р. Шелонь, что позволяет усомниться в скудности защитного вооружения и длиннодревкового оружия у татар). Так, разгром нескольких русских ратей воинами Улу-Мухаммеда, включая случаи с численным преобладанием русских, и у стен города позволяет предполагать хорошую оснащённость татар защитным и наступательным вооружением. А переход царевича Касима с дружиной на службу к московскому князю подразумевает включение в состав будущих касимовских татар тех воинов, кто нанёс поражения русским под руководством Улу-Мухаммеда и его сыновей. В цитируемой выше «Летописи Авраамки» говорится о том, что новгородцы снимали с убитых татар доспехи. До XVI в. служилые татары часто составляли в русском войске компактную группу, включавшуюся в состав Передового полка, использовавшуюся в качестве загонной или засадной рати, что говорит о стремлении полководцев сохранить военный потенциал татар для неких «точечных» ударов по противнику. Это сильно отличается от картины, наблюдаемой в следующем веке, когда лёгкую татарскую конницу (отсутствие защитного вооружения и длиннодревкового оружия у которой также подтверждается источниками) распределяют в основном равномерно по большинству полков, стремясь использовать её для разведки, диверсионной деятельности и др., но не для участия в крупных сражениях.

В XV в. номады по ряду причин стали отказываться от прежней тактики и вооружения. Тяжёлая конница перестала быть основой военной мощи. Итальянец Контарини в 70-х гг. XV в. описывал ордынских татар как слабо вооружённых, но смелых воинов. «Утверждают также, что во всей Орде не найдется и двух тысяч

---

⁵⁷⁶ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 132.

мужчин, вооруженных саблями и луками; остальные — это оборванцы без всякого оружия». ⁵⁷⁷

Сигизмунд Герберштейн, говоря о татарах вообще, отмечает следующее: «В седле они имеют обыкновение сидеть, поджав ноги, чтобы иметь возможность поворачиваться в ту или другую сторону; если они случайно что-либо уронят [и им нужно будет поднять это с земли, то, не вынимая ног из стремян], они поднимают (вещь) без труда. [В этом они столь проворны, что] могут сделать то же самое на полном скаку. Если в них бросаешь копье, они уклоняются от удара, внезапно соскользнув на один бок и держась за лошадь только одной рукой и ногой». «Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полёта стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтоб тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда для этого у них есть опытные в сих делах вожатые (*ductores*), за которыми они следуют. Но если эти (вожатые) или падут от вражеских стрел, или вдруг со страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют пляской. Если же им приходится сражаться на узком пространстве, то такой способ боя уже неприменим, и поэтому они пускаются в бегство, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве». ⁵⁷⁸

Тут можно отметить следующие моменты. Во-первых, преобладает дистанционный лучный бой. Во-вторых, характерным тактическим приёмом татар является притворное бегство с обстрелом противника. В-третьих, «татарская

---

⁵⁷⁷ Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию... С. 223.

⁵⁷⁸ Герберштейн, С. Записки о Московии... С. 168–169.

пляска» – древний тактический приём кочевников, когда противник окружается и обстреливается. В-четвёртых, отмечается наличие особых лиц, отвечающих за сохранение порядка атаки.

Михалон Литвин подчёркивает, что татары стремятся в атаке охватить левый фланг вражеского войска «с тем, чтобы сподручнее было обстреливать».⁵⁷⁹ Обычным в дистанционном конном бою был обход слева, так как при этом можно было стрелять на 180 градусов (назад-влево-вперёд), в то время как в случае наличия противника на правом фланге стрельба была затруднена по физиологическим причинам.

Окружение противника со всех сторон было характерным приёмом русских и татар и в Ливонскую войну. «Когда же остальные увидели это, то последовали за ним, храбро напали на татар, два раза оттесняли их до везенбергских ворот и убили более пятидесяти человек. Русские и татары очень удивлялись большой смелости такого ничтожного числа людей и были вполне уверены, что у них в кустах есть где-нибудь засада. Когда же во второй стычке они поймали одного из людей Иво и узнали от него, что засады никакой нет, то все татары и русские сообща бросились на них и окружили их со всех сторон».⁵⁸⁰

Выше уже приводилась и частично анализировалась пространная цитата из «Дневника» Луки Дзялынского. В данном случае нас интересуют выводы относительно тактики, которые можно сделать при анализе сообщения. Можно отметить случайность данного происшествия. Татары гнались за отступавшим противником, а когда наткнулись на не готовый к бою вражеский лагерь, действовали несколько спонтанно – некоторые атаковали противника с саблями, другие вели обстрел из луков, который, однако, не принёс результатов. Не будучи готовыми к серьёзной стычке, при виде ружей они поспешно отступили.

Дзялынский так описал большое сражение между силами оршанского старосты и смоленского воеводы Филона и русско-татарским войском (причём людей у Филона было значительно меньше): «Когда русские приблизились, он, не

---

⁵⁷⁹ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян... С. 66.

⁵⁸⁰ Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника... С. 306.

долго мешкая, тотчас вступил с ними в битву, не обращая внимания на их многочисленность; сражение продолжалось от вечера до 2 часов ночи, русские поражены были на голову, взято в плен было много важных людей, с его стороны потери было мало, да и то больше простых, за то много раненых. Так как люди были очень утомлены и изранены, то он пошел назад к Орше, а находясь уже от Смоленска на расстоянии 10 миль, будучи уже во владениях государя, расположился у какой-то реки на ночлег: вдруг напало на него 25000 русских и татар, которые тотчас зашли в тыл, с флангов и спереди». Филон начал отступать, пока не встретился с основными силами короля, после чего русские и татары прекратили преследование». ⁵⁸¹ Трудно тут сказать что-то определенное о татарах, тем более что они действуют совместно с русскими. Можно предположить, что тут видны такие тактические приёмы, как ложное отступление (вернее, заманивание в засаду), обход с тыла и флангов, а также нежелание вступать в битву без значительного численного перевеса.

Лука Дзялынський приводит ещё одно описание боя королевского отряда, отправившегося за провиантом, с татарами и русскими. «Князь Януш Острожский послал за провизией 80 конных казаков. Из них 40 всадников осталось у возов, другие 40 пошли дальше на поиски провианта. Они наткнулись на 50 татарских наездников, передовых неприятельского отряда. Наши, построившись в ряды, бросились на них и потеснили их назад. Татары, отступая, навели наших на большое войско, размещенное на 3 части. Вмиг все бросились на наших спереди и с боков; видя, что борьба не равна, наши поскакали назад, но им трудно было уйти. Затем, видя, что нет спасения, они, прискакав к нескольким деревьям, соскочили с коней и стали мужественно отстреливаться из длинных ружей. Ушли только трое и то раненые, а из других 6 были взяты в плен, 6 убиты». ⁵⁸² Таким образом, мы видим пример использования ложного отступления, заманивания противника в засаду. При этом татарская конница использована для заманивания неприятеля,

---

⁵⁸¹ Дзялынський, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 50–51.

⁵⁸² Там же, С. 49.

что, возможно, было связано не только с её мобильностью, но и возможностью наносить значительный урон неприятелю при отступлении лучной стрельбой.

Ф. Ниенштедт приводит короткий рассказ о попытке служилых татар пленить польского офицера с помощью аркана.⁵⁸³ Вероятно, во время боя аркан мог использоваться для нейтрализации противника или специально для поимки языка.

Во второй книге Антонио Поссевино сообщает некоторые сведения о завоевании русскими татарских ханств. Против покорённых татар московиты применяли большие пушки, а также укрепленные на повозках щиты, за которыми укрывались вооружённые пищальями русские воины. «Таким образом, врагам был нанесен значительный ущерб, сами же они никого не потеряли, так как ему легко было сломить их с помощью этого нового вида оружия».⁵⁸⁴ При этом, видимо, подразумевается, что татары атаковали в конном строю и с помощью лука и стрел, а также не использовали огнестрельного оружия (по крайней мере, широко).

Описание способа ведения боя татарами у П. Петрея (начало XVII в.) схоже с таковым у крымских татар (хотя выше отмечено, что речь идёт именно о татарах – подданных царя). В поход татары идут всегда верхом, на быстрых и сильных конях. Сёдла и стремена деревянные, кроме знати, которая получает их из Османской империи и Московии. В сёдлах сидят избоченясь. Их оружие – луки, стрелы, сабли. «Когда обратятся в бегство, а неприятель погонится за ними, они бросают все, что только есть с ними, кроме сабель, которыми и рубят во все стороны, сколько хватит силы».⁵⁸⁵ Далее Петрей приводит описание тактики татар, как видно, именно крымских. Однако он сам, судя по всему, распространяет его на всех современных татар. «Когда дают сражение неприятелю, распределяют своих людей по отрядам, помещая в каждый отряд по три или по четыре тысячи человек; после того как первый пустит свои стрелы, едет другой и третий отряды; так и стреляют из луков поочередно, в каком порядке поставлены; когда же все выстрелят, отступают назад и потом вместе нападают на неприятеля, с большим

---

⁵⁸³ Ниенштедт, Франц. Ливонская летопись Франца Ниенштедта... С. 49.

⁵⁸⁴ Поссевино, А. "Московское посольство" Антонио Поссевино... С. 64.

⁵⁸⁵ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207.

шумом, гамом и криками: “Гола, гола, гола!” Разбитые и обращенные в бегство, они защищаются также стрельбой из луков до последней возможности; стреляют вперед и назад, так живо и ловко, что и в бегстве наносят такой же вред, как и в сражении, и никогда не отдаются в плен по доброй воле, пока еще могут обороняться. Заметив, что для них одно спасение — бегство, они скорее позволят убить себя, нежели отдадутся в плен. Они не употребляют ни пороха, ни дроби, не умеют обращаться ни с полевыми, ни с большими пушками, редко осаждают города и крепости; но если бы привелось захватить город или крепость врасплох, хитростью и обманом, они уж не пропустят этого случая».⁵⁸⁶

Приведённые выше сведения вырисовывают три основных тактических приёма татар: «хоровод», тулгана и атака с притворным отступлением и контрударом из засады. Все они являются типичными приёмами кочевников, эффективно использовавшимися на протяжении многих веков. Подробно их рассмотрел на примере казахов XV–XVII вв. в своей статье Л.А. Бобров.

«Хоровод» – кольцевидный строй кочевников для ведения лучного боя на средней и малой дистанции, представлявший собой замкнутое (вероятно, вытянутое вдоль вражеского строя) кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку. Кольцо могло быть собрано как напротив вражеского войска, так и вокруг него. «Хоровод» позволял нанести противнику максимальный урон на малой и средней дистанции, сведя к минимуму свои потери, но требовал слаженности действий и чёткого командования, а также мог быть разогнан ударом вражеской конницы. «Несмотря на кажущуюся простоту, данный тактический прием был достаточно сложен в исполнении, требовал от лучников высокой точности движений, координации и дисциплины, поэтому воины, участвующие в «хороводе», были разделены на отдельные небольшие отряды (десятки?) во главе с «вожатыми», точно знающими положение своего подразделения в строю»⁵⁸⁷ (рис. 75). Типичный татарский хоровод описывали С. Герберштейн, П. Петрей, судя по

---

⁵⁸⁶ Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии... С. 207–208.

⁵⁸⁷ Бобров, Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... С. 233–237.

всему, также Л. Дзялынський и составитель «Летописи Авраамки», что подробно цитировалось выше.

Тулгама/тулгамыш (от тюрк. *тулгатак* «окружить, кружить») – охват фланга противника с выходом в тыл, сопровождаемый массированной лучной стрельбой. «Охват фланга вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим, что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами как с фронта, так и с фланга и тыла»⁵⁸⁸ (рис. 76–77). Кочевники, как правило, делали обход левого фланга, так как при этом имели большой радиус стрельбы (влево, вперёд, назад). В качестве хитрости, однако, иногда применялся обход правого фланга. Как составную часть тулгама мог включать «хороводы».⁵⁸⁹ Тулгама у татар описана в «Летописи Авраамки», у Михалона Литвина, Б. Рюссова.

Провоцирующая атака с последующим притворным отступлением (сопровождаемым лучной стрельбой по преследователям), завершающимся массированным контрударом, нередко специального засадного подразделения – приём, известный у номадов ещё с древности, подробно описанный Герберштейном. Суть этого тактического приема заключалась в том, чтобы «расстроить боевые порядки противника лучной стрельбой, спровоцировать его на неподготовленную атаку, нанести максимальные потери в ходе «контролируемого бегства» (поражая противника стрелами из положения влево-назад) и, наконец, опрокинуть потерявших строй и растянувшихся преследователей». Однако «если противник начинал массированное преследование большими силами свежей конницы, то притворное отступление могло перерасти в настоящее бегство. Что касается засад, то эффект от их применения мог быть нивелирован при наличии у противника сильного конного резерва, способного переломить ход сражения»⁵⁹⁰ (рис. 78–79). Существовало 3 вида притворного бегства: простое бегство с

---

⁵⁸⁸ Бобров, Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю... С. 237–239.

⁵⁸⁹ Там же, С. 239–240.

⁵⁹⁰ Там же, С. 241–243.

последующим разворотом и контратакой, бегство с заманиванием в засаду, бегство с разворотом и заходом с фланга и ударом засадного отряда в тыл. Этот тактический приём татар и русских в источниках описывается наиболее часто (у С. Гербрештейна, П. Петрея, Л. Дзялынского и др.).

Служилые татары могли вести бой и в спешном положении. В источнике сообщается об отряде романовских и ярославских служилых татар под предводительством некоего Азана турка (?), перешедших на сторону интервентов. Под Ярославлем в 1609 г. произошло столкновение с русскими войсками. «Так как здесь трудна была переправа, то наши, оставив там Азана турка с ярославскими и романовскими татарами и с донскими казаками, которым поручили развлекать русских на этом месте, сами 9 дня мая сделали на этой реке мост повыше, на следующий день переправились, зашли 10 числа в тыл русским, защищавшим переправу, поразили их, после чего охотники из поляков и казаки гнали их на расстоянии мили к Ярославлю».⁵⁹¹ Потерпевшие поражение русские отступили в слободу Спасского монастыря, а за ними туда въехали и их противники. При этом «Азан с отрядом, оставленным у реки, не замедлил прибыть и прибыл в то самое время, когда наши ворвались в слободу; его отряд, спешившись, тоже побил немало русских и сжег слободу».⁵⁹² О том, что конники-татары могли в определённой ситуации вести также пеший бой, имеются сведения в русских документах. В отписке Курского воеводы о татарском набеге летом 1623 г. говорится, что «татары пошли на голов и на твоих государевых ратных людей всеми людьми на солнечном восходе июня в 16 день, и бой был великой твоим государевым ратным людям с теми татарами; а приходили на них татары и бились конми и пехотою, а головы и ратные люди бились сперва конми же и пехотою, а после головы и со всеми ратными людьми с татарами бились пехотою». Русские многих татар побили и переранили из пищалей, вызвав их отступление.⁵⁹³

---

⁵⁹¹ Будзило (Будило), Иосиф. Дневник событий, относящихся к Смутному времени... С. 151–152.

⁵⁹² Там же, С. 153.

⁵⁹³ Отписка Курского воеводы о татарском набеге... С. 189–191.

По поводу пешего боя у кочевников Л.А. Бобров замечает, что «сводить военное искусство кочевников исключительно к бою в конном строю неверно. Тактика степняков была значительно более разнообразной и гибкой. Важной ее оставляющей было ведение сражения в пешеходных порядках. Особо подчеркнем, что речь идет не о существовании у кочевников пехоты как рода войск, а о спешивании всадников во время сражения. Судя по данным изобразительных и письменных источников, такой тактический прием в эпоху поздней Древности, раннего и развитого Средневековья практиковали хунны, сяньби, древние тюрки, енисейские кыргызы, уйгуры, кидани, монголы и другие народы Великой степи. В большинстве случаев кочевники сходили с коней, если этого требовал рельеф местности (лес, горы, заболоченная местность и т. д.) или боевая обстановка (штурм или защита укреплений, лучной бой в обороне и т. д.). Таким образом, элементы пешеходной тактики были известны степным полководцам задолго до появления огнестрельного оружия...».⁵⁹⁴

В июле 1610 г., когда войско интервентов встало под вечер лагерем на Медвежьем броде, «незаметно подкрались к лагерю татары и сделали большой урон в людях, которых нашли по деревьям. Наши, выскочившие из лагеря без строя и те, которые прибежали [из деревень], гарцевали с татарами до самого вечера; уже ночь прервала битву. На следующий день, утром, 22 [26?] июля, Сапега вывел против татар войско в поле, желая захватить их в стане, но они, узнав от языков, что у нас большое войско, поднялись раньше и ушли, — они ведь оберегали собственную кожу⁵⁹⁵; впрочем, и наши всю ночь были наготове. Этих татар нанял Шуйский; но они, увидев, что ничего не могут сделать, забрав не мало денег и полону, ушли невредимо домой».⁵⁹⁶ Тут видно нежелание татар вступать в контактный бой с противником, стремление использовать эффект внезапности.

---

⁵⁹⁴ Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX веков / Л.А. Бобров // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. – Ч. I. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. – С. 105–106.

⁵⁹⁵ Переводчик, видимо, допустил смысловую ошибку, переведя слово *skoğa*, как кожа, а не шкура.

⁵⁹⁶ Будзило (Будило), Иосиф. Дневник событий, относящихся к Смутному времени... С. 200–201.

Если, однако, это не получалось, то они могли принять и длительный бой на средней дистанции.

Естественно, что для мобильной конницы татар более привычным и удобным было действовать на ровной открытой местности, где могли в полной степени проявиться их главные боевые качества. И, конечно, важно было знание местности, что в условиях пересечённого лесного ландшафта имело ещё большую значимость. В эпизоде, описанном С. Боршей, татары, видимо, плохо знавшие окрестности, были загнаны поляками в болото и разбиты.⁵⁹⁷

Таким образом, вырисовываются такие особенности тактики служилых татар середины XV – XVII вв.

Преобладал дистанционный конный бой – мобильные отряды конных лучников стремились нанести противнику максимальный урон, не вступая в непосредственное столкновение с ним, что отчасти связано с отсутствием у основной их массы защитного вооружения. Такая тактика характерна для татар уже в XV в. Ей же была обусловлена особенная посадка татар на лошади, благодаря которой они могли быть очень подвижны и в состоянии стрелять во всех направлениях.

В источниках имеются упоминания о засадах, ложном отступлении, заходе с тыла и флангов, обычный набор тактически приёмов кочевников – «хоровод», тулгама, атака с притворным отступлением и контратакой из засады. В случае отступления татары продолжали отстреливаться, а в критической ситуации бросали весь лишний груз, оставляя только оружие.

Татары старались использовать эффект внезапности. Не всегда проявляли стойкость в ближнем бою. Однако нельзя сказать, что они его избегали. Действуя «по обстановке», они могли атаковать противника и вступить в рукопашный бой, используя преимущественно сабли, в том числе в пешем положении. Из специфических «кочевнических» черт можно упомянуть также использование аркана для выведения противника из строя и его пленения.

---

⁵⁹⁷ Борша, Станислав. Поход московского царя Димитрия в Москву... С. 376–377.

4.3. Служилые татары в тактическом искусстве военачальников Российского государства XV–XVII вв.

В историографии отмечается, что служилые татары фиксированного места в полках и на поле боя не имели, а присоединялись к тем полкам, где больше была нужна их конница.⁵⁹⁸ По наблюдениям А.В. Белякова в период XV – первой половины XVI вв. татары чаще всего включались в состав Передового полка. «Скорее всего, это обуславливалось какими-то военно-тактическими соображениями, смысл которых ускользает от нас...».⁵⁹⁹ Ниже он отмечает, что романовские татары в Ливонскую войну включались в Ертаульный полк, состоявший из лучших воинов, основной задачей которых была непрерывная разведка боем.⁶⁰⁰ То же самое о месте татар в русской армии отмечает Ю.Г. Алексеев.⁶⁰¹ Кроме того, этот автор пишет, что татарским контингентам в составе русских войск второй половины XV в. «придавалось особое значение. Конница вассальных татарских царевичей по своим боевым качествам была, вероятно, лучшей в русской армии. Отсюда и стремление великого князя приглашать на службу царевичей, наделяя их землями и оказывая им своё расположение...».⁶⁰²

Основные сведения по вопросу о месте служилых татар в тактическом искусстве русских полководцев содержатся в разрядных книгах и росписях полков, а также в летописях. Для времён Ливонской войны важное значение имеют и свидетельства европейцев.

В походе против Новгорода в 1456 г. татары вместе с царевичем Момотьяком и русскими воеводами находились в изгонной рати⁶⁰³, которая должна была действовать быстро и наносить внезапный удар. Видимо, тут сказались высокие боевые качества и скорость легковооруженной татарской конницы.

Можно рассмотреть участие татар в битве на р. Шелонь. Нужно отметить их большой вклад в победу московских сил. Московская конница, перейдя реку,

---

⁵⁹⁸ Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 80; Чернов, А.В. Вооружённые силы Русского государства... С. 86.

⁵⁹⁹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 187–188.

⁶⁰⁰ Там же, С. 204.

⁶⁰¹ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 186, 200.

⁶⁰² Там же, С. 162.

⁶⁰³ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 195.

стреляла по коням новгородцев, а затем обратилась в притворное бегство. Тогда засадная рать из татар, имевшая необычные большие стяги, жёлтые знамёна и скипетры⁶⁰⁴, нанесла решающий удар по новгородцам и обратила их в бегство. Закономерно предположить, что московское командование, хорошо знакомое со степной тактикой, обычными приёмами которой были ложное отступление, обходы противника, удар с тыла, из засады, использовало татар для выполнения привычного и для них тактического приёма. Тактика московских и татарских сил была необычна для новгородцев, смутила их.

Таким образом, в данном случае татары выступают как значительная боевая сила, используемая русскими полководцами на самом ответственном направлении.

Итак, до середины XVI в. служилые татары чаще всего включались в Передовой полк. Московские военачальники не держали их при ставке, а использовали в числе главных сил в тех подразделениях, которые первыми вступали в контакт с противником, или же держали в резерве для нанесения решающего удара.

С середины XVI в. положение несколько меняется. Татары начинают более равномерно распределяться по полкам. Если во время Полоцкого похода основная их часть находилась в полках Большом, Передовом и Правой руки и незначительное число – в полках Сторожевом и Ертауле⁶⁰⁵, то в походе против Лжедмитрия 1604 г. их численно схожие контингенты находились в полках Большом, Передовом, Правой руки, Сторожевом.⁶⁰⁶

А.В. Беляков пишет, что сохранявшие высокую боеспособность и вооружение романовские татары в Ливонскую войну находились в Ертаульном полку. Ертаул – передовой легкоконный полк впереди основной рати, состоявший из лучших воинов, в задачи которого входила непрерывная разведка боем.⁶⁰⁷ Однако в действительности в Ертауле состояли именно легковооружённые

---

⁶⁰⁴ На это обратил внимание М.А. Несин (Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати... С. 464–482).

⁶⁰⁵ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст)... С. 37–54.

⁶⁰⁶ Роспись войск против самозванца в 1604 г. ... С. 384–420.

⁶⁰⁷ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 204 (Надо заметить, что эти ногаи составляли не более 3% от контингента ертаульного полка).

лучники, задачей которых были авангардные бои, а не наиболее состоятельные и хорошо вооружённые.

А. Курбский в рассказе о «Лифляндской войне» упоминает такой эпизод: «Мы спрятали свое войско, а послали только один полк татарский пожечь предместья. Магистр же решил, что нас мало, и выехал со своими людьми, бывшими в городе, чтобы сразиться с нами, мы же поразили его из засады, так что он сам едва сумел убежать». Татары, собранные в один большой отряд («полк»), выполняли задачу по опустошению вражеской территории, а когда противник, потеряв бдительность, напал на них, подвергся внезапному удару со стороны основной рати. Т.е. татары и русские фактически провели тактический приём выманивания противника с последующим ударом из засады.⁶⁰⁸

У Пиотровского имеются сведения о том, что в осаждённом королём Пскове оказалось некоторое число служилых татар. В дневнике сообщается, что 24 августа 1581 г. поляки и венгры решили выманить защитников из Пскова на бой, для чего сделали засаду напротив ворот, а часть своих сил направили прямо к воротам. «Из города выехала толпа татар, пан воевода начал отступать к кустарнику [где была засада. – И.Б.А.], а венгерцы не выдержали и выскочили вперед; тогда со стен открыли частый огонь, под защиту которого и стали татары, не подвигаясь далее. Одному венгерцу из лука прострелили ногу, Собоцкому – красную накидку, в которой засела стрела, да убили еще чьего-то коня».⁶⁰⁹ Как видим, татары, возможно, пытались оказать на осаждающих психологическое давление – выдвинули конницу против подступавшего к стенам противника. Однако они не стали ввязываться в рукопашную, а отступили под прикрытие стрелков со стен. Тут мы видим также пример взаимодействия лёгкой татарской конницы с другими частями русского войска и в обороне. Другой подобный пример взаимодействия татар с крепостной артиллерией приводит Бальтазар Рюссов: (1579 г.) «В то же время, в июле, несколько тысяч татар жестоко свирепствовали в Гарриене. Поэтому два отряда немецких и шведских гофлейтов и два небольших отряда кнехтов и Иво

---

⁶⁰⁸ Курбский, А.М. История кн. великого Московского... С. 62.

⁶⁰⁹ Пиотровский, Станислав. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию...С. 92–93.

Шенкенберг, иначе Аннибал, со своими крестьянами снарядились преследовать этих татар. Татары, услышав о прибытии шведов, обратились в бегство под защиту замка Везенберга и его орудий, где заняли выгодную позицию.⁶¹⁰

Эти сведения показывают, что в Ливонскую войну служилые татары чаще использовались для разведки (нередко боем), диверсий (наряду с русскими), захвата пленных, заманивания противника, выматывания его, а также участвовали в защите крепостей. Провести чёткую грань между служилыми татарами и русскими дворянами тут сложно. Вероятно, высокие качества татарских наездников определяли их предпочтительное использование в определённых ситуациях, а также, видимо, для психологической атаки на европейцев, что отразилось в сочинениях того времени и сообщениях об огромных ратях из жестоких татар, устрашавших своим видом и зверствами.⁶¹¹

В Сибири в конце XVI в. принявших русское подданство сибирских татар первоначально использовали как проводников служилых людей, но очень скоро стали массово принимать и на военную службу по причине нехватки людских ресурсов.

Одной из особенностей военно-политической ситуации в Сибири была небольшая численность российских воинских контингентов и большинства их противников. Здесь невозможно было формирование многочисленных полков, как в европейской части страны. Основные боевые задачи выполняли небольшие отряды, очень редко доходившие до 1000 чел. Служилые татары включались по мере надобности в состав таких подразделений и выполняли боевые задачи вместе с детьми боярскими и казаками. Данные по вооружению и сведения письменных источников позволяют сделать вывод, что татарская конница использовалась как для выполнения тактической разведки, сопровождения русских контингентов, пресечения антирусских настроений среди ясачного населения, так и для участия в сражениях.

---

⁶¹⁰ Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника... С. 306.

⁶¹¹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 205.

Так, в отряде А. Воейкова, нанёшем окончательное поражение хану Кучуму в 1598 г., служилые татары составляли около 1/3 всех воинов. (300 чел.).⁶¹² В течение XVII в. татар привлекали к военным походам на территории Западной и Южной Сибири против Кучумовичей, енисейских кыргызов, телеутов и др. Известно, например, об их участии в походе Якова Тухачевского против енисейских кыргызов в 1641 г., во время которого произошло несколько боестолкновений.⁶¹³

В ходе европейских военных кампаний XVII в. роль татар в российском тактическом искусстве несколько снизилась. Это был объективный процесс, отображавший изменения военного искусства Российского государства (постепенное вытеснение традиционной поместной конницы и стрелецких подразделений солдатскими, рейтарскими и драгунскими полками Нового строя). Тем не менее в боевых столкновениях с крымскими татарами и ногаями «русские» татары продолжали играть весьма важную роль. Татарские отряды включались в состав ратей и полков, участвовали в битвах и разных военных мероприятиях наряду с дворянами и казаками. В ходе больших кавалерийских полевых сражений они могли составлять авангард и крылья русской армии. В ходе боевых действий на Украине в середине XVII в. служилым татарам часто поручались тактическая разведка и преследование войск противника. Во время боевых действий в Зауралье служилые татары вместе с конными казаками и казаками «литовского списка» составляли основу кавалерийских подразделений войск Российского государства. Во время сражений они активно взаимодействовали с пехотными подразделениями стрельцов и казаков, а также спешенными драгунами. По данным Л.А. Боброва, русские и польско-литовские служилые татары во второй половине XVII в. стали снабжаться копьями по ойратскому образцу (что подтверждается как вещественными, так и изобразительными материалами), благодаря чему стали

---

⁶¹² Численность отряда в литературе определяется по-разному. Традиционным является следование сообщению Г. Миллера, что он насчитывал 1000 чел., из которых 300 были татарами (Трепавлов, В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 57). Однако, более достоверными нужно считать иную цифру: 140 татар в отряде из 404 человек (Солодкин Я.Г. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири... С. 235).

⁶¹³ Челобитная томских пригородных татар царю о выдаче им жалования за участие в походе против кыргызов... С. 116–118.

активней участвовать в конной рукопашной схватке. При этом польско-литовские татары («липки») послужили основой для формирующихся полков регулярной копейной конницы Речи Посполитой – улан.

Таким образом, мы видим, что первоначально служилые татары использовались в качестве ударной силы, способной атаковать противника в составе Передового полка или как засадная рать. В XVI–XVII вв. положение постепенно меняется: татары всё чаще распределяются по полкам равномерно, что связано с изменением их основных боевых задач, среди которых на первый план выходят разведка, диверсии, захват пленных, притворное бегство с заманиванием противника в засаду и др.

4.4. Служилые татары в военной стратегии Российского государства середины XV–XVII вв.

Под стратегией мы понимаем составную часть военного искусства, его высшую область, охватывающую теорию и практику подготовки вооружённых сил к войне, планирование и ведение стратегических операций и войны в целом.⁶¹⁴ Для рассмотрения места служилых татар в военной стратегии русских полководцев необходимо рассмотреть географию их службы, виды боевых задач, возлагавшихся на них, уровень боеготовности и боеспособности.

Татары несли службу в самых разных местах: на границе со степью, стояли в городах, откуда могли направляться в поход как против степняков, так и против западных и северо-западных противников Москвы – немцев, литовцев, поляков, а в XV в. и против новгородцев. Несмотря на свидетельства некоторых источников о том, что татар использовали против европейцев, а пленных литовцев, поляков и немцев против степняков⁶¹⁵, мы можем отметить, что верховное командование войск Московии не испытывало столь большого недоверия к татарам, чтобы не выставлять их против их же «соплеменников». Очевидно, русские считали

---

⁶¹⁴ Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. – М.: Военное издательство, 1988. – 335 с.

⁶¹⁵ Флетчер, Джильс. О государстве русском... С. 87.

достаточной гарантией преданности основной массы татар наличие приставов, русских голов, земельные наделы и шерть на Коране.⁶¹⁶

В Ливонскую войну татары совершали набеги даже на Финляндию. Бальтазар Рюссов приводит такие сведения: «12 февраля 1577 г., ночью, из русского лагеря прибежала к Ревельскому замку пленная шведская женщина; когда ее впустили, она прежде всего рассказала, что отряд татар был в Финляндии; татары увели оттуда в лагерь у Ревеля много пленных людей, старых и молодых, и многих малых детей побросали на льду на море и там оставили их; для всех благочестивых сердец это было прискорбное известие. После того прибежало еще несколько человек, закованных в кандалы, которые также подтвердили это злое известие».⁶¹⁷

География службы татар и в XVII в. была достаточно широкой. В документах второй трети XVII в. фигурируют Тула, Карпов, кадомские и темниковские земли, Переславль-Рязанский, Касимов, участие в военных походах против поляков и на северо-восток Украины (Конотоп).

Непосредственное участие в боевых действиях, судя по всему, изначально являлось одной из основных задач служилых татар. Перейдя на службу к великому князю, они составили достаточно внушительную силу, на которую он мог опираться в войнах с соседями при ненадёжности дружин удельных князей, входивших в его войско. Тут можно отметить одно из ранних упоминаний служилых татар на службе Москвы – битве с новгородцами в 1456 г., в разгроме которых заметную роль сыграли татары⁶¹⁸ (подробнее этот эпизод рассмотрен в параграфе о тактике татар). Ещё раньше татары поддерживали князя Василия в войне с Шемякой.

Судя по всему, в ранний период татарские предводители имели достаточную самостоятельность, и под их командованием татары выступали в поход против ордынцев. В 1449 г. в пределы Московского княжества вторглись татары из Большой Орды («Татарове Седи-Ахматовы») и дошли до Пахры (река к югу от

---

⁶¹⁶ Отписка из Тулы князя Алексея Трубецкого о присылке для присяги лютеран пастора, а для татар Корана и переводчика... С. 161.

⁶¹⁷ Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника... С. 261.

⁶¹⁸ Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 195.

Москвы), но «Царевич же Касыйм слышав то и иде противу их из Звенигорода», прогнал их, отбив полон.⁶¹⁹

В 1450 г. пришли вести о вторжении больших сил татар «с поля», во главе которых стояли Мальбердей (Меулим-берды), Улан и другие беки. Великий князь послал против них царевича Касима с татарами и воеводу К.А. Беззубцева с коломничанами. Они настигли неприятеля на р. Битюге «в Поле», многих побили, остальных прогнали.⁶²⁰ (А.В. Беляков отнёс это сообщение к 1452 г.)⁶²¹

В 1472 г. хан Ахмат с большими силами вторгся в пределы Руси и подошёл к Алексину. На отражение внезапного удара выступили полки великого князя, князей и конница царевича Данияра. Ахмат встал на одном берегу Оки, русские и татары – на другом. Ахматовы татары через реку перекликались с касимовцами, узнавали про силы и предводителей войск (им сказали, что рати со всей Московии); после этого Ахмат начал отступление (как считает Ю.Г. Алексеев, из опасения удара конницы Данияра с тыла).⁶²² Ю.Г. Алексеев пишет: «необходимо обратить внимание на наличие в составе русских войск татарских контингентов. Им придавалось особое значение», хотя в битве они участия не принимали, а стояли в резерве на случай прорыва противника.⁶²³ Сам Данияр стоял в Коломне, а в Серпухове другой Чингисид – Муртаза б. Мустафа.⁶²⁴

Татарская конница была необходима для степной войны. Хан Менгли-Гирей при заключении военного союза с великим князем оговаривал, что именно конница Данияра и прибывших в 1479 г. в Московию Нур-Девлета и Айдара должна наносить с севера удар по Орде в случае угрозы от неё Крыму.⁶²⁵

Служилые татары участвовали в военных мероприятиях 1480 г. По сообщению «Казанского летописца», во время стояния на Угре великий князь даже

---

⁶¹⁹ Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 101; Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 282; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. 12. / под ред. С.Ф. Платонова, С.А. Адрианова. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – С. 75.

⁶²⁰ Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 103; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью... С. 75–76; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки... С. 210.

⁶²¹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 181.

⁶²² Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 146–162.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 181–182.

⁶²⁵ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 266.

послал Нур-Девлета с касимовцами и Василия Ноздреватого в тыл к Ахмату для разорения и без того ослабевшей Орды. При этом автор приводит, вероятно, выдуманную, но реалистичную историю о том, как один батыр, «улан царя Городецкого, сильный Облаз», выступил против полного разорения и пленения Орды, пристыдив Нур-Девлета: «от него же и ты сам родился и мы все».⁶²⁶

Большая Орда стремительно слабела, и Москва с Крымом спешили её добить, поэтому в 1487–1490 гг. служилые татары с Нур-Девлетом (новым касимовским царём), а позже – с его сыном Сатылганом ходили на границу Орды, разоряли окраинные улусы.⁶²⁷

Наконец, в 1491 г. Москва решается на первый масштабный поход в степь против Орды и в поддержку Крыма.⁶²⁸ Русские, очевидно, чувствовали себя неуютно в степи, потому их сопровождала многочисленная татарская конница: помимо царевича Сатылгана с бегами, уланами и казаками, с русскими выступили войска Мухаммед-Эмин-хана. Узнав о вторжении, Ахматовичи развернулись от Перекопа, а русско-татарские войска вернулись без боя.⁶²⁹

Таким образом, мы видим, что в XV в. ещё относительно самостоятельные татарские предводители на службе великого князя со своими воинами использовались как ударная сила в войнах против соседей. Участие в важнейших военных⁶³⁰ мероприятиях Москвы было обусловлено высокими боевыми качествами татар, что проявилось не только в бою с непривычными к степной тактике новгородцами, но и с ордынскими татарами.

Мещерские татары участвовали в битве под Оршей в 1514 г. Шесть казаков мурзы Сивиндука числятся среди пленников с русской стороны (составляя среди них 3,1%).⁶³¹

---

⁶²⁶ История о Казанском царстве... С. 7–8.

⁶²⁷ Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство... С. 122–123.

⁶²⁸ Собственно, поход провели «по вестям» Менгли-Гирея об угрозе Крыму со стороны Ахматовичей.

⁶²⁹ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 311–317.

⁶³⁰ Бенцианов, М.М., Лобин, А.Н. Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / М.М. Бенцианов, А.Н. Лобин. – 2013. – №2. – С.165.

⁶³¹ Там же, С.155–179.

Татары принимали участие и в битвах более позднего времени. Известно, что в 1571 г. в Ливонскую войну романовские татары несли службу в ертаульном полку.⁶³² Это был передовой полк, состоявший из лучших конных лучников, задачей которых была непрерывная разведка боем и завязка битвы. Гейденштейн также сообщал об участии татар в составе русского войска в битве с литовцами, ливонцами и шведами, хотя и написал, что те ретировались раньше русских.⁶³³ По русским источникам, участвовали татары в битвах и в XVII в. В 1617 г. «Марта в 30 день, писали ко Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, из Дорогобужа боярин и воеводы Князь Юрий Яншеевич Сулешов, да стольник Князь Семен Прозоровской, да дьяк Иван Грязев: посылали они на Литовских людей голов Федора Бояшева да Федора Тараканова з дворяны, и з детми боярскими, и с Татары; и головы полковника Вишля с Польскими и с Литовскими людьми сошли и побили на голову, и полковника Вишля взяли и многих Польских и Литовских людей и знамена и трубки и литавры поимали».⁶³⁴ Татары и ногайцы были эффективны в бою со степняками, поэтому они включались в состав армий, направлявшихся против Крыма в конце XVII в.⁶³⁵

Одной из важных функций служилых татар во время войны была разведывательная деятельность и захват языков. Сведения об этом содержатся в источниках разного происхождения. Очевидно, что мобильные отряды лёгких татарских конников весьма подходили для решения таких задач. Особенно в этом могли быть искусны недавние выходцы из Крымского ханства и Ногайской Орды. Однако этот вид деятельности не был прерогативой только татар. В источниках наряду с ними упоминаются казаки, а также помещики из разных городов⁶³⁶, что может говорить об отсутствии какого-либо предпочтения в отношении татар как исключительных специалистов в охоте на людей.

---

⁶³² Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 204.

⁶³³ Гейденштейн, Рейнгольдт. Записки о московской войне... С. 37.

⁶³⁴ Разрядная книга 7125 года... С. 17.

⁶³⁵ Невилль, де Ла. Записки о Московии... С. 148.

⁶³⁶ Например: Государева грамота на Тулу воеводам о наблюдении за татарами... С. 198–199; Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами об отсылке им на Москву литовских языков... С. 433–434.

Много сведений о такой стороне службы татар относятся ко времени Ливонской войны.

Ниенштедт сообщает: «За этими послами двинулся лично сам великий князь с большим войском к Пскову, думая, что теперь как раз наступило настоящее время овладеть всею Ливониею. Когда король Стефан был под Данцигом, великий князь написал герцогу Магнусу, чтобы тот тотчас же двинулся с войсками к Пскову, желая воспользоваться его помощью на всякий случай, а потом выслал чрез Ливонию от Пскова до Курляндии несколько тысяч татар для разведок, не вооружаются ли где ливонцы против него. Эти татары убили несколько гофлейтов и ротмистра Медема».⁶³⁷

В письмах Яна Зборовского, командовавшего в 1580 г. частью войск Батория, сообщается, что однажды виленский воевода доставил четырех пленных из касимовских татар, которые в числе 150 были подсланы к королевскому войску для добывания языка. Их открыли и захватили.⁶³⁸ Таким образом, мы видим, что татар использовали для поимки языков, при этом такие отряды могли насчитывать сотню и более воинов.

Ещё С.М. Середонин отмечал, что «разведывательная часть» лежала на татарах, и, по свидетельству одного из дневников «Баториевой войны», царь даже запретил татарам запираяться в крепостях (ссылка на *Acta historica res gestas Poloniae illustrantia ab anno 1507 usque ad annum 1795*, ill, XI, 224).⁶³⁹

А.В. Беляков приводит такую цитату: «... от себя посылали проведывать татар под люди и языков добывать, а проведав и языков литовских добыв, под люди на заставы и на загонщики посылати от себя голов с татары...».⁶⁴⁰ Однако, из этого не следует, что чаще всего татар использовали именно как разведчиков и диверсантов. В более раннем документе из того же списка говорится, что «от себя

---

⁶³⁷ Ниенштедт, Франц. Ливонская летопись Франца Ниенштедта... С. 49.

⁶³⁸ Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук... С. 8–9.

⁶³⁹ Середонин, С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth»... С. 361.

⁶⁴⁰ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 203; Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о движении к Бельской дороге и тайном приказе воеводам гор. Белой сжечь город в случае невозможности его удержать (№10. 14 августа 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (*Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia*). – Т. III / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 213.

посылали б есте под люди голов с детьми боярскими и с татары»⁶⁴¹, т.е. для разведки использовались и дети боярские, что видно и по другим документам.

В архиве князя Хилкова, воеводы времён Ливонской войны, имеются специальные записи 1580 г. о взятии языков. Из 12 служилых, отмеченных в списке, 10 – татары (романовские и один казанский). При этом некоторые пленники получили ранения и умерли.⁶⁴² Это может говорить или о том, что взяты они «с бою», или о сложности захвата пленных, упорно защищавшихся. Отмечены на этом поприще, в том числе знатные татары («аталык царевичев»)⁶⁴³

Начальство посылало «голов с тотары» проводить противника «с великим бережением», следить, не ввязываясь в стычки, причём, как днём, так и ночью.⁶⁴⁴ Для предотвращения внезапного нападения и контроля над передвижениями противника выдвигались сторожевые заставы, на которых отмечены и татары.⁶⁴⁵

Татарские отряды (наряду с другими служилыми людьми) посылались для поимки пленных и на территорию, подконтрольную противнику, за границу.⁶⁴⁶

Разведчики из служилых татар использовались и против степняков. В государевой грамоте в Тулу (1625 г.) указано наблюдать за враждебными татарами, послать людей (татар или русских, «обнадежа их нашим жалованьем») за языками и разведать кто пришёл и в каком числе.⁶⁴⁷

Не менее эффективны татарские отряды были в диверсионных операциях, часто неразрывно связанных с разведывательной деятельностью. Они заключались в нарушении вражеских коммуникаций, грабеже обозов, захвате пленных и причинении другого вреда. Эта функция служилых татар также уже подчёркивалась в литературе, хотя и не рассматривалась подробно.⁶⁴⁸

---

⁶⁴¹ Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову в Холм о продвижении неприятеля к Великим Лукам... С. 212–213.

⁶⁴² Записи в Разрядном шатре кн. В. Д. Хилкова о взятых языках... С. 233–234.

⁶⁴³ Распросные речи пленных в Разрядном шатре кн. В.Д. Хилкова... С. 234–235.

⁶⁴⁴ Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о продвижении к Торопцу и посылке под Велиж татарских застав... С. 218–219.

⁶⁴⁵ Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о продвижении его войск к Холму и присылке к нему из Торопца отряда казанских татар... С. 210.

⁶⁴⁶ Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами об отсылке им на Москву литовских языков... С. 433–434.

⁶⁴⁷ Государева грамота на Тулу воеводам о наблюдении за татарами... С. 198.

⁶⁴⁸ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 203–204.

Как сообщал Лука Дзялынский, по словам одного пленного служилого татарина, «великий князь не велел татарам ни сидеть в засадах, ни вступать в битву, но поручил им всюду отступать перед королем, а между тем всячески тревожить его войско. Пленный прибавил также, что царь не прочь принять сражение, но сперва хочет ослабить наше войско».⁶⁴⁹

Ян Зборовский сообщает то же самое касательно всего русского войска. На допросе захваченные в плен в 1580 г. касимовские татары сообщили, что «московский князь строго приказал своим воеводам не вступать в бой в открытом поле с войском нашего короля, не иметь даже ни малейшей стычки, и только стараться, как бы исподтишка, забирать людей, тешась над королевским войском». Это объяснялось опасениями царя перед сильным и многочисленным королевским войском.⁶⁵⁰

В «Дневнике последнего похода Стефана Батория», который велся одним из секретарей королевской канцелярии ксендзом Станиславом Пиотровским (за 1581 г.), сообщается о том, что татары (якобы от 5000 до 7000 чел.), иногда вместе с русскими, постоянно находятся недалеко от осаждённого Пскова, уничтожают провиант и бьют королевских фуражиров и других слуг короля⁶⁵¹, т.е. нарушают вражеские коммуникации и каналы снабжения. Известно, что однажды поляки пытались отогнать такой отряд силами 450 казаков, но последние были разбиты наголову, как сообщается, превосходящими силами татар и русских.⁶⁵²

Эти и другие сообщения европейцев привели А.В. Белякова к выводу, что служилые татары использовались в Ливонскую войну и позже в основном в качестве диверсантов и разведчиков и как загонщики: «... для того чтобы постоянно тревожить противника и тем самым ослаблять его, они подходили прекрасно».⁶⁵³

---

⁶⁴⁹ Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья... С. 32–33.

⁶⁵⁰ Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук... С. 8–9.

⁶⁵¹ Пиотровский, Станислав. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию... С. 80, 81, 131–132, 185–186, 233.

⁶⁵² Там же, С. 132–133.

⁶⁵³ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 203–204.

Автор «Хроники провинции Ливонии» Бальтазар Рюссов, один из историков Ливонской войны, также отмечает, что одним из предводителей московских войск (как видно, номинальным) был «пленный татарский король» царь Сигалей (Шах-Али). Его войско, состав которого не назван, занималось разорением вражеской территории, и, как видно из сообщений других авторов, в таких операциях вполне могли принимать участие и многочисленные татарские отряды. Кроме того, «...Из Москвы пришла быстро почта с письмами от великого князя; великий князь писал, чтоб царь Сигалей от собственного имени написал всем ливонским городам и напомнил им напоследок о их клятвенном обещании, данном последнему послу. Затем царь Сигалей написал немедленно всем ливонским владетелям и чинам в феврале 1558 г.».⁶⁵⁴ Ниже он рассказывает о злоключениях шведов под Нарвой в сентябре 1579 г. «Татары стали ставить шведам препятствия при фуражировке и наносили им вред, так что они никак не могли добыть чего-либо из земель неприятеля. И когда выходил отряд шведов немного посильнее, то татары всегда убегали от них; когда же шведы возвращались назад в лагерь, то татары снова поспешно нагоняли их и постоянно мучили шведов. И так, когда повсюду рушились все попытки шведов и когда их совершенно одолели голод и горе, то вследствие крайней нужды они в сентябре отступили от Нарвы».⁶⁵⁵

Попавший в плен к русским и перешедший на службу к царю ливонский дворянин Иоганн Таубе, можно сказать, видел русскую армию изнутри. Известно его письмо брату Генриху (написанное 24 ноября 1563 г.), в котором он сообщает, что царь Иван выступил в поход против Ливонии с 500 тыс. войском, состоящим из русских и татар. При этом он предостерегает соотечественников от сопротивления, ибо сдавшиеся города будут пощажены, а оказавшие сопротивление подвергнутся жестокому разорению.⁶⁵⁶ Далее он добавляет, что царь с 200 тысячами идёт на Ригу, а о татарах пишет так: «Татары же, три ханства которых, помоги мне боже правдивый, этим летом подчинились [Москве], а

---

⁶⁵⁴ Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника... С. 360.

⁶⁵⁵ Там же, С. 311.

⁶⁵⁶ Таубе, Иоганн. Два письма Иоганна Таубе... С. 151.

именно: ногаи с 25 тыс., аггаряне (Aggerener) с 20 тыс. их прежних всадников из Казани и астраханцы с 10 тыс., а также Крым, который заключил союз с великим князем против короля. Эту договорную грамоту я видел сам. Эти татары направлены на Киев, Вильно и их окрестности, и они должны немедленно вторгнуться в эти места, чиня ужасные избиения».⁶⁵⁷ Оставляя сообщение о гигантской численности царских войск на совести автора, отметим опять же проведение татарами «карательных» мероприятий.

Гейденштейн, как отметил А.В. Беляков, приводит пример жестокости татар в отношении мирного населения, творимой по указанию царя: «Московский князь, перебив без разбора всех, способных носить оружие, не воинственный пол, женщин и девиц, отдал Татарам на поругание».⁶⁵⁸ Однако, добавляет исследователь, татарам было невыгодно истреблять жителей, которых можно было увести в полон.⁶⁵⁹

Необходимо отметить, что в Ливонскую войну в королевском войске имелись как собственные служилые татары (липка), так и казаки. Они занимались тем же, что и московские татары – «развлекали» неприятеля, угоняли скот, уничтожали провиант. «Так как эти казаки постоянно угоняли добычу из неприятельской земли и вообще причиняли неприятелям большой вред, то последние улучили удобный момент, когда одна часть наших отправилась по обыкновению за добычею, а другая держала себя несколько беспечно, и вот Московские Татары, подойдя неожиданно, напали на тех, которые были оставлены на месте. После того как Татары снова были прогнаны остальными вернувшимися казаками». Происходило это недалеко от Новгорода.⁶⁶⁰

Замечание А.В. Белякова о том, что подчас под «татарами» европейских авторов следует видеть русских⁶⁶¹, полностью справедливо в отношении сочинений Дж. Горсея. Например, «царь и его жестокие, немилосердные татары, обшарив и ограбив эту богатую страну и ее несчастных людей, подошли наконец к столице,

---

⁶⁵⁷ Таубе, Иоганн. Два письма Иоганна Таубе... С. 151.

⁶⁵⁸ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 205; Гейденштейн, Рейнгольдт. Записки о московской войне... С. 4.

⁶⁵⁹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 205.

⁶⁶⁰ Гейденштейн, Рейнгольдт. Записки о московской войне... С. 221–222.

⁶⁶¹ Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 205.

главному городу, именуемому Ревель (Reavell)». ⁶⁶² «Он пришел в Нарву, захватил всю казну и товары, убил и ограбил мужчин, женщин и детей, отдав город на окончательное разграбление своей армии татар». ⁶⁶³ «В то же время он отправил свою татарскую армию под предводительством своих военачальников отвоевать, как он говорил, те города в Ливонии, которые недавно отнял у него король Стефан». ⁶⁶⁴ «Одно войско, состоящее из татар, использовалось в борьбе против королей Польши и Швеции, войсками которых он был теперь окружен, в войне за Ливонию (Liolande)». ⁶⁶⁵ Горсей явно преувеличивает и численность служилых татар, и их значение для царского войска.

Служилые татары могли использоваться для проведения карательных акций и против подданных московского царя. Исаак Масса приводит сведения о том, что после вторжения в московские пределы войска Лжедмитрия царь Борис использовал касимовских татар в карательных целях. Узнав о том, что в Комарицкой волости всё население присягнуло самозванцу, он отправил туда Симеона Бекбулатовича («повелителя всех касимовских татар») с 40 тысячами татарской конницы (численность, разумеется, преувеличена в несколько раз) и «повелел ему напасть с этим [войском] на Комарицкую волость и все разорить, пожечь и истребить; да и повелел всех мужчин, подвергнув ужаснейшим пыткам, умертвить, также старух, а молодых женщин и детей повелел он пощадить и взять на вечное рабство к себе в Татарию, что и было исполнено, ибо татары на это мастера; им последовали также некоторые московиты и другие, и они так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора. ⁶⁶⁶ Однако такой террор должного действия не возымел, и окрестное население массово переходило на сторону самозванца. ⁶⁶⁷ О расправе над комарицкими крестьянами сообщал и Конрад Буссов ⁶⁶⁸, хотя и не упоминал в связи с этим татар. Сведения об участии в

---

⁶⁶² Горсей, Джером. Рассказ или воспоминания сэра Джерома Горсея... С. 53.

⁶⁶³ Там же, С. 54.

⁶⁶⁴ Там же, С. 60.

⁶⁶⁵ Там же, С. 69.

⁶⁶⁶ Масса, Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. ... С. 81–82.

⁶⁶⁷ Там же.

⁶⁶⁸ Буссов, Конрад. Московская хроника... С. 102.

этих событиях самого Симеона Бекбулатовича сомнительны.⁶⁶⁹ При восстаниях инородцев против Москвы правительство могло попытаться склонить их к сдаче и новой присяге, посылая наперёд карательных отрядов представителей восставших народов, видимо, из служилого сословия. Так, в наказной памяти от 1628 г. к «заворовавшим» черемисам и татарам приказывается воеводам вперёд себя послать татар и черемису с грамотами и уговорами.⁶⁷⁰

До захвата Казанского ханства касимовские татары, по-видимому, несли службу на границе, отслеживая передвижение противника, по возможности предупреждая нападения. Можно осторожно предположить, что для этой службы выдвигались на рубеж значительные (от нескольких десятков до сотни) контингенты.⁶⁷¹ Правительство старалось предотвратить проникновение степных отрядов вглубь территории, но удавалось это нечасто. Против таких мобильных контингентов крымцев и ногаев также использовалась татарская конница. Например, в «лето 7049» Шах-Али с татарами и мурзами был послан против ногаев и «побил» их «загонщиков».⁶⁷²

Для предотвращения набегов степняков в Российском государстве постепенно сложилась особая пограничная служба, для которой в 1571 г. был составлен особый устав («приговор о станичной и сторожевой службе»), подробно расписывающий задачи «пограничников». Главные задачи пограничной службы он определял так: ««чтобы украинам было бережнее, чтоб воинские люди на... Украины войною безвестно не приходили». В нём были подробно расписаны обязанности сторожевых застав. «Сторожа должна стоять попеременно, с коней не слезая, и ездить по урочищам направо и налево, переменяясь по два человека, по воеводским наказам. Сторожам предписывалось расположение застав хранить в тайне, а также запрещалось делать станы и устраивать остановки («ставитца») в лесах. Нельзя было разводить огонь дважды на одном и том же месте, где кто

---

⁶⁶⁹ Скрынников, Р.Г. Три Лжедмитрия / Р.Г. Скрынников. – М.: АСТ, 2003. – С. 128.

⁶⁷⁰ Наказная память боярина и воеводы Фёдора Ивановича Шереметьева письменному главе Мисюрю Ивановичу Соловцову и стрелецкому главе Девятому Фёдоровичу Змееву... С. 325.

⁶⁷¹ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича... С. 20.

⁶⁷² Там же, С. 38.

«полднival», в том месте не ночевать, и наоборот. Все эти указания о действиях сторожевых застав имели своей целью скрыть от противника расположение пограничной охраны и приучить сторожей (и станичников) к бдительности».⁶⁷³

Сторожевые заставы выставлялись в поле начиная с 1 апреля, сроком на шесть недель (включая проезд). Через шесть недель посылалась вторая «сторожа», за ней третья, потом снова первая, но уже сроком на месяц (в данном случае учитывались, вероятно, трудности охраны в осеннее время). Снимались сторожа к зиме. Строжайше запрещалось покидать свой пост до прибытия смены, «чтоб однолично сторожи без сторожей не были во весь год ни на один час». Кроме сторожевых застав, существовали также станицы – дозорные подвижные отряды. Они выставлялись теми же городами, что и сторожа, с 1 апреля, по 8 станиц с города. «Станицы посылались в дозор поочередно сроком на две недели, с 1 по 15 число каждого месяца. Через четыре месяца, 1 августа, станицы выезжали вторично и несли дозор до 1 декабря. Если к этому времени снега еще не было, станицы посылались и позднее в том же порядке. В случае если находившаяся в дозоре станица подвергалась разгону или попадала в плен, на ее место немедленно высылались следующая за ней по очереди и соответственно этому изменялось расписание службы всех станиц».⁶⁷⁴

Все сторожа и станичники должны были иметь по 2 хорошие лошади. На плохих лошадях запрещалось выезжать в дозор. В случае обнаружения врага станичник должен был оповестить всех о нападении и, оставаясь в тылу врага, идти по его сакме (следу), определять численность и направление движения. Добытые сведения через товарищей доставлялись в ближайший город. Собрав достаточные сведения о численности противника и направлении его движения, станичник спешил с вестями к тем городам, куда держал путь враг. То же самое делали и сторожи. За небрежное охранение сторожей и станичников били кнутом, за оставление поста казнили, за простой на одной стоянке штрафовали (в размере полуполтины на человека в день).

---

⁶⁷³ Чернов, А.В. Вооружённые силы Русского государства... С. 69–70.

⁶⁷⁴ Там же, С. 70–71.

При этом пограничная служба в отрядах возлагалась главным образом на казаков, а также отчасти на местное посадское и крестьянское население, как отмечает А.В. Чернов.⁶⁷⁵ До этого приграничные районы охраняли дворяне. Таким образом, служилые татары составляли лишь часть контингента сторожей и станичников. Однако русские казаки и размещенные в пограничных городах служилые люди не могли эффективно предотвращать и отражать внезапные набеги, как считает С.Б. Сенюткин.⁶⁷⁶ Поэтому к пограничной службе стали привлекаться служилые татары – лучшие наездники, обладавшие навыками жизни в степи и лесостепи, знавшие местные условия (они испомещались как раз в прорывоопасных районах).

Первоначальной задачей малочисленных служилых татар на юго-восточных рубежах было именно предотвращение внезапных нападений, оповещение основных царских сил на этот случай. Однако к рубежу XVI/XVII вв. численность татар на границе была увеличена, и теперь в их задачи входило также нанесение удара по вторгнувшимся отрядам степняков, перекрытие удобных для набега дорог и речных переправ.⁶⁷⁷ Очевидно, это было сделано по причине неэффективности первоначальной тактики противодействия набегам.

Несение пограничной сторожевой службы не было чётко закреплено за татарами, и при надобности их могли направить в полевую армию, как это было во время Ливонской войны.⁶⁷⁸ Выше приводилось немало документов, в которых говорится об отправке арзамасских, кадомских, темниковских и иных «пограничных» татар в действующую армию и в походы, в том числе против западных соседей Московии. Станицы возглавлялись станичными головами, на должность которых могли назначаться и татары.⁶⁷⁹

Прямое отношение к военной службе имело сопровождение и оберегание посольств как русских, так и иноземных, передвигавшихся по территории

---

⁶⁷⁵ Чернов, А.В. Вооружённые силы Русского государства... С. 72–73.

⁶⁷⁶ Сенюткин, С.Б. История татар Нижегородского Поволжья... С. 44.

⁶⁷⁷ Там же, С. 44.

⁶⁷⁸ Там же, С. 41.

⁶⁷⁹ Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлекея Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинюкова Ногаева... С. 57

Московского царства. Упоминания об этом встречаются по крайней мере с начала XVI в. и по XVII в.⁶⁸⁰ Видом военной службы можно считать участие в посольствах, если учесть опасность путешествий в те времена, возраставшую при посещении дальних, не совсем мирных земель, а тем более в беспокойное время, как, например, во время смут в Ногайской орде. Татар использовали прежде всего для контактов с мусульманскими и тюркскими народами. Кроме того, татары назначались толмачами.

Как видим, на протяжении большей части рассматриваемого периода (XVI–XVII вв.) служилые татары использовались для решения таких боевых задач, в которых были важны качества быстрой лёгкой конницы: разведка, захват пленных, диверсии, истощение противника и заманивание его под удар основных русских сил. Кроме того, они могли составлять военное сопровождение иностранных посольств в русских землях, а также российских послов, направлявшихся в тюркские мусульманские государства. Однако те же задачи могли выполнять и русские дворяне, что говорит об отсутствии у татар «монополии» на какие-то виды службы. Командование, видимо, руководствовалось соответствием уровня подготовки и вооружения служилого человека при направлении его на соответствующую службу, а не его этносословной принадлежностью.

Любых служилых татар, в том числе размещённых в приграничных со степью районах и занятых обычно охраной границ, могли направить в походную армию против немцев или литовцев. Служилый татарин, как и любой другой служилый человек, должен был быть готов выполнять свою службу в любой ситуации. Показателен случай служилого татарина Теребердея Трегулова, который около 20 лет был на станичной службе с братьями и, судя по всему, ходил в Крым и к ногаям с «посылками», затем в Смутное время сидел в осаде, «с литовскими и немецкими людьми бился».⁶⁸¹

---

⁶⁸⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. ... С. 41; Ульфелдт, Якоб. Путешествие в Россию... С. 293; Разрядная книга 7124 года... С. 20.

⁶⁸¹ Челобитная служилого татарина Посольскаго приказа Теребердея Трегулова... С. 377–378.

Таким образом, можно отметить, что главной задачей татарских подразделений в рамках военной стратегии Российского государства было ведение малой маневренной («кавалерийской») войны. Русское командование использовало служилых татар для непосредственного участия в боевых действиях и загонных ратях, разведке, диверсионной деятельности, партизанской войне, для захвата языков, пограничной службы. К форме военной службе можно также отнести сопровождение иноземных посольств, участие в посольствах.

Можно проследить некоторую эволюцию функций служилых татар. Первоначально они представляли собой военную силу, используемую великим князем наряду с собственными войсками и дружинами удельных князей для решения боевых задач, в том числе – для участия в масштабных сражениях. О том, что первоначально дворы служилых Чингисидов рассматривались именно как военная сила, пишет и А.В. Беляков.⁶⁸²

Со временем военное значение служилых татар начинает медленно снижаться. На передний план выходят иные функции: разведка, диверсионная деятельность, сопровождение посольств и участие в них (что чаще всего и видно в письменных материалах). Однако источники не позволяют представить это как чёткий, хорошо прослеживаемый процесс, кардинально менявший службу татар. С развитием пограничной службы татары начинают использоваться для оберегания границ и противодействия набегам степняков.

Всё более редкое упоминание об участии в сражениях, например, в Ливонскую войну, скорее показывает изменение тактики и стратегии войны Москвы с европейскими соседями, против которых лёгкая конница действовать не могла.⁶⁸³ Зато со степняками татарская конница могла эффективно бороться и в XVII в.

Помимо «европейского» и «татарского» направлений татары использовались, возможно, в конце XV в. и на северо-восточных рубежах Руси. В

---

⁶⁸² Беляков, А.В. Чингисиды в России... С. 257–258.

⁶⁸³ Однако ещё в Ливонскую войну европейские источники упоминают участие татар именно в битве: Рейнгольд Гейденштейн. Записки о московской войне... С. 37.

1499 г. рати князей С.Ф. Курбского и др. совершили поход «на Югорскую земли и на вогуличи». В войске было приблизительно 4 тыс. человек, и среди вятчан, устюжан и других упомянуты татары. Войско пожгло городки, привело к шерти местное население и вернулось без потерь. При этом поход был пешим, вернее лыжным, и на судах.⁶⁸⁴ Последнее заставляет осторожно отнестись к сообщению о присутствии служилых татар – конников. Возможно, однако, что имеются в виду не служилые татары – представители конкретной служилой корпорации, а ясачное население, подобное земскому ополчению северных уездов, из которого в основном и состояла рать.

Вопрос о видах службы татар в Сибири был исследован С.В. Бахрушиным⁶⁸⁵ и Ю.С. Худяковым⁶⁸⁶, что избавляет нас от необходимости его здесь рассматривать его подробно. В первую очередь вчерашние «кучумляне» несли непосредственно воинскую службу. Они значительно усиливали малочисленные русские войска в Сибири и с последней четверти XVI в. принимали участие в военных действиях против Кучума, а позже воевали с кыргызами⁶⁸⁷ и телеутами. Помимо этого, юртовские служилые татары посылались вместе с другими служилыми людьми в караулы, ходили «по сакме» (следили за неприятельскими отрядами), собирали ясак, препятствовали распространению антирусских настроений или пресекали их силовым путём, участвовали в постройке острогов, в ямской гоньбе, сборе соли на соляных озёрах.⁶⁸⁸ В Сибири служили как европейские татары, так и местные. Местных служилых именовали юртовскими татарами (из юрт – т.е. поселений). Они проживали на прежних территориях, в привычном этническом окружении. В то же время и из Сибири татар переводили на запад – как правило, вместе с их «патронами» – Чингисидами. При этом в Сибири существовала специфическая ситуация: ненадёжное, часто прямо враждебное местное население нужно было контролировать при малочисленности воинских контингентов. Русских (а также

---

⁶⁸⁴ Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III... С. 366–369.

⁶⁸⁵ Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. ... С. 69–70.

⁶⁸⁶ Худяков, Ю.С. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири... С. 63–66.

⁶⁸⁷ Из выписки в доклад, составленной в Сибирском приказе, о приходе к Таре... С. 67–68.

⁶⁸⁸ Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. ... С. 69–70.

литовцев, поляков и др.) было совсем немного, и они были незнакомы с местными условиями. Это обусловило не только активное привлечение к службе местных татар, в том числе ясачных (что, таким образом, являлось вынужденной мерой), но и их использование наряду с другими категориями служилых людей для самых разнообразных видов службы, не характерных для служилых татар на Руси (сбор ясака, соли и т.п.).

Чаще всего татары в Сибири несли конную службу. Имеются лишь редкие упоминания о пеших (на лыжах), «нартенных»⁶⁸⁹ или судовых татарах (в Сибири из ясачного населения), занятых постройкой острогов или сопровождением больших отрядов российских войск.⁶⁹⁰

В рамках военной стратегии Российского государства в Зауралье служилые татары выполняли функцию тактической и оперативной разведки, осуществляли кавалерийское сопровождение пехотных отрядов казаков и стрельцов, проводили карательные акции и т.д. В отличие от военных компаний на европейском театре боевых действий, где татарские подразделения в XVII в. выполняли в основном вспомогательную роль, сибирско-татарская конница входила в число наиболее боеспособных подразделений российской армии в регионе. По данной причине сибирские татары принимали активное участие в полевых сражениях, авангардных и арьергардных боях.

Подводя итог настоящей главы необходимо отметить следующие моменты. Служилые татары являлись особой этно-сословной группой служилых людей Русского государства XV–XVII вв. Они несли наследственную воинскую службу, живя за счёт полученных за неё поместий или подённого корма, что сближало их с другими служилыми «по отечеству» – дворянами и детьми боярскими. Обособленность же татар была вызвана их этническим и религиозным отличием от русских сослуживцев. Татарские подразделения были частью поместной конницы, и включались наряду с другими категориями служилых в состав полков. Во второй

---

⁶⁸⁹ Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. 2 – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 583. (примечание С.В. Бахрушина).

⁶⁹⁰ Там же, С. 288–289.

половине XV–первой половине XVI вв. татарская конница находилась чаще всего в Передовом полку. В последующее время татарские контингенты всё реже держались компактно, в основном равномерно распределяясь между другими полками.

Численность служилых татар устанавливается приблизительно, и только со второй половины XVI в. Данные по составу царских армий в Ливонскую войну фиксируют не менее 4523 служилых татар, участвовавших в военных мероприятиях. Видимо, эта цифра отражает всю или подавляющую часть численности служилых татар в тот период. Как правило, татары составляли около 3% от численности всего войска, но известны случаи, когда войско было на 80% татарским. Источники XVII в. содержат сведения о численности всех служилых татар на протяжении всего века, которая варьировала приблизительно от 3300 до 4000 чел. Процентное соотношение татар в войсках в течение века снижалось от средних 2–12% в первой трети столетия до 3% к 1660-м гг. В Сибири численность оставалась стабильной весь век (свыше 400 чел.), а процентное соотношение снизилось незначительно (например, в Тобольске с 22% до 15%).

Рядовые татары именовались казаками. Выше них находились мурзы, ещё выше – князья. Князья «ведали» татарами в мирное и военное время, и выполняли свои обязанности по приводу на службу и составлению списков казаков и мурз с помощью есаулов. И мурзы, и князья подчинялись татарским головам, которые чаще всего назначались из русских (хотя бывали и исключения), зачастую приезжих из других местностей. По прибытию татар на службу русское командование производило формирование тактических единиц – сотен, полусотен и десятков, назначало сотников (сотенных голов?), пятидесятников и десятников, а также татарских голов в случае их отсутствия. Существовало недоверие к татарам, что выражалось в наличии русских приставов при татарской знати.

Проанализированные источники свидетельствуют о преобладании у российских служилых татар дистанционного лучного боя, избегании рукопашной схватки и использовании традиционных тактических приёмов кочевнической легковооружённой конницы. В источниках содержатся сведения о «хороводе»

(кольцевидном строе для ведения лучного боя на средней и малой дистанции, представлявшем собой замкнутое кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку), тулгаме (термин обозначает охват фланга противника с выходом в тыл, сопровождаемый массовой лучной стрельбой), притворном бегстве с контрударом или заманиванием в засаду. Гипотетически в первые десятилетия существования служилых татар среди них могли сохраняться относительно многочисленные доспешные копейщики, способные наносить удары по полкам противника. Но на данный момент это утверждение не выходит за рамки предположения, основанного на косвенных данных и логике военной истории Руси середины-второй половины XV в.

Первоначально русское командование использовало служилых татар как ударную силу, способную наносить удары по противнику в составе Передового полка, изгонной или засадной рати. Важная роль служилых татар в тактическом искусстве московских военачальников проявилось в войнах с новгородцами. Однако в XVI в. служилые татары всё реже представляют собой компактную группу в войске: их начинают распределять сравнительно равномерно по полкам, что может быть связано с использованием их в качестве мобильной лёгкой конницы, выполняющей иные задачи в сравнении с предыдущим периодом. Теперь татары занимаются в основном тактической разведкой, нарушением вражеских коммуникаций, захватом языков, заманивают противника под удар более многочисленных русских подразделений.

Иначе выглядит ситуация в Сибири, где служилые татары составляли значительно большую часть вооружённых сил и были лучше вооружены. Это позволяло использовать их не только для тактической разведки, диверсий и захвата пленных, но и в качестве значительного усиления основных русских контингентов, включая самое непосредственное участие в сражениях.

Заключение

Нами проведён анализ военного дела служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. Наиболее важные итоги исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Обзор работ по обозначенной теме выявил отсутствие специальных научных исследований, посвящённых военному делу служилых татар европейской части России середины XV–XVII вв., основанных на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников. Вплоть до недавнего времени данная проблематика затрагивалась лишь косвенно, преимущественно в работах, посвящённых событийной, социальной и хозяйственной истории служилых татар. Так, в частности, учеными второй половины XIX – начала XXI вв. были кратко охарактеризованы вопросы численности, системы комплектования, боеспособности и военной истории служилых татар европейской части России. При этом, комплекс вооружения, военная организация, тактика, военная стратегия служилых татар долгое время не привлекали к себе должного внимания исследователей. В результате вплоть до настоящего времени не были собраны и систематизированы профильные вещественные (в том числе археологические) материалы, связанные с защитным и наступательным вооружением служилых татар европейской части России. В значительно большей степени изучено военное искусство служилых татар Западной Сибири. Так, в частности, в настоящее время собраны, систематизированы и проанализированы письменные, изобразительные и вещественные материалы по комплексу вооружения сибирских татар конца XVI–XVII вв.

На основании анализа научных работ представляется возможным выделить два этапа в изучении военного дела служилых татар Российского государства. На первом (вторая половина XIX в. – 70-е гг. XX в.) главным объектом исследований выступала событийная, военно-политическая и экономическая история служилых татар. В этот период основой источниковой базы являлись российские и иностранные письменные источники. На втором этапе (80-е гг. XX – начало XXI

вв.) появляются работы, в которых рассматриваются отдельные аспекты военного дела служилых татар. Для анализа комплекса вооружения (в частности, служилых татар Западной Сибири) начинают привлекаться вещественные и изобразительные материалы. В настоящее время созданы условия для написания обобщающего исследования по военному делу служилых татар Российского государства и его эволюции на протяжении второй половины XV–XVII вв.

2. Рассмотрение источников по военному делу служилых татар показало их достаточную представительность для всестороннего анализа и интерпретации. Источниковую базу по теме исследования составляют вещественные, письменные и изобразительные источники.

Вещественные источники представлены материалами археологических памятников, случайными находками и предметами вооружения из старых оружейных арсеналов и частных коллекций. Основой источниковой базы по вооружению служилых татар Московского государства являются вещественные и, в первую очередь, археологические материалы, происходящие с территории Восточной Европы и Западной Сибири. Среди собранных материалов присутствуют практически все виды оружия и доспехов, применявшиеся служилыми татарами второй половины XV–XVII вв.: луки, наконечники стрел, колчаны, сабли, палаши, копья, пики, корпусные панцири, шлемы и др. Особую ценность для нашей темы представляют хорошо сохранившиеся образцы защитного и наступательного вооружения, принадлежавшие знати служилых татар. Всего учтено свыше 550 предметов, относящихся к защитному и наступательному вооружению: 11 луков и их фрагментов, 270 наконечников стрел, 10 экз. длинноклинкового оружия (6 сабель, 4 палаша), 7 наконечников копий, 31 топор, 27 ножей, 11 кольчатых панцирей и их фрагментов, около 180 пластин от пластинчато-нашивных доспехов («куяков»), 7 боевых наголовий и др.

Письменные источники представлены нарративами европейского и русского происхождения, а также актовым материалом Российского государства. Всего проанализировано 89 единиц письменных источников. Часть материалов вводится в научный оборот впервые.

Изобразительные источники представлены рисунками, гравюрами, книжными миниатюрами и картинами российских и европейских художников и гравёров, на которых присутствуют изображения свыше 100 татарских воинов.

Системный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников позволяет не только реконструировать военное дело служилых татар, но и проследить основные особенности его эволюции на протяжении рассматриваемого периода.

3. На основании анализа письменных и вещественных источников установлено, что система формирования комплекса вооружения служилых татар Российского государства середины XV – XVII вв. имела симбиотический характер. Первоначально татары поступали на службу к великому князю (позднее царю), имея собственное вооружение, изготовленное мастерами кочевников (преимущественно луки, стрелы, стрелковая амуниция), или приобретенное у азиатских и северокавказских оружейников. По мере того как это оружие приходило в негодность, служилые татары всё активней начинали приобретать изделия российских ремесленников. При этом некоторые служилые татары продолжали покупать импортное (преимущественно восточное) вооружение. Так, в частности, отмечены факты использования татарами клинкового оружия и панцирей иранского производства. Ещё одним источником пополнения arsenалов служилых татар были военные трофеи. Возможно, в некоторых случаях *йомышлы татарлар* могли получать казенное вооружение из государственных arsenалов Московского царства. Особой спецификой отличалась система снабжения оружием татар Западной Сибири. Местная служилая знать продолжала использовать как вооружение местного производства (в частности, кольчатые панцири), так и импортные изделия, изготовленные мастерами Восточной Европы, Южной Сибири, Средней и Центральной Азии (палаши, куяки, шлемы и др.).

4. Комплексный анализ вещественных (в первую очередь, археологических), письменных и изобразительных источников позволил реконструировать комплекс вооружения служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. и проследить его эволюцию на протяжении рассматриваемого исторического

периода. Так, в частности, установлено, что основная масса воинов из числа служилых татар Российского государства была представлена легковооруженными конными лучниками. Главным оружием служилых татар были сложносоставные луки «турецкого» и «монгольского» типа. В стрелковом (садачном) наборе преобладали стрелы с ромбическим в сечении пером узкой удлинённо-треугольной формы. Подобные стрелы могут быть отнесены к категории «универсальных», то есть способных поражать как бездоспешных воинов противника, так и панцирников, одетых в стеганый на вате «тягеляй». Для хранения луков и стрел служилыми татарами использовались кожаные налучи и колчаны восточноевропейского и западноазиатского образца (в Западной Сибири также колчаны центральноазиатского типа). У состоятельных татарских воинов главным оружием ближнего боя были сабли с крестообразной гардой, остроугольным остриём, елманью или штыковидным остриём. Татарами Западной Сибири также применялись палаши различных типов. Вплоть до второй половины XVII в. копья и пики с узким (квадратным или ромбическим в сечении) пером использовались лишь отдельными татарскими воинами. Ситуация меняется во второй половине данного столетия, когда, подражая ойратам, татарские легкие стрелки начинают дополнительно вооружаться длинными кавалерийскими пиками. Из других видов оружия татарами использовались булавы (в том числе шестоперы и перначи), кистени, кинжалы и ножи (а сибирскими татарами еще и топоры).

Среди служилых татар европейской части Российского государства защитным вооружением были обеспечены лишь наиболее состоятельные воины. Из корпусных панцирей численно преобладали кольчатые доспехи (кольчуги, «пансыри», «байданы») и ватные «тягеляи». Лишь отдельные татарские панцирники использовали железные шлемы. В Западной Сибири, наряду с кольчатыми панцирями, применялись пластинчато-нашивные «куяки» центральноазиатского образца, цельнокованные сфероконические и полусферические среднеазиатские наголовья, а также клепаные сфероцилиндрические ойратские шлемы. Можно предполагать, что представители служилой татарской знати использовали кольчато-пластинчатые доспехи и

набедренники, створчатые наручи и поножи. Отдельные воины могли применять плетеные щиты «калканы». В целом, служилые татары Сибири значительно шире использовали защитное вооружение, чем служилые татары из европейской части страны. Как выходцы из кочевой среды, служилые татары продолжали применять на поле боя аркан для пленения или вывода из строя противника. Роль огнестрельного оружия в комплексе вооружения служилых татар, возможно, постепенно возрастала, однако вплоть до конца рассматриваемого периода пищали, карабины и пистолеты так и не получили среди служилых татар Российского государства по-настоящему широкого распространения.

5. Анализ письменных материалов позволил реконструировать особенности военной организации служилых татар Российского государства середины XV–XVII вв. Установлено, что служилые татары были служилыми людьми «по отечеству» и несли службу с поместий, концентрировавшихся в нескольких регионах (с этим связано появление территориальных групп, или служилых корпораций татар касимовских, романовских, арзамасских и др.).

Общая численность служилых татар может быть определена только приблизительно и лишь начиная с Ливонской войны: обычно это 3–4 тыс. человек (до 4700 чел.). Численность татар в составе российской армии могла существенно различаться в зависимости от театра боевых действий, условий похода (военной кампании) и других причин. Как правило, во время военной кампании численность татар составляла от 2 до 12% личного состава московской армии. Однако в некоторых случаях количество татар в отряде могло достигать до 20% и даже 80% от общего личного состава воинского соединения. На протяжении XVII в. общая и пропорциональная численность служилых татар в составе царских армий постепенно уменьшалась, что было обусловлено общим кризисом поместной конницы, и особенно служилых татар как её одной из наименее обеспеченных составляющих (с сопутствующим переходом части татар в рейтары, новокрещёны и крестьянское сословие), а также увеличением численности всего российского войска.

Основная задача по управлению татарскими контингентами в военное, а часто и в мирное время ложилась на лиц в чине татарского головы, чаще всего из русских (реже на проверенных и заслуженных татар), а также на татарскую знать. В случае объявления мобилизации татарские головы и/или князья с есаулами объезжали поселения и собирали мурз и казаков (простых воинов). На месте сбора войска татары разбивались на отдельные подразделения (по 100, 50 и 10 чел. соответственно) во главе со своими командирами. Татарские сотни включались в состав формировавшихся специально для похода полков. Имелись некоторые отличия в случае несения татарами пограничной службы: как и русские дворяне и казаки, татары выдвигались на определённый срок «в поле», где под командованием станичных голов охраняли степные границы.

Во время сражения управление татарскими подразделениями осуществлялось с помощью устных приказов, знамен и, возможно, военной музыки.

В целом, военная организация служилых татар Российского государства имела симбиотический характер и сочетала в себе как элементы традиционной десятичной системы кочевников, так и русскую («полковую») организацию войск.

6. Выявлены особенности тактики ведения боя служилых татар, а также их место в тактическом искусстве военачальников Российского государства середины XV–XVII вв.

В основе тактического искусства служилых татар Российского государства лежал интенсивный лучной конный бой. Анализ собранных материалов показал, что служилыми татарами использовались традиционные тактические приёмы степных народов: «хоровод», «тулгама» (охват, окружение), ложное отступление с контрударом. Главным элементом данных приемов был массированный лучной обстрел противника с малой и средней дистанции. Будучи легковооружёнными манёвренными лучниками, татары избегали ближнего боя. Слабая обеспеченность татар защитным вооружением снижала их устойчивость в рукопашной схватке.

Тактические задачи *йомышлы татарлар* в составе московской армии несколько изменялись на протяжении рассматриваемого исторического периода.

Первоначально татары использовались русскими военачальниками как значительная ударная сила. Из татар формировали засадные отряды, решавшие участь битвы (как, например, в сражении на р. Шелонь), а также ударный авангард – яртаул, предназначенный для завязывания сражения и первой атаки на позиции противника. В развернутом боевом построении московской армии татарские подразделения обычно размещались в составе Передового полка и на флангах. Во время сражения татары первыми атаковали противника, охватывали крылья его строя и выходили ему в тыл.

По мере того как происходило становление московской поместной конницы, тактическая роль служилых татар постепенно снижалась. В середине XVI–XVII вв. их начинают более равномерно распределять по полкам. Тем не менее служилые татары продолжали играть важную роль в военных операциях российской армии (особенно на степном театре боевых действий) вплоть до конца рассматриваемого периода. Наряду с охватом флангов, несением караульной службы, важной задачей татар продолжает оставаться тактическая разведка. По мере того как татарская конница во второй половине XVII в. снабжается длиннодревковым оружием, повышается ее устойчивость в ближнем бою.

7. Определено место служилых татар в военной стратегии Российского государства середины XV–XVII вв.

Главной задачей татарских подразделений в рамках военной стратегии Российского государства было ведение малой маневренной («кавалерийской») войны. Русское командование использовало служилых татар для непосредственного участия в боевых действиях и загонных ратях, в качестве кавалерийского сопровождения пехотных отрядов казаков и стрельцов, проведения оперативной и тактической разведки, карательных операций, диверсионной деятельности, партизанской войны, захвата «языков», несения пограничной службы и т.д. К форме военной службе можно также отнести сопровождение иноземных посольств, участие в посольствах, а также охрану московских дипломатических миссий.

В отличие от военных кампаний на европейском театре боевых действий, где татарские отряды в XVII в. выполняли, в основном, вспомогательную роль, сибирско-татарская конница входила в число наиболее боеспособных подразделений российской армии в регионе. По данной причине сибирские татары принимали активное участие в полевых сражениях, авангардных и арьергардных боях.

В целом, легкая татарская конница достаточно органично вписалась в военную стратегию Российского государства, ориентированного на активную внешнюю политику как на западном, так и на южном (степном) направлении. Татарские лучники усилили и дополнили русскую конницу, позволили ей более успешно решать актуальные боевые задачи в ходе масштабных военных конфликтов середины XV–XVII вв.

Подводя итог настоящего исследования, необходимо отметить, что появление в составе российской армии отрядов служилых татар являлось отображением процесса ориентализации вооруженных сил и военного искусства Московии. Наличие подразделений конных лучников, имеющих значительный опыт степной войны, позволяло российским правителям более успешно противостоять армиям кочевников Восточной Европы. С другой стороны, татарские отряды оказались весьма эффективны против врага, слабо знакомого с тактическими приемами номадов (например, в войнах с Новгородской республикой, Ливонским орденом и т.д.). С большой долей вероятности можно предполагать, что наличие в составе московской армии служилых татар облегчило процесс перехода от традиционной («дружинной») военной системы русских княжеств к поместной коннице позднесредневекового образца. Однако по мере развития московской конницы сотенной службы (использовавшей схожее вооружение и тактику ведения боя) военное значение служилых татар в российской армии начало постепенно снижаться. Из важнейшей воинской силы они перешли в категорию вспомогательных формирований, ориентированных (по крайней мере, на западном театре боевых действий) на ведение «малой» (партизанской) войны. Окончательный удар по привилегированному положению служилых татар в

составе московской армии нанесли военные реформы середины XVII в., которые привели к созданию полков Нового строя, в состав которых были включены и значительные группы служилых татар. Тем не менее, несмотря на очевидный кризис поместной системы, конница служилых татар вплоть до конца XVII в. продолжала применяться русским командованием на южном и восточном направлении, где главным противником Российского государства являлись армии кочевых народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета

ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей

ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

Список использованных источников и литературы

Источники

Опубликованные источники

1. Борша, Станислав. Поход московского царя Димитрия в Москву с сендомирским воеводой Юрием Мнишком и другими лицами из рыцарства 1604 года // Русская историческая библиотека. – Т. 1. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. – С. 365–426.
2. Будзило (Будило), Иосиф. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (*Historya Dmitra falszywego*) // Русская историческая библиотека. – Т. 1. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. – С. 81–364.
3. Буссов, Конрад. Московская хроника. 1584–1613 / ред. И.И. Смирнов. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 400 с.
4. Вторая полковая роспись ржевских воевод / ред. В.И. Буганов // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. – М.: Наука, 1962. – С. 269–270.
5. Гейденштейн, Рейнгольдт. Записки о московской войне. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1889. – 421 с.
6. Герберштейн, С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко, вст. ст. А.Л. Хорошкевич, под ред. В.Л. Янина. – М.: изд. МГУ, 1988. – 430 с.
7. Горсей, Джером. Рассказ или воспоминания сэра Джерома Горсея / комментарии А.А. Севастьяновой // Д. Горсей. Записки о России XVI – начало XVII вв. – М.: изд. МГУ, 1990. – 228 с.
8. Государева грамота на Тулу воеводам о наблюдении за татарами и о принятии мер против их набегов (1625 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 198–199.

9. Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову в Великие Луки о сборе и присылке к нему ратных людей и служилых татар и его действиях в случае направления неприятеля ко Пскову или Смоленску, и об обороне Великих Лук (№2. 15 июля 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 207–209.

10. Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о продвижении его войск к Холму и присылке к нему из Торопца отряда казанских татар (№4. 28 июля 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 210–211.

11. Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о продвижении к Торопцу и посылке под Велиж татарских застав для «промешки» неприятелю на дорогах (№13. 15 августа 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 218–219.

12. Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову в Холм о продвижении неприятеля к Великим Лукам и о проведывании вестей (№6. 6 августа 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 212–213.

13. Грамота из Разрядного приказа воеводе кн. В.Д. Хилкову о движении к Бельской дороге и тайном приказе воеводам гор. Белой сжечь город в случае невозможности его удержать (№10. 14 августа 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 213.

14. Груневег, М. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – 384 с.

15. Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлекея Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинюкова Ногаева (Нагаева) (1613/1614) // Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII вв. Книга II. Опись фонда 141. Приказные дела старых лет. Посольский приказ / ред. Н.П. Воскобойникова. – СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 1999. – С. 57.

16. Дженкинсон, Энтони. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 307 с.

17. Дзялынский, Лука. Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. – М.: Университетская Типография, 1897. – С. 18–68.

18. Дневник Марины Мнишек / пер. В.Н. Козлякова. – М.: изд. «Дмитрий Буланин», 1995. – 200 с.

19. Записи в Разрядном шатре кн. В. Д. Хилкова о взятых языках (№ 31. После 14 сентября 1580 г.) / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). – Т. III. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 233–234.

20. Зборовский, Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) / пер. О.Н. Милевского. – М.: Университетская Типография, 1897. – С. 2–17.

21. Из выписки в доклад, составленной в Сибирском приказе, о приходе к Таре ойратов и о победе русских служилых людей над ними // Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов / М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. – М.: Наука, 1974. – С. 67–68.

22. История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. – Т. 19. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 546 с.

23. Йовий, Павел. Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева. – М.: Русский мир, 1997. – С. 217 – 306.

24. Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – 108 с.

25. Контарини, Амброджо. Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. – Л.: Наука, 1971. – С. 210–235.

26. Краткая сибирская летопись (Кунгурская, Ремезовская). – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1880. – 40 [53] с.

27. Курбский, А.М. История кн. великого Московского о делех, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими // Сказания князя Курбского / ред. Н.Г. Устрялов. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. – 494 с.

28. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 29. – М.: Наука, 1965. – 390 с.

29. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. – Т. 16. – М.: ЯРК, 2000. – 252 с.

30. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. 12. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 266 с.

31. Майерберг, Августин. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшаго римскаго императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. – М.: Университетская Типография, 1874. – 260 с.

32. Маржерет, Жак. Состояние Российской империи / ред и пер. Ан. Береловича, В.Н. Назарова, П.Ю. Уварова – М.: Институт истории РАН, 2007. – 552 с.

33. Масса, Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 208, [12] с.

34. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. – М.–Л.: изд. АН СССР, 1936. – 301 с.

35. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / под ред. А.Л. Хорошкевич, пер. В.И. Матузовой. – М.: изд. МГУ, 1994. – 140 с.

36. "Мнение" тайного советника Василия Татищева / ред. Д. Мустафина // Эхо веков. – № 1/2 – 1996. – С. 36–41.

37. Наказная память князю Кулунчаку и князю Еникею Еникеевым, детям Тенишева о сборе темниковских служилых татар, казаков и мордвы (1600–1604?) // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / сост. А.В. Антонов. – Т. III. – М.: Древлехранилище, 2002. – С. 160.

38. Наказная память боярина и воеводы Фёдора Ивановича Шереметьева письменному главе Мисюрю Ивановичу Соловцову и стрелецкому главе Девятому Фёдоровичу Змееву о приводе и крестном целовании на имя царя Василия Шуйского населения Кувшинской, Чемуршинской, Шарданской и Сугуцкой волостей Чебоксарского уезда (1 января 1609 г.) // Акты служилых

землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. – Т. III. – М.: Древлехранилище, 2002. – С. 325.

39. Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленным в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними (1593–1594 гг.) // Г.Ф. Миллер. История Сибири. – Т. I. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 354–361.

40. Наказ сыну боярскому Илье Бекшееву, назначенному головою тюменских юртовских и захребетных Татар (27 апреля 1630 г.) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией / ред. А.И. Тимофеев, Ф.И. Успенский. – Т. VIII. – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1884. – С. 654–658.

41. Невилль, де Ла. Записки о Московии / ред. А.С. Лавров. – М.: Аллегро-пресс, 1996. – 148 с.

42. Ниенштедт, Франц. Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Т. III–IV. – Рига: Типография А.И. Липинского, 1880–1883. – С. 355–400.

43. Новгородская четвёртая летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 4. – Ч. 1. – М.: ЯРК, 2000. – 728 с.

44. Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию / пер. А.М. Ловягина. – М.: Русич, 2003. – 480 с.

45. Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подготовка текста и вступительная статья К.В. Петрова. – СПб.: изд. «Дмитрий Буланин», 2001. – 808 с.

46. Отписка боярина М.Б. Шеина с товарищами об отсылке им на Москву литовских языков, шляхтича Ал. Лабыта с товарищами, с приложением их расспросных речей (1632 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 433–434.

47. Отписка воевод князя Дмитрий Мамстрюковича Черкасского с товарищи, с приложением расспросных речей, взятых за рубежом языков Дубровенского повету Степана Тимофеева и Алексея Сидорова, о намерении Гетмана Хоткевича с Глебовичем идти под Смоленск мимо острожков обманом, и о посылке для наблюдения за ними на рубеж голов с татарами (1614 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 113–115.

48. Отписка из Тулы князя Алексея Трубецкого о присылке для присяги лютеран пастора, а для татар Корана и переводчика (1645 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Том II. Разрядный приказ. Московский стол (1635–1659) / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. – С. 156.

49. Отписка Курского воеводы о татарском набеге // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 189–191.

50. Отписка Одоевских воевод, как им привести к шерти татар (1645 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Том II. Разрядный приказ. Московский стол (1635–1659) / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. – С. 161.

51. Паерле, Георг. Описание путешествия Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургского, с господами Андреасом Натаном и Бернгардом Манлихом Младшим, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков, с 19 марта 1606 по 15 декабря 1608 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце / ред. Н.Г. Устрялов. – Т. 2. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1859. – С. 148–233.

52. Память в приказ Казанского дворца из Розряда о посылке грамот к воеводам в города: Алатырь, Курмыш, Темников, Касимов и Кадом об извещении дворян и детей боярских тех городов – быть готовыми на службу (1625 г.) // Акты

Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 / ред. Н.А. Попов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. 196–197.

53. Память из Приказа Казанского Дворца о присылке восприемника для мурзы Сунчалаея (22 июля 1663 г.) // Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук. Том III. Разрядный приказ. Московский стол (1660–1664) / ред. Д.Я. Самоквасов. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. – С. 534.

54. Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. / ред. В.И. Буганов. – М.: Наука, 1962. – С. 267–269.

55. Петрей, Пётр. О начале войн и смут в Московии. – М.: Фонд Сергея Дубова – Рита-Принт, 1997. – 560 с.

56. Пиотровский, Станислав. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / ред. О.Н. Милевский. – Псков: Типография Губернского Правления, 1882. – XVI, 261, 11 с.

57. Поло, Марко. Книга Марко Поло / ред. С.Н. Кумкес. – М.: Гос. изд-во географич. лит-ры, 1956. – 376 с.

58. Посольство от великаго князя Ивана Васильевича к царю Менгли-Гирею с боярином Никитою Васильевичем Беклемишевым // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Часть I. – Т. 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1884. – С. 1–9.

59. Посольство от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Часть I (Том 41). Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и Ко., 1884. – С. 170–180.

60. Поссевино, А. "Московское посольство" Антонио Поссевино // Вестник МГУ. Серия IX. История. – 1970. – №5. – С. 89–100.

61. Принц, Даниил. Даниил Принц из Быховца. Начало и возвышение Московии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете / пер. И.А. Тихомирова. – М.: Университетская типография, 1876. – Кн. 3. – 512 с.

62. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. – Т. 5. – Вып. 1. – М.: ЯРК, 2003. – 256 с.

63. Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей (май 1580) // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции / ред. Д. Антонов. – Т. VI. – М., 1914. – 610 с.

64. Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В.И. Буганов. – М.: Наука, 1966. – 615 с.

65. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I. – Ч. I / ред. В.И. Буганов. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – 188 с.

66. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I. – Ч. II / ред. В.И. Буганов. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – С. 189–405.

67. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I. – Ч. III / ред. В.И. Буганов. – М.: Ин-т истории СССР, 1978. – С. 407–609.

68. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. II. – Ч. I / ред. В.И. Буганов. – М.: Ин-т истории СССР, 1981. – 219 с.

69. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. II. – Ч. II / ред. В.И. Буганов. – М.: Институт истории СССР, 1982. – 440 с.

70. Разрядная книга 1550–1636 гг. – Т. I / ред. В.И. Буганов. – М.: Наука, 1975. – 430 с.

71. Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / ред. В.И. Буганов. – М.: Институт истории СССР, 1974. – С. 277–313.

72. Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Кн. 1 / ред. И.Д. Беляев. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 1–60.

73. Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. – Книга 2. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 1–86.

74. Разрядная книга 7125 года // Временник императорского общества истории и древностей российских. – Книга 3. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 1–140.

75. Распросные речи пленных в Разрядном шатре кн. В.Д. Хилкова (№ 32. После 14 сентября 1580 г.) // Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). – Т. III / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. – М. – Варшава: Археографический центр, 1998. – С. 234–235.

76. Рейтенфельс, Яков. Сказания о Московии // Утверждение династии / Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинз, Яков Рейтенфельс. – М.: Фонд Сергея Дуброва, 1997. – С. 231–406.

77. Роспись войск против самозванца в 1604 г. // Труды по истории государева двора в России XVI—XVII вв. / А.Л. Станиславский. – М.: РГГУ, 2004. – С. 366–420.

78. Румянцевский летописец // Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. Ч. I. Группа Есиповской летописи / ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. – Т. 36. – М.: Наука, 1987. – 383 с.

79. Рюссов, Бальтазар. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Т. II. – Рига: Типография А.И. Липинского, 1879. – С. 159–406.

80. «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. – М.: Институт истории СССР, 1989. – 183 с.

81. Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Книга 4. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 18 – 51.

82. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. / ред. С.Б. Веселовский // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских – Книга 3. – М., 1911. – С. 3–28.

83. Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 6. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – 360 с.

84. Таубе, Иоганн. Два письма Иоганна Таубе. 1562–1563 // Исторический архив. – 1962. – №3. – С. 140–155.

85. Три копии дел, относящихся к имению Засулье, выданные князю Аликечу Бекгимовичу / Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXI. Акты о литовских татарах. – Вильна: Русский Почин, 1906. – С. 121–125.

86. Ульфельдт, Якоб. Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 616 с.

87. Флетчер, Джилс. О государстве русском / пер. М.А. Оболенского. – М.: Издательский дом «Захаров», 2002. – 169 с.

88. Челобитная служилаго татарина Посольскаго приказа Теребердея Трегулова (1613–1617 гг.) // Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / сост. и ред. А. М. Гневушев. – М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1914. – С. 377–378.

89. Челобитная томских пригородных татар царю о выдаче им жалования за участие в походе против кыргызов (1643 г.) // Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII века / В.Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков. – Абакан: Хакасия, 1995. – С. 116–118.

Неопубликованные документы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

90. Ф. 210. Разрядный приказ (Канцелярия Сената, Канцелярия Сенатского правления, Приказ крепостных дел, Расправная палата). Оп. 4. Десятни. К. 112.

91. Ф. 210. Разрядный приказ (Канцелярия Сената, Канцелярия Сенатского правления, Приказ крепостных дел, Расправная палата). Оп. 4. Десятни. К. 177.

Литература

1. Аствацатурян, Э.Г. Турецкое оружие / Э.Г. Аствацатурян. – СПб.: Атланта, 2002. – 336 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. / Ю.Г. Алексеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 464 с.
3. Бахрушин, С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. / С.В. Бахрушин // Исторические записки. – Т. I. – 1937. – С. 55–80.
4. Беляков, А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование / А.В. Беляков. – Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с.
5. Беляков, А.В. «Невидимки» русской армии XVI века. / А.В. Беляков // Русская армия в эпоху царя Ивана Грозного: Материалы к научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – СПб.: Шико-Севастополь, 2015. – С. 159–178.
6. Беляков, А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. / А.В. Беляков // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Ч. I. – С. 134–149 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1, свободный.
7. Бенцианов, М.М., Лобин, А.Н. Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в. / М.М. Бенцианов, А.Н. Лобин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2013 (2). – С. 155–179.
8. Бобров, Л.А. «Ответный удар» (Этапы «вестернизации» доспеха Передней, Средней и Центральной Азии в эпоху Позднего Средневековья и Нового времени) / Л.А. Бобров // *Parabellum*. Военно-исторический журнал. – №2 (22) – 2004. – С. 85–106.
9. Бобров, Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI–XVII вв. / Л.А. Бобров // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения (Материалы круглого стола, проведённого в

рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г.). – Казань: Фолиант, 2011. – С. 106–120.

10. Бобров, Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника / Л.А. Бобров // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – 2011. – С. 264–267.

11. Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX веков / Л.А. Бобров // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. – Ч. I. – С. 105–135.

12. Бобров, Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI веках / Л.А. Бобров // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. – Ч. I. – С. 231–258.

13. Бобров, Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири конца XVI – XVII вв. / Л.А. Бобров // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. – Т. 12. – Вып. 7. – 2013. – С. 213–222.

14. Бобров, Л.А. Шлемы российских воинов в Сибири в конце XVI–XVII вв. / Л.А. Бобров // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2013. – С. 229–238.

15. Бобров, Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря / Л.А. Бобров // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей. – Вып. XX. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 52–59.

16. Бобров, Л.А. «Индо-персидский» шлем хана Джангира и проблема эволюции наголовий «кула-худ» XVI–XIX веков / Л.А. Бобров // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 года. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. – Ч. I. – С. 218–233.

17. Бобров, Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. / Л.А. Бобров // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре. 1480–2015. – Ч. II. – С. 210–388 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>>, свободный.

18. Бобров, Л.А., Багрин, Е.А. О некоторых особенностях эволюции костюма и комплекса вооружения татарской служилой элиты Западной Сибири конца XVI–XVII века. / Л.А. Бобров, Е.А. Багрин // Вестник НГУ. Серия: История, филология – Т. 13. – Вып. 7: Археология и этнография. – 2014. – С. 124–130.

19. Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. – С. 106–168.

20. Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 774 с.

21. Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника) / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 3. – Казань: Ихлас, 2011. – С. 43–52.

22. Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учеб. пособие / Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 288 с.

23. Бобров, Л.А., Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII в. Вооружение и военная организация: Учебное пособие / Л.А. Бобров, А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 128 с.

24. Богоявленский, С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. / С.К. Богоявленский // Исторические записки. – Т. IV. – 1938. – С. 269–289.

25. Боровской, А.П. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника Западной Сибири / А.П. Боровской // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. – С. 179–189.

26. Валиулина, С.И. Наконечники стрел Торецкого поселения. / С.И. Валиулина // Учёные записки Казанского государственного университета. – Т. 151. Книга. 2. – Ч. 1. Гуманитарные науки. – 2009. – С. 16–23.

27. Васин, П. Касимовские татары / П.Васин // Империя истории. – 2006. – № 4. – С. 98–104.

28. Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. / В.В. Вельяминов-Зернов. – Ч. I. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1863. – XIII, 558 с.

29. Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. / В.В. Вельяминов-Зернов. – Ч. II. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864 – XVI, 498 с.

30. Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. / В.В. Вельяминов-Зернов. – Ч. III. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. – V, 502 с.

31. Вельяминов-Зернов, В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. / В.В. Вельяминов-Зернов. – Ч. IV. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. – 178 с.

32. Воронцов, И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Воронцов Игорь Александрович. – Волгоград, 2006. – 295 с.

33. Герасимов, Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье / Ю.В. Герасимов // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: Сборник научных

трудов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С. 67–74.

34. Герасимов, Ю.В., Корусенко, М.А. Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья: новые находки / Ю.В. Герасимов, М.А. Корусенко // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С. 59–66.

35. Герасимов, Ю.В., Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело Сибирского ханства / Ю.В. Герасимов, А.В. Шлюшинский // Омский научный вестник. – 2006. – № 3 (38). – С. 22–25.

36. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – 232 с.

37. Горелик, М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. / М.В. Горелик // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. – С. 244–269.

38. Горелик, М.В. Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе / М.В. Горелик // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведённого в рамках Международного Золотоордынского Форума. – Казань: Фолиант, 2011. – С. 47–58.

39. Горский, А.А. Москва и Орда / А.А. Горский. – М.: Наука, 2003. – 214 с.

40. Гурлянд, И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары / И.Я. Гурлянд // Труды II Областного Тверского археологического съезда, 1903. – Тверь: Тип. Губ. правления, 1906. – С. 5–16.

41. Данилевский, И.Н., Кабанов, В.В., Медушевская, О.М., Румянцева, М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – 702 с.

42. Двуреченский, О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.): дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.06. / Двуреченский Олег Викторович. – СПб., 2008. – 247 с. (248–668 илл., прил.).

43. Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. – Кн. 8. – М., 1891.

44. Дмитриев, С.В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) / С.В. Дмитриев // Тюркологический сборник, 2002. Россия и тюркский мир. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 210–228.

45. Жуков, К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. / К.А. Жуков // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. – Тула: Инфра, 2005. – С. 216–235.

46. Зыков, А.П., Манькова, И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье / А.П. Зыков, И.Л. Манькова // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Волот, 2000. – С. 315–332.

47. Измайлов, И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.) (к постановке проблемы) / И.Л. Измайлов // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. – Казань: Заман, 1995. – С. 135–139.

48. Измайлов, И.Л. В блеске мисюрок и бехтерцов / И.Л. Измайлов // Родина. – 1997. – №3–4. – С. 105–108.

49. Измайлов, И.Л. Военное дело и военная культура / И.Л. Измайлов // История татар с древнейших времён. В семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – С. 686–734.

50. Илюшин, Б.А. Служилые татары в составе русского войска XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Актуальные вопросы истории. Материалы межвузовской научной конференции (25 апреля 2012 года). – Нижний Новгород: НКИ, 2012. – С. 106–109.

51. Илюшин, Б.А. Положение российских служилых татар в 1635–1664 гг. по данным актов Разрядного приказа / Б.А. Илюшин // Актуальные проблемы

исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов II Всероссийской молодёжной конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. – С. 51–56.

52. Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии / Б.А. Илюшин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов III Всероссийской молодёжной конференции (21–24 августа 2013). – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. – С. 46–54.

53. Илюшин, Б.А. «Вмиг все бросились на наших...». Тактика служилых татар во второй половине XV – начале XVII веков / Б.А. Илюшин // Родина. – 2014. – №12. – С. 43–45.

54. Илюшин, Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Бюллетень Общества востоковедов – Вып. 21: Материалы VII международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». — М.: ИВ РАН, 2014. – С. 145–160.

55. Илюшин, Б.А. К вопросу об использовании огнестрельного оружия российскими служилыми татарами XVI–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Исторический ежегодник. 2014. – Новосибирск: Параллель, 2014. – Вып. 8. – С. 160–168.

56. Илюшин, Б.А. Оружейный комплекс российских служилых татар XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – №3. – С. 25–36.

57. Илюшин, Б.А. Военное дело служилых татар в XV в. / Б.А. Илюшин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сборник материалов четвертой Всероссийской молодёжной научной конференции. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. – С. 12–19.

58. Илюшин, Б.А. Военное дело татарских воинов Русского государства XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – №3 (35). – С. 5–12.

59. Илюшин, Б.А. Вооружение и тактика служилых татар Московского государства (XV–XVII вв.) / Б.А. Илюшин // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. №6 (2013–2015). – 2015. – С. 15–26.

60. Илюшин, Б.А. Историография военного дела российских служилых татар XV–XVII веков / Б.А. Илюшин // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Ч. I. – С. 188–207 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://milhist.info/2015/12/30/ilyushin>, свободный.

61. Илюшин, Б.А. Реконструкция военной организации служилых татар Московского царства XV–XVII вв. / Б.А. Илюшин // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. – С. 390–420 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/08/23/ilyushin_1/, свободный.

62. Исхаков, Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). / Д.М. Исхаков. – Казань: Мастер Лайн, 1998. – 276 с.

63. Ищенко, С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) / С.А. Ищенко // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – С. 136–145.

64. Комаров, О.В. Изучение комплекса вооружения дворянского войска XVI в. и документальные источники / О.В. Комаров // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VII. – С. 392–460 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.milhist.info/2016/02/03/komarov_1, свободный.

65. Конигов, Б.А., Худяков, Ю.С. Наконечники стрел из Искера / Б.А. Конигов, Ю.С. Худяков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1981. – С. 184–188.

66. Крадин, Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Н.Н. Крадин. – М.: Логос, 2002. – 312.

67. Краткий словарь видов и разновидностей документов. – М.: Главархив СССР, 1974. – 80 с.

68. Кривошеев, Ю.В. Татары и Шелонская битва 1471 года / Ю.В. Кривошеев // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. – Т. 2. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – С. 201–207.

69. Кульпин, Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. Изд. 2-е, испр. / Э.С. Кульпин. – М.: КомКнига, 2006. – 167 с.

70. Лилеев, Н.В. Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567–1616 г. (Исторический очерк) / Н.В. Лилеев. – Тверь: Тип. Губернского правления, 1891. – 125 с.

71. Малов, А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. / А.В. Малов. – М.: Древлехранилище, 2006. – 624 с.

72. Малов, А.В. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа (двора) конца Смуты. 1613–1619 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: Ин-ут истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – №6. – С. 224–233.

73. Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. – Вып. Е1–36. – М.: Наука, 1966. – 184 с.

74. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. 1. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 607 с.

75. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. 2. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 637 с.

76. Молодин, В.И., Соболев, В.И., Соловьёв, А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья / В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьёв. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1990. – 261 с.

77. Мустафина, Д. Служилые мурзы Яушевы в XVI–XVII вв. / Д. Мустафина // Гасырлар авазы (Эхо веков). – 2004. – №1 (35).

78. Несин, М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати / М.А. Несин // История

военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>, свободный.

79. Павлов, Н.П. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси / Н.П. Павлов // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. – Красноярск, 1957. – Т. IX. – Вып. 1. – С. 165–177.

80. Пенской, В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. / В.В. Пенской // Восток (Oriens). – 2010. – №2. – С. 56–66.

81. Пилипчук, Я.В. Татары в Ливонской войне / Я.В. Пилипчук // История военного дела: исследования и источники. – Специальный выпуск. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Часть 2. – СПб., 2016. – С. 496–515 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.milhist.info/spec.5>, свободный.

82. Плетнева, Л.М. Тоянов Городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 году / Л.М. Плетнёва // Из истории Сибири. – Томск: ТГУ, 1976. – Вып. 19. – С. 65–72.

83. Плетнёва, Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам) / Л.М. Плетнёва. – Томск: Изд. Том. ун-та, 1990. – 134 с.

84. Рахимзянов, Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории / Б.Р. Рахимзянов. – Казань: Татарское книжное издательство, 2009. – 207 с.

85. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 317 с.

86. Самигулов, Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. / Г.Х. Самигулов. – Челябинск: Полиграфическое объединение «Книга», 2011. – 277 с.

87. Сенюткин, С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края) / С.Б. Сенюткин. – Нижний Новгород: Медина, 2001. – 416 с.

88. Середонин, С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russia common wealth» как исторический источник / С.М. Середонин. – СПб.: Типография Н.И. Скороходова, 1891. – 412 с.

- 89.** Синяев, Б. С. Окончательный разгром Кучума на р. Оби в 1598 г. / Б.С. Синяев // Вопросы географии Сибири. – 1951. – №2 – С. 141–156.
- 90.** Скрынников, Р.Г. Три Лжедмитрия / Р.Г. Скрынников. – М.: АСТ, 2003. – 480 с.
- 91.** Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. – М.: Военное издательство, 1988. – 335 с.
- 92.** Смирнов, Н.В. Тверские «служилые города» в XVII в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Смирнов Николай Валентинович. – СПб., 2002. – 220 с.
- 93.** Солодкин Я.Г. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVII вв.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. – №8 – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 233–239.
- 94.** Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в русско-польской войне 1609–1618 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. – №8 – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 248–254.
- 95.** Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды / В.В. Трепавлов. – М.: Восточная литература, 2002. – 752 с.
- 96.** Трепавлов, В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / В.В. Трепавлов. – М.: Восточная литература, 2012. – 231 с.
- 97.** Трепавлов, В.В. "Орда самовольная": Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. / В.В. Трепавлов. – М.: Квадрига, 2013. – 224 с.
- 98.** Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Тычинских Зайтуна Аптрашитовна. – Казань, 2007. – 268 с.
- 99.** Фехнер, М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке / М.В. Фехнер. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – 122 с.
- 100.** Фролов, Д.В. "Да платья мужскаго и женскаго теплаго и холоднаго..." Костюм дворян мордовского края второй половины XVII в. / Д.В. Фролов // Центр и периферия. — 2017. — № 1. — С. 39–55

- 101.** Хорошкевич, А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 336 с.
- 102.** Худяков, Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1980. – 176 с.
- 103.** Худяков, Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1991. – 190 с.
- 104.** Худяков, Ю.С. Хан Кучум и его воины / Ю.С. Худяков // Родина. – 2000. – №5. – С. 72–75.
- 105.** Худяков, Ю.С. Лук и стрелы сибирских татар / Ю.С. Худяков // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. – Казань, 2001. – Вып. 2. – С. 252–273.
- 106.** Худяков, Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 6. – Вып. 3: Археология и этнография. – 2007. – С. 238–254.
- 107.** Худяков, Ю.С. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII вв. / Ю.С. Худяков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – №4. – С. 63–66.
- 108.** Чернов, А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I) / А.В. Чернов. – М.: Воениздат, 1954. – 224 с.
- 109.** Чубинский, А.Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни / А.Н. Чубинский // Война и оружие: новые исследования и материалы. Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. – Часть V. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. – С. 310–340.
- 110.** Широкоград, А.Б. Татары и русские в едином строю / А.Б. Широкоград. – М.: Вече, 2012. – 368 с.

111. Шишкин, Н.П. История города Касимова с древнейших времён / Н.П. Шишкин. – Рязань: Типо-Литография Н.Д. Малашкина, 1891. – 204 с.

112. Шлюшинский, А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв.: дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.06 / Шлюшинский Александр Владимирович. – Омск, 2007. – 333 с.

113. Шокарев, Ю.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. / Ю.В. Шокарев // Из истории Русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина Исторического музея. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 18–50.

114. Энциклопедия для детей. Т. 5. История России и ее ближайших соседей. Ч. 1.: От древних славян до Петра Великого / ред. М.Д. Аксёнова. – М.: Аванта, 1995. – 684 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

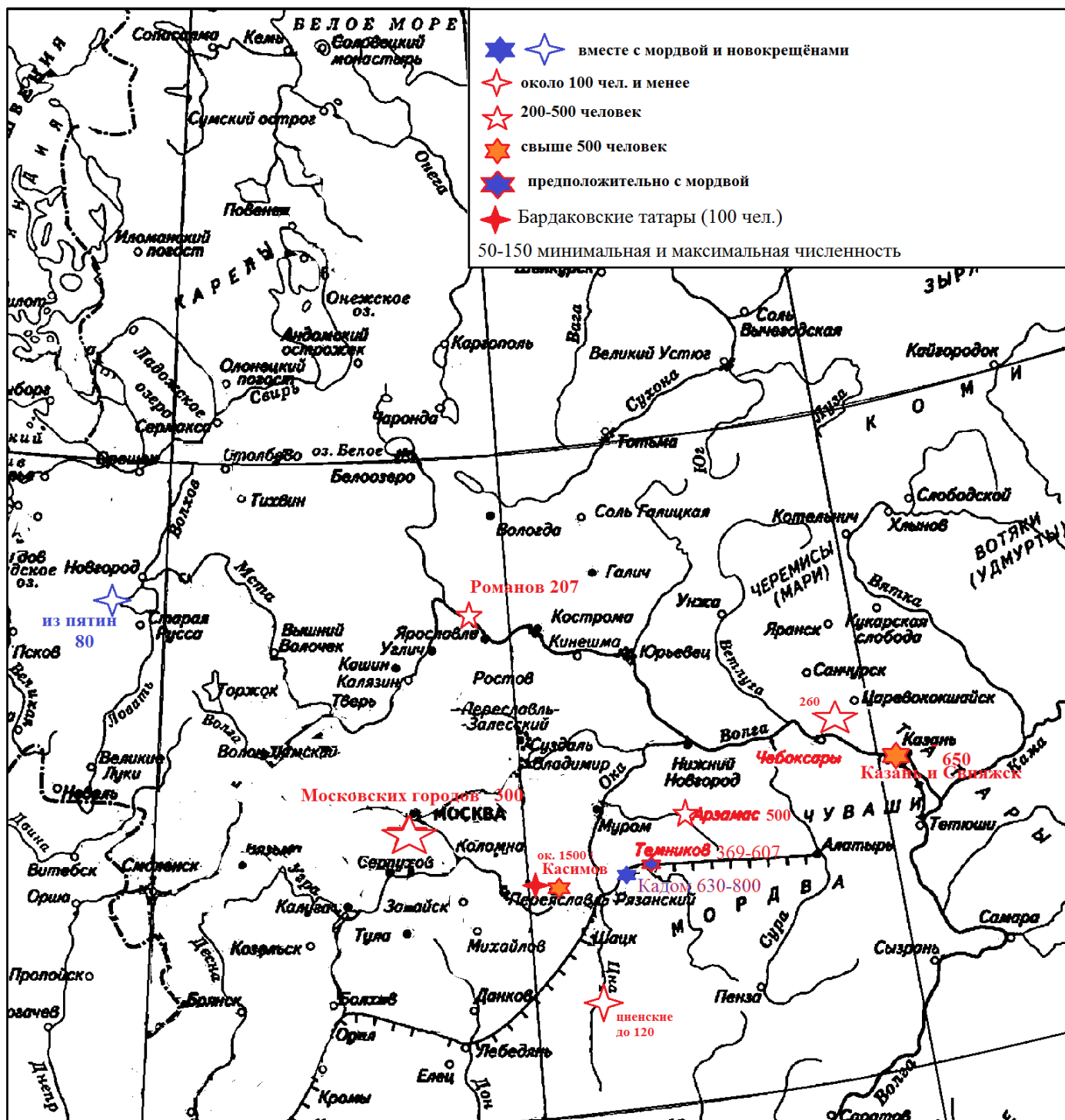

Рис. 1. Карта территориальных корпораций служилых татар и их численность в период Ливонской войны (1558–1583 гг.).

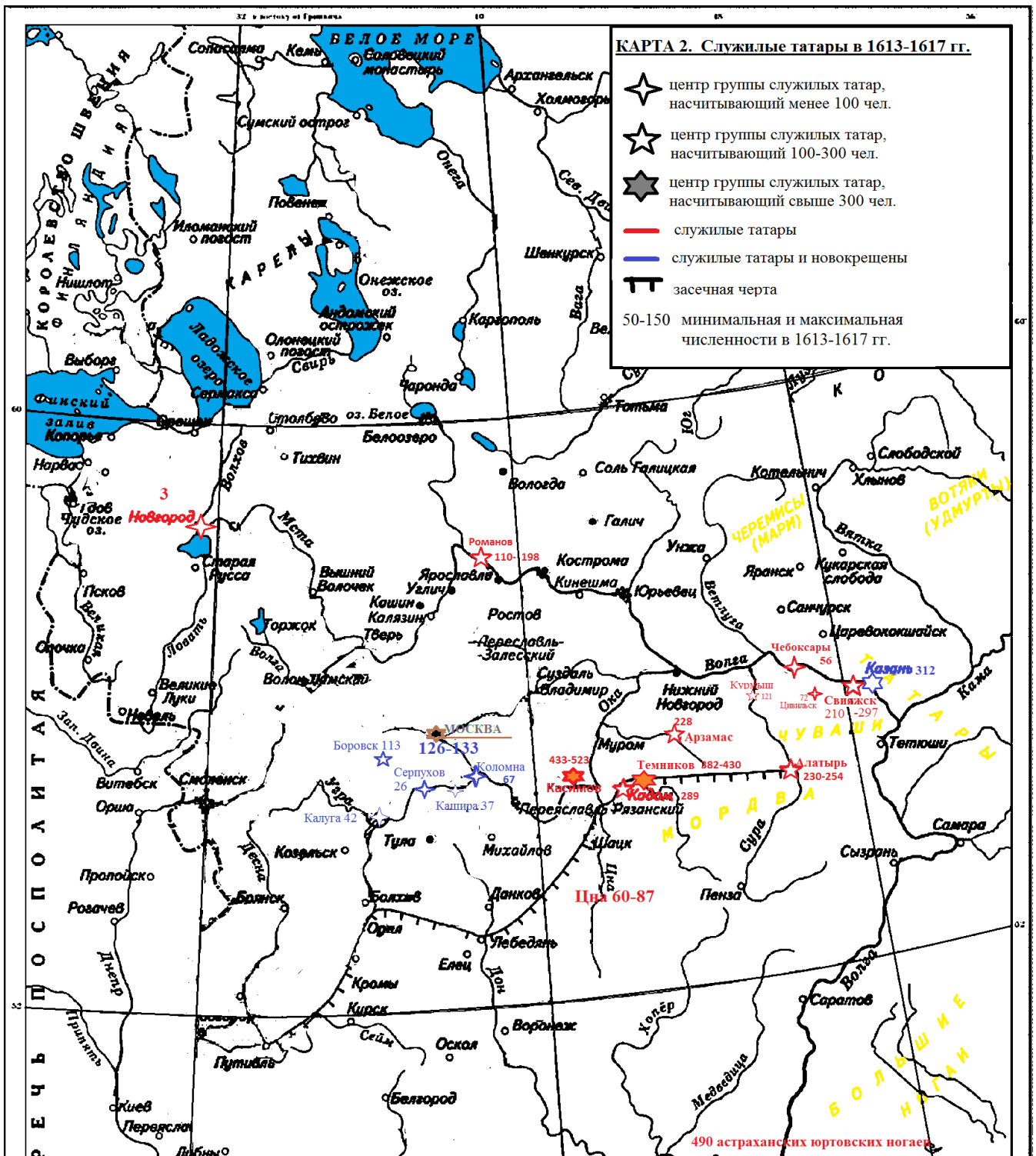

Рис. 2. Карта территориальных корпораций служилых татар и их численность в 1613–1617 гг. по данным разрядных записей.

★ Менее 100 человек.

★ Свыше 200 человек

★ Свыше 100 человек

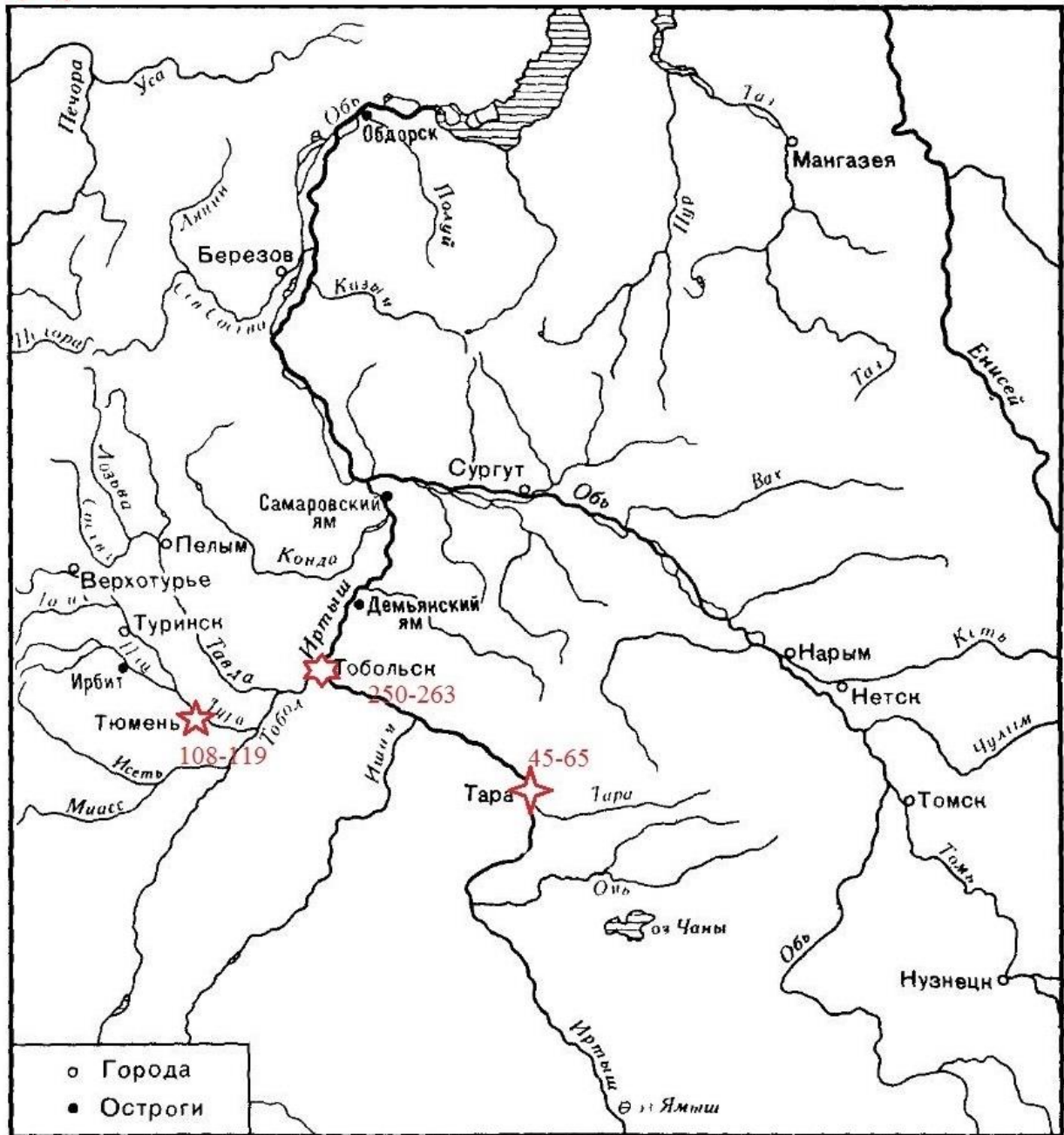

Рис. 3. Карта территориальных корпораций служилых татар и их численность в Сибири (XVII в.).

Рис. 4. Tartare arme. Российский служилый татарин (?) XVI в. Рис. швейцарского гравёра и художника Йоста Аммана, 1577 г.

Moscovita habitu militari.

Tartarus gentili more armatus

Рис. 5. Вариант гравюры Аммана Йоста для издания книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии».

1

2.

Рис. 6. Сибирские татары на миниатюрах Ремезовской летописи (Краткая сибирская летопись (Кунгурская, Ремезовская). – СПб., 1880).

1. Сцена расправы казаков над татарами. Виден трофейный татарский кольчатый панцирь.

2. Сибирские служилые татары. Голова сибирских служилых татар с булавой.

1

2

3

Рис. 7. Сибирские татары в минитюрах Ремезовской летописи
1. Бой казаков с сибирскими татарами.
2–3. Татары с трофейным панцирем Ермака.

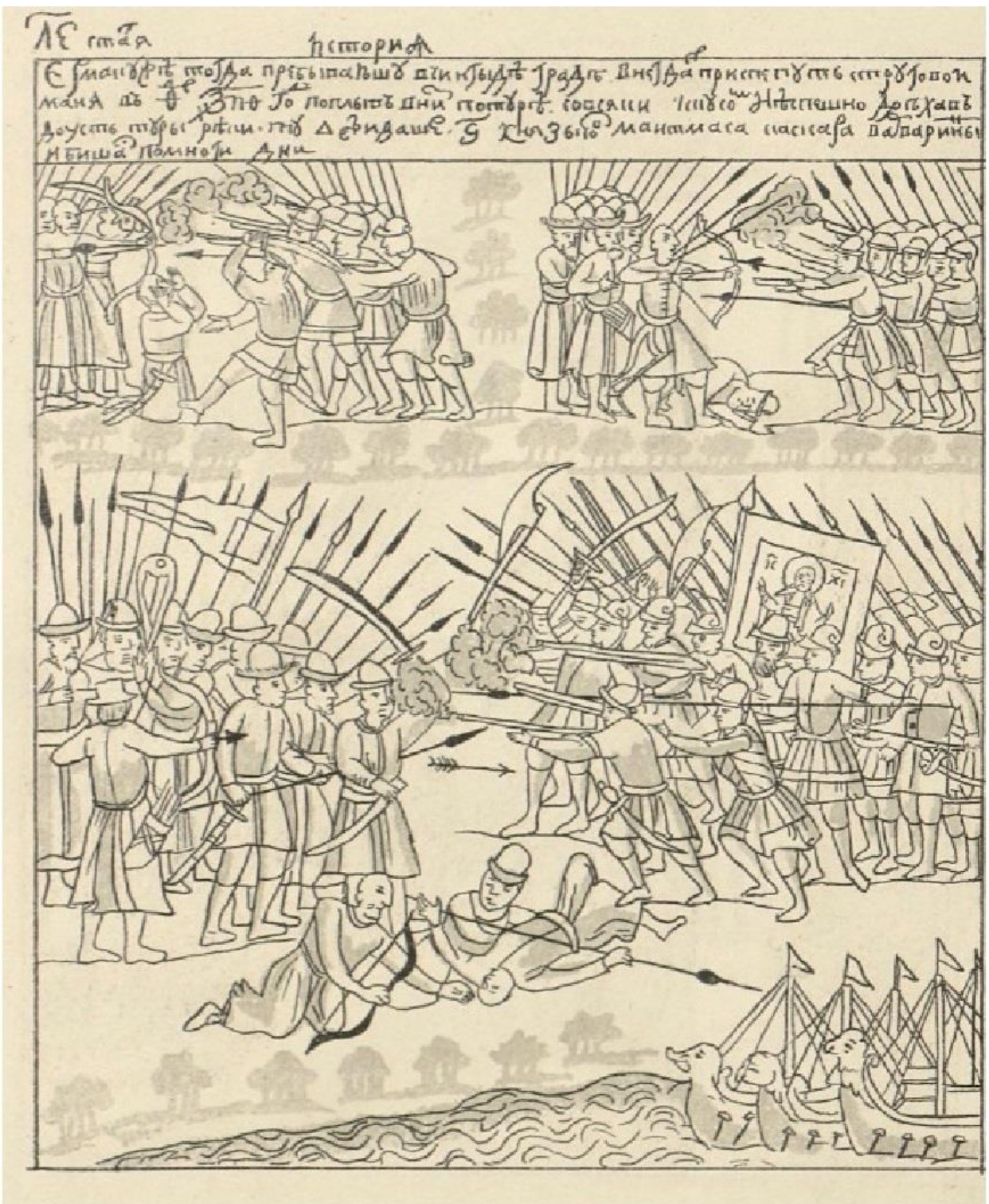

Рис. 8. Бой казаков с сибирскими татарами. Миниатюра из Ремезовской летописи.

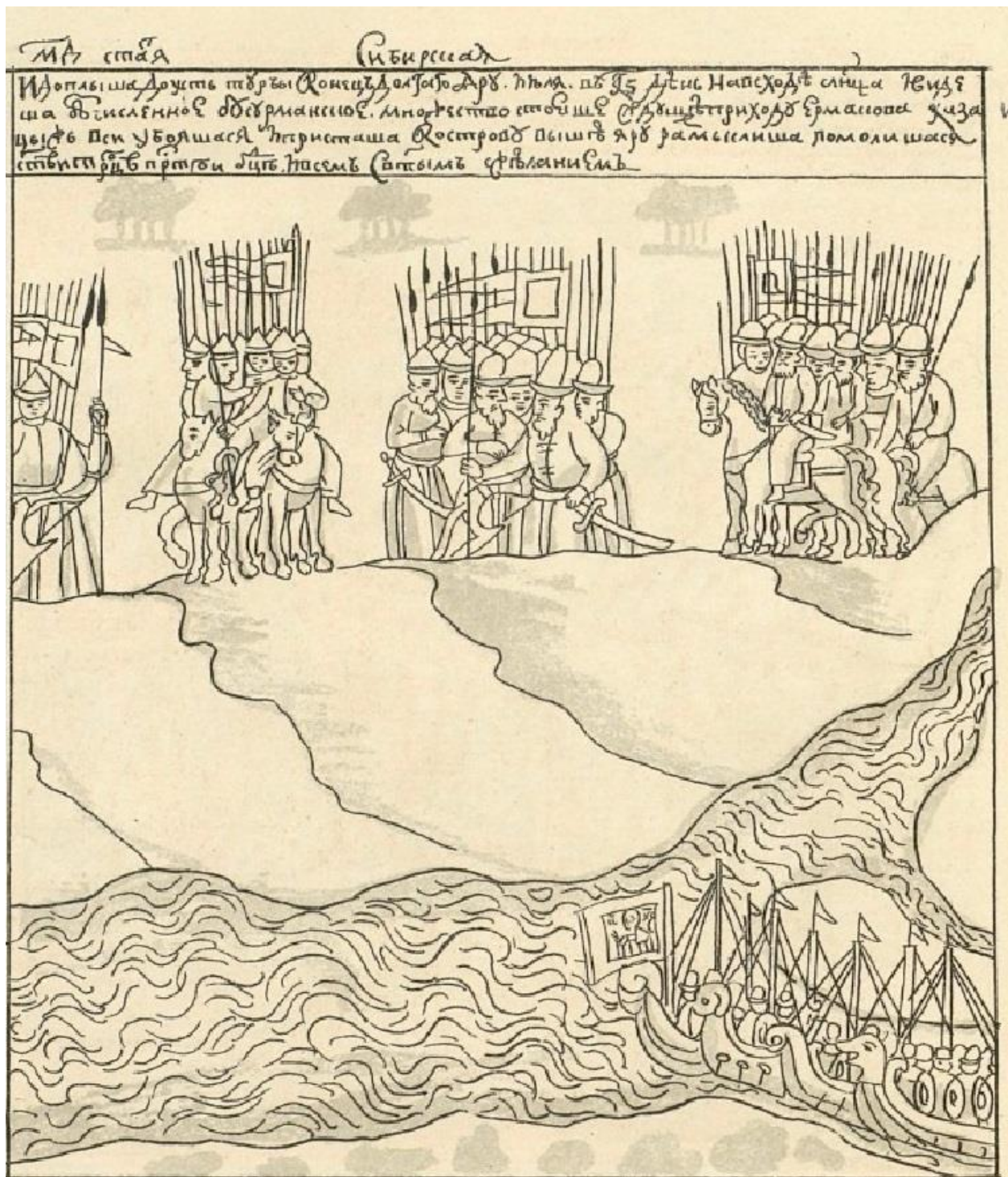

Рис. 9. Войско хана Кучума. Миниатюра из Ремезовской летописи.

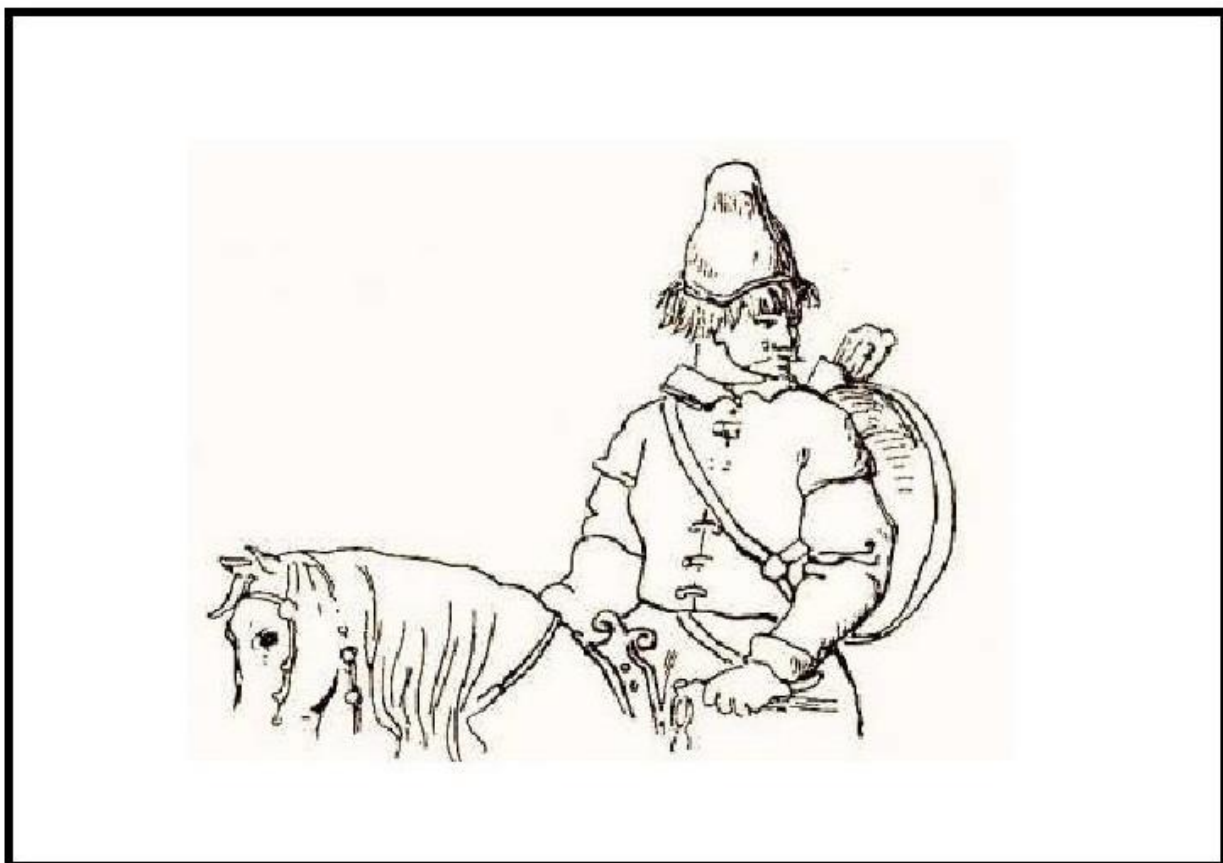

Рис. 10. Татарин. Рисунок начала XVI в. Альбрехт Дюрер (?).

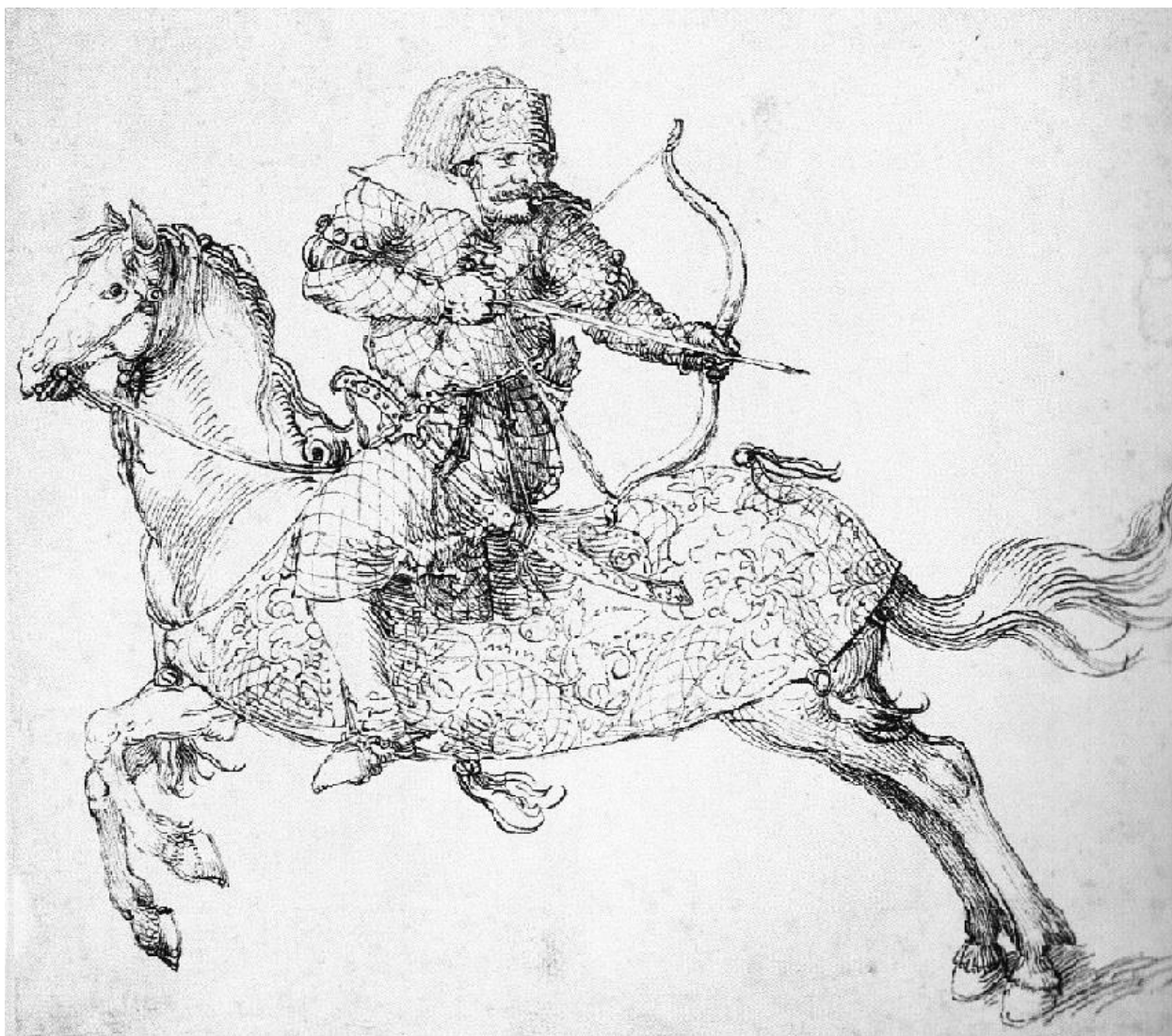

Рис. 11. Воин Московии (татарин – ?) в тягеляе, с саблей и луком. Рис. Альбрехта Дюрера.

Рис. 12. Портрет татарина. Рисунок неизвестного художника. Приблизительно первая половина – середина XVI в.

Рис. 13. Конный татарин. Гравюра фламандского гравёра Абрахама де Брюина, 1575 г.

Рис. 14. Конный татарин, 1575 г. Вариант гравюры Абрахама де Брюина.

Рис. 15. «Битва Александра», 1529 г. А. Альтдорфер. Старая пинакотеха (Мюнхен, Германия). Выделены фрагменты с «восточными всадниками».

1.

2.

Рис. 16. «Восточные всадники» с картины Альтдорфера.

1. Конные лучники.

2. Конные копейщики в «татарских» колпаках.

1.

2.

Рис. 17. Литовские татары на картине «Битва под Оршей».

1. «Битва под Оршей», картина неизвестного художника. Национальный музей, Варшава. Выделен фрагмент с татарами.

2. Липка (литовские служилые татары) атакуют русские полки и получают контрудар.

Рис. 18. Литовские татары с картины «Битва под Оршей». Крупный план.

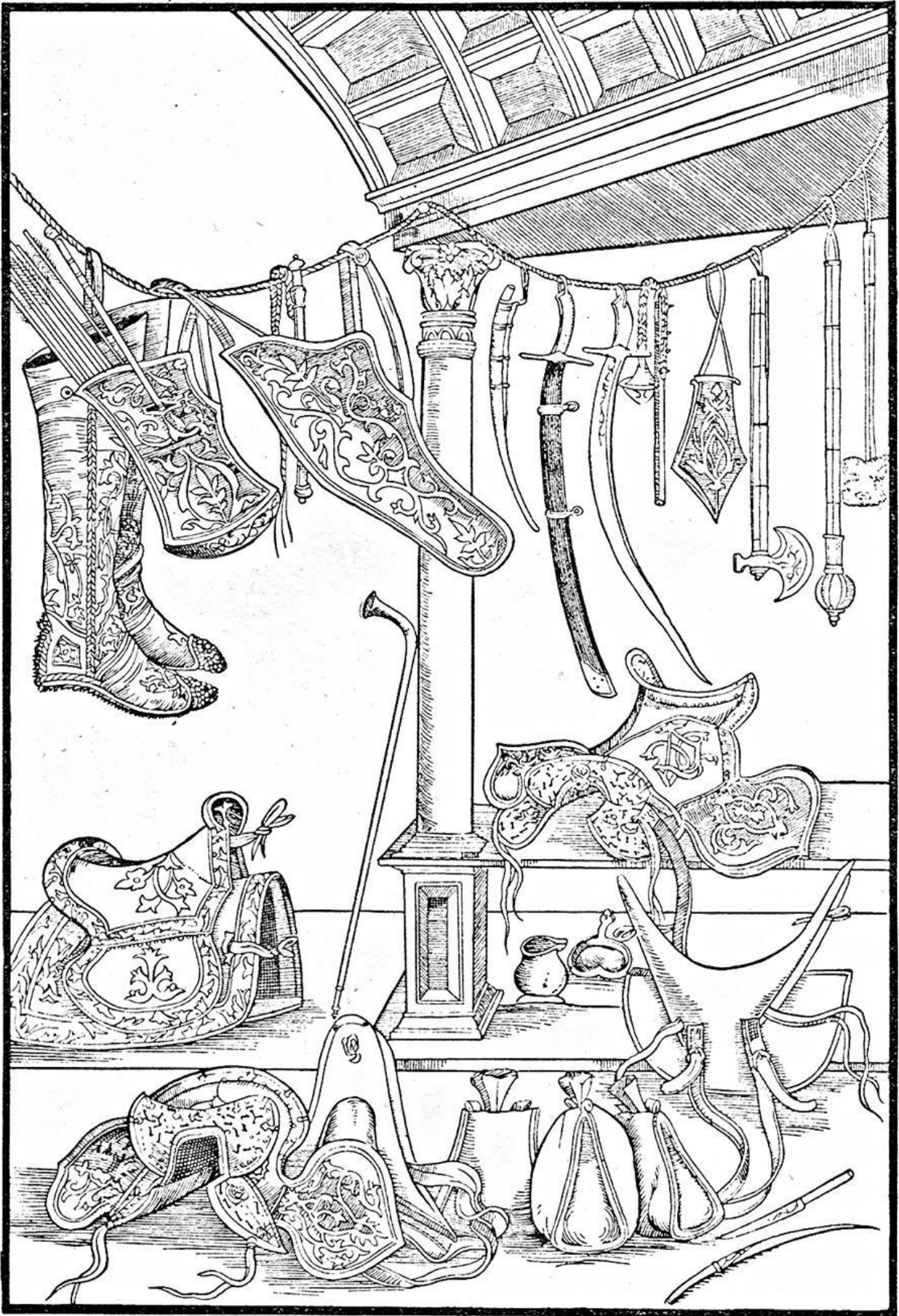

Рис. 19. Лавка с оружием и конским снаряжением в Московии. Гравюра из базельского издания «Записок о Московии» С. Герберштейна, 1556 г.

**Descriptio Sarmatarum
Asianae et Europaeae et eorū
quae in eis continent̄.**

¶ Sola sub occiduo viri-
tus manet orbe perennis

¶ Omnia mortali
cetera sorte cadunt.

Spes tua Christus.

Рис. 20. Бой с крымскими татарами. Титульный лист книги М. Меховского «Трактат о двух Сарматиях», 1521 г.

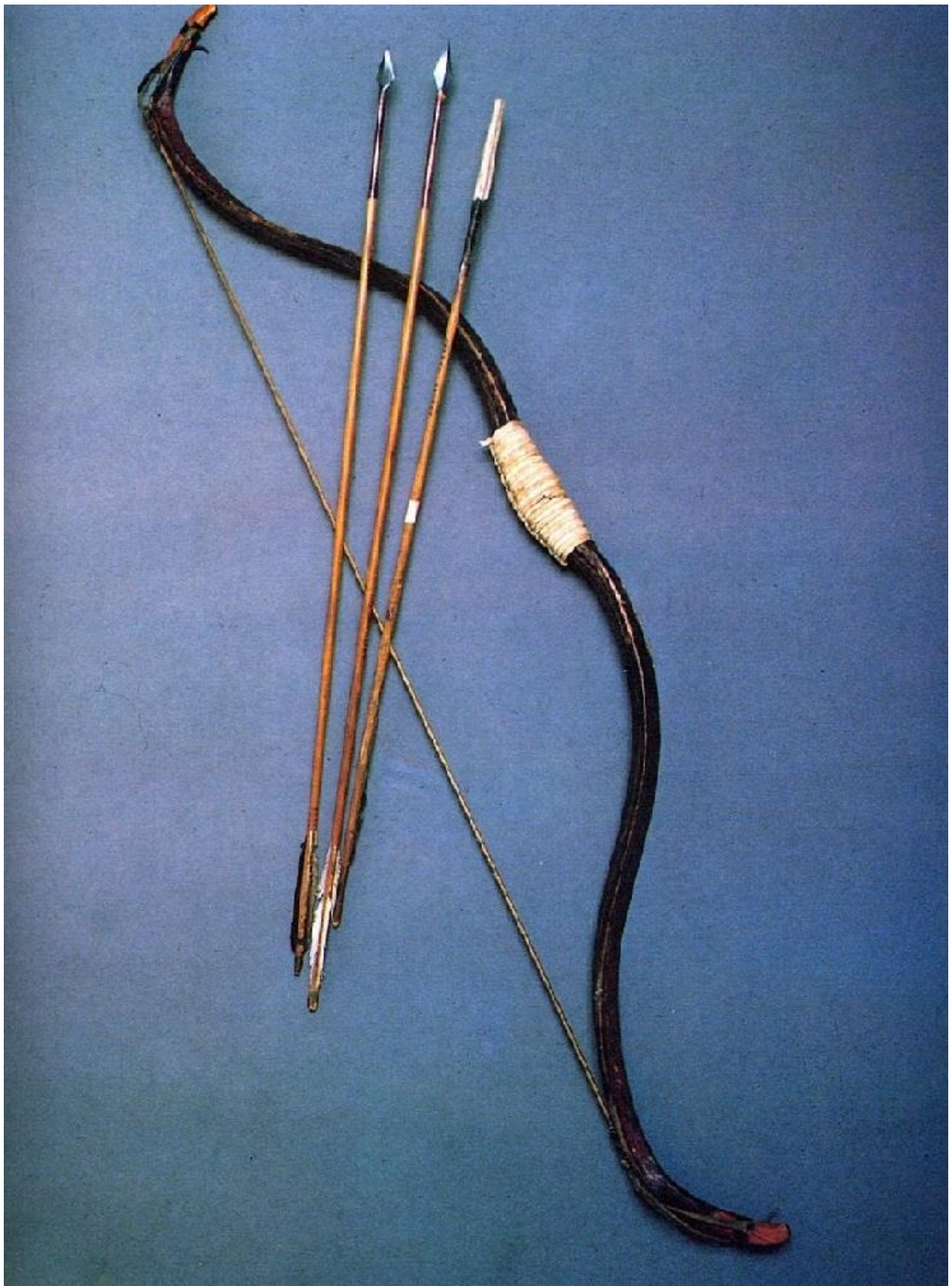

Рис. 21. Сложносоставной лук. Оружейная палата. По одной из версий принадлежал знатному служилому татарину.

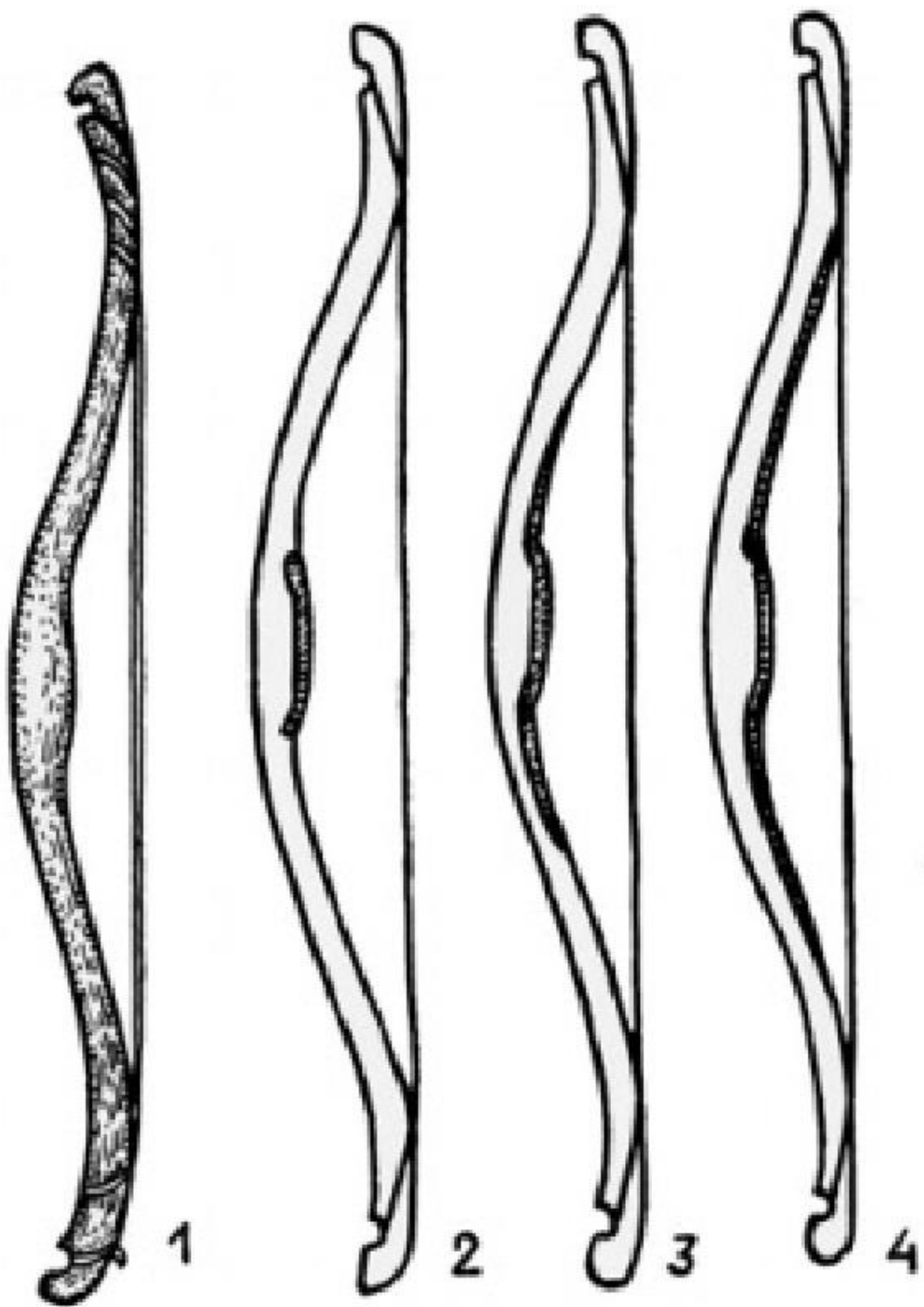

Рис. 22. Прорисовка луков сибирских татар XVI–XVII вв. Рис. Ю.С. Худякова.

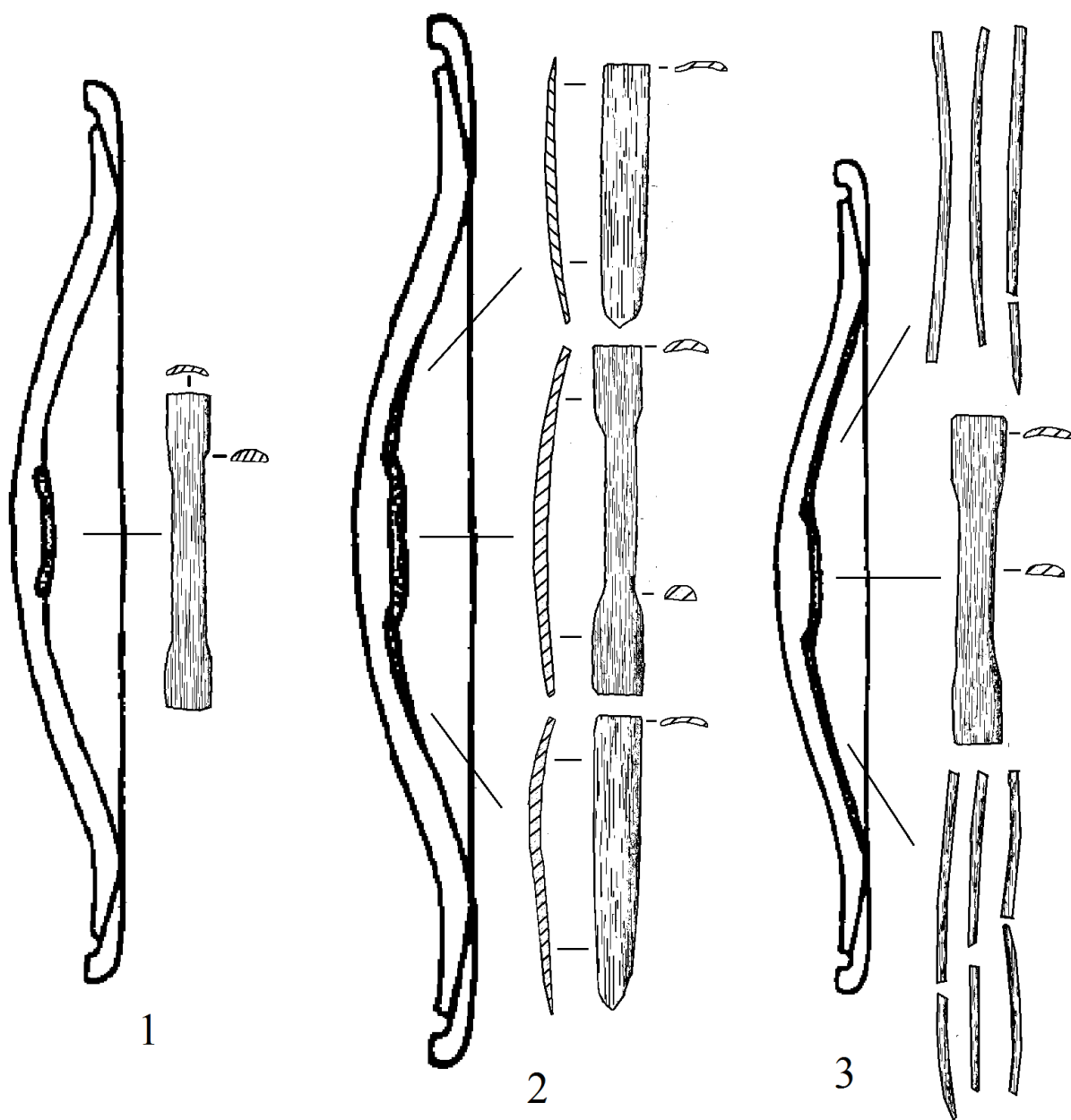

Рис. 23. Варианты расположения усилительных деталей на татарских луках.
 1. С одной фронтальной срединной планкой.
 2. С фронтальной срединной и двумя плечевыми планками.
 3. С фронтальной срединной планкой, усиленной тонкими пластинами.

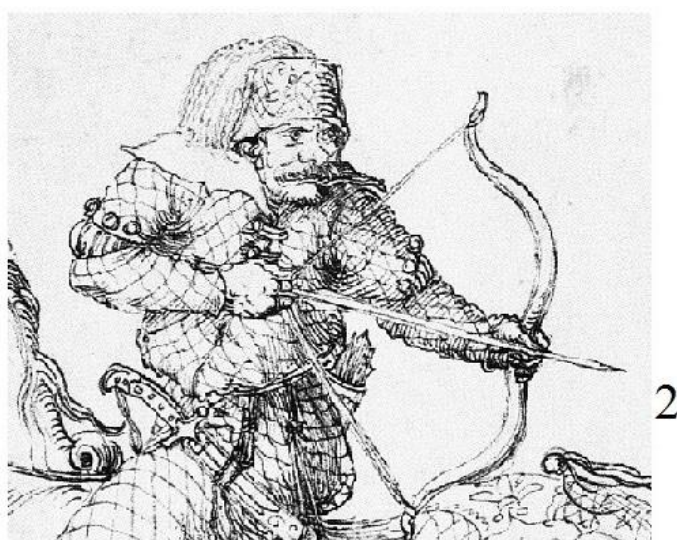

Рис. 24. Сложносоставные луки татарских и русских воинов в изобразительных материалах.

1. Картина «Битва Александра».

2. Рис. А. Дюрера.

3–4. Миниатюры Ремезовской летописи.

Рис. 25. Наконечники стрел с Торецкого поселения XIV–XV вв. Фото из статьи С.И. Валиулиной, С.И. (Наконечники стрел Торецкого поселения. / С.И. Валиулина // Учёные записки Казанского государственного университета. – Т. 151, кн. 2. Ч. 1. Гуманитарные науки. – Казань, 2009. – С. 16–23.).

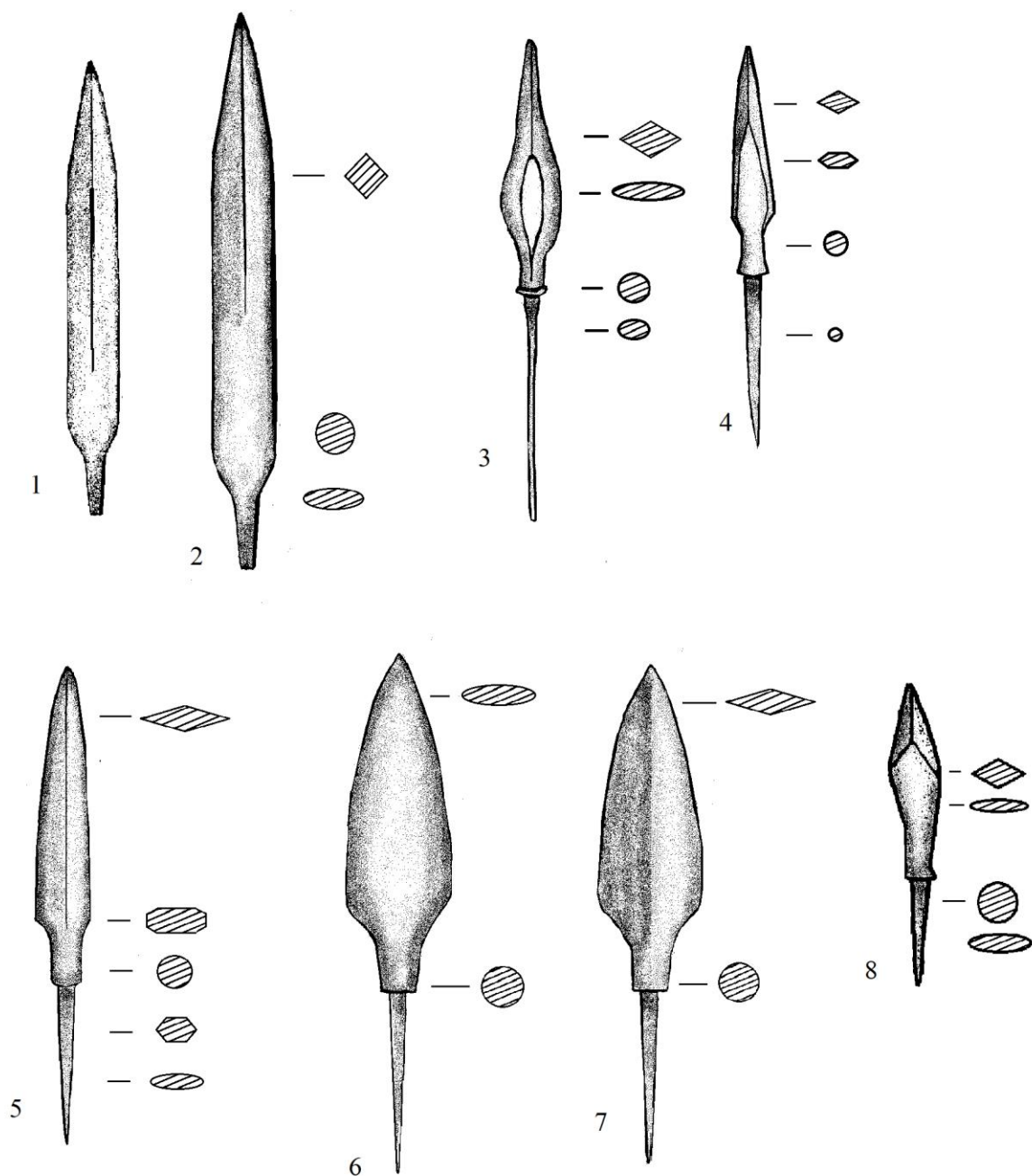

Рис. 26. Прорисовка наконечников стрел из центров службы татар в европейской части Российского государства XVI–XVII вв.: из Коломны (1–7), Боровска (6–7), Тушинского лагеря (5), городов Засечной черты (1–2), Казани (8), Чебоксар (5).

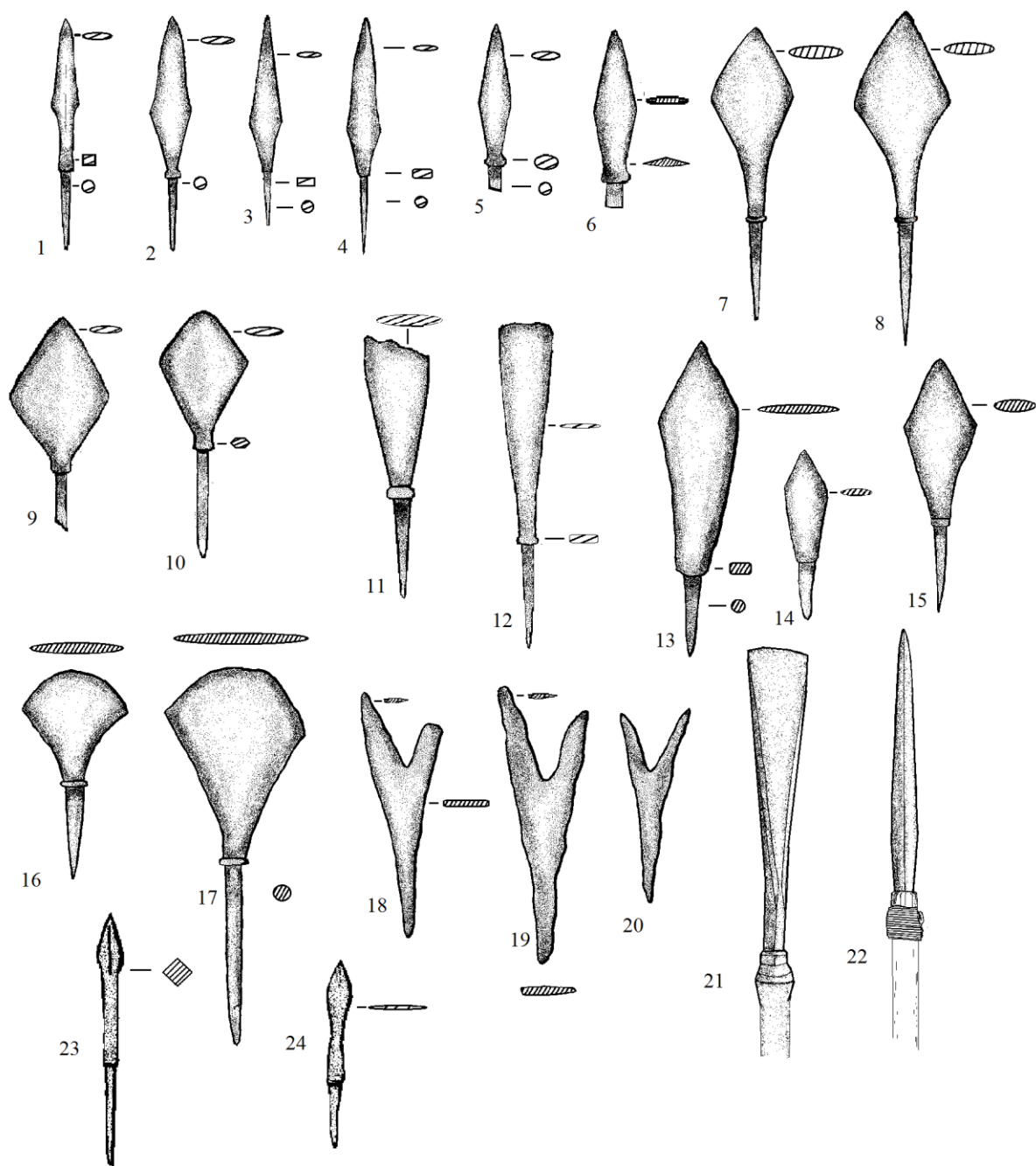

Рис. 27. Наконечники стрел из памятников сибирских татар XVI–XVII вв.: из археологических памятников Окунево-7 – 1–6, 11–12, 16–17; Абрамово-10 – 1, 7–9, 10–12; Чеплярово-27 – 5–6, 13–15; Бергамак-2 – 5–6, 13–15; Кыштовка-2 – 1, 2–8, 13–17; Садовка-4 – 18–20; Черталы-3 – 18–20; из собрания ТГИАМЗ – 21–22; с городища Искер – 23–24.

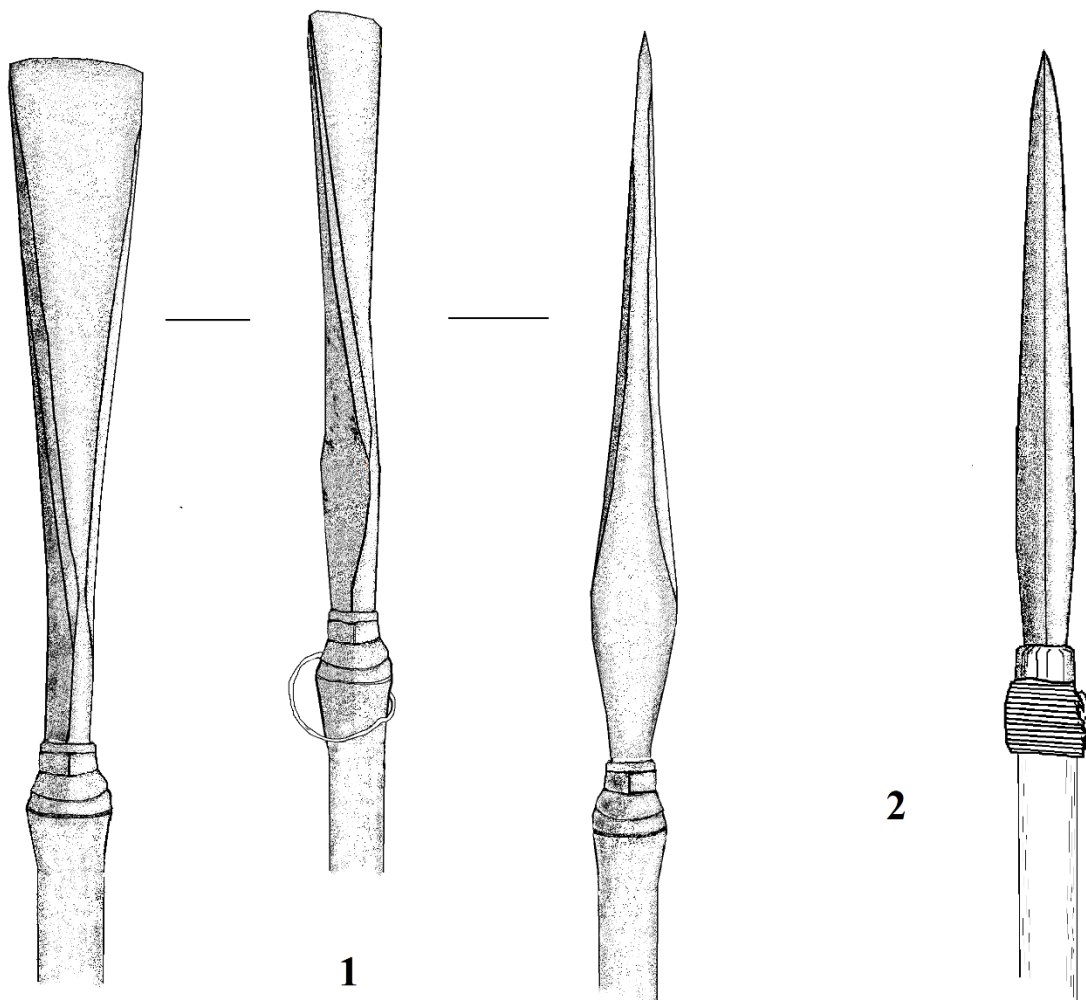

Рис. 28. Прорисовка наконечников стрел из арсенала князей Кулмаметьевых (собрание ТГИАМЗ).

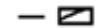

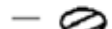

ТИП	НАКОНЕЧНИК	СЕЧЕНИЕ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ	
I		 	Боровск, Коломна, Казань ханского времени, Торец- кое поселение	Универсальные наконеч- ники рассекающего типа действия
II		 	Памятники Барабы, с р. Тара, из Искера	Универсальные наконеч- ники прокальвающего типа действия
III		 	Искер, памятники Бара- бы и Томского Приобья	Универсальные наконеч- ники прокальвающего типа действия
IV		 	Памятники Барабы (Чеп- лярово-27, Бергамак-2, Окунево-7)	Универсальные наконеч- ники прокальвающего типа действия

Рис. 29. Типология наконечников стрел (начало).

ТИП	НАКОНЕЧНИК	СЕЧЕНИЕ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ	
V вр. 1			Памятники лесостепи и тайги Западной Сибири (широко распространены среди тюрко-язычных кочевых народов XV-XVII вв.)	Универсальный наконечник рассекающего типа действия
V вр. 2			Памятники лесостепи и тайги Западной Сибири	Универсальный наконечник рассекающего типа действия
VI вр. 1			Археологические памятники Барабы, Искер	Универсальный наконечник рассекающего типа действия
VI вр. 2			Археологические памятники лесостепи Западной Сибири	Универсальный наконечник рассекающего типа действия
VII			Памятники Барабы (Абрамово-10, Окунево-7, Кыштовка-2 и др.) и европейской части Российского гос-ва	Универсальный наконечник рубяще-режущего типа действия

Рис. 30. Типология наконечников стрел (продолжение).

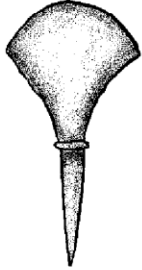

ТИП	НАКОНЕЧНИК	СЕЧЕНИЕ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ	
VIII			Памятники Барабы (Окунево-7, Кыштовка-2)	Универсальный наконечник рубяще-режущего типа действия
IX		 	Арсенал кн. Кулмаметьевых (ТГИАМЗ)	Универсальный наконечник рубяще-режущего типа действия
X			Памятники Барабы (Садовка-4, Черталы-3), Искер	Наконечник для поражения бездоспешного противника
XI			Боровск, Коломна, Казань времён ханства, татарское Торецкое поселение	Универсальный наконечник рассекательного типа действия
XII			Казанский край	Универсальный наконечник прокалывающего действия

Рис. 31. Типология наконечников стрел (продолжение).

ТИП	НАКОНЕЧНИК	СЕЧЕНИЕ	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ	
XIII вр. 1		— 	Коломна, Чебоксары, Тушинский лагерь (1/2 наконечников стрел с евро- пейской части Российского государства XV-XVII вв.)	Универсальный наконечник прокальвающего типа действия
XIII вр. 2		— 	Коломна	Бронебойный прокальвающего типа действия
XIV		— 	Коломна, города Засечной черты. Арсенал кн. Кулмаметьевых (ТГИАМЗ)	Бронебойный наконечник прокальвающего типа действия

Рис. 32. Типология наконечников стрел (окончание).

Рис. 33. Колчан князей Кулмаметьевых (ТГИАМЗ). Фото Л.А. Боброва.

Рис. 34. Колчан князей Кулмаметьевых – тыльная сторона (ТГИАМЗ). Фото Л.А. Боброва.

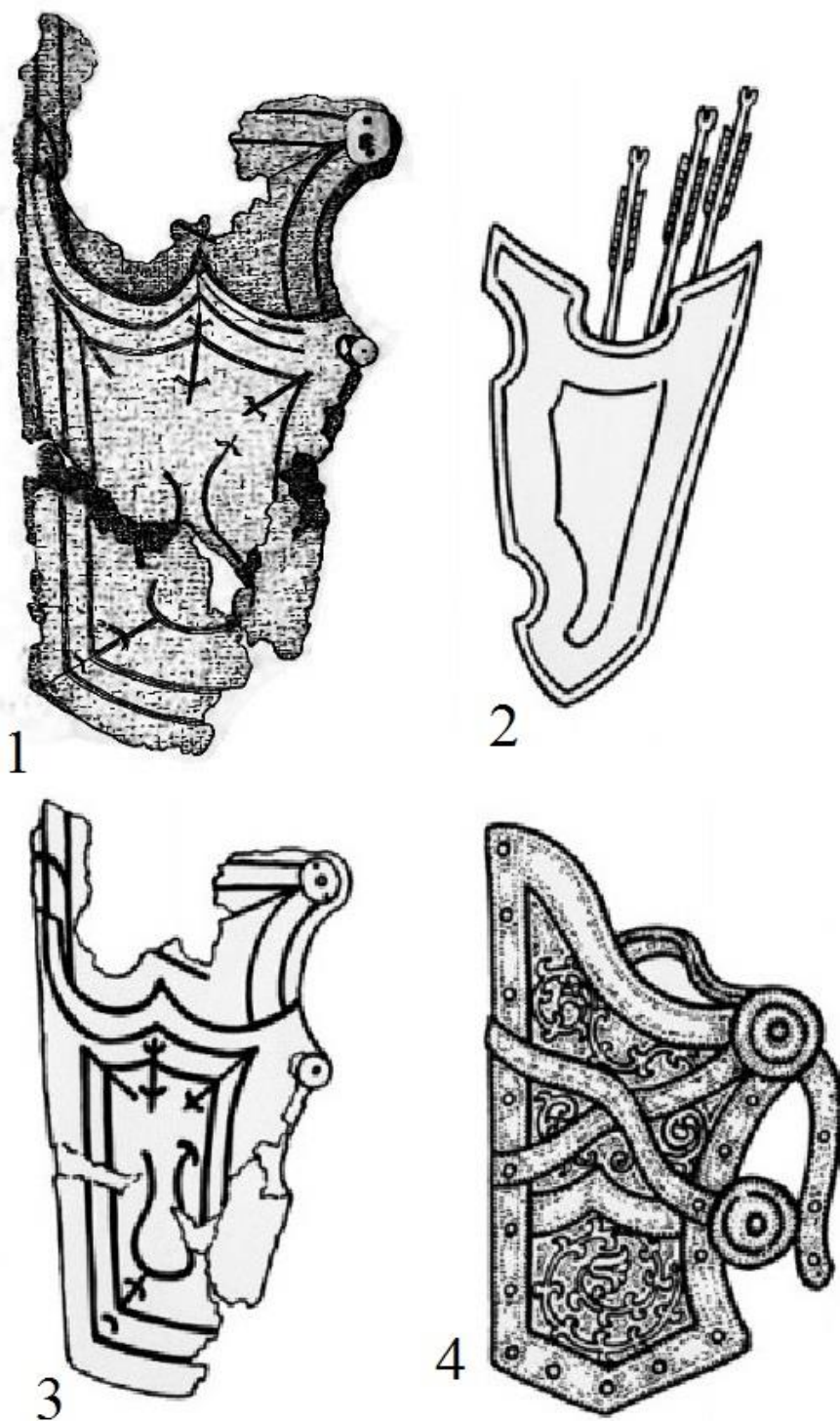

Рис. 35. Прорисовка колчанов сибирских татар: по В.И. Молодину, В.И. Соболеву и А.И. Соловьёву (Абрамово-10) – 1, по Ю.С. Худякову – 2–4.

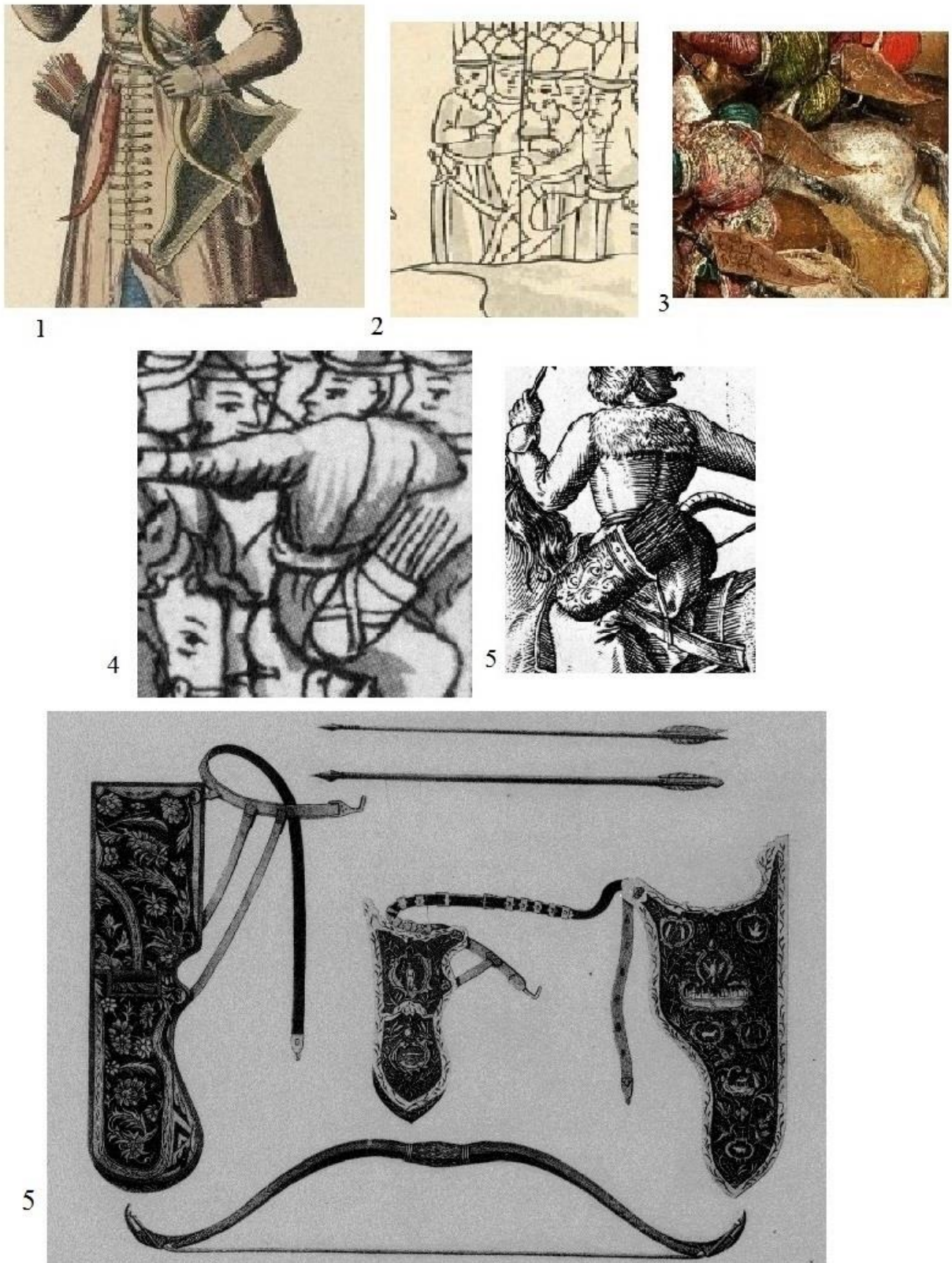

Рис. 36. Изображения татарских налучей и колчанов в европейских (1, 3) и русских (2, 4, 5) изобразительных источниках, и изображение саадчного набора у А.В. Висковатого (5).

Рис. 37. Кавказские сабли с территории Западной Сибири (Государственный Эрмитаж). Фото Л.А. Боброва.

Рис. 38. Сабля (Национальный музей Республики Татарстан). Фото из книги «История татар с древнейших времён. В семи томах.» Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань, 2014.

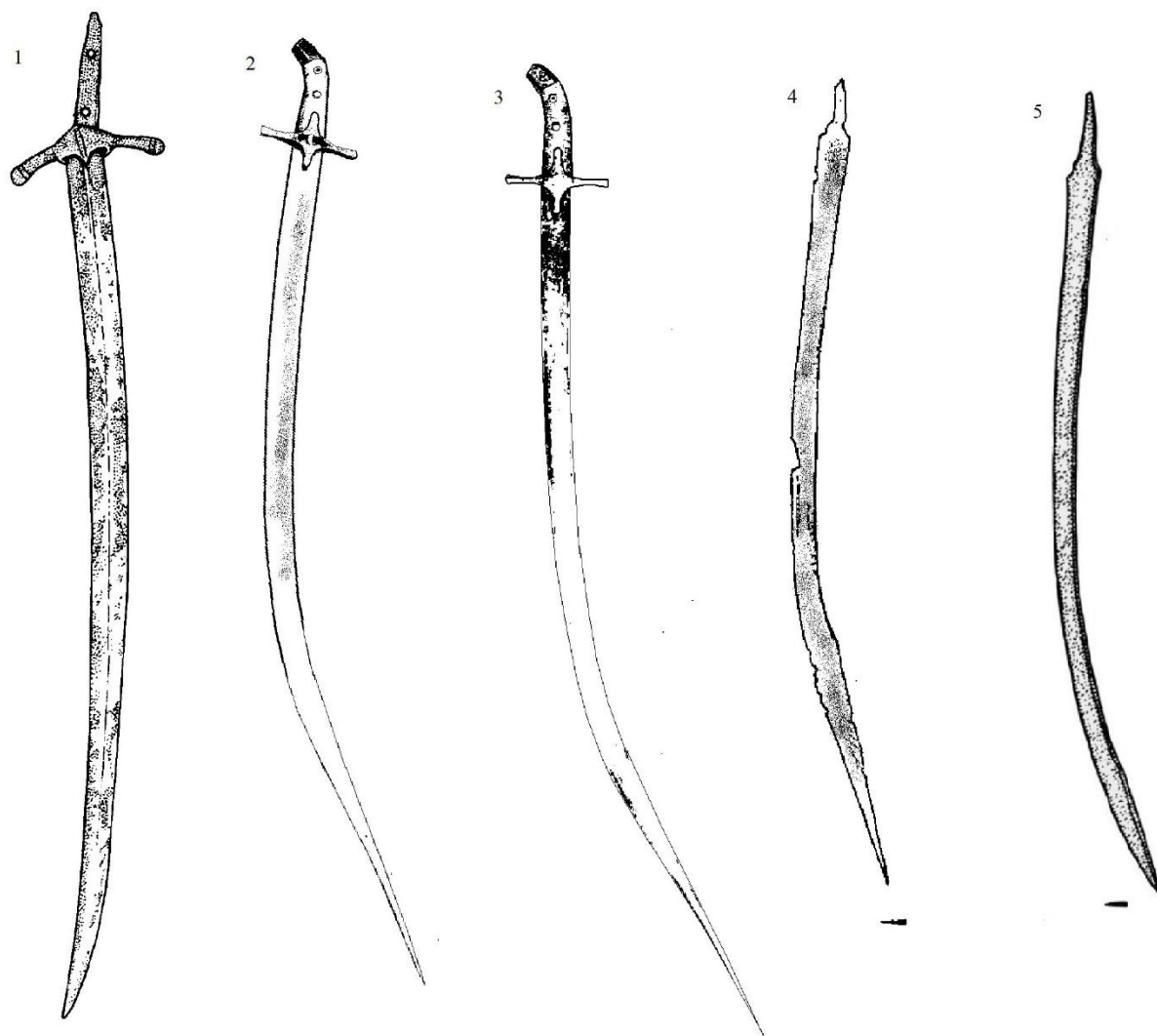

Рис. 39. Прорисовка сабель сибирских татар из МАЭС ТГУ (1), Государственного Эрмитажа (2–3), ТГИАМЗ (4), из Искера (5). Рис. Л.А. Боброва (1, 4), Ю.С. Худякова (5), Б.А. Илюшина (2–3).

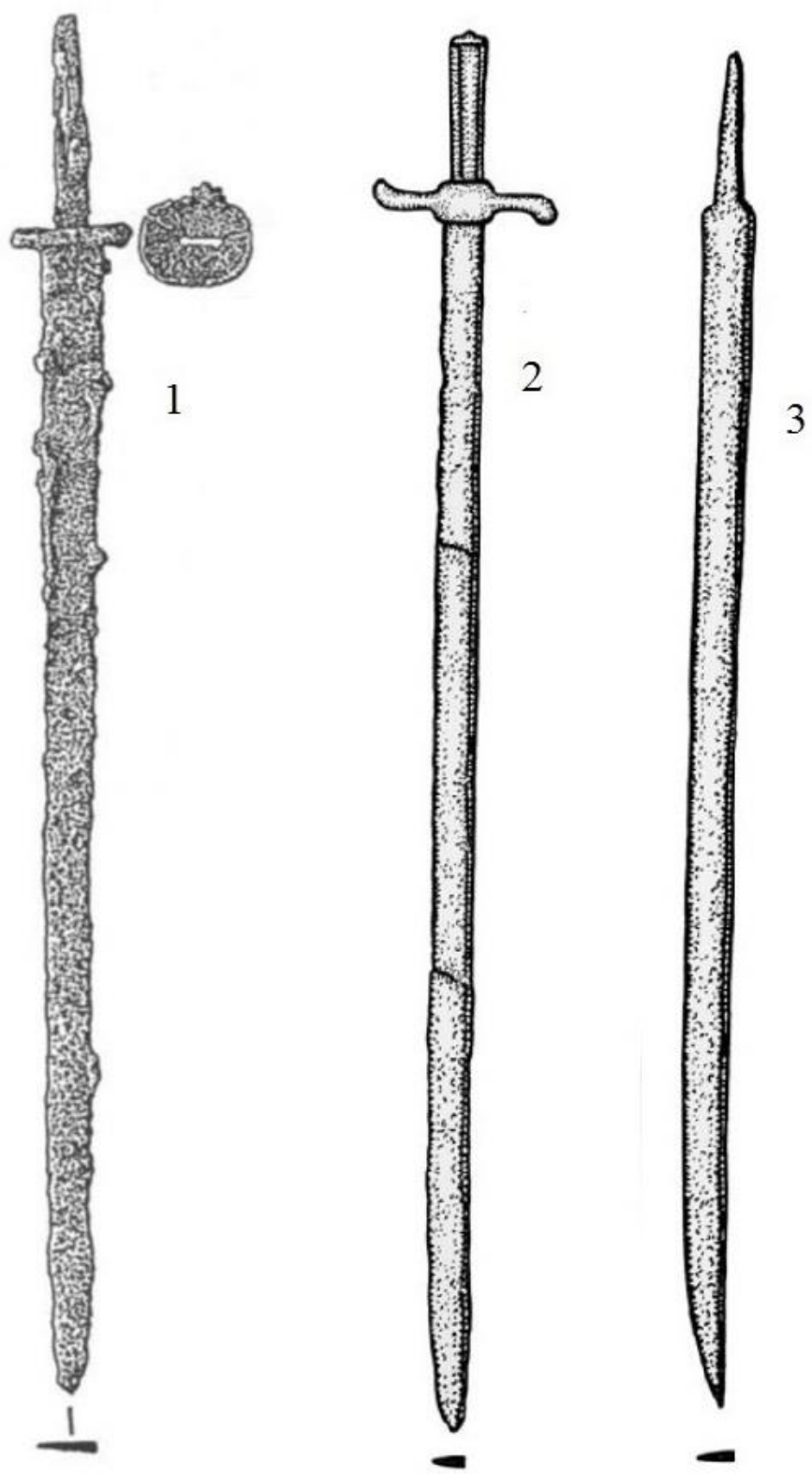
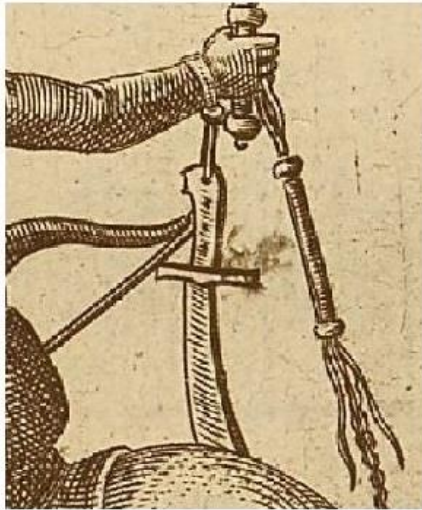
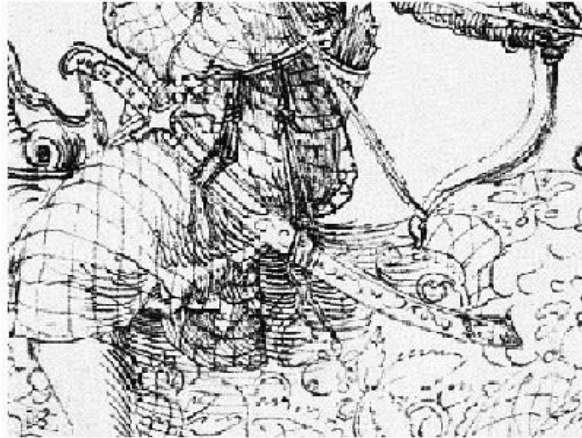

Рис. 40. Прорисовка палашей сибирских татар: из могильника Бергамак-2 (1), с городища Искер (2–3). Рис. Л.А. Боброва (1), Ю.С. Худякова (2–3).

1

2

3

4

Рис. 41. Изображения сабель татарских и русских (?) воинов в изобразительных источниках: 1 – миниатюра Ремезовской летописи; 2 – москвит (?) А. Дюрера; 3 – гравюра де Брюина; 4 – картина «Битва под Оршей».

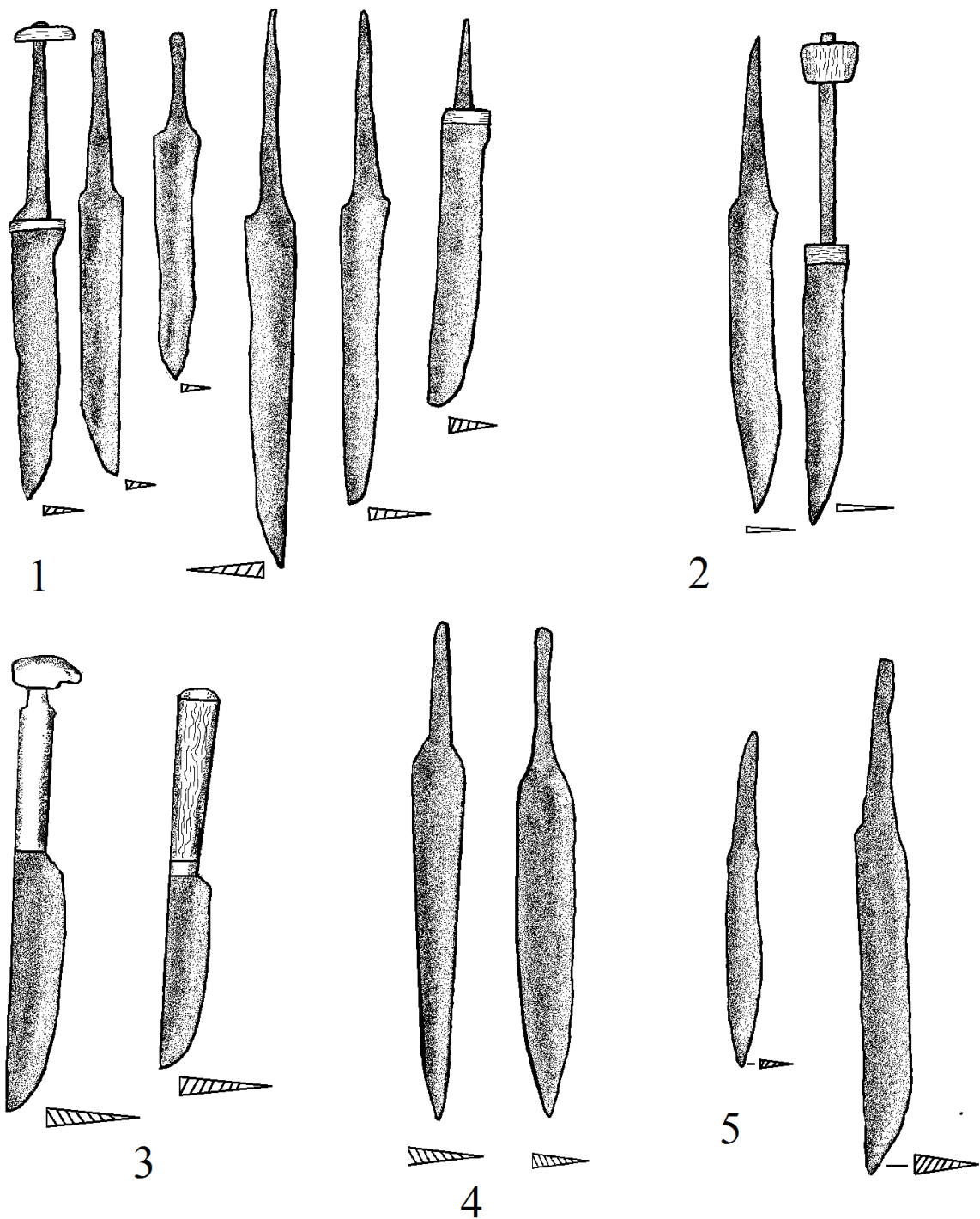

Рис. 42. Прорисовка ножей сибирских татар из археологических памятников Абрамово-10 (1, 3–5), Окунево-7 (3), Чеплярово-27 (1–3, 5), Черталы-3 (1), Кыштовка-2 (1–2).

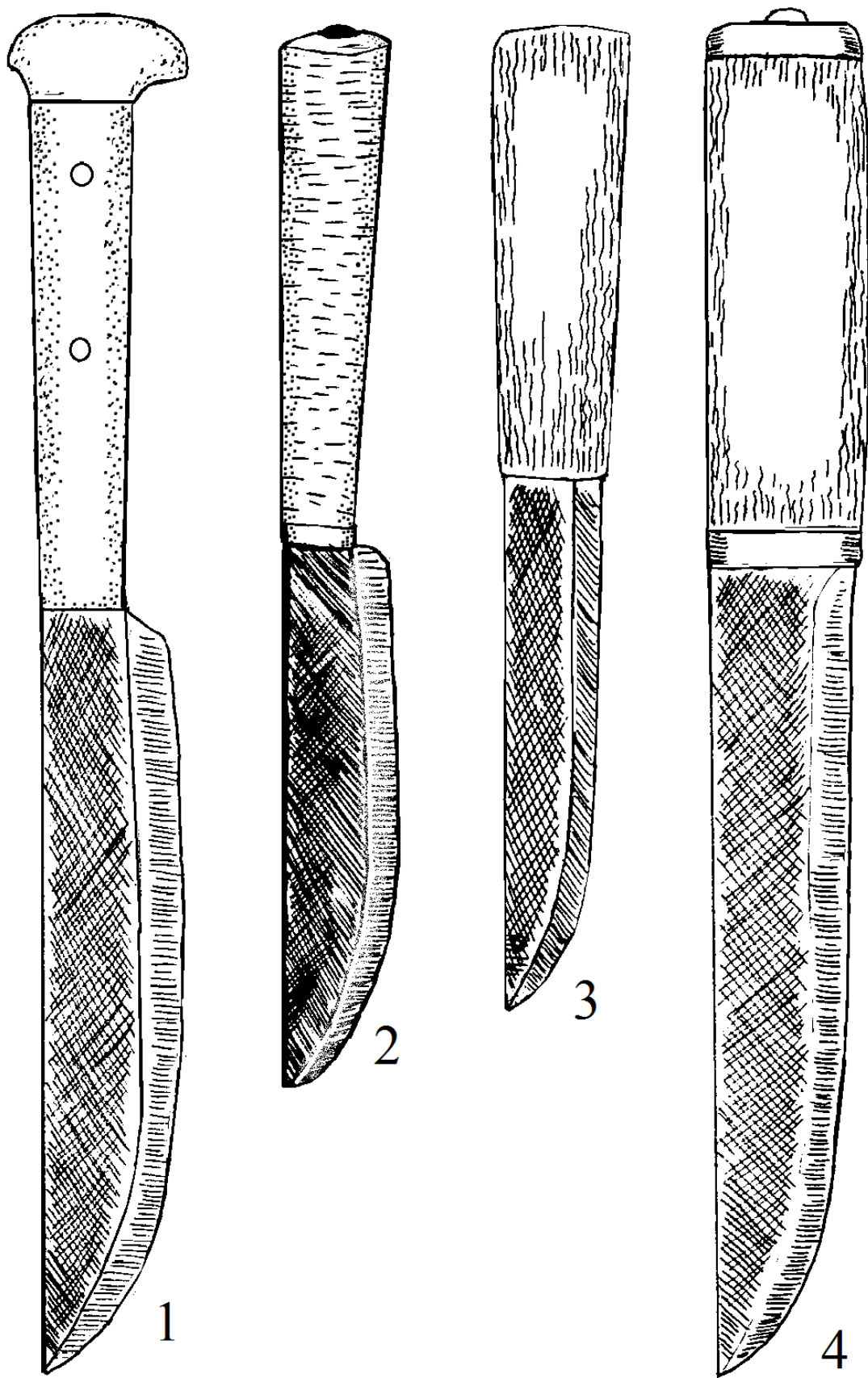

Рис. 43. Реконструкция рукоятей ножей из позднесредневековых археологических памятников Барабы.

Рис. 44. Подсаадачный нож (по Ф.Г. Солнцеву).

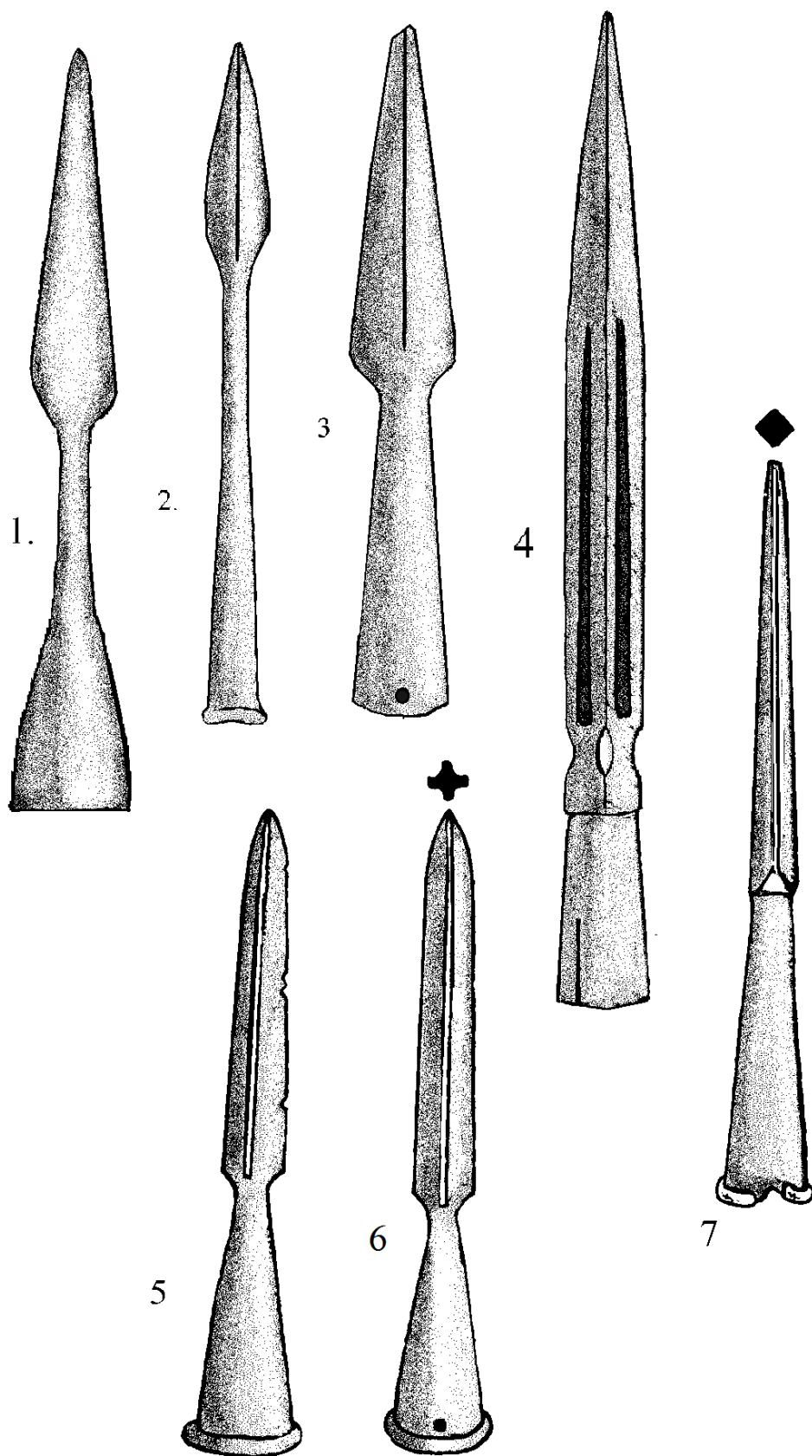

Рис. 45. Наконечники копий, пик и рогатин сибирских татар: из могильника Бергамак-2 (1), Абрамово-10 (2), из арсенала кн. Кулмаметьевых (5–8), случайные находки из Венгеровского р-на Новосибирской обл. Рис. Б.А. Илюшина.

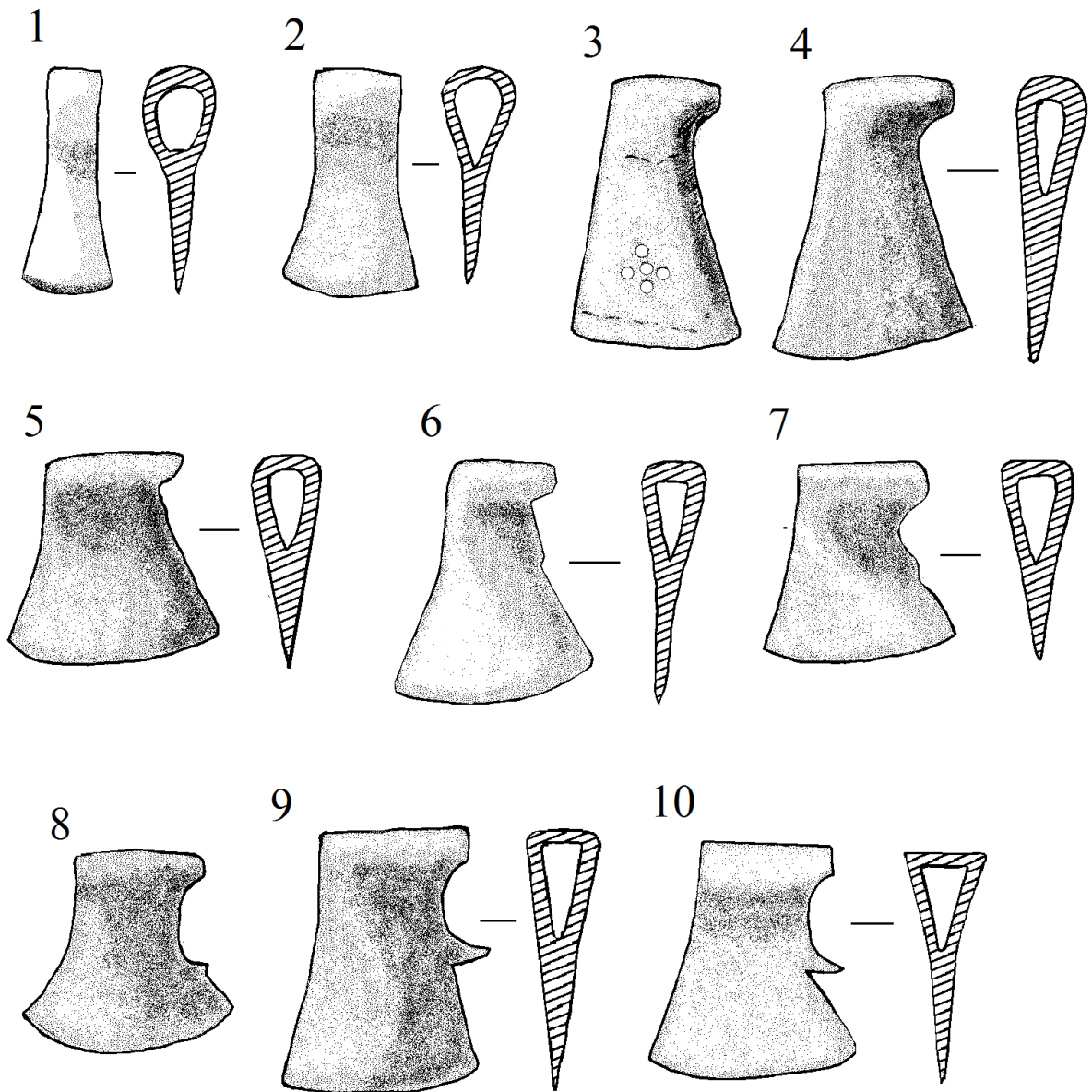

Рис. 46. Прорисовка топоров сибирских татар из памятников Абрамово-10 (1–5, 8–10), Садовка-4 (1, 2), Чеплярово-27 (3–5), Бергамак-2. Рис. Б.А. Илюшина.

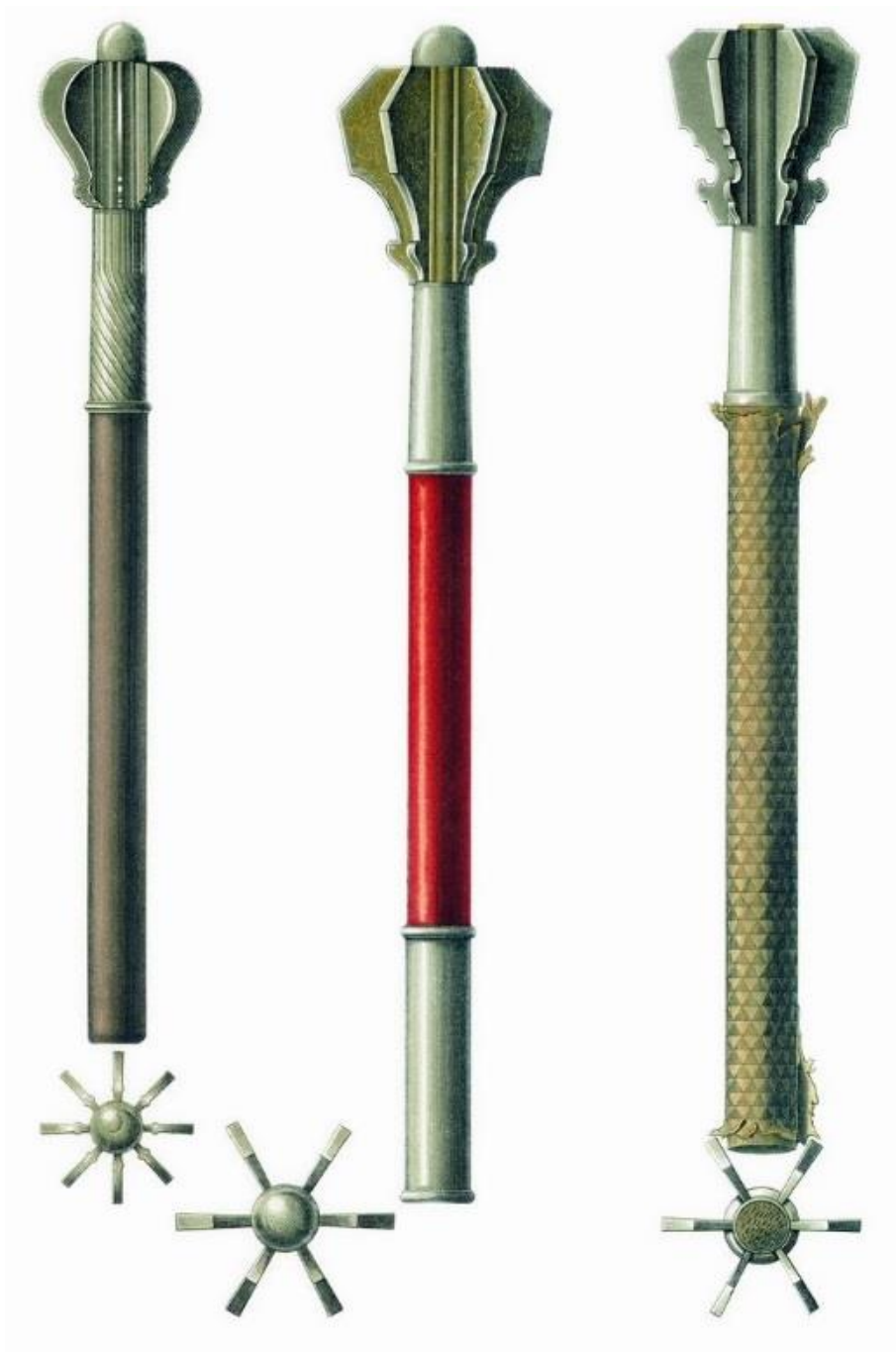
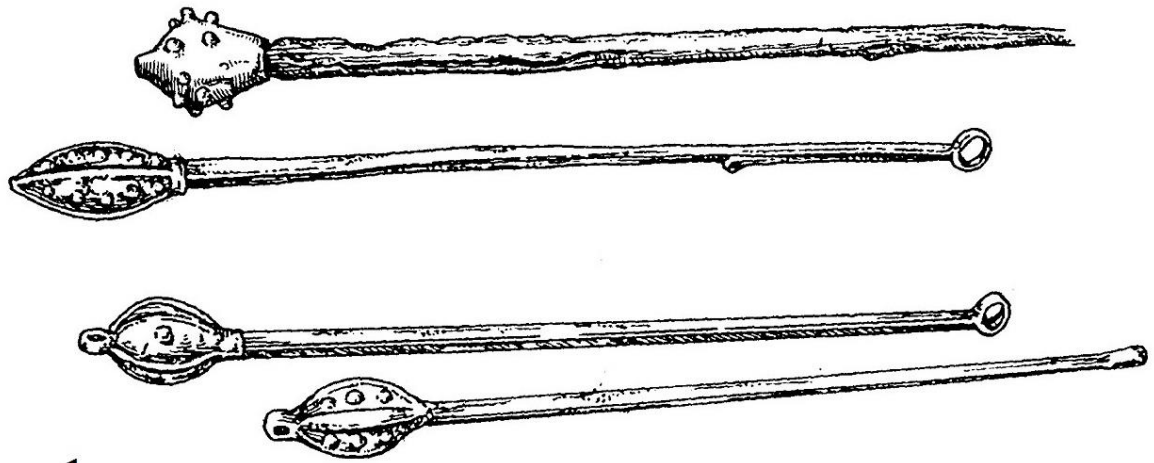
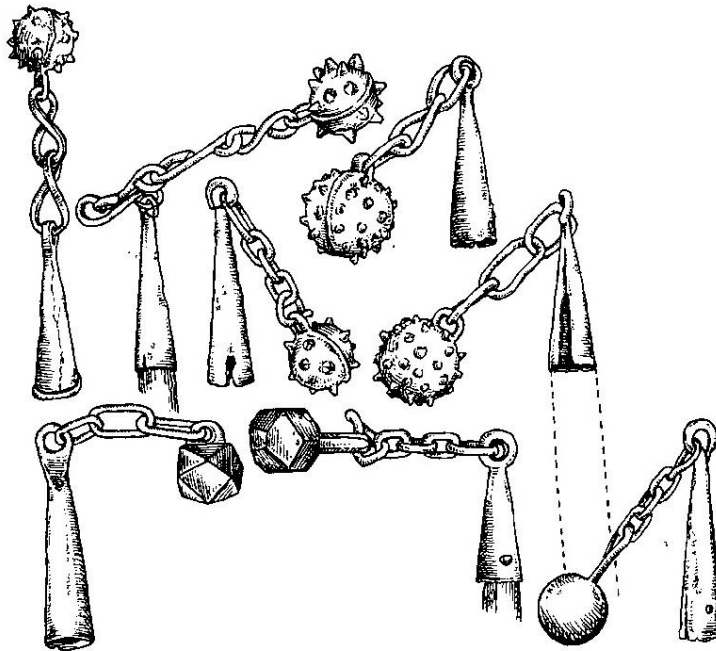

Рис. 47. Русские шестопёры (по Ф.Г. Солнцеву).

1

2

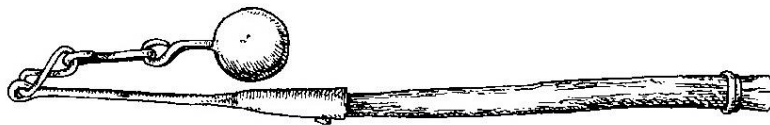

Рис. 48. Булавы (1) и кистени (2) с территории Сибири (XVII–XVIII вв.). Рис. Л.А. Боброва.

1

2

Рис. 49. Иранские доспехи XVIII–XIX вв., обозначаемые как доспехи касимовского татарина XVI в. Краеведческий музей г. Касимова.

Рис. 50. Фрагмент кольчатого панциря с городища Искер, вторая половина XVI в. ТГИАМЗ. Фото Л.А. Боброва.

Рис. 51. Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ, №1. Сибирские татары XVI–XVII вв.
Фото Л.А. Боброва.

Рис. 52. Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ, №2. Сибирские татары XVI–XVII вв.
Фото Л.А. Боброва.

Рис. 53. Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ, №3. «Байдана». Сибирские татары XVI–XVII вв. Фото Л.А. Боброва.

Рис. 54. Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ, №4. Сибирские татары XVI–XVII вв.
Фото Л.А. Боброва.

Рис. 55. Кольчатый панцирь из ТГИАМЗ, №5. Сибирские татары XVI–XVII вв.
Фото Л.А. Боброва.

Рис. 56. Кольчатый панцирь с территории Казанского ханства. Национальный музей Республики Татарстан. Фото из книги «История татар с древнейших времён. В семи томах.» Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань, 2014.

10

11

Рис. 57. Панцирь и панцирные пластины из могильника Окунево-7. Фото из статьи Ю.В. Герасимова (Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: Сборник научных трудов. – Новосибирск, 2013. – С. 67–74).

1–9 – пластины панциря; 10 – общий вид погребения; 11 – панцирь в погребении.

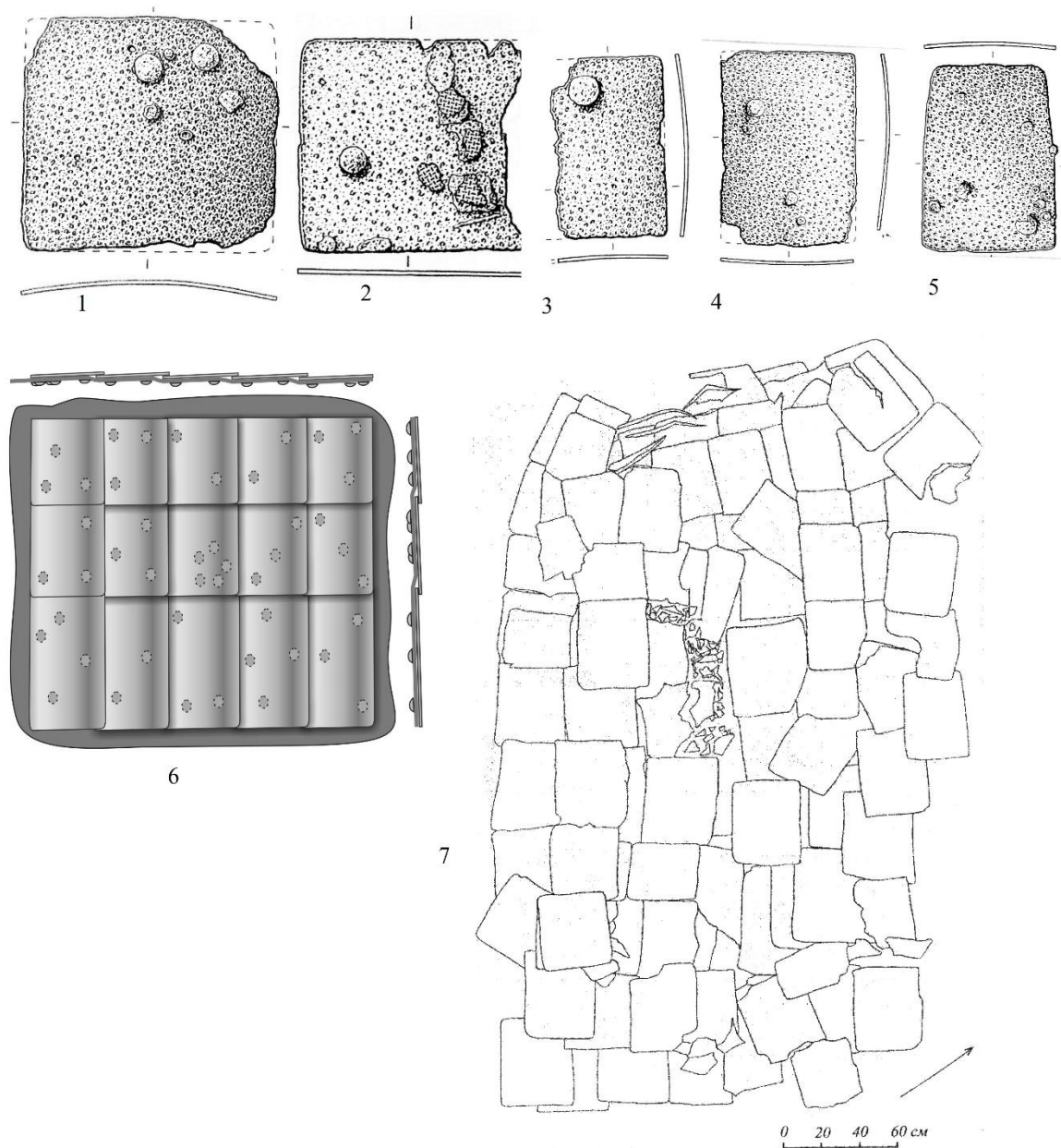

Рис. 58. Прорисовка панцирных пластин (1–5), панциря (7) и схема крепления (6).
 Рис. из статьи Ю.В. Герасимова (Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: Сборник научных трудов. – Новосибирск, 2013. – С. 67–74).

Рис. 59. Цилиндрикоконический шлем из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вторая половина XV – начало XVI в. Фото из статьи К.А. Жукова [Жуков, К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. / К.А. Жуков // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. – Тула: Инфра, 2005. – С. 216–235].

Рис. 60. Сфероконический цельнокованый шлем с украшенной чеканкой латунной пластиной навершия. Сибирские татары, XVII в. ТГИАМЗ. Фото Л.А. Боброва.

Рис. 61. Сфероконический цельнокованный шлем с украшенной чеканкой латунной пластиной наверхия. Вид сверху. Сибирские татары, XVII в. ТГИАМЗ. Фото Л.А. Боброва.

Рис. 62. Латунная пластина сфероконического шлема из ТГИАМЗ. Фото Л.А. Боброва.

Рис. 63. Полусферический цельнокованный шлем с комбинированной бармицей. Сибирские татары, XVII в. ТГИАМЗ. Фото Л.А. Боброва.

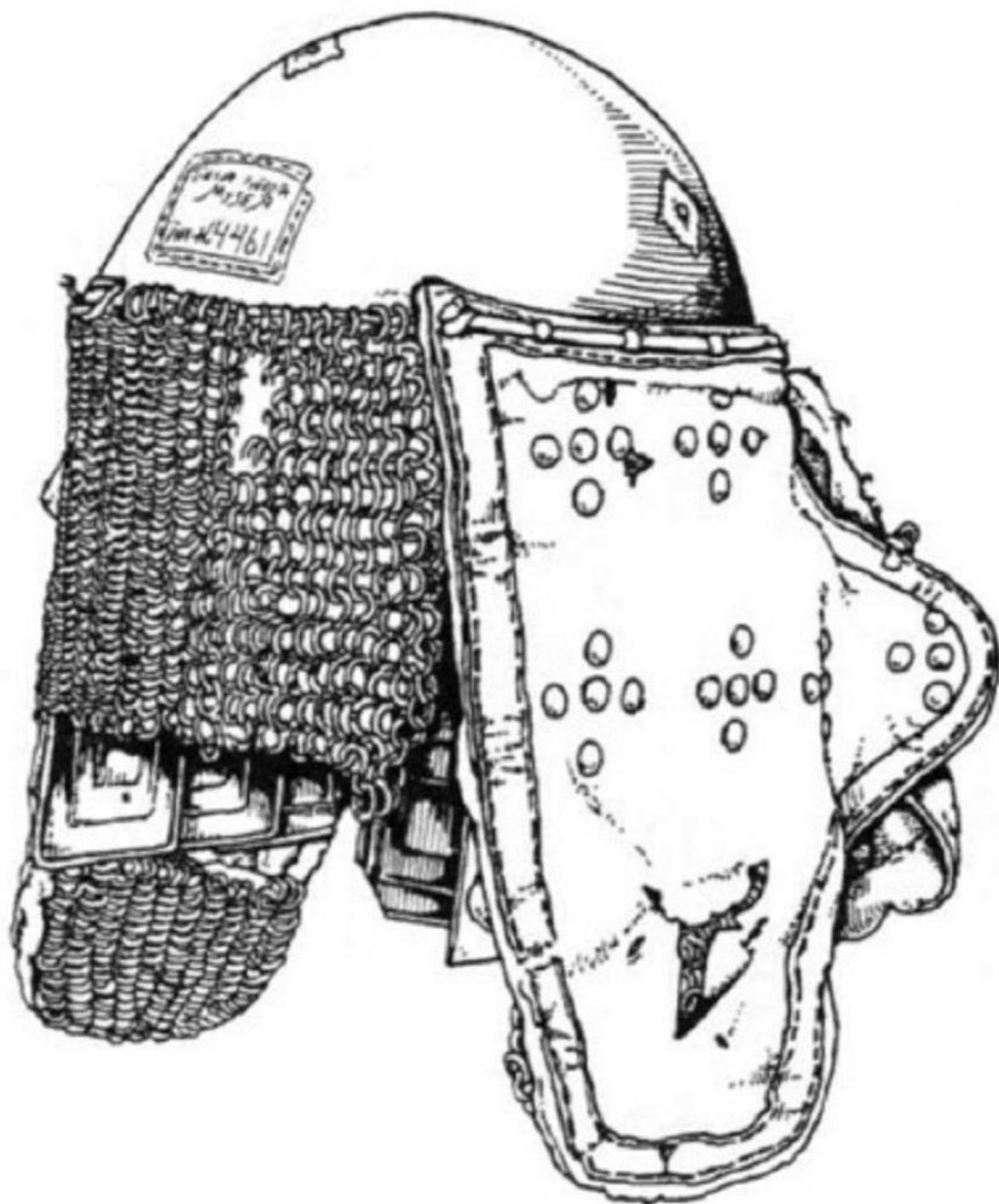

Рис. 64. Полусферический цельнокованный шлем с комбинированной бармицей. Прорисовка Л.А. Боброва.

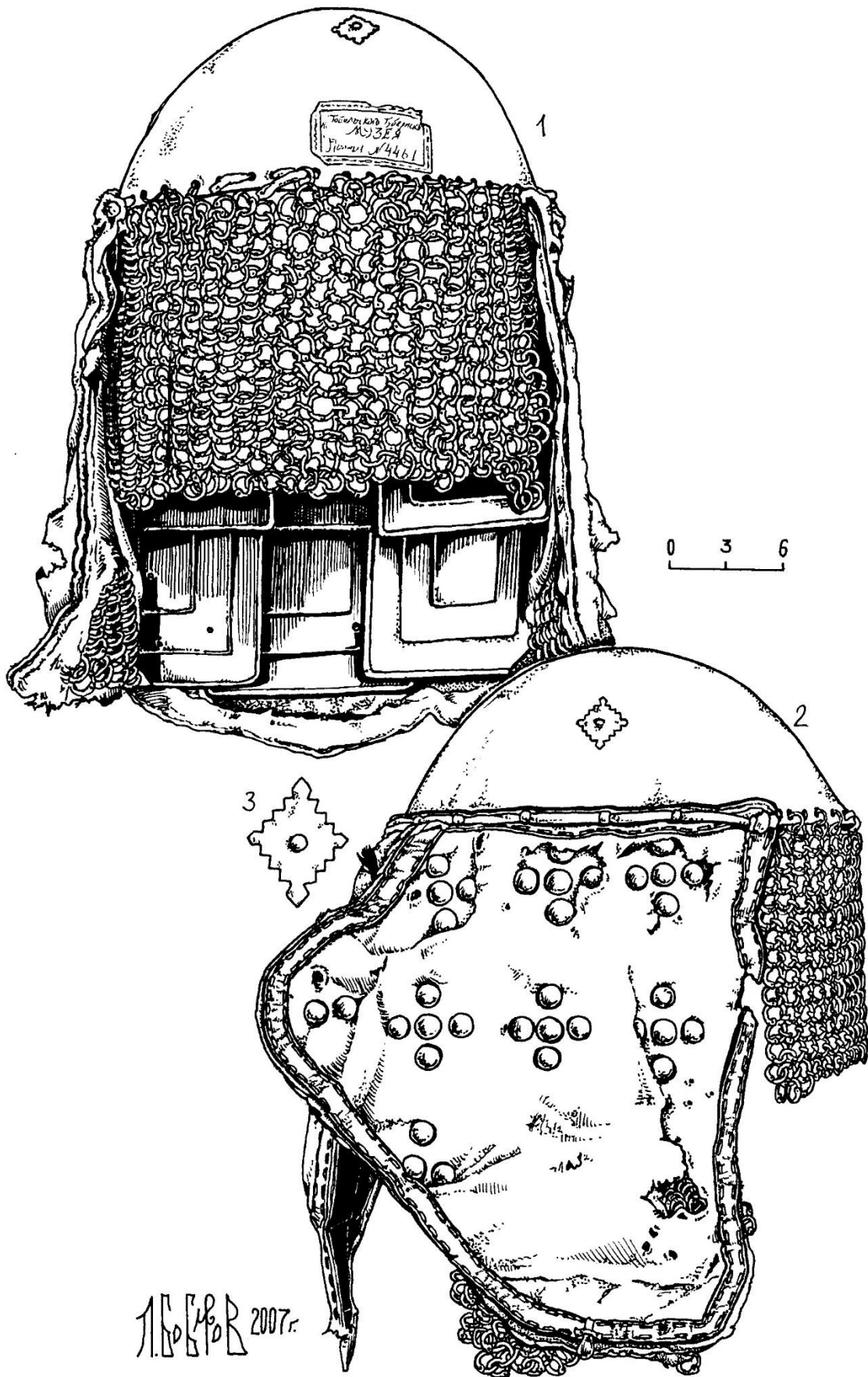

Рис. 65. Полусферический цельнокованный шлем с комбинированной бармицей. Вид справа и спереди. Прорисовка Л.А. Боброва.

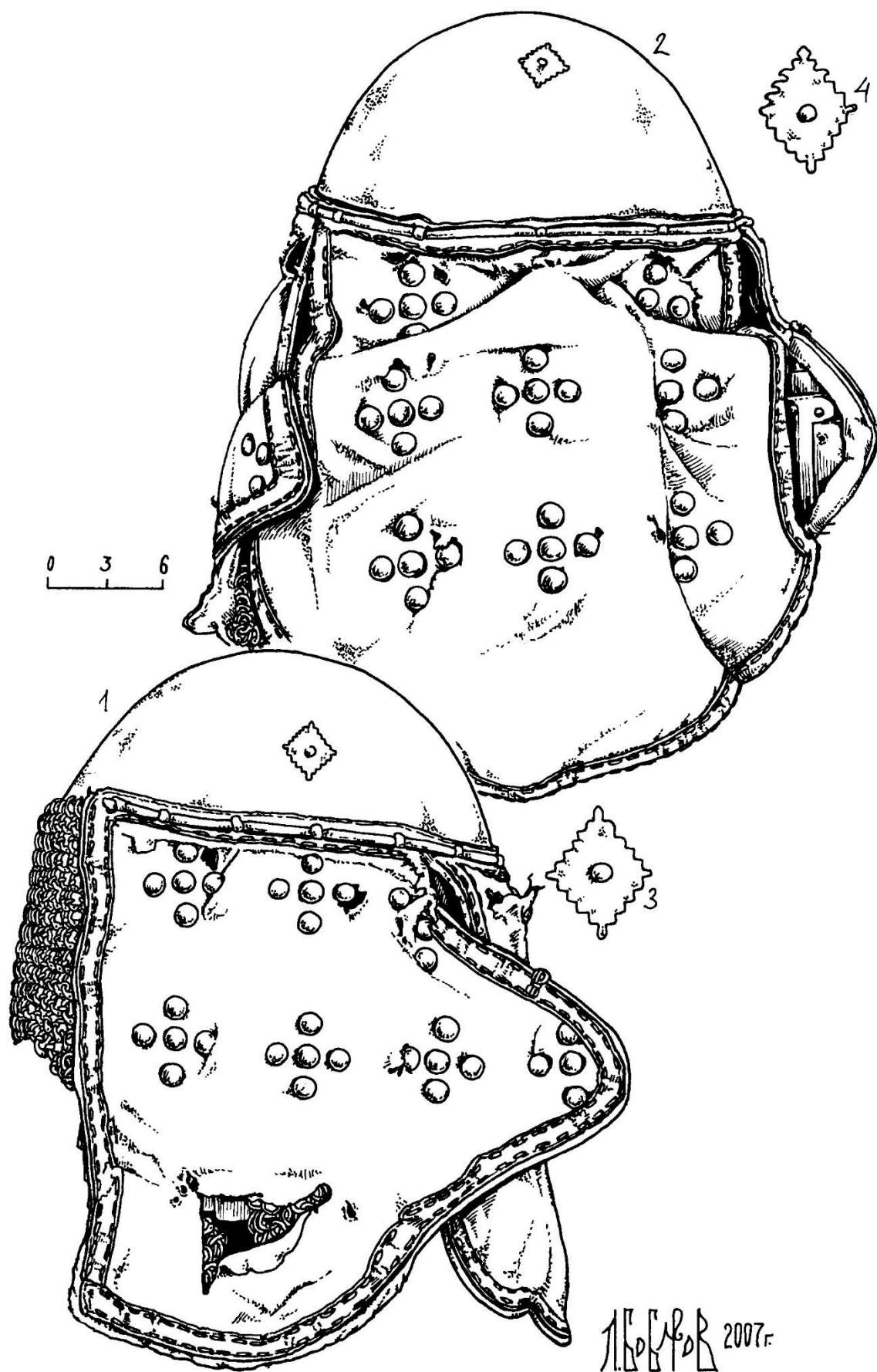

Рис. 66. Полусферический цельнокованный шлем с комбинированной бармицей. Вид слева и сзади. Прорисовка Л.А. Боброва.

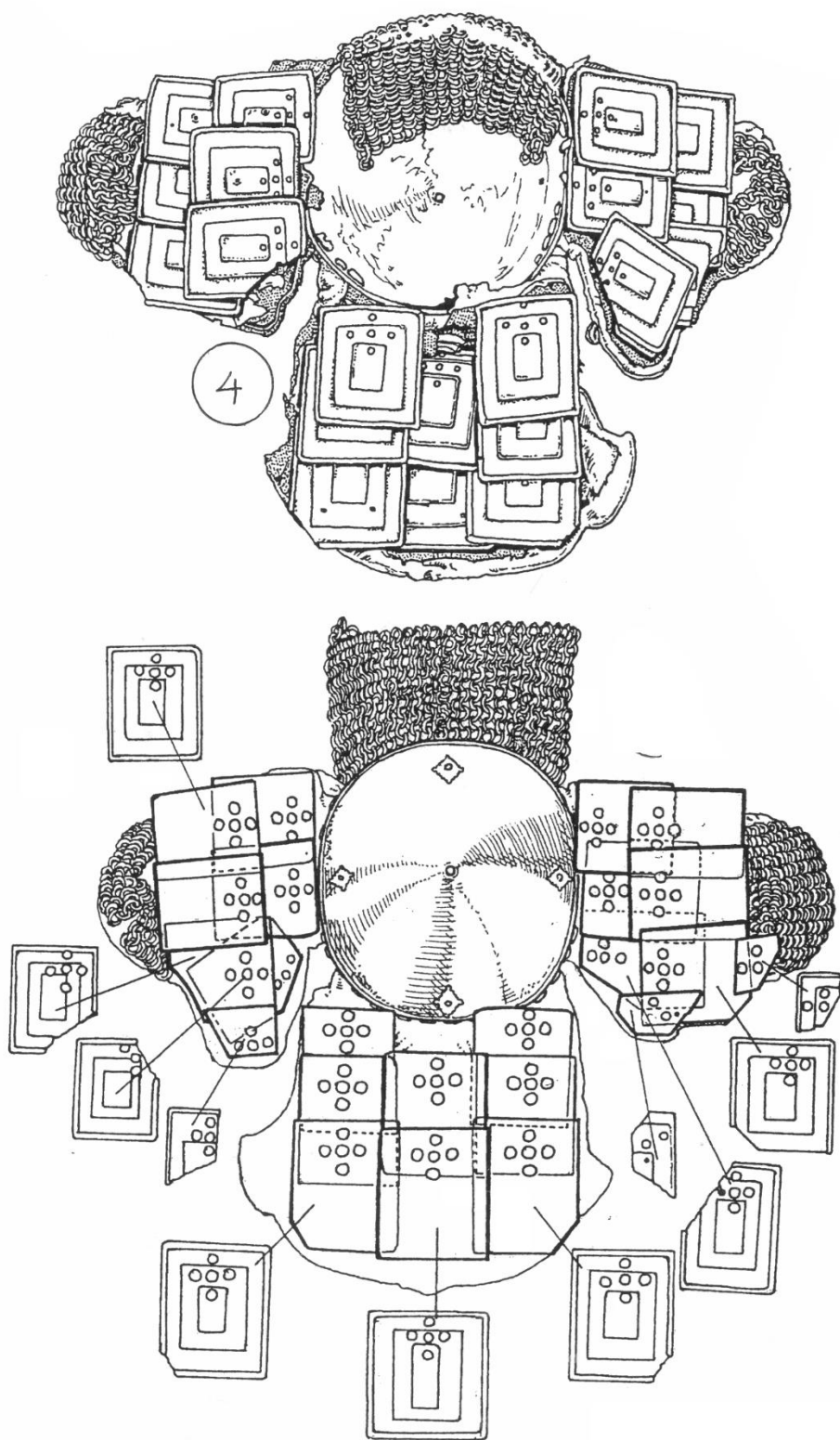

Рис. 67. Схема крепления пластин бармицы полусферического цельнокованного шлема. Прорисовка Л.А. Боброва.

Рис. 68. Кольчуга и шлем Илигея из Долматовского Успенского монастыря (хранятся в Свердловском областном краеведческом музее). Фото С.В. Прокудина-Горского, начало XX в.

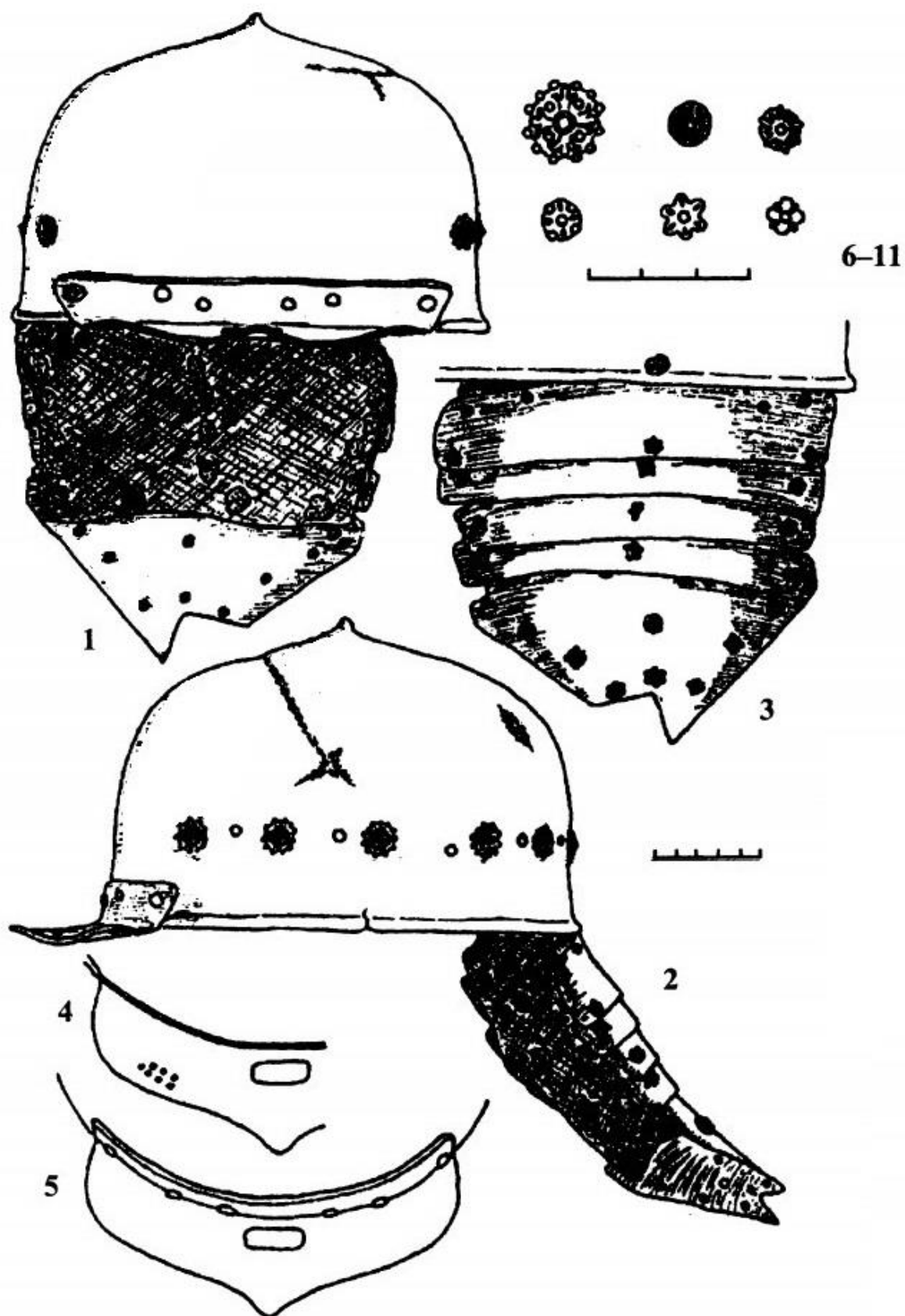

Рис. 69. Прорисовка шлема Илигея из статьи А.П. Зыкова и И.Л. Маньковой. 1 – вид спереди; 2 – вид сбоку; 3 – вид сзади; 4 – клеймо на козырьке.

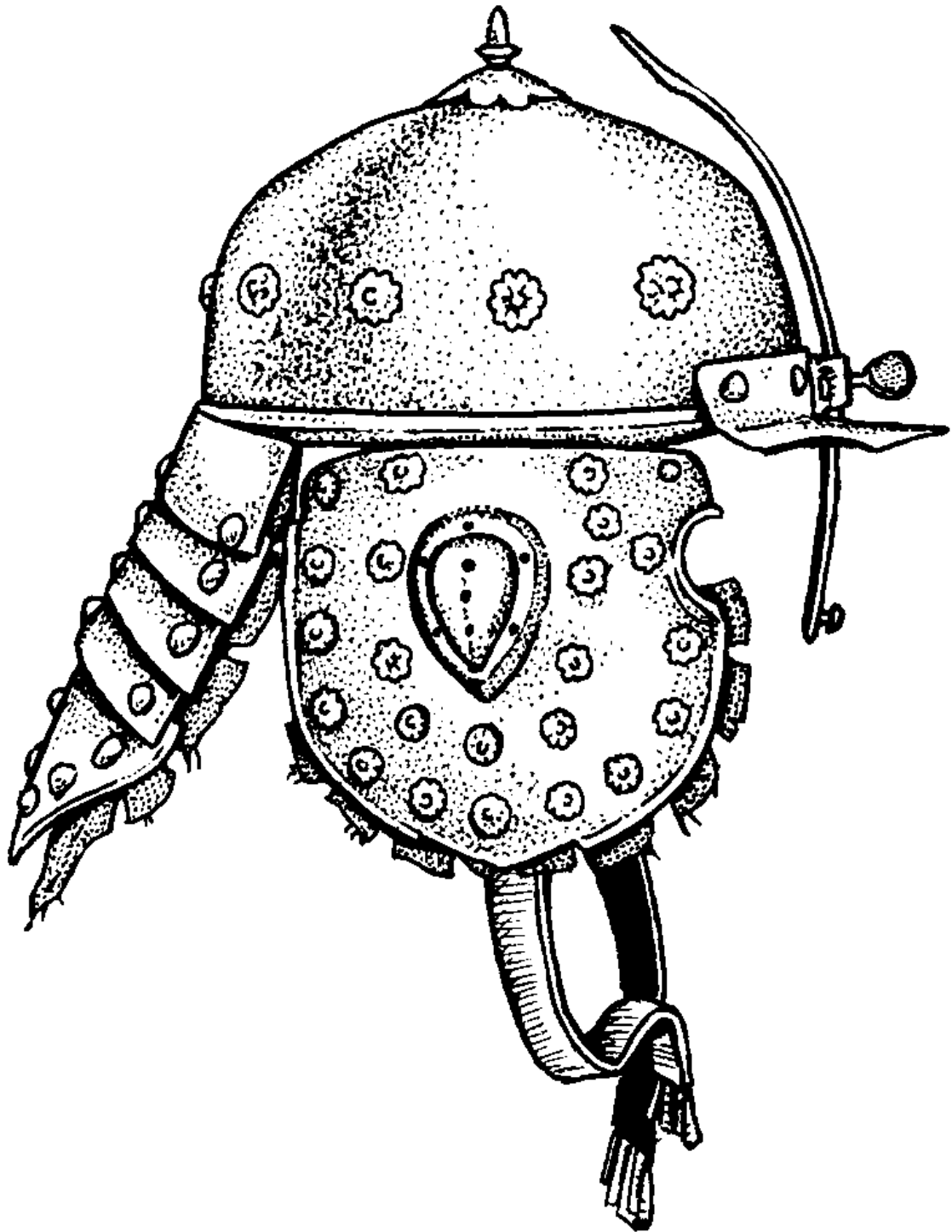

Рис. 70. Шлем Илигея. Реконструкция и рис. Л.А. Боброва.

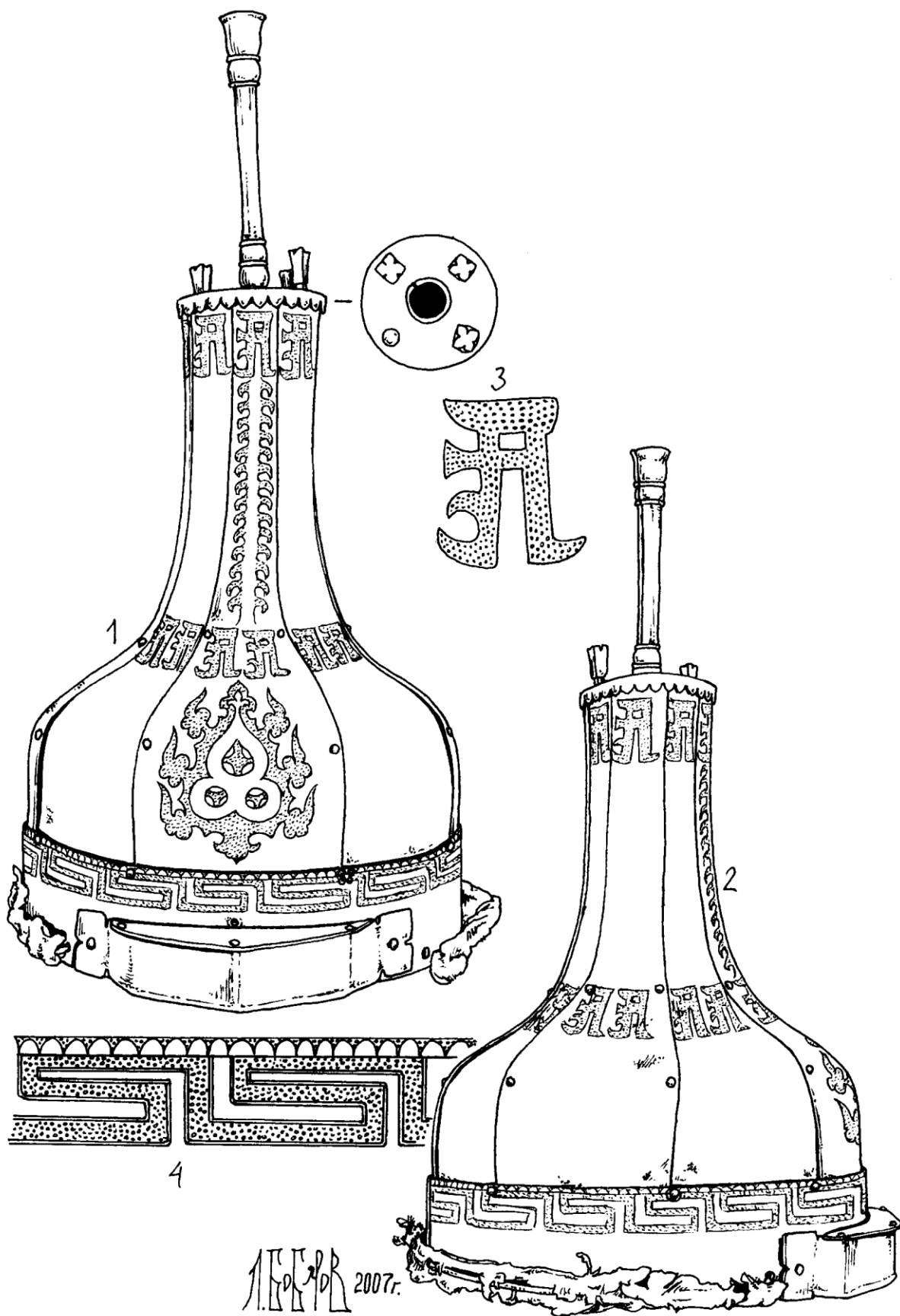

Рис. 71. Ойратский сфероцилиндрический клёпанный шлем №1 из ТГИАМЗ. Вид спереди и справа. Рис. Л.А. Боброва.

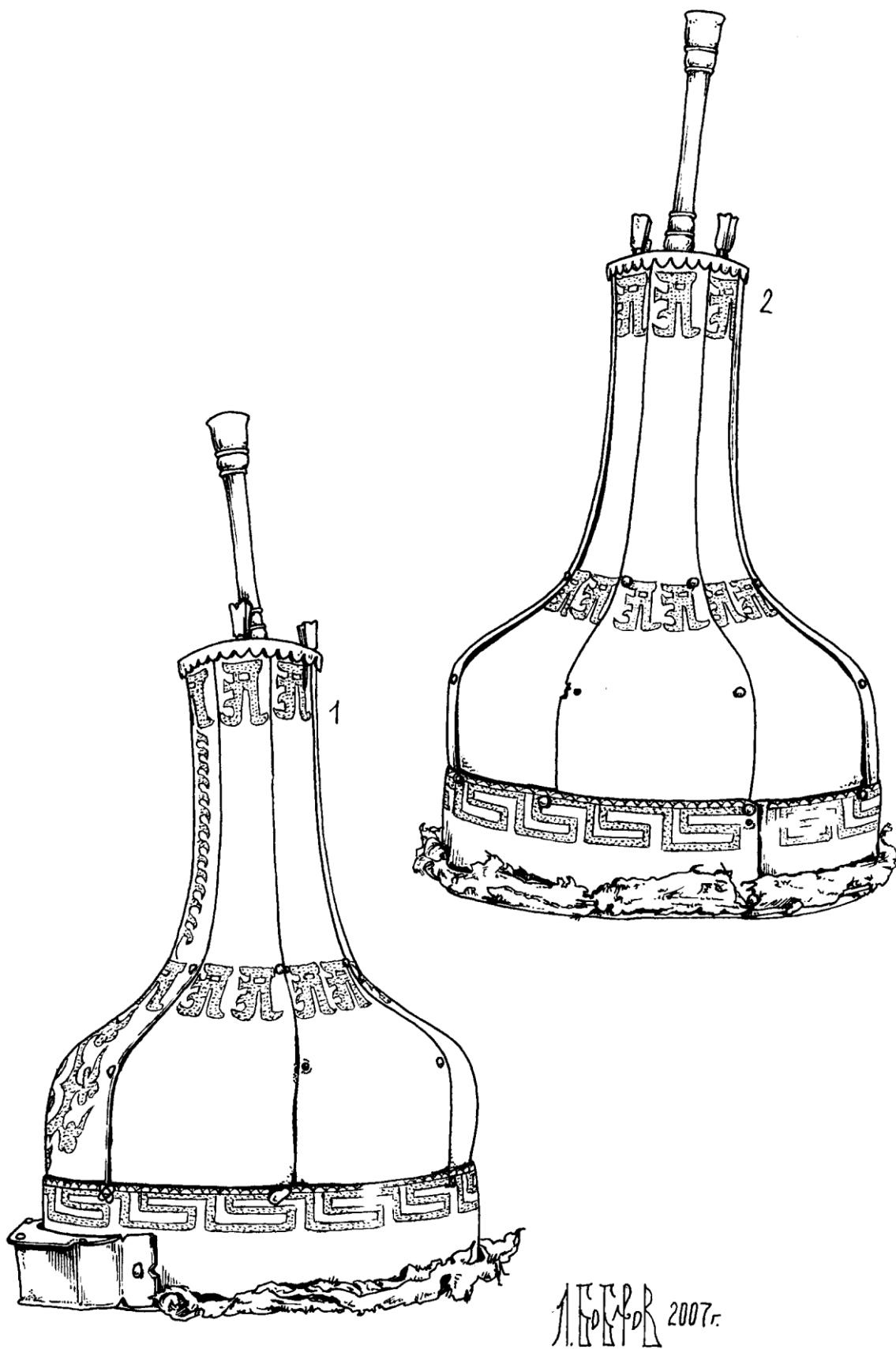

Рис. 72. Ойратский сфероцилиндрический клёпанный шлем №1 из ТГИАМЗ. Вид сзади и слева. Рис. Л.А. Боброва.

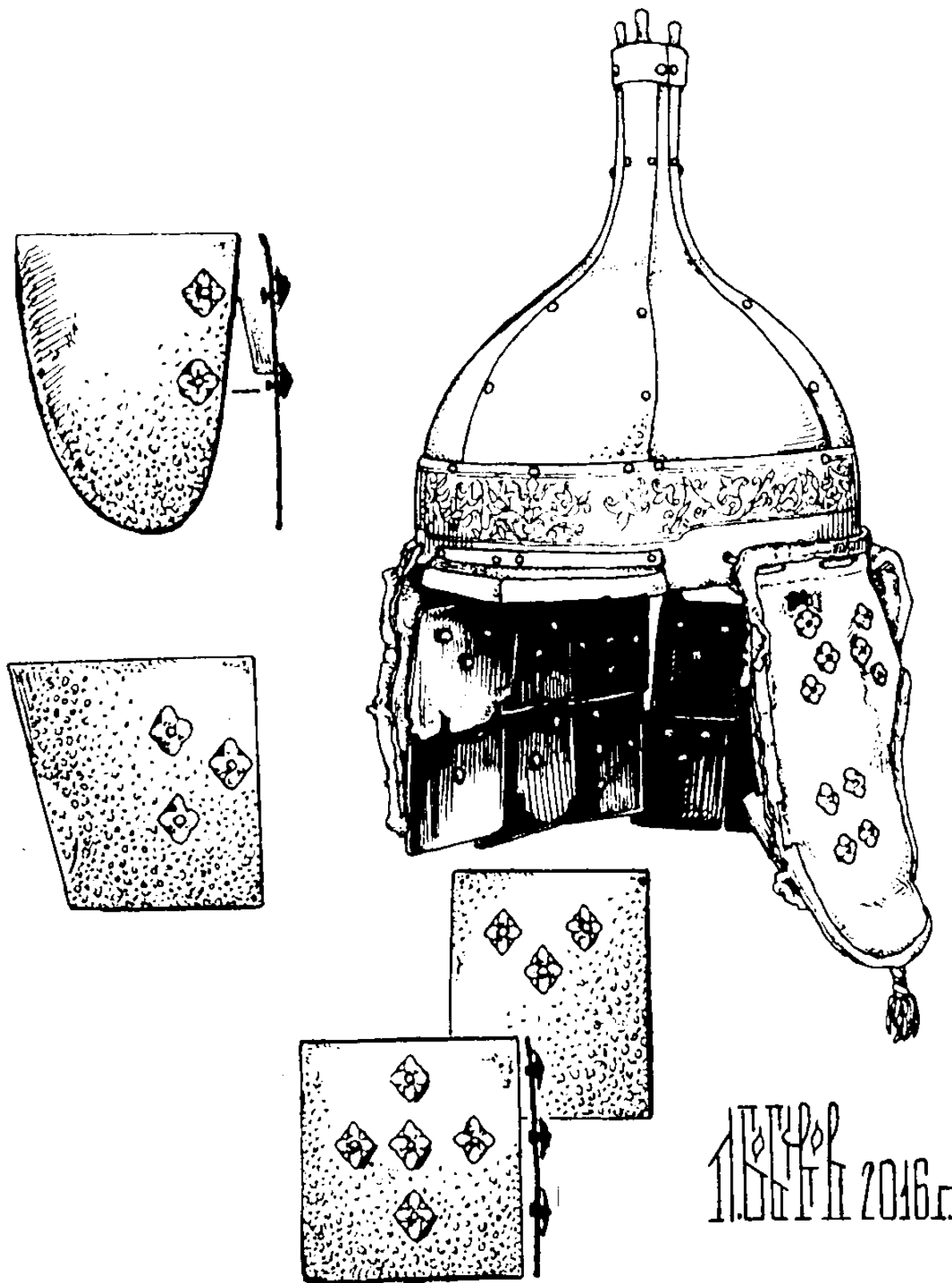

Рис. 73. Ойратский сфероцилиндрический клéпанный шлем №2 и пластины его бармицы. ТГИАМЗ. Рис. Л.А. Боброва.

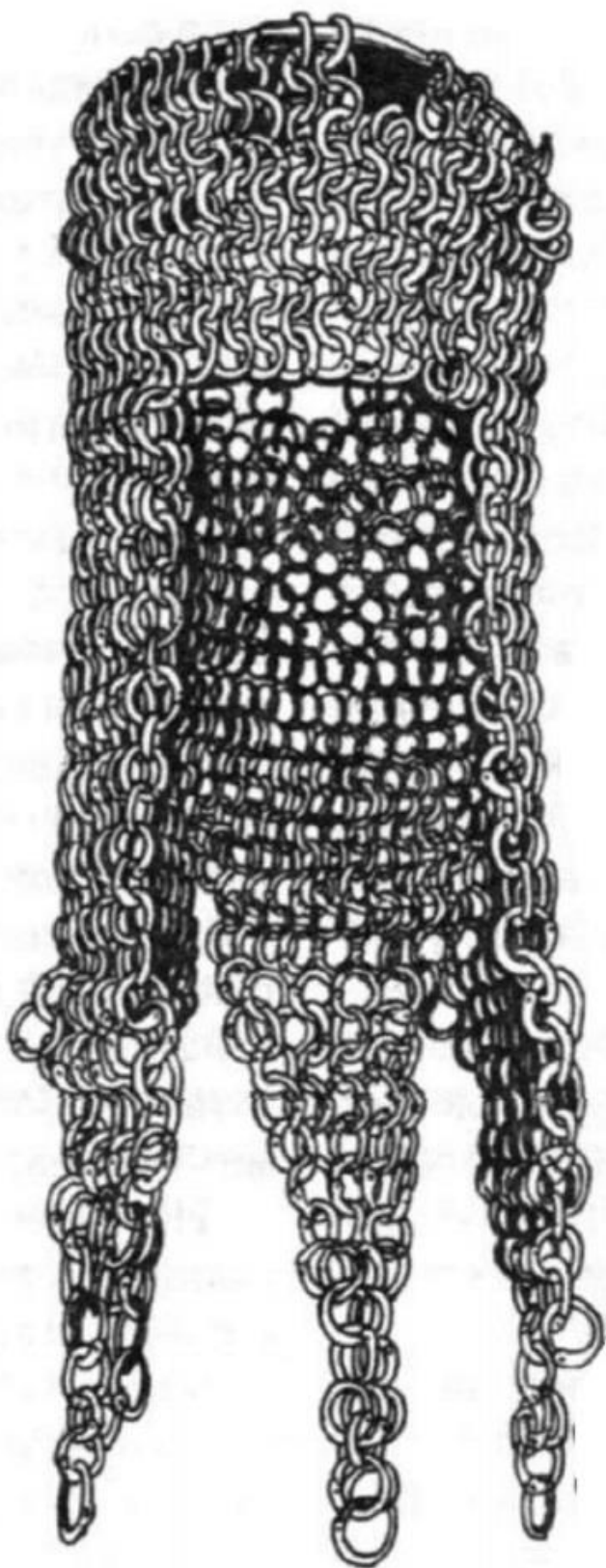

Рис. 74. Миссюрка из Омской области. ОГИКМ. Рис. Л.А. Боброва.

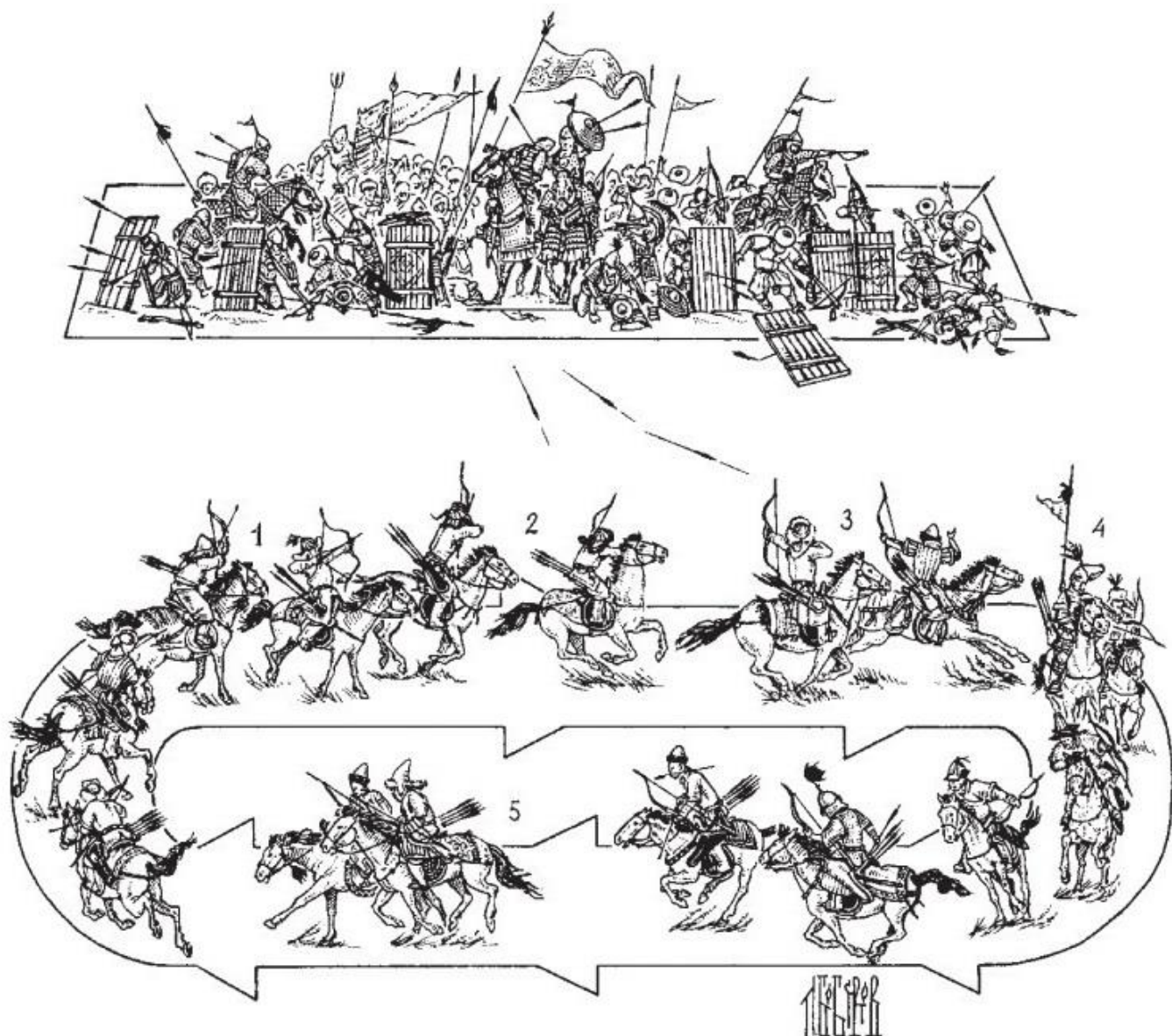

Рис. 75. «Хоровод» конных лучников. Реконструкция и рис. Л.А. Боброва.
 1 стрельба из положения влево-вперёд; 2 – стрельба из положения влево-вбок; 3 –
 стрельба из положения влево-назад; 4 – командир отряда лучников («вожатый» по
 Герберштейну) пресекает попытку нарушить строй; 5 – во время движения
 «хоровода» всадники поправляют снаряжение и достают стрелы.

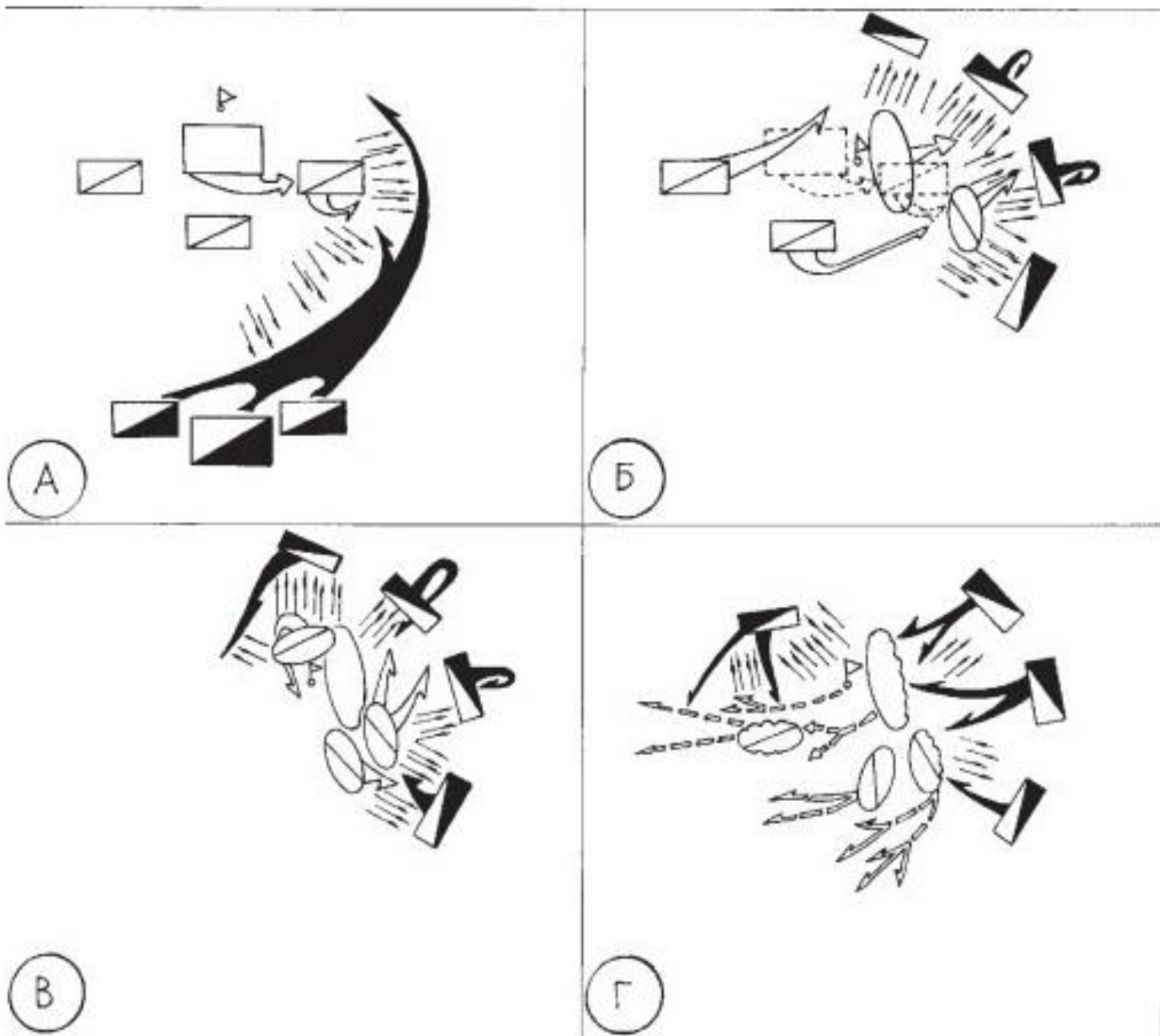

Рис. 76. Тактический приём «тулгaмa». Рис. Л.А. Боброва.

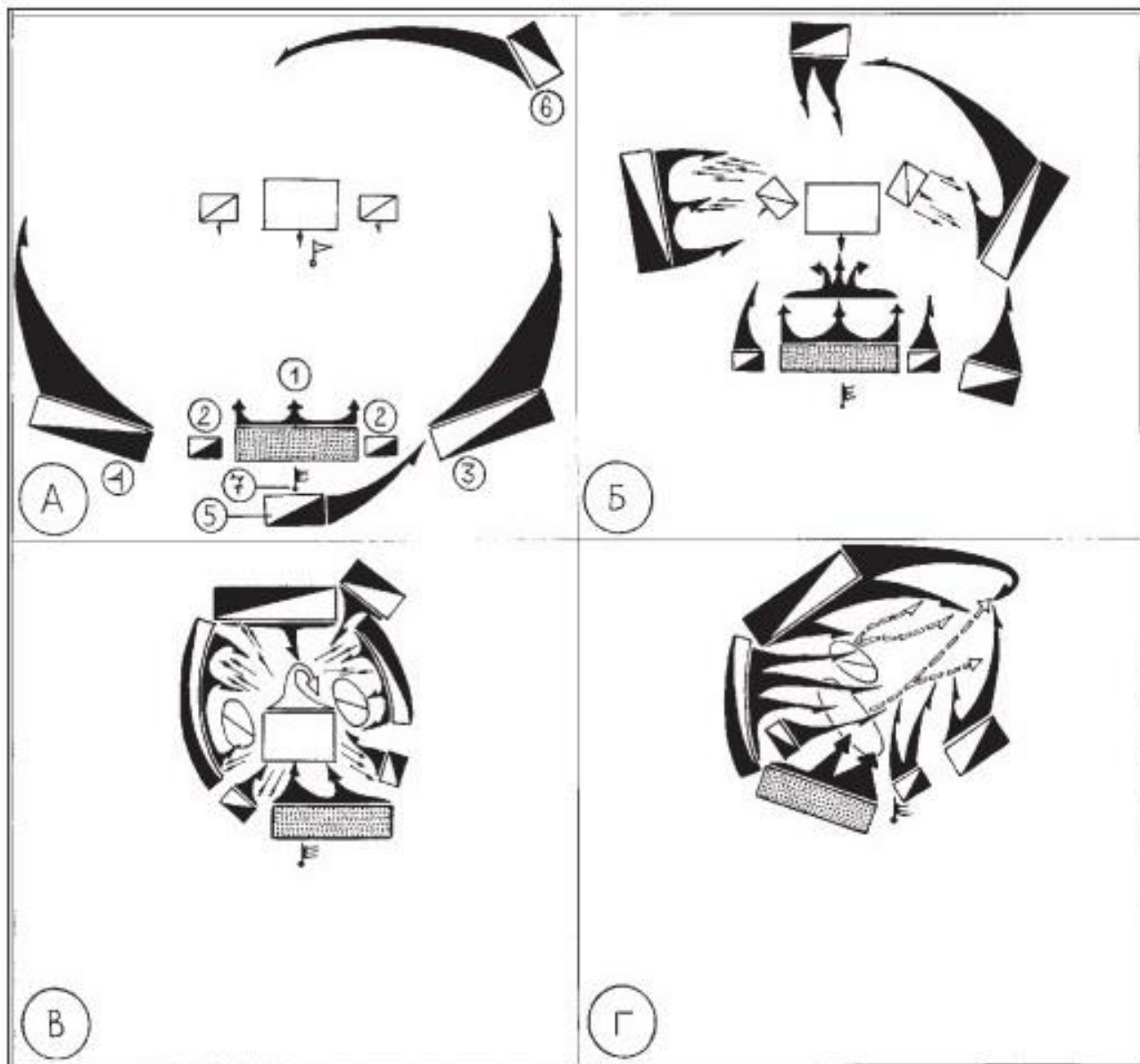

Рис. 77. Парная (двойная) «тулгaма». Рис. Л.А. Боброва.

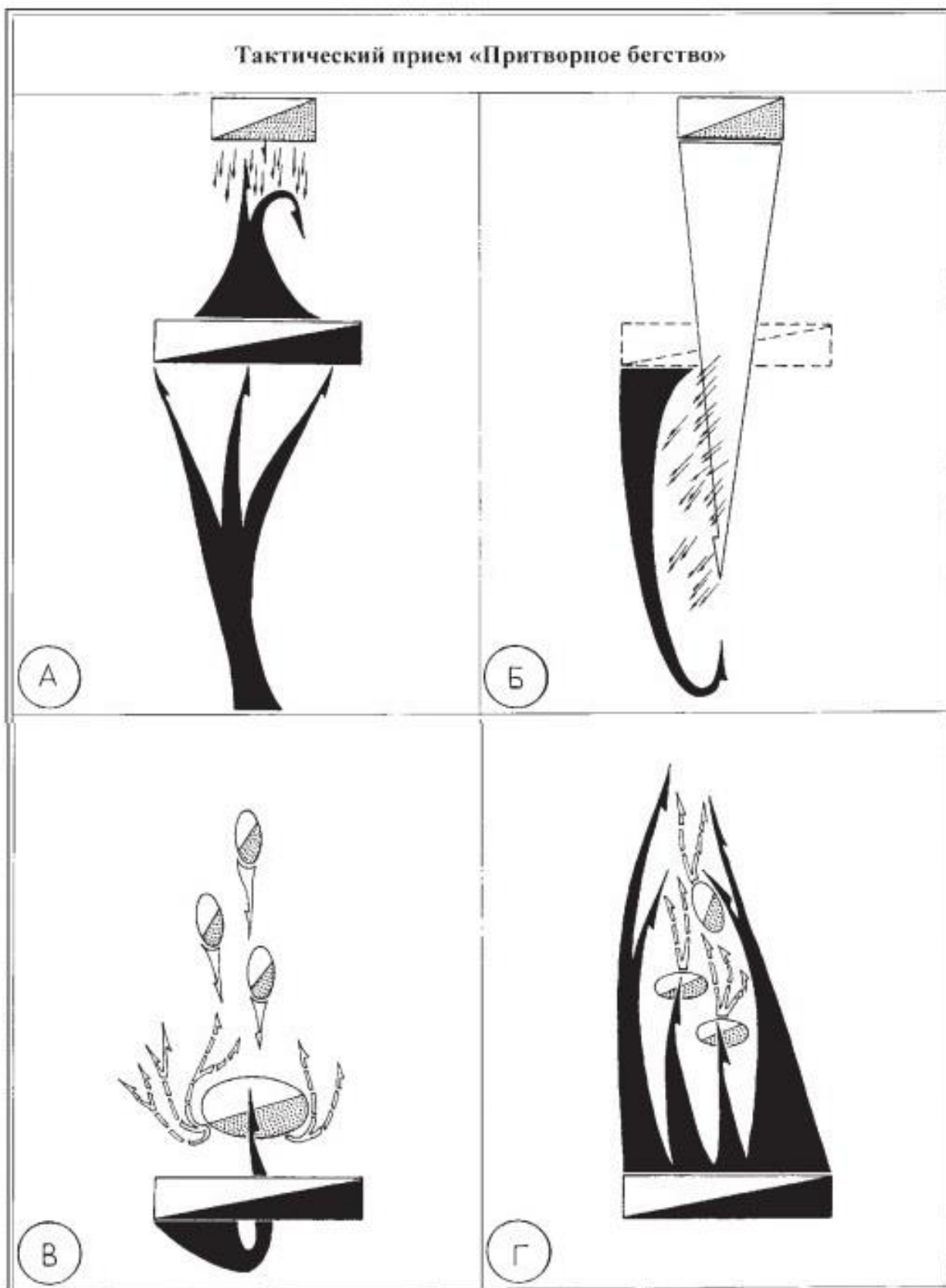

Рис. 78. Тактический приём «притворное бегство». Рис. Л.А. Боброва.

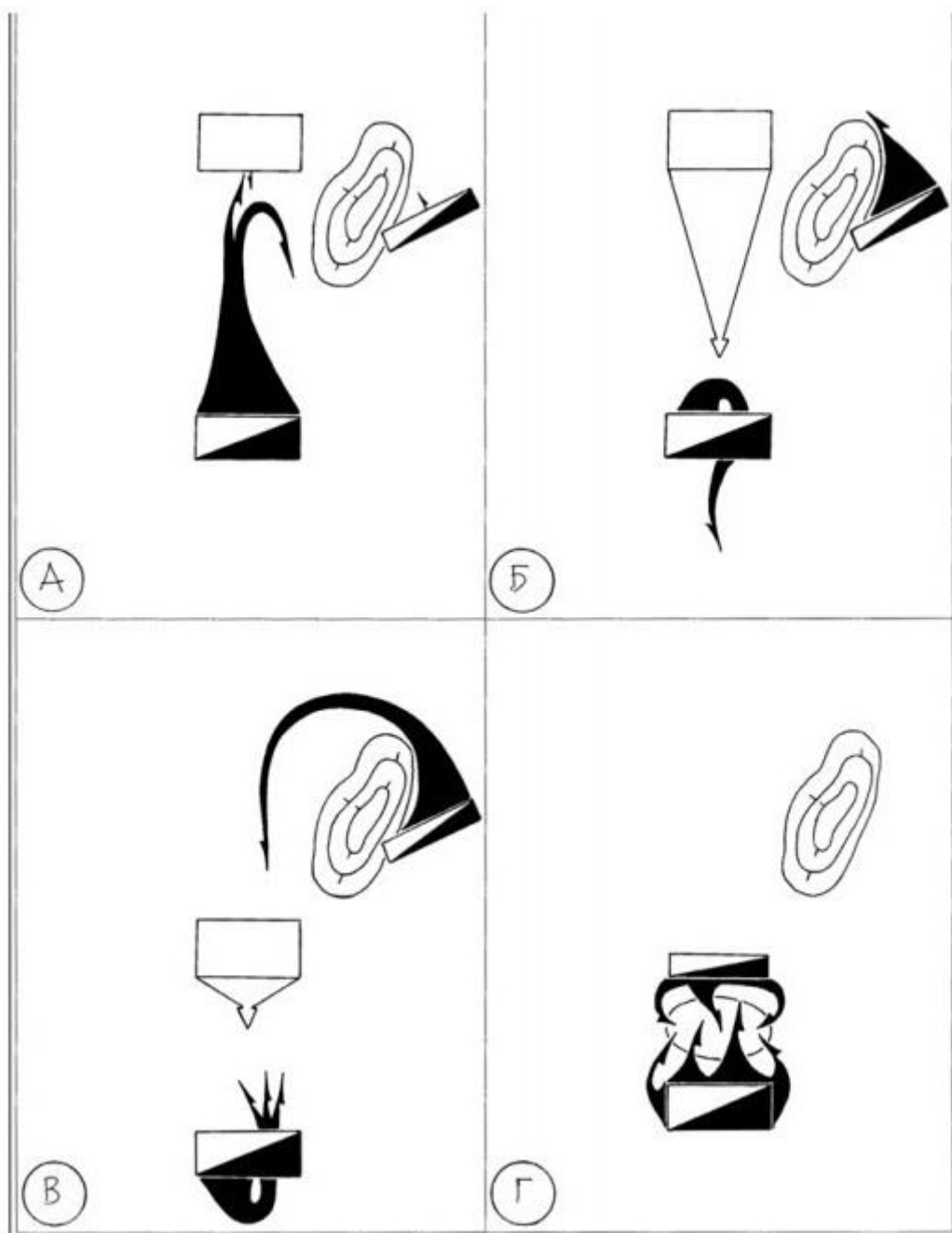

Рис. 79. Притворное бегство в комбинации с засадой (вариант «клещи»). Рис. Л.А. Боброва.

Рис. 80. Тулумбас. Музей истории оружия, г. Запорожье. Фото с сайта ru.wikipedia.org.

Рис. 81. Касимовские татары XVII в. Реконструкция и рис. М.В. Горелика.

Рис. 82. Пётр Урусов убивает Тушинского вора. Рис. М.В. Горелика.

Рис. 83. Реконструкция вооружения касимовских татар второй половины XV в. Реконструкция и рис. П. Васина.

Рис. 84. Реконструкция вооружения касимовских татар второй половины XV в.
Автор А.В. Красников.

Рис. 85. Служилый татарин второй половины XVI в. Реконструкция и рис. О.В. Фёдорова.

Рис. 86. Воины Сибирского ханства последней трети XVI в. Реконструкция и рис. Л.А. Боброва.

Рис. 87. Служилый татарин в тягеле, с саадаком и саблей, XVI в. Реконструкция Б.А. Июшина. Рисунок Е.А. Шерстнёва.

Рис. 88. Мурза служилых татар в кольчатом панцире, миссюрке, с саадаком и саблей, XVI в. Реконструкция Б.А. Июшина. Рисунок Е.А. Шерстнёва.

Рис. 89. Служилый татарин с саадаком и саблей, XVI в. Реконструкция Б.А. Июшина. Рисунок Е.А. Шерстнёва.

Рис. 90. Служилый Чингисид первой трети XVII в. Вооружение состоит из саадака, сабли, самопала, кольчатого панциря, шишака, поножей и наручей. Реконструкция Б.А. Июшина. Рисунок Е.А. Шерстнёва.

Рис. 91. Служилый татарин с саадаком и саблей, XVI–XVII вв. Реконструкция Б.А. Юшина. Рисунок Е.А. Шерстнёва.

Рис. 92. Служилый татарин из Западной Сибири. Наступательное вооружение состоит из пики, палаша и саадака. Защитное вооружение включает кюяк и сфероконический шлем с комбинированной бармицей. Реконструкция Б.А. Июшина. Рисунок Е.А. Шерстнёва.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЧИСЛЕННОСТЬ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVI – XVII вв.

Ниже приводятся подробные сведения о численности служилых татар как в отдельных походах, так и по сметам в «мирное» время. Для большей наглядности данные продублированы ниже в виде таблиц.

1. В Полоцкий поход лета 7071 (1562–1563 гг.) царь выступил с 60-тысячным войском, в котором татар было около 3500 чел.⁶⁹¹, т.е. около 10–12% (с учётом включения в их состав некоторого числа мордвинов и новокрещёнов). Численность территориальных групп татар дана в таблице.

2. В разрядах великого князя Симеона Бекбулатовича за 1580 г. даются некоторые цифры по служилым татарам под Псковом. Однако по документу затруднительно выяснить общую численность ратей.⁶⁹²

3. В первой полковой росписи ржевских воевод за 1581 г. отмечается очень высокий процент служилых татар. Из 7097 человек татар было 4523. В Передовом полку – 1625 человек, из которых татар – 1125, т.е. 69%. Из них «царёва двора» – 341, городецких – 388, «охочих» – 67 и 95, служилых – 134, бардаковских – 27, и ещё должны были вернуться из Можайска 73 чел. В полку Правой руки – 1519 человек, из них татар – 1010, т.е. две трети. Из этих татар царевича Будалея с братьями – 100, чебоксарских и кокшажских – 260, и должны подойти с Можайска 650 казанских и свияжских. В Передовом полку из 1500 человек 885 – татары, из которых романовских – 207, арзамасских – 500, 178 «охочих», т.е. более половины полка составляют татары. Из 1153 человек Сторожевого полка 657 – кадомские татары (к которым должны присоединиться ещё 19), 99 цненские и 153 «охочие» (включая 63 из цненских), т.е. 928 татар, или 80% состава. В полкулевой руки –

---

⁶⁹¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – С. 39–45; Беляков, А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование / А.В. Беляков. – Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – С. 195–196.

⁶⁹² Разряды похода великого князя Симеона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей (май 1580) // Сборник Московского Архива Министерства Юстиции / ред. Д. Антонов. – Т. VI. – М., 1914. – 610 с.

851 человек, из них 581 – темниковский татарин (уже имеющиеся, и должны подойти ещё 26), 98 – «охочих», всего 705 татар (82,3%). К ним также должны были прибыть с Москвы 200 ногайских татар и 247 астраханских татар и казаков.⁶⁹³

По второй полковой росписи летом того же года цифры несколько иные. В Большом полку – 1775 человек при прежней численности татар. В полку Правой руки – 1719 человек, из них 1036 – татары (татар Будадея на 10 больше, и на 16 больше в других группах). Передовой полк остался без изменений. В Сторожевом полку – 1218 человек, из них татар те же 928. В полкулевой руки 923 человека, из которых 705 татар. Таким образом, мы видим, что численность татар почти не изменилась: с 4623 до 4679 человек (из 7145).⁶⁹⁴ Позже предполагалось довести численность служилых во Ржеве до 7366 человек. Служилые татары в полках ржевских воевод составили, таким образом, почти 79,5%.

Таблица 1

Численность служилых татар в походах Ливонской войны

	Полоцкий поход	Псков 1580 г.	Ржев 1581 г.
Общая численность войска	Ок. 31 000	?	7145
Численность и процент татар	Свыше 3600* (свыше 10%)	Свыше 1000	4679 (79,5%)
Арзамасские			500
Бардаковские			100
Кадомские	825*	630*	678
Казанские и свияжские			650
Московских городов		300	
Новокрещены и татары из пятин		80	
Ногайские мурзы	16		
Ногайские казаки и выходцы из Крыма	244		
Ногайцы			200
Ногайцы Бекчюра	60		
«Охочие»			591
Романовские		200	207

⁶⁹³ Первая полковая роспись ржевских воевод (1581 г.) / ред. В.И. Буганов // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. – 1962. – С. 267–269.

⁶⁹⁴ Вторая полковая роспись ржевских воевод / ред. В.И. Буганов // Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. – 1962. – С. 269–270.

Сеитов полк (городецкие)	572		388
Служилые татары	600 + 150*		134
Темниковские	369		607
Царевича Будалея		120	110
Царевича Кайбулы	80		
Царёв полк			341
Цненские		120	99
Чебоксарские и кокшажские			260
Шигалеевы татары	688		

* Вместе с новокрещеными или мордвой.

Численность служилых татар в XVII в.

Значительно больше сведений по численности служилых татар дошло от XVII в. Ниже они приводятся также в виде выписок из источников и таблиц.

1. Поход против Лжедмитрия в 1604 г. Общая численность войска составила около 23618, из них татар 2109 (около 8,9%).⁶⁹⁵

2. Поход бояр и воевод к Новгороду в «7121 году» по какой-то причине записан ниже событий «7122 года». В общей сложности набралась рать в 5470 человек, среди которых 225 арзамасских татар и новокрещенов и 198 романовских татар.⁶⁹⁶

3. Летом 1614 г. под Смоленск была послана рать, насчитывавшая по официальным подсчётам 12375 человек (но при пересчёте у нас получилось 11995). Татар из них было около 1433, а ещё 150 упомянуты вместе с черкасами и казаками⁶⁹⁷. При округлении получаем около 12% татар от общей численности. Позже ("на прибавку под Смоленск") с Москвы и Боровска были посланы ещё 1993 человека, включая 20 юртовских татар (1%).⁶⁹⁸

4. В "7122-го году февраля в 6 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал быть на своей государеве службе в Литовской земле". Общая численность войска – 7167 человек. Из них черемисов, чувашей, тарханов и

⁶⁹⁵ Роспись войск против самозванца в 1604 г. / А.Л. Станиславский // Труды по истории государева двора в России XVI—XVII вв. – М.: РГГУ, 2004. – С. 366–420.

⁶⁹⁶ Разрядная книга 1613–1614 гг. / ред. В.И. Буганов // Разрядные книги 1598–1638 гг. – М.: Институт истории СССР, 1974. – С. 261–263.

⁶⁹⁷ Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 254–256.

⁶⁹⁸ Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 259–260.

татар – 6575, а татар – 880 (12,2%).⁶⁹⁹ "Того же году государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал быти в конной рати на Алатаре и промышлять над Зарутцким стольнику и воеводам князю Юрию Яншину Сулешову да князь Миките княж Петрову сыну Борятинскому". Около 1719 человек, из которых татар только 20 (бардаковских), гораздо больше мордвы. «Того же году государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал быти на украине для приходу крымских и нагайских людей воеводам по полкем без мест, а с ними людем». ⁷⁰⁰ Отмечено 5167 человек, в число которых вошли также 20 бардаковских татар. Возможно, что это были другие татары.

Таблица 2

Численность служилых татар в походах 1604 и 1613–1615 гг.

	1. 1604 г.	2. к Новгороду 1613 г.	3. Смоленск 1614 г.	4. походы 1614 (7122) г.
Численность войска	23618	5470	12375	7167
Численность татар и их процент в войске	2109 (8,9%)	423 (7,7%)	1433+ (12%)	880 (12,2%)
Алатырские	77			230
Арзамасские	79	225*		
Арсланалеевы татары	28			
Бардаковские	31			20 (40?)
Кадомские	542			
Казанские				312*
Касимовские	450		523	
Московского уезда	93		126*	
Мурзы			17	
Ногайские	213			
Романовские		198		
Свияжские				210
Сибирские царевичи			2	
Темниковские	537		382	
Цивильские				72
Цненские	59		87	
Чебоксарские				56
Юртовские			68+20	

5. 14 июня 7123 года (1615 г.) «Того ж году июня в 14 день государь царь и великий князь Михайло Федорович ... указал итти на Лисовскаго и на полских и

⁶⁹⁹ Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 265–266.

⁷⁰⁰ Разрядная книга 1613–1614 гг. ... С. 277–278.

на литовских людей и Брянску помогать боярину и воеводам князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому да Степану Иванову сыну Исленьеву да диаку Семому Заборовскому...». Войско насчитывало 14093 человека, из них татар – 1886, а также 452 человека смешанных групп (новокрещены и татары, иногда сотники и тарханы).⁷⁰¹ В этой рати татары определённо составляли более 13,47%, но и менее 16,7%. Если учесть повторяющееся в конце упоминание курмышских и ценских татар (121 и 83 человека соответственно), то можно прибавить ещё 204 к численности татар, что несколько изменит общую картину (не менее 2090 татар на 14298 человек).

6. «И августа в 20 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал итти во Псков боярину и воеводе Федору Ивановичу Шереметеву да стольнику князю Василью княж Петрову сыну Черкасскому да дьяку Четаю Оботурову». ⁷⁰² Всего было 4802 человек, из них татар – 1318 (27,4%).

7. «Августа в 30 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал, по псковским вестем, что свийской король идет подо Псков, послать во Псков воеводу Ивана Иванова Дмитриева сына Плещеева да стольника Сергея Степанова сына Собакина да голову Афонася Юрьева сына Кукарина». ⁷⁰³ Всего 344 человека, из них татар – 80 (около 24%).

8. Против поляков Лисовского в 1615 г. (7124 г.) были отправлены рати под руководством Михаила Борятинского, насчитывавшие 1968 человек. Из них 63 казанских мурзы и татар и 120 новокрещенов и татар московских городов. Всего – 183 чел. (менее 9%).⁷⁰⁴

9. Рати против литовцев и поляков собирались и в других городах. В Ярославле было собрано 2105 человек (включая 602 иноземцев), где татар было 61 человек, т.е. всего 2,89%.⁷⁰⁵

---

⁷⁰¹ Разрядная книга 7123 года // Временник общества истории и древностей российских. – Книга 1. – М., 1849. – С.31–34.

⁷⁰² Разрядная книга 7123 года... С. 45.

⁷⁰³ Разрядная книга 7123 года... С. 41–42.

⁷⁰⁴ Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. – Книга 2. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 6.

⁷⁰⁵ Разрядная книга 7124 года... С. 5–12.

10. В Муроме⁷⁰⁶ против того же Лисовского должны были собраться рати, состоявшие большей частью из татар: 1506 татар на 1778 человек (84,7%). На Рязани же для сбережения от Лисовского должны были быть готовы 1784 человека, из которых бардаковских татар 40 (2,24%).

11. «Того ж году государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал быти на Тихвине для своего государева дела и земскаго на съезде с неметцкими послы с Яковом Пунтосовым с товарищи послом окольникему князю Данилу Ивановичу Мезетцкому, да Алексею Зюзину да дьяком Миколаю Новокщонову да Добрыне Семенову».⁷⁰⁷ Для «убереганья послов» их должны были сопровождать в общей сложности около 1900 человек. Причём сперва был собран отряд в 886, из которого татар только четверо, а затем направлены дополнительно 1018 человек, включая 110 романовских, 3 новгородских татар и 24 суюшмурзинских (т.е. 7,4%).

В то же время ещё раньше под Смоленск были направлены относительно крупные контингенты (в общей сложности 4–6 тыс. человек), вообще не включавшие служилых татар. Также почти не было татар (4 человека) в контингентах, собранных в том году против «заворовавших» казанских татар и марийцев, а также против ногаев и крымцев (46 бардаковских татар).⁷⁰⁸

12. «Июля в 1 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал итти воевать Литовскую землю воеводам князю Михайлу князю Конаеву сыну Тинбаеву, да Миките Порамонову Лихареву». В этом войске, общая численность которого не указывается, должны были находиться 88 новокрещёных и татар московских городов, 103 касимовских татарина царева двора и Сеитова полка, 49 кадомских, 30 цненских, 62 арзамасских и 490 юртовских татар.⁷⁰⁹

Ниже в книге идёт перечисление всех служилых людей на литовской границе, и среди приблизительно 25 тысяч человек служилых татар только 45 (40

---

⁷⁰⁶ Разрядная книга 7124 года... С. 13–14.

⁷⁰⁷ Разрядная книга 7124 года // Временник общества истории и древностей российских. – Книга 2. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 20.

⁷⁰⁸ Разрядная книга 7124 года... С.21–22.

⁷⁰⁹ Разрядная книга 7124 года... С. 55–56.

бардаковцев в Переславле Рязанском и 5 на Устюжне Железнопольской).⁷¹⁰ В северских и «польских» городах среди 11 тысяч служилых татары не значатся.⁷¹¹

Таблица 2 (продолжение)

Численность служилых татар в походах 1604 и 1613–1615 гг.

Группы служилых татар	5. Походы 7123 г. (1613/1614)	6. Поход Шереметьева к Пскову в 1614 г.	7. Выдвижение дополнительных сил к Пскову	8. Против Лисовского в 1615 г. с М. Борятинским
Численность войска	14093–14298	4802	334	1968
Численность и процент татар	1886–2090 (13,4–14,6%)	1318 (27,4%)	80 (около 24%)	183* (менее 9%)
Алатырские	230	276		
Арзамасские		228		
Боровские	113*			
Кадомские	289	289		
Казанские				63
Калужские	42*			
Касимовские	433			
Каширинские	37*			
Коломенские	67*			
Курмышские	120			
Московского уезда	36*			120*
Новгородские			26*	
Романовские		20		
Свияжские	297			12***
Серпуховские	26*			
Темниковские	430	430		
Цивильские	62*			
Цненские	60			
Чебоксарские	51*			
Юртовские ногаи	27	75	3+51**	
Яранские	18*			

* С новокрещеными

** "Юртовских татар 3 (ч), табунных голов 51 (ч) татар", но ниже "Новгородских новокрещенов и татар 26 (ч), и обоего юртовских и новгородских 79".

*** И 60 "их людей".

Таблица 2 (окончание)

Численность служилых татар в походах 1604 и 1613–1615 гг.

Группы служилых татар	9. Дополнительные силы из Ярославля	10. Сбор в Муроме против Лисовского в	11. Силы для «оберегания послов»	12. Поход против

⁷¹⁰ Разрядная книга 7124 года... С. 59-71.

⁷¹¹ Разрядная книга 7124 года... С. 72-75.

	против Лисовского	1615 г.		Литовской земли в 1615 г.
Численность войска	2105	1778	1904	?
Численность и процент татар	61 (2,89%)	1506 (84,7%)*	141 (7,4%)	822*
Алатырские		254		
Арзамасские		228		62
Бардаковские		40	46	
Кадомские				49
Касимовские		433		103
Курмышские		121*		
Московск. уезда				88*
Новгородские			3	
... мурзы	9			
Романовские			110	
... мурзы	2			
Суюш-мурзы			24	
Темниковские		387		
Цненские		83		30
Юртовские ногаи				490
Даточные люди касимовского царя	20			
... сибирского	10			
... сибирских царевичей	20			

* С новокрещеными

13. Для оберегания от ногайцев на Москве были собраны служилые в числе около 3500 человек, из них татар – 149, или 4,2%.

14. В сентябре 1616 г. (новый 7125 год) ко Пскову против «немецких людей» была отправлена рать из 2219 человек, из которых татар – 739 человек⁷¹², т.е. 33%. В следующем месяце те же татары вместе со 133 татарами и новокрещёнными Московских городов оказываются в ратях, направленных против Гонсевского, и насчитывающих примерно 3600 человек⁷¹³ (872 татарина составляли около 24%). Ниже (за январь) отмечается контингент из 154 романовских ногайцев.⁷¹⁴

⁷¹² Разрядная книга 7125 года // Временник императорского общества истории и древностей российских, Книга 3. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 1–2.

⁷¹³ Разрядная книга 7125 года... С. 8.

⁷¹⁴ Разрядная книга 7125 года... С. 13.

Отмечается и такая группа, как серпуховские новокрещёны и татары (20 человек).⁷¹⁵

Таким образом, в четырёх разрядных книгах за четыре года после Смуты упоминаются в разное время от 3038 до 3340 служилых татар без учёта групп, включавших и новокрещёнов. Вместе с такими группами получается 4186 человек. Сравнивать с данными на 1604 г. не корректно, т.к. там расписан контингент для одного похода, а не десяти. Однако некоторые особенности нужно отметить. Если в 1604 г. кадомских татар отмечено 542 человека, то в последующие годы это число значительно ниже – 289. То же самое можно сказать о темниковских татарах – численность их сократилось с 537 до 382–430 человек. В 1613–1616 гг. числилось алатырских татар – 230–254, арзамасских – 228, бардаковских – 20–46, боровских новокрещёнов и татар – 113, кадомских – 289, казанских новокрещёнов и татар – 312 (татар – 63), касимовских татар – 433–523, курмышских – 120–121, новокрещёнов и татар московского уезда – 126–133, мурз – 9–17, новгородских татар – 3, татар и новокрещёнов – 26, ногайских татар – 213, романовских – 110–198, свияжских – 210–297, серпуховских татар и новокрещёнов – 26, сибирских царевичей – 2, сююшмурзиных татар – 24, темниковских – 382–430, цивильских – 72, цненских – 60–87, чебоксарских – 56, юртовских – 490, новокрещёнов и татар Коломны – 67, Калуги – 42, Каширы – 37, Яранска – 18.

Эти данные можно сравнить со сметой служилых людей 1630/1631 гг. (в центральной колонке для сравнения приведены данные за 1613–1617 гг.).

15. Представление о численности служилых татар к началу 1630-х гг. даёт сметный список служилых людей Московского царства от 7139 г. (1630/1631 г.).⁷¹⁶ Недостатком является отсутствие сведений о численности боевых холопов. Всего составители насчитали 66690 служилых людей – видимо, без учёта пушкарей и некоторых других категорий, т.к. при пересчёте у нас вышло около 86 тысяч с учётом пушкарей, кузнецов, начальных людей и примерно высчитанных людей с

---

⁷¹⁵ Разрядная книга 7125 года... С. 42.

⁷¹⁶ Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – М.: Университетская типография, 1849.

ясачного населения (по человеку с трёх дворов). Из них служилых татар 2546 человек, в смешанных группах (с новокрещенами, куда теперь отнесены также казанские и свияжские) – 889, а также 2923 "федерата" из астраханских ногайцев. Всего – менее 6358 человек (7,39% от численности войска, или около 15,5% от численности конницы).

Странным выглядят при этом подсчёты А.В. Чернова: число "всех ратных людей" составляло в 1630 г. 92555 человек. Кроме того, были еще холопы, которых насчитывалось (преимущественно у думных и московских чинов) до 10 тыс. человек. Из 92555 человек дворян и детей боярских было 27433 (30%), стрельцов — 28130 (30,5%), казаков — 11192 (12%), пушкарей и пр. — 4316 (4,5%), иноземцев и черкас (украинцев) — 2783 (3%), татар — 10208 (11%), чуваш, мордвы и др. — 8493 (9%)».⁷¹⁷

Как видим, почти вдвое выросла численность алатырских служилых татар, исчезли бардаковские татары, снизилась численность касимовских татар, меньше стало и темниковских татар. Общая численность (с учётом новокрещёнов и без них) несколько сократилась с 3038–3340 до 2546–3435 человек (и без учёта новых ногайских федератов).

16. Служилых татар в 1651 г. по смете⁷¹⁸ насчитывается минимум 3994 человека (без учёта смешанных групп, в которых около 828 человек, всего – 4822). У А.В. Чернова опять же получается очень много в абсолютном исчислении – 9113⁷¹⁹ (считать их вместе с новокрещёнами неверно, но и так не выходит 9 тыс., т.к. новокрещёнов – 385 человек, в смешанных группа ещё 828 человек). Общая численность служилых людей по смете – около 133 тысяч, а татары составляют минимум 3%, с учётом смешанных групп – менее 3,6%. И это без учёта боевых холопов. Процент татар в вооружённых силах, таким образом, заметно снизился при увеличении общей численности как татар, так и всего войска. Только в

---

⁷¹⁷ Сметный список 7139 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – Кн. 4. – М.: Университетская типография, 1849. – С. 130.

⁷¹⁸ «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. – М., 1989.

⁷¹⁹ Чернов, А.В. Вооружённые силы Русского государства в XV-XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I) / А.В. Чернов. – М.: Институт истории СССР, 1954. – С. 167.

гарнизонах крупнейших сибирских городов процент татар был в тот период значителен: 9,5% в Томске, 12% в Тюмени и 20% в Тобольске.⁷²⁰ Также много татар было «на Корсуни и по корсунской засеке и в городках и в острогах у крепостей», против уральских и прикаспийских ногаев: из 1802 служилых людей татар в них – 1037, т.е. больше половины (причём в Сокольском и Тальском острогах числятся только татары).⁷²¹

17. По сметам 1662–1663 гг. военные силы Московского государства, по А.В. Чернову, составляли менее 100 тысяч, но без учёта стрельцов. Процент татар он не привёл, хотя в источнике всё ещё их чётко выделяют из других групп служилых и разделяют по территориальным группам, которые заметно отличаются по численности от предыдущих смет. Мы насчитали не менее 2942 татар, что составляет менее 3%. Наблюдается дальнейшее сокращение процента служилых татар при заметных изменениях в их территориальном распределении (появление новых мест службы, где отмечаются десятки, а иногда и сотни татар, при сокращении численности старых групп может объясняться переводом на новое место службы и проживания).

Таблица 3

Численность служилых татар в 1613–1617 гг. и по сметам 1631, 1651, 1663 гг.

	13. Для оберегания от ногайцев 1615 г.	14. Против немцев в 1616 г.	Общая численность за 1613–1617 гг.	15. Сметный список 1630/1631	16. Смета 1651 г.	17. Сметы 1662– 1663 гг.
Алатырские		115	230–254	420	706	323
Арзамасские		84	228	210	230	47
Астраханские юртовские татары (ногаи)			см. юртовские	не менее 2923		не менее 500
Бардаковские			20–46			
Боровские	20		113*	87*	89* (-3)	
Кадомские		115	289	250	252	101
Казанские			312*	275*	370*	799
Калужские	19		42*	28*	31*	

⁷²⁰ Сметный список» военных сил России 1651 г... С. 30–32.

⁷²¹ «Сметный список» военных сил России 1651 г... С. 29.

Касимовские		200	433–523	409	456	182
Касимовские кормовые				9		
Каширинские			37*		19*	
Коломенские			67*	72*	98*	
"Корсунская засака"					1037	
Космо- демьянские						16
Курмышские		60	121	124	170	48
Малого Ярославца				5*	9*	
Московского уезда		133*	126–133*	68*	71* (-5)	
В Нижнем Новгороде крымские				7		
Новгородские			3			
Ногайские			213			
Мурзы			9–17	1	1	
Переславля- Залесского				4* 1		
Романовские		154	110–198	227	54+36	57
... мурзы				2		
Саратовские новокрещены и «бусурмане»				114*		
Свияжские			210–297	205*		286
Серпуховские	10	20*	26*	31*	35*	
Симбирского уезда						375
Служилые татары				13		
Станичные				11		
Сургутские				1		
Татары Суюш- мурзы			24	см. романовские		
Тарский острог				14		
Темниковские		150	382–430	386	418	149
Тобольские				260	250	
Томские чатские и тулуманские				70		
Томские юртовские				50	80	
Тюменские				76	108	
Уфимские				3	4	
Царевичи			2	4		
Цивильские			72		21	
Цненские			60–87			

Чебоксарские			56		61	31
Шацкие		15		74	104	28
Юртовские ногаи	100		490			
Яранские			18*			
Ярославские					106*+3	

* Вместе с новокрещёнными.

Боровские: из них 3 в рейтарах (т.е. минус 3 чел.).

Казань: это помимо 337 новокрещёнов в 1662 – 1663 гг.

Корсунская засека включала несколько пограничных городков и острогов: Корсунов (мурз и татар 272 чел.), Аргаш (443 чел.), Сурнский (91 чел.), Сокольский (101 чел.), Тальский (130 чел.).

Московского уезда: из них 5 в рейтарах (т.е. минус 5 чел.).

Романовские: «романовских новокрещёнов 57. Романовских ж татар Сюиш мурзы половины Исупова 54. Хан-мурзы Кутумова 36».

Тобольские: отмечены 265 их родственников и захребетников и 17 новокрещёнов.

Тюменские: включают также 5 новокрещёнов.

Таблица 4

Численность служилых татар в крупнейших городах Сибири в XVII в. (по З.А. Тычинских⁷²²)

	Тобольск окрестности	и Тюмень	Тара
Начало XVII в.	261 (200*)	117 (106*)	57 (57*)
Середина XVII в.	250 (200*)	108 (105*)	45
Конец XVII в.	263 (100*)	119 (105*)	65/57 или 84

* Захребетники

⁷²² Тычинских, З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Тычинских Зайтуна Аптрашитовна. – Казань, 2007. – С. 119.